

**ЭТНИЧЕСКИЙ
АТЛАС
УЗБЕКИСТАНА**

Подготовка и издание данного сборника стали возможными
благодаря гранту, выделенному Институтом
“Открытое Общество” — Фонд содействия — Узбекистан

Ответственный редактор — Алишер Ильхамов
Заместитель ответственного редактора — Людмила Жукова

Редактор — Надежда Щетинина

Руководитель гранта — Шила Марни
Ответственный секретарь — Арустан Жолдасов
Рецензенты — академик АН Узбекистана Юрий Буряков, Александр Джумаев
Художественный редактор — Ольга Жолдасова
Дизайнер электронной версии — Амандос Жолдасов

Этнический атлас Узбекистана.

© Институт “Открытое Общество” — Фонд содействия — Узбекистан, 2002.
452 страницы с иллюстрациями. Совместное издание «ООФС — Узбекистан»
и ЛИА <Р. Элинина>, 2002.

В настоящем сборнике представлены авторские статьи по национальностям и этническим группам, населяющим современный Узбекистан, описывается их этногенез, история заселения и проживания на территории Центральной Азии. Книга состоит из трёх разделов, охватывающих, соответственно, этнические меньшинства, описание историко-культурной идентичности современных узбеков, как наиболее многочисленной национальности Узбекистана, а также, данные по этнокультурным центрам, этническим кладбищам и захоронениям. Академические статьи сопровождаются индивидуальными историями, дающими живое представление о судьбах различных народов и народностей, исторически связанных с регионом. В приложениях даны карты и статистика этнического расселения. Книга предназначена как для экспертов, так и для широкого круга читателей.

Ethnic Atlas of Uzbekistan.

452 pages with illustrations.
© Open Society Institute Assistance Foundation Uzbekistan. Joint Edition
of the Open Society Institute Assistance Foundation Uzbekistan and
LIA <R. Elinina>, 2002.

Editor in Chief: Alisher Ilkhamov
Deputy Editor in Chief: Lyudmila Zhukova
Grand manager — Sheila Marnie

In the current edition we present the collection of authors' articles on ethnic groups populated in contemporary Uzbekistan, their ethnogeny, the history of settlement and inhabitancy on the territory of Central Asia. The book consists of three sections covering relatively ethnic minorities, the description of Uzbek historical and cultural identity, and some data on Ethnic-cultural Centers, and ethnic cemeteries and burials. The academician articles are combined with individual stories giving a live representation about historical lines of various peoples habiting in the region. The book is supplied with maps and statistics. It will be interesting both for experts and common readers.

ISBN 5-862800-10-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА.....	11
АВСТРИЙЦЫ	12
Индивидуальные биографии	14
АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ	15
АЛТАЙЦЫ	19
АМЕРИКАНЦЫ	20
АНГЛИЧАНЕ	26
АРАБЫ	27
СИРИЙЦЫ	31
АРМЯНЕ	32
АССИРИЙЦЫ	36
Индивидуальные биографии	37
АФГАНЦЫ	39
Индивидуальные биографии	41
БАШКИРЫ	44
БЕЛОРУСЫ	47
БЕЛУДЖИ	49
БЕЛЬГИЙЦЫ	51
БОЛГАРЫ	52
Индивидуальные биографии	55
ВЕНГРЫ	57
Индивидуальные биографии	59
ГОЛЛАНДЦЫ	61
ГРЕКИ	62
ГРУЗИНЫ	67
ДАТЧАНЕ	69
Индивидуальные биографии	70
ДУНГАНЕ	73
Индивидуальные биографии	77
ЕВРЕИ	80
ЕВРЕИ ГОРСКИЕ (ТАТЫ)	80
ЕВРЕИ ГРУЗИНСКИЕ	82
ЕВРЕИ ЕВРОПЕЙСКИЕ (АШКЕНАЗИ)	83
КАРАИМЫ	87

<i>КРЫМЧАКИ</i>	89
<i>ЕВРЕИ СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ</i>	90
ИНДИЙЦЫ	96
ИРАНЦЫ	101
ИСПАНЦЫ	106
ИТАЛЬЯНЦЫ	107
КАЗАХИ	109
КАЛМЫКИ	113
КАРАКАЛПАКИ	116
Индивидуальные биографии	119
КАРЕЛЫ	125
КИТАЙЦЫ	126
КОРЕЙЦЫ	130
КУРДЫ	136
Индивидуальные биографии	138
КЫРГЫЗЫ	139
ЛАТЫШИ	144
Индивидуальные биографии	145
ЛИТОВЦЫ	148
МОЛДАВАНЕ	150
МОНГОЛЫ	152
МОРДВА, МОРДОВЦЫ	153
НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	155
<i>АВАРЦЫ</i>	158
<i>КАРАЧАЕВЦЫ</i>	159
<i>КУБАЧИНЦЫ</i>	160
<i>ЛАКЦЫ</i>	161
Индивидуальные биографии	162
<i>ЛЕЗГИНЫ</i>	163
<i>ОСЕТИНЫ</i>	164
НЕМЦЫ	166
<i>МЕННОНИТЫ В ТУРКЕСТАНЕ (XIX — НАЧАЛО XX в.)</i>	170
<i>МЕННОНИТЫ В ХОРЕЗМЕ</i>	173
НОГАЙЦЫ	175
Индивидуальные биографии	177
НОРВЕЖЦЫ	178
ПОЛЯКИ	178
Индивидуальные биографии	182
РУМЫНЫ	183
РУССКИЕ	188
ТАДЖИКИ	195
ТАТАРЫ	202
ТАТАРЫ КРЫМСКИЕ	206
ТАТЫ	210

ТУРКИ	211
ТУРКИ-МЕСХЕТИНЦЫ	213
ТУРКМЕНЫ	214
УЙГУРЫ	217
УКРАИНЦЫ	222
УРАЛЬСКИЕ КАЗАКИ	225
ФИННЫ	228
Индивидуальные биографии	229
ФРАНЦУЗЫ	231
Индивидуальные биографии	236
ХАКАСЫ	238
ЦЫГАНЕ	240
<i>ЦЫГАНЕ РУССКИЕ</i>	240
<i>ЦЫГАНЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ</i>	242
ЧЕХИ	247
Индивидуальные биографии	249
ЧУВАШИ	252
ШВЕДЫ	253
ШВЕЙЦАРЦЫ	254
ЭСТОНЦЫ	254
ЮГОСЛАВЫ	256
<i>СЕРБЫ</i>	257
<i>СЛОВАКИ</i>	258
<i>СЛОВЕНЦЫ</i>	259
<i>ХОРВАТЫ</i>	260
ЯКУТЫ	260
ЯПОНЦЫ	261
УЗБЕКИ	267
АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	268
<i>ЧИСЛЕННОСТЬ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ</i>	268
<i>ЭТНОГЕНЕЗ</i>	270
Дашти-кипчакские узбеки	270
Чагатайские тюркские племена	274
Сарты	277
<i>ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ</i>	288
Первый этап: образование Узбекской ССР	288
Второй этап: язык и национальные символы	290
Постсоветские реалии	300
УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК	312
<i>СОВРЕМЕННЫЙ УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК</i>	312

<i>СТАРОУЗБЕКСКИЙ (ЧАГАТАЙСКИЙ) ЯЗЫК</i>	313
<i>ДИАЛЕКТЫ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА</i>	316
Карлукский диалект	316
Кипчакский диалект	318
Огузский диалект	319
УЗБЕКСКИЕ ПЛЕМЕНА И РОДЫ	320
<i>БАРЛАСЫ</i>	320
<i>ДУРМАНЫ</i>	322
<i>КАНГЛИ</i>	323
<i>КАТАГАНЫ</i>	326
<i>КУНГРАТЫ</i>	329
<i>МАНГИТЫ</i>	331
<i>УЗ И АЗ</i>	333
<i>ЮЗЫ (ЖУЗЫ)</i>	336
УЗБЕКСКИЕ ОБЫЧАИ: УЛАК (КЎПКАРИ)	339
<i>ПРИГЛАШЕНИЕ СТАРЕЙШИН НА СОВЕТ. НАЗНАЧЕНИЕ МЕСТА</i> <i>ПРОВЕДЕНИЯ ИГРЫ УЛАК</i>	340
<i>ПОДГОТОВКА УЛАКА ДЛЯ ИГРЫ. САМО ЗРЕЛИЩЕ</i>	341
ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ	369
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ УЗБЕКИСТАНА	370
<i>ЭТНИЧЕСКИЕ КЛАДБИЩА В УЗБЕКИСТАНЕ</i>	383
<i>МУСУЛЬМАНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ</i>	384
<i>ХРИСТИАНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ</i>	395
<i>ИУДЕЙСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ</i>	407
ПРИЛОЖЕНИЯ	429
ЭТНИЧЕСКИЕ КАРТЫ	436
Список авторов	452

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вашему вниманию представлен сборник материалов по этническим группам, населяющим современный Узбекистан. Это первое издание подобного рода за прошедшие семь с половиной десятилетий.

Последним по времени общенациональным обзором этнического состава Узбекистана была публикация материалов районирования, проведенная в 1924 г. комиссией во главе с профессором И. Магидовичем. Этому предшествовала работа М. С. Андреева по составлению карты населения Самаркандской области в 1921 г. В ходе Самаркандской экспедиции было обследовано около 50 волостей и собран материал для составления этнографической карты Самаркандского, Каттакурганского и части Джизакского уездов. Вскоре была образована новая комиссия по районированию с гораздо большими полномочиями и широтой охвата территории, обусловленными новым поворотом в национальной политике Советов.

Материалы районирования явились результатом крупномасштабного эмпирического исследования, и в этом смысле его значение неопределимо. Вместе с тем, результат был предопределен социальным заказом. В связи с этим имела место подгонка эмпирических материалов под установленную сверху композицию этнического состава, которая была предопределена планами национального размежевания. Подробнее об этом говорится в статье А. Ильхамова “Археология узбекской идентичности”, включенной в данный сборник.

Настоящее издание отличается от материалов районирования двумя качествами. Прежде всего, следует признать, что для него специальные эмпирические исследования не проводились. В этом смысле оно уступает материалам районирования 1924 г. Этот пробел коллектив авторов старался компенсировать учетом всех тех этнографических полевых работ, которые проводились в период после 1924 г. Среди них следует особо отметить материалы этнографических экспедиций Б. Х. Кармышевой, исследовавшей южные районы Узбекистана и Таджикистана с 1945 по 1971 г.; С. П. Толстова, возгла-

вившего в 1937 г. Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию; К. Ш. Шаниязова, собравшего обширные материалы по этнографии кипчаков и карлуков, и ряда других востоковедов, этнографов и историков советского периода.

Нельзя не отметить, что в 50—60-е гг. XX в. сектор народов Средней Азии и Казахстана Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР занимался составлением программы и организацией сбора материалов для обобщающего регионального исследования — “Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана”.

Отличительной чертой настоящего исследования является и то, что оно создавалось в иной социально-исторической обстановке — после распада СССР и возникновения новых независимых государств. Есть свои положительные и отрицательные стороны у создавшейся ситуации. Отрицательным является то, что теперь не предпринимаются новые крупные этнографические экспедиции. Положительная же сторона заключается в том, что появилась возможность заниматься исследованием, не сковывая себя цензурными рамками былых времен. Справедливости ради следует признать, что данное исследование не может быть полностью свободным от внешнего влияния. Его готовили в основном местные авторы, имеющие разный жизненный и исследовательский опыт, принадлежащие к разным возрастным поколениям, наконец, придерживающиеся разных взглядов на происходящие исторические перемены.

Атлас состоит из двух разделов. Первый включает в себя статьи о национальных меньшинствах Узбекистана. О некоторых из них трудно говорить как о меньшинствах в масштабе всей Центральной Азии: таковыми они стали только в результате национально-территориального размежевания 1924 г. Как бы то ни было, к настоящему моменту ни одна из этнических групп в стране, кроме узбеков, не превышает, согласно официальным данным, 6% населения республики.

Не все этнические группы Узбекистана получили освещение в данном Атласе, что обусловлено недостатком эмпирических материалов и источников. Академические статьи раздела дополнены индивидуальными историями, дающими более живое представление о судьбах различных этнических групп, проживающих в стране.

Во второй раздел Атласа включены несколько статей, характеризующих узбекский этнос с различных точек зрения — исторической, этнографической и языковой. Говоря о поня-

тии этногенеза узбекской нации, автор соответствующего материала использует его как весьма условную категорию. Он пытается преодолеть сложившуюся в советский период точку зрения на процесс формирования этносов и наций как естественноисторический, объективный по своей природе и аналогичный процессу формирования видов в живой природе. Согласно автору, формирование узбекской национальной идентичности представляется результатом сознательно-го конструирования со стороны элит, преследовавших свои интересы и культурно-политические цели. Автор исходил из убеждения, что монополюсный контроль и инициатива в формировании национальной идентичности служат важнейшим ресурсом власти, способом обеспечения ее легитимности.

Такой методологический подход был реализован в данном Атласе только по отношению к феномену узбекской идентичности, но не потому, что исключительно только этот этнос заслуживает такого углубленного анализа. Напротив, следует подвергнуть фундаментальной ревизии “этногенез” всех остальных наций и народностей, поскольку канонизированная история каждого народа в регионе несет на себе отпечаток мифологизации. Работу по “археологическим” изысканиям истоков национальной идентичности народов Центральной Азии еще только предстоит проделать.

В третьем разделе представлены обзорные статьи по этнокультурным центрам и местам компактных национальных захоронений. В четвертом разделе даны материалы статистики и карты размещения некоторых этнических групп на территории Узбекистана.

В работе над Атласом принимали участие историки и этнографы ряда учреждений республики — Института истории, Института археологии, исторического факультета Ташкентского национального университета, Центра социальных исследований “Эксперт” (см. список авторов). Особо я хотел бы отметить подвижническую роль моих коллег — историков Людмилы Жуковой и Юрия Бурякова, редактора Надежды Щетининой.

Особая признательность — историкам Валерию Германову и Ринату Шигабдинову, музыковеду Александру Джумаеву за предоставленные источники и материалы, а также за консультацию при подготовке Атласа. Хотелось бы также с благодарностью отметить работу технического персонала — Елены Киселевой, Рустама Набиева и Натальи Азаматовой.

Наконец, следует отметить, что подготовка и издание дан-

ного сборника стали бы невозможными, если бы не поддержка Института “Открытое Общество”, который выделил в 2000 г. на эти цели грант. Институт “Открытое Общество” поддерживает те проекты, которые служат утверждению духа творческой свободы и культурного плюрализма. Надеюсь, настоящий сборник отвечает этим требованиям как с точки зрения его содержания, так и в плане его воздействия на общество.

Цель сборника — показать, что Узбекистан является многонациональным государством и что голос каждого этноса, каким бы малым он ни был, должен быть здесь услышан и достойно представлен. Другая задача состоит в способствовании бережному и неконъюнктурному отношению к далекому и близкому прошлому узбекистанского общества, вклад в развитие которого внесли все населяющие его народы и народности, включая самые малые этнические группы. Справились ли мы с этими задачами — судить читателю.

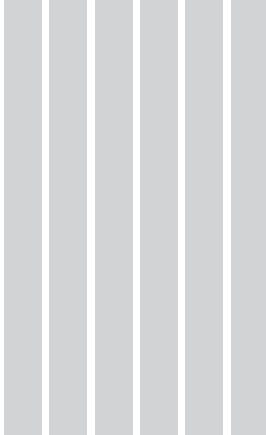
Мы будем признательны за комментарии, замечания и критику, которые, безусловно, послужат важным подспорьем в работе над следующим изданием Этнического атласа. Ниже приводим адрес для отзывов:

700031, Ташкент, ул. Зарбог, 31,
или по электронной почте: atlas@osi.uz

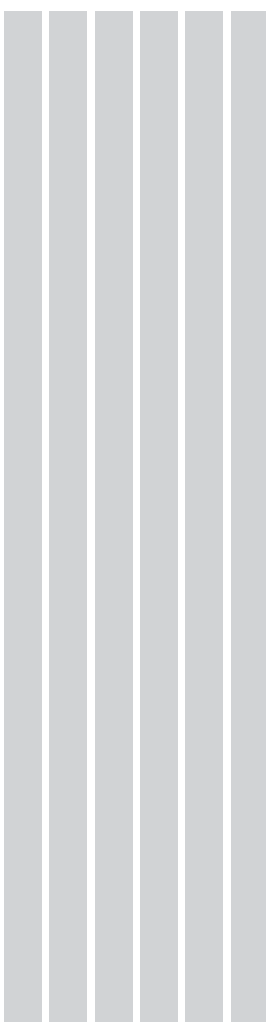
Алишер Ильхамов

СПИСОК АВТОРОВ

- Абдуллаев Евгений Викторович* — философ, кандидат философских наук,
Алиева Фатима Хайдаровна — историк, кандидат исторических наук,
Буряков Юрий Федорович — археолог, доктор исторических наук,
Гентшке Валерия Львовна — историк, доктор исторических наук,
Германов Валерий Александрович — историк, кандидат исторических наук,
Германова Валентина Валентиновна — историк, кандидат исторических наук,
Жукова Людмила Ивановна — историк-археолог,
Ильхамов Алишер Абрарович — социолог, кандидат философских наук,
Каюмов Асрор Раимович — историк,
Кобзева Ольга Петровна — историк, кандидат исторических наук,
Кнауэр Нелла Христиановна — историк (религиовед), кандидат исторических наук,
Назарьян Рубен Гамлетович — филолог, журналист, кандидат филологических наук,
Некрасова Елизавета Гавриловна — историк-археолог, кандидат исторических наук,
Рахманкулова Адолат Хушвактовна — историк, кандидат исторических наук,
Савуров Мане Давурович — этнограф, кандидат исторических наук,
Санчак Мелтен — социальный антрополог (Германия),
Тодорова Татьяна Николаевна — историк,
Умаров Эргаш Агзамович — филолог, доктор филологических наук,
Финке Петер — социальный антрополог (Германия),
Шигабдинов Ринат Нагметдинович — историк,
Юлдашев Салимжон Валиевич — этнограф.
-

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА

АВСТРИЙЦЫ

Самоназвание — эстеррайхер. Народ, основное население Австрии. Говорят на австрийском варианте немецкого языка. Верующие — в основном католики.

**Австрийцы в Узбекистане: 1979 г. — 23
1989 г. — 34**

В списке ташкентских лютеран за 1886 г. впервые встречается упоминание о прихожанке австрийской национальности Луизе Тамата. Других сведений о присутствии австрийцев в Туркестане в конце XIX — начале XX в. пока не обнаружено. Правда, в научной литературе упоминается ташкентский купец с австрийской фамилией Шуберт (Р. Ф. Шуберт), который изъявил желание профинансировать строительство Ферганской железной дороги в 1905 г. Но подобная фамилия распространена и среди немцев.

В 1914 г. на территории Туркестана появились военнопленные австро-венгерской армии. Общая их численность составила почти 150 тыс. чел. Расквартировали в специальных лагерях, казармах и других помещениях.

Сначала интернированные жили под контролем военных властей, но примерно с середины 1916 г. большинство из них было освобождено из-под охраны с обязанностью проживать под надзором полиции в указанных местах и без права выезда.

Одной из форм протеста против лагерного режима было бегство военнопленных. Пользуясь тем, что охрана была очень слабой, с конца 1914 по март 1917 г. в Туркестанском военном округе было зафиксировано бегство 1457 солдат и 72 офицеров. Самую большую группу беглецов составляли австрийцы. Они надеялись найти убежище и работу у сельских жителей и предпринимателей коренных национальностей. И часто местное население охотно помогало им в этом. Среди военнопленных было немало высококвалифицированных специалистов в самых различных остродефицитных для Туркестана профессиях — инженеров, механиков, архитекторов, строителей, агрономов, художников. Были среди них и скульпторы, и музыканты. Так, старожилы помнят, что австрийские военнопленные музыканты играли в ташкентском симфоническом оркестре под управлением Ф. Седлячека.

В связи с тем что Швеция и Дания взяли на себя защиту интересов Австро-Венгрии и ее подданных, в марте 1916 г. в Ташкент прибыла делегация шведского Красного Креста во главе с Хокен фон Шульманом, а в декабре —

секретарь-делегат Датского посольства в Петрограде капитан А. Брун. В целом к концу 1916 г.—началу 1917 г. положение австро-венгерских плен-ных в Туркестане улучшилось.

После февральских событий 1917 г. лагерный режим в Туркестане для военнопленных был еще более облегчен. В результате значительная часть пленных приобрела определенную свободу, получила возможность покидать на дневное время лагерь, переодеваться в штатское платье, свободно ходить по улицам, устанавливать контакты с гражданским населением. Особенно заметным присутствие пленных сделалось на улицах Ташкента. 22 июня 1917 г. особая комиссия рассматривала вопрос о разрешении вступать в бра-ки с местными женщинами. Вскоре, после заключения России с Германией и Австро-Венгрией Брестского сепаратного мирного договора, австрийцы по-кинули Туркестан.

Сохранились опубликованные уже в Австрии воспоминания о том време-ни бывших военнопленных. Большинство их проникнуто теплым носталь-гическим чувством.

В настоящее время в Узбекистане проживает небольшое число австрий-цев, которые ассимилировались с русскоязычным населением.

В. А. Германов

* * *

В 1915—1916 гг. к проектированию железобетонных сооружений для Бу-харской железной дороги были привлечены австрийские инженеры.

В 1918 г. был создан Комитет иностранных подданных. Его возглавил австриец Макс Гроссер. С этого времени австрийцы постепенно начали уез-жать на родину. Но какая-то их часть еще несколько лет, теперь уже в каче-стве иностранных подданных, продолжала здесь трудиться и своим добросо-вестным трудом оставила заметный след в культурном строительстве края.

Австрийский подданный архитектор Людвиг Панчакевич (1873—1935) почти полностью переделал уже готовый проект римско-католического кост-ела в столице Туркестанского генерал-губернаторства и вел надзор за его осуществлением. В 1917 г. Панчакевич возглавлял работы по художественно-му оформлению внешнего фасада и внутреннего интерьера ташкентского Зим-него театра (ныне на этом месте находится Музей искусств Узбекистана).

Скульптор Э. Руш создал Памятник Свободы в Самарканде (1919 г.) — один из лучших образцов монументальной пластики в Узбекистане. В его строительстве принимали участие, помимо местных строителей, бывшие во-еннопленные из Австро-Венгрии, Чехословакии, Германии.

В библиотеке Министерства геологии до сих пор радуют глаз книжные деревянные стеллажи, со вкусом отделанные резьбой. В Национальной биб-лиотеке Узбекистана имени Навои еще долго будут пользоваться ящиками для картотек и вспоминать добрым словом искусные руки австрийцев.

В Самаркандском комитете по охране памятников старины работал тех-ником бывший военнопленный австриец Брукман. Осенью 1920 г. он под

руководством археолога М.Е. Массона участвовал в археологических раскопках медресе Улугбека. И по его воспоминаниям, “Брукман оказался не только очень сообразительным помощником, но и добродушно-покладистым товарищем...”

Австрийские врачи занимались частной практикой и работали в госпиталях.

Л. И. Жукова

Литература

Горбунов Н. П. По неисследованному Памиру // Избранные труды. М.: Наука, 1987. С. 20, 21, 23.

Матвеев А. И. Участие зарубежных выходцев в общественно-политической жизни Туркестана в марте—сентябре 1917 г. // Научные труды ТашГУ. Вып. 473. 1975. С. 87.

Он же. Зарубежные выходцы в Туркестане на пути к Великому Октябрю (1914—октябрь 1917 г.). Ташкент: Фан, 1977.

Рустамов Б., Садовников В. Стальных путей связующая нить. Ташкент, 1998. С. 27.

Мой дедушка — Гунов (Гуно — фамилия подлинно австрийская) Франц, 1889 г. рождения, австриец по национальности, участник первой мировой войны 1914—1918 гг. В качестве военнопленного прибыл в Туркестанский край.

После окончания срока плена на родину не возвратился, т. к. создал здесь семью и до конца своих дней проживал безвыездно в поселке Ново-Михайловка Янгиюльского района Ташкентской области. Скончался в 1972 г. Похоронен на местном кладбище.

Гунов (Гуно) Франц прожил долгую жизнь, но время и обстоятельства не сохранили документальных данных места и даты рождения, сведений о родителях, откуда был призван на военную службу и пр.

Известно, со слов дедушки, что отбывал он срок плена на станции Вревская Среднеазиатской железной дороги вместе со старшим братом, который до войны был женат и имел двоих детей. По окончании срока брат деда уехал и никаких известий от него более не поступало. А дедушка остался. Кроме них, было еще четыре брата и две сестры.

У Гунова Франца и Гуновой Дарьи (по национальности русской) родилось два сына:

Гунов Николай Францевич — 1925 г. р., австриец по национальности. Умер в 1995 г. Имеет двух сыновей: Гунова

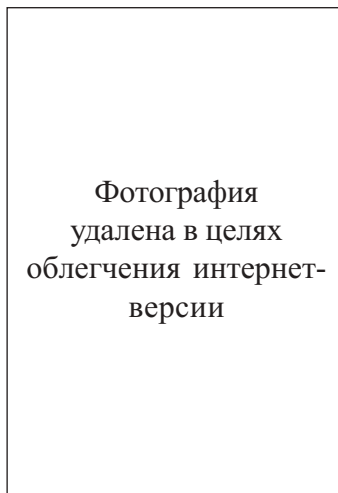

*Сергея — 1952 г. р. (записан русским);
 Гунова Василия — 1961 г. р. (записан
 австрийцем).*

*Гунов Константин Петрович — 1928 г. р.,
 русский по национальности (отчество и
 национальность изменены в 1943 г.)—это
 мой отец. В браке — одна дочь, Гунова
 Наталия Константиновна, 1955 г. р.
 (записана русской).*

*В Центральном государственном архиве
 Республики Узбекистан я пыталась
 разыскать документы о пребывании Гунова
 (Гуно) Франца в Туркестанском крае.
 Делала запросы через Общество Красного
 Полумесяца Республики Узбекистан. На
 сегодня положительных ответов не имею.*

*Я и мой отец, Гунов К. П.,
 восстановили свою национальность по
 мужской линии.*

Фотография
 удалена в целях
 облегчения интернет-
 версии

Франц Гунов (Гуно).
 Из семейного альбома

Н. К. Гунова

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ

Самоназвание — азербайджанлылар, азерилер. **Народ**, основное население Азербайджана. **Азербайджанский язык** относится к юго-западной подгруппе тюркской группы алтайской семьи. **Верующие** — мусульмане, в основном шииты.

Азербайджанцы в Узбекистане:

1979 г.	— 59 779
1989 г.	— 44 410
2000 г.	— 35 848

Одним из свидетельств давних связей народов и племен, живших на территории современных Узбекистана и Азербайджана, являются памятники местной культуры. Каменный амулет в виде двух переплетающихся змей из селения Сох, выполненный ферганскими мастерами, удивительно похож на каменный предмет из персидского Азербайджана (II тыс. до н.э.).

В VIII—XII вв. азербайджанские города поддерживали торговые и экономические связи со Среднеазиатским регионом по трассам сухопутных караванных дорог и также по водным путям, по которым через Бухару,

Самарканд, Шаш шли купцы, ремесленники, ученые, певцы и танцоры. Позже, в эпоху Темура, согласно письменным источникам, большое количество пленных мастеров из Азербайджана было доставлено в крупные города Мавераннахра. Каменотесы и специалисты архитектурного декора высшей категории участвовали в строительстве и художественной отделке соборной мечети Биби-ханым в Самарканде и дворца Ак-сарай в Шах-рисабзе. Имя одного из них — Мухаммеда Юсуфа Тебризи — увековечено в рисунке орнамента. Под влиянием искусства Индии и Азербайджана приоритет при возведении монументальных зданий в Мавераннахре этой эпохи нередко отдавался камню.

Описание Самарканда и Бухары находим в трудах азербайджанского ученого XV в. Абдар Рашида Бакуви. В Бухаре жил и творил азербайджанский философ и писатель XVI в. Мирзаджан Ширази, умерший там в 1585 г. В Самарканде и Бухаре в конце XVI — начале XVII в. проходило творчество другого азербайджанского философа Юсифа Карабаги.

Своего расцвета торговые связи между Мавераннахром и городами Азербайджана достигают в позднесредневековое время. До сих пор в старом квартале Баку сохранился один из многочисленных караван-сараев, предназначенных специально для бухарских купцов. Его так и называют — “Бухарский”. Еще недавно в украшении жилищ Азербайджана использовались декоративные камини “бухар”, истоки появления которых связывают с популярными в интерьере узбекских жилищ декоративными нишами.

Одним из главных предметов экспорта в Среднюю Азию являлась нефть, но в 20-е гг. XVIII в. вывоз ее по ряду причин резко сократился.

Новый виток во взаимоотношениях между народами двух регионов приходится на вторую половину XIX в., когда опыт азербайджанцев в разработке полезных ископаемых и строительстве железных дорог стал востребованным в Туркестане. Особенно он пригодился при освоении первой фонтанной нефти в Чимионе в 1904 г. С тех пор квалифицированные рабочие-азербайджанцы стали участвовать в промышленной добыче нефти в Ферганской долине и других нефтяных месторождениях на территории Туркестана.

В начале прошлого столетия туркестано-азербайджанские связи продолжили свое развитие и на культурной ниве.

Журналист, писатель и переводчик Саид Риза Али-заде еще в 1906 г. открыл Самаркандскую новометодную школу, в 20—30-е гг. готовил и переводил учебники. Вместе с ним открыл школу в Самарканде просветитель Мирза Мухаммад Ахун-заде.

Дважды (в 1911 и 1916 гг.) в Ташкенте успешно гастролировал Азербайджанский театр. В составе его группы были известные актеры С. Рухулла, Ю. Нариманов и др. В 1912 г. Мирза Джалал-Юсиф-заде был первым редактором и издателем бухарских газет “Бухорои шариф” и “Турон”.

Азербайджанская диаспора в Узбекистане заметно стала расти после событий 1917 г. — привлекается большое количество инженерно-технических кадров из Баку для становления нефтяной отрасли народного хозяйства.

В 20—30-е гг. в Узбекистане при Совете национальных меньшинств развернуло активную деятельность Азербайджанское центральное бюро, работавшее совместно с представителями иранской национальности. При нем действовали четыре школы, два дошкольных учреждения, три рабочих дома, клубы, библиотека. Редактором газеты “Зарафшан” в 1923—1925 гг. был Али Исмаил-заде.

В 1944 г. в Узбекистан из Грузии депортируются граждане азербайджанской национальности. В октябре 1957 г. с этой группы азербайджанцев были сняты все ограничения по перемещению и предоставлено право вернуться на этническую родину. Но благоприятный климат Узбекистана, сходство языков и образа жизни побудили значительную часть азербайджанцев остаться на узбекской земле. Большинство из них работали в колхозах и совхозах Ташкентской и Сырдарьинской областей, в городе Газли, принимая активное участие в хозяйственном освоении края.

Число азербайджанцев в Узбекистане продолжало расти и в последующие десятилетия, когда, помимо нефтяной отрасли, быстрыми темпами начала развиваться и газовая.

Ташкентское землетрясение 1966 г. стало причиной, побудившей прибыть сюда, на стройки, многих азербайджанцев. Позже некоторые обзавелись здесь семьями и остались жить в Узбекистане.

Достаточно много молодежи приезжало из Азербайджана для получения знаний в высших учебных заведениях Узбекистана.

Естественный прирост азербайджанского населения в Средней Азии всегда оставался высоким. В 1970 г. только в Ташкентской области проживало 10 тыс. азербайджанцев. Почти столько же было зарегистрировано в столице республики. Однако необходимо иметь в виду, что определенная часть из них фактически являлись турками-месхетинцами.

Узбекистанские азербайджанцы бережно относятся к своим народным традициям и обрядам. Еще в 1961 г. они вместе с жителями республики организованно отметили весенний праздник Навруз. Со слов И. Мамедова, председателя Азербайджанского культурного центра в Ташкенте, ко дню Навруз-байрамы красят яйца, готовят национальные сладости: пахлаву, шакербуру, шакрек-чурек, шоогохал, холву, шекер-нури и др. В ночь на Навруз ставится у порога полное ведро воды, чтобы в будущем году было изобилие. И еще одна особенность Навруза: в этот праздник должны все помириться — и дети, и взрослые.

Азербайджанцы в городах работали на промышленных предприятиях, в сельской местности занимались земледелием. Известен колхозник-тракторист из Самаркандской области Бекир Дурсунович Мустафаев, ушедший в 1943 г. на войну и получивший звание Героя Советского Союза.

Очень много азербайджанцев традиционно заняты торговлей, работают в сфере обслуживания. Есть летчики, инженерно-технические работники, учителя, врачи и др. Славятся реставраторы-каменщики азербайджанской национальности, проживающие в Хорезме.

Первым азербайджанским членом-корреспондентом Академии наук Уз-

бекистана и депутатом Верховного Совета республики был профессор-офтальмолог Кафар Абдуллаев. Известным в Узбекистане хирургом был Садык Алиевич Масудов. Главным дирижером оперного театра в Самарканде, а затем театра оперетты в Ташкенте много лет трудился Гари Киримов, а режиссером Большого академического театра оперы и балета им. Навои — народный артист Азербайджана и Узбекистана, лауреат Госпремии им. Хамзы Фируддин Сафаров. Членом Союза писателей Узбекистана является автор многих художественных произведений Ихтиар Ризо. В Узбекистане хорошо знают творчество азербайджанского поэта, ученого и педагога Максуда Шейх-заде. Поэт родился в Баку, но творил и ушел из жизни в Ташкенте. На доме, где он жил, установлена мемориальная плита. В Самарканде жил известный историк профессор Ю. Алескеров. Выходцами из азербайджанской диаспоры Узбекистана являются скульптор Э. Алиев, художник театра и кино Ф. Ахадов.

Примечание. В Узбекистане проживает маленькая группа талышей из Азербайджана. Этот народ исповедует ту же религию, что и азербайджанцы, имеет много общего с ними в обычаях и культуре. Единственное различие — язык: талышы говорят на языке иранской группы. В настоящее время находятся в процессе ассимиляции с азербайджанцами.

Именитые талышы в республике Атиф Новрузов — экономист, Маис Ибадов — борец по вольной борьбе.

Л. И. Жукова, Ю. Ф. Буяков

Литература

Гинзбург А. И. Узбекистан. Этнополитическая панорама: Очерки. Документы. Материалы. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 48—50.

Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы, 1998.

Мамедова Г. И., Мустафаев Г. Г. О торговых связях азербайджанских и среднеазиатских городов в XVIII в. // Позднефеодальный город Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 103.

Музапаров Ш. К вопросу о росте квалификации национальных рабочих и инженерно-технических кадров в нефтяной промышленности Узбекистан // Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965. С. 79—81.

Мустафаев Х. Азербайджанцы // Под открытым небом. Фрунзе, 1991. С. 97—103.

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965, С. 24, 43.

Чабров Н. Г. Декоративные ниши в интерьере узбекских жилищ // Тезисы докладов научной сессии, посвященной 25-летию Среднеазиатского государственного университета. Ташкент, 1945. С. 54.

АЛТАЙЦЫ

Самоназвание — алтай-кижи, с 1922 по 1948 г. назывались также ойротами. **Народ в Республике Алтай Российской Федерации.** Делится на этнографические группы: алтай-кижи, теленгиты, телесы, телеуты, тубаллары, челканцы, кумандийцы. **Язык** южно-сибирской подгруппы тюркской группы алтайской семьи. **Верующие** — православные, сохраняются традиционные верования.

Алтайцы в Узбекистане: 1979 г. — 125
1989 г. — 191

Алтайцы в прошлом — это тюркоязычные кочевые племена, занимавшиеся в основном скотоводством и охотой. Своей письменности не имели.

В XX столетии алтайцы консолидировались в пределах Горного Алтая в самостоятельную народность. В их биографии произошли большие преобразования в социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни.

На протяжении многих столетий кочевые народы Алтая (в основном его южных районов) имели тесные хозяйственные и культурные взаимосвязи со Средней Азией. Придворный историк Хафиз-Абру, описывая одно из пиршеств сына Темура — Шахруха, в частности, указывает на разнообразный в этническом отношении состав музыкантов праздника, особо подчеркивая при этом, что артисты исполняли произведения по обычаям своей страны:

“А певцы прекрасноголосые и музыканты сладкозвучные и играли, и пели на мотивах по образцам персов, на мелодии арабов, по обычаям турок, на голоса монголов, по законам (пения) китайцев и размерами алтайцев”.

Узбекские этнографы выявили ряд близких конструктивных аналогий в одежде коренных народов Среднеазиатского региона и алтайцев, вошедших у них в обиход на рубеже XVIII—XIX вв.

Этикет распивания молочной водки — араки — у алтайцев скотоводческих районов Горного Алтая в первую четверть XX в. аналогичен церемонии распивания кумыса (позднее — бузы) у полукочевых узбеков на границах с Таджикистаном в этот же период. Кстати заметить, почти в неизменной форме подобный этикет существовал при дворе узбекских ханов в XVIII в.

В прошлом столетии алтайцев в Узбекистане проживало в разные периоды от нескольких десятков до двух сотен человек. Поскольку они были расселены дисперсно, выявить причины, побудившие алтайцев выбрать Узбекистан местом постоянного проживания, пока не удалось.

Л. И. Жукова

Литература

Векслер С. М. Очерк истории узбекской музыкальной культуры до Великой Октябрьской Социалистической революции. Ташкент, 1965. С. 101.

Потапов Л. П. Древний обычай, отражающий первобытно-общинный быт кочевников // Тюркологический сборник. 1951. № 1. С. 165—175.

Ундерова Л. В. Узбекская народная одежда конца XIX—XX вв. Ташкент, 1994. С. 62.

АМЕРИКАНЦЫ

Американцев, ставших жителями Узбекистана, можно пересчитать по пальцам, но все они вписали яркие штрихи в его историю. В американцах, располагавших крупными средствами или являвшихся представителями финансовых групп и торгово-промышленных фирм, петербургские и особенно туркестанские власти видели конкурентов русским предпринимателям по эксплуатации естественных ресурсов и рынка Средней Азии. Поэтому власти очень неохотно давали американцам разрешение на проезд через Среднюю Азию, и тем более на проживание в ней. В каждом отдельном случае администрация Туркестанского генерал-губернаторства обставляла выдачу разрешений такими формальностями, которые никогда не применялись к купцам и предпринимателям, приехавшим из сопредельных стран Востока.

Первым знаменитым американцем, ставшим ташкентцем, был житель далекой нью-йоркской окраины боксер Сидней Лео Джаксон. В Ташкенте он стал Сиднеем Львовичем, создателем национальной школы узбекского бокса. В Узбекистан попал помимо своей воли. Закончив выступления в Англии, он вместе с партнером по команде Фрэнком Джилом, сыном бизнесмена, приехал на гастроли в Москву, но когда пришло время возвращаться назад, началась первая мировая война. Западный путь был закрыт. Оставался один безопасный путь — через Афганистан. Сидди и Фрэнк заказали билеты на Ташкент. В Ташкенте они поехали на почту, но перевод пришел лишь на имя Фрэнка Джиля: семья Джаксона бедствовала и ничем не могла помочь Сиду. Долгое время он будет приходить каждый день, а иногда и два раза в день, на почту, но безрезультатно.

Поход в канцелярию генерал-губернатора тоже ничего не дал. Ему лишь посоветовали устроиться куда-нибудь на работу. И он устроился на швейную фирму Яушевых. Успешно берет уроки русского языка, взамен обучает боксу и борьбе. Весна 1919 г. застает его на Закаспийском фронте: он воюет в составе Казанского полка, здесь воюют также чехи и немцы. Вскоре Сиднея, тогда еще американского подданного, переводят в штаб переводчиком, где он участвует в допросах пленных английских солдат и составляет обращения к английским оккупационным войскам. Когда война закон-

чилась, Сидней Джаксон запечатал в конверт свой американский паспорт и отправил в адрес американского посольства.

Когда детям был отдан Дворец, ранее принадлежавший Великому князю Н. К. Романову, здесь развернули свою деятельность различные кружки. Джаксону поручили вести кружок бокса. Так складывалось первое в Узбекистане спортивное общество и первая детская секция бокса. Джаксон нарисовал чертежи, и вместе с воспитанниками сколотили, сплели, связали и собрали все части ринга — помост с войлочной прокладкой, стояками, подушечками и прочими профессиональными атрибутами. Такого настоящего ринга даже в Москве тогда не было. Затем засели кроить и шить мешки и груши. Сид побывал на обувной фабрике и скотобойне, выпросил кожу и конский волос. Сохранилась фотография 1923 г.: Сидней Львович с первыми учениками, перчатки на их руках — самодельные.

Сид, в молодости превосходный пловец, теперь учил ташкентцев кролю, брассу и овер-арму. Кстати, от него эти термины, как он говорил — и не без гордости, “и Москва узнала”, когда он приехал туда в 1924 г. Так что у Ташкента в этой области приоритет.

Легенды окутывали не только его самого, но и некоторых его воспитанников. Четверо учеников Сиднея Львовича Джаксона удостоены звания Героев Советского Союза. Это Мика Меш, Владимир Карпов, Николай Монин и Алексей Марченко. Ташкентец Андрей Борзенко, побеждавший немецких боксеров, будучи узником Бухенвальда, стал прототипом главного героя кинофильма “Ринг за колючей проволокой”. Среди учеников С.Л. Джаксона — профессор математики, пять докторов и тридцать кандидатов наук. Когда ему вручали значок “Заслуженного тренера СССР” (одному из первых в Союзе), председатель торжественного собрания пошутил: “Я прикинул, с кем же можно сравнить вас в подготовке научных кадров? Только с академиком Ландау!” Разумеется, в том, что бывшие спортсмены удостоились ученых степеней, не его прямая заслуга, но себя они называют “джаксоновцами” и считают, что закалку на всю жизнь приобрели в “школе дедушки Сиды”.

Сидней Львович Джаксон первый практически разработал методы подготовки высококлассных спортсменов в условиях жаркого климата; позже теоретическим обоснованием занялся его ученик, кандидат медицинских наук М. Б. Франк. Распределение тренировочных нагрузок, питьевой режим, водные процедуры, личная гигиена и другие вопросы никогда прежде не рассматривались медицинской наукой. Таковы отличительные особенности созданной Джаксоном школы бокса. Несмотря на ее рационалистичность, ученики выросли непохожими друг на друга. Трудно было представить, что они занимались у одного тренера. Общее их количество невозможно подсчитать. За сорок пять лет он воспитал несколько тысяч учеников. Многие из них потом сами стали тренерами, так что количество его спортивных внуков и правнуков вообще не поддается учету.

В 1967 г. был учрежден турнир его памяти — мемориал Джаксона. Сегодня Узбекистан превратился в могучую “боксерскую державу”. Все ее

представители — питомцы одной школы, основоположник которой — Сидней Львович Джаксон.

* * *

Черный американец Оливер Джон Голден, прах которого ныне покоится на ташкентском кладбище, прибыл в Узбекистан вместе с 16 другими чернокожими специалистами в области сельского хозяйства в 1931 г. Среди них была одна белая американка еврейского происхождения — жена Оливера Берта Голден. Со своим будущим мужем она познакомилась в Штатах, в полицейском участке, куда их привели после разгона уличного митинга. Родители ее мамы, узнав о самом страшном для них — романе с черным, закрыли перед ней двери дома. О характере Берты говорит поездка с мужем в неведомый Узбекистан, хотя он предупреждал ее о всех трудностях и отсутствии всяческого комфорта: они едут не для развлечения, а для того, чтобы помочь тем, кто пытается, развивая сельское хозяйство, преодолеть разруху. Она сняла с себя меха и драгоценности и последовала за мужем.

Из автобиографии Дж. О. Голдена:

“Я родился в Соединенных Штатах Америки, в штате Миссисипи, в 1892 г. Мой отец был крестьянином из бывших рабов. Начал работать в возрасте 9 лет на хлопковой плантации. Учился я в Институте Таскиджи в Алабаме и Государственном сельскохозяйственном колледже в Алькорне Миссисипи. В 1918 г. я был призван в американскую армию и служил во Франции в течение мировой войны... В 1931 г. я организовал группу хлопковых специалистов-негров и привез их в Советский Союз. С 1931 по 1933 г. я работал в Центральной хлопковой селекционной станции около Ташкента... С сентября 1934 г. я работаю в Институте ирригации и механизации в Ташкенте...”

Группа афроамериканцев, приехавшая в Ташкент, поселилась тогда недалеко от маленького кишлака Янгиюль, где находилась селекционная станция. Их ждало все то, о чем предупреждал Голден: глинобитные дувалы, где жили узбеки, никогда не видевшие негров и, конечно, не знающие английского языка. Однако довольно скоро совместная работа наладилась. Оливер занялся выращиванием хлопка с использованием новейших методов, которые он изучал в Таскиджи. Члены его группы, кроме того, наладили в Узбекистане разведение традиционной американской птицы — индеек.

Лучшим другом Голдена среди членов группы волонтеров, первым примкнувшим к нему, был Джордж Тайнс. Он родился в семье индианки и негра в штате Вирджиния. Работал судомойкой, грузчиком, был боксером и футболистом, входил даже в национальную американскую футбольную команду. О нем говорили, как о “звезде американского футбола”. Но это не помешало “звезде” остаться безработным, когда он закончил университет... Джордж Тайнс уехал в Узбекистан, где стал разводить пекинских уток, впоследствии принял гражданство, опубликовал много статей о водоплавающей птице. Участвовал во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке,

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Джон Оливер Голден среди узбекистанской молодежи.
Фото 30-х гг. неизвестного автора

награжден государственными наградами, женился на русской девушке.

Джозеф Роан изучал сельскохозяйственные науки в Вирджинском университете. Его отцом был ирландец, мать — индианка, но в США его считали цветным. Его жена, приехавшая с ним, была негритянкой из Вирджинии. Они продлили контракт и прожили в Узбекистане до 1937 г.

Другой член этой группы — Джон Саттон. Родился в Техасе. Вместе с Оливером учился в Институте Таскиджи. Он продолжил свой контракт, женился на русской девушке, сестре жены Джорджа Тайнса. Джон Саттон много сделал для сельского хозяйства Узбекистана, например, разработал новые методы производства джута. Когда в конце 30-х гг. иностранцам предложили принять подданство или покинуть страну, он решил вернуться в США. Уезжал спешно, не успев попрощаться с женой и ребенком, и потерял их на долгие годы. Лишь в конце 60-х ему удалось разыскать их.

В 1934 г. истек трехлетний контракт с “Амторгом”, некоторые члены группы вернулись в США. Те, кто остался в Союзе, в их числе Голдены, переехали в Ташкент, где Оливер стал преподавать в Институте ирригации и механизации английский язык, а его жена преподавала тот же предмет в различных высших заведениях Узбекистана. Супруги Голден получили квартиру. Вскоре Оливер Джон Голден был избран депутатом Ташкентского городского совета. В июле 1934 г. у них родилась дочь Лия. Дочь получила узбекское гражданство при рождении, а родители — год спустя.

Здесь у них было много друзей — Файзулла Ходжаев, артисты Тамара Ханум, Кары-Якубов, композитор Ашрафи.

Семья чудом пережила 1937 г. Они всей семьей, вместе с приехавшим из США великим негритянским певцом и общественным деятелем Полем Робсоном, уехали отдыхать в Кисловодск. Когда, спустя месяц, вернулись домой, то узнали, что в их отсутствие за Оливером приходили из НКВД. Соседка рассказала, что многие из жителей Дома специалистов, где проживали Голдены, арестованы как “враги народа”. Оливер, захватив с собой пистолет, выданный ему для защиты от “басмачей”, тут же явился в НКВД. “Если вы в чем-то меня подозреваете, то можете арестовать”, — сказал он сотруднику НКВД. В ответ же услышал: “Можете идти домой. Свой план по врагам народа мы уже выполнили”.

Но многое изменилось: арестовали Файзуллу Ходжаева, Кары-Якубова и др. Часто арестованным предъявлялись обвинения в связи с иностранными разведками. Друзья все реже посещали квартиру Голденов: люди боялись встреч с приехавшими из-за рубежа. Оливер Голден очень изменился, часто грустил, мало шутил, прекратил розыгрыши. В 1940 г. он скоропостижно скончался от болезни сердца, начавшейся еще в США. Другой причиной было резкое обострение болезни почек, по которым в Нью-Йорке во время разгона демонстрации прошла полицейская дубинка.

В самом начале второй мировой войны Берта отдала две из трех комнат своей квартиры эвакуированным семьям. Ее об этом никто не просил, но она сочла своим долгом сделать это. Оставшись одна, с маленьким ребенком, в малознакомой стране, она пожервовала все свои сбережения — 6 тысяч долларов — на строительство танка.

Жить было очень трудно, и Берта была вынуждена продать все, что привезла из США, кроме пишущей машинки, на которой зарабатывала на жизнь. Хотя в Соединенных Штатах у Берты было четверо богатых братьев, они в трудные годы ничем не помогли ей. В 1947 г. Берта Голден начала работать на Ташкентском радио в отделе вещания на английском языке, откуда и ушла на пенсию в возрасте 55 лет. Позже уехала в Москву, где ее дочь Лия заканчивала исторический факультет МГУ.

В. А. Германов

* * *

Следует отметить американцев, приезжавших в Узбекистан и на короткие сроки. Это были и представители деловых и дипломатических кругов — промышленных и торговых фирм, изучавших рынок и ресурсы края, и журналисты, писатели, ученые.

Наиболее ранние сведения имеются о журналисте МакГахане, корреспонденте нью-йоркской газеты “Херальд” (New Yoru Herald), который в 1873 г., во время похода К.П. Кауфмана на Хиву, самостоятельно пересек от Сырдарьи пески Кызылкум, догнал русскую армию на Амударье и вместе с ней вошел в Хиву. В путевых заметках он оставил описания края,

обычаев, музыкальных инструментов; написал книгу, переведенную в 1878 г. на русский язык.

В том же году Ташкент посетил американский дипломат Юджин Скайлер. Его подробные впечатления о путешествии в Туркестан впоследствии были опубликованы на английском языке.

Интересны сведения о пребывании здесь американской писательницы Анны-Луизы Стренго. В 1928—1931 гг. она совершила поездку в Среднюю Азию, в том числе в Узбекистан, впечатления от которой остались в выпущенной в 1929 г. книге “Красная Звезда Самарканда”. В 1940 г. она вновь побывала в Средней Азии и в 1945 г. выпустила книгу “Народы Советского Союза”, один из разделов которой — “Узбекистан — страна белого золота” — подробно рассказывает о жизни узбекского народа в предвоенные и военные годы.

В 1932 г. здесь побывал американский писатель, поэт, публицист Хью Ленгстон (1902—1967). В 1934 г. он издал книгу “Негр смотрит на советскую Среднюю Азию”, а позже вновь вернулся к описанию народов нашей республики в автобиографической книге “Скитаюсь и удивляюсь” (1956).

В 90-е гг. XX в. настоятелем римско-католического прихода в Самарканде являлся ксендз американского происхождения отец Иван (Джон Ролоф), отдавший много сил восстановлению костела.

Л. И. Жукова, Ю. Ф. Буряков

Литература

Гарб П. Судьба семьи Голден / Пер. с англ. Мурзина Г. // Аргументы и факты. 1987. 25—31 июля. С. 5.

Голден Л. Родину мне подарила мама // Советская Россия. 1989. 8 марта.

Она же. Узбекский эксперимент черных американцев. Воспоминания // Московские новости. 1987. 13 сентября. С. 16.

Дэвис А. Мир нуждается в защите // Правда Востока. 1988. 31 мая.

Кумок Я. Долгие, долгие раунды // Встречи. Сб. очерков. Библиотека “Звезды Востока”. Вып. 3. Ташкент: Изд-во лит. и иск-ва им. Г. Гуляма, 1983. С. 79—104.

Личный архив историка В.А. Германова. Переписка с Л.О. Голден.

Матвеев А. М. Зарубежные выходцы в Туркестане на пути к Великому Октябрю (1914—октябрь 1917 г.). Ташкент: Фан, 1977.

Никольская Г. Б., Матвеев А. М. К истории азиатских и европейских выходцев в Средней Азии в начале XX века // Научные труды ТашГУ. Вып. 423. 1972. С. 76—115.

Скоробогатов А. Негритянский мотив // Ташкентская правда. 1987. 22 мая. С. 3.

Соломонов Ю. Выбор // Комсомольская правда. 1982. 30 сентября.

Он же. И в этой музыке были бы едины... // Они выбрали СССР. М.: Политиздат, 1987. С. 72—80.

Филанович М. И. Позднесредневековый Ташкент глазами американского дипломата // Археология, нумизматика и эпиграфика средневековой Средней Азии. Самарканд, 2000. С. 162—165.

АНГЛИЧАНЕ

Самоназвание — **инглиш**. **Народ**, основное население **Великобритании**. **Язык** — **английский**, относится к **западно-германской подгруппе германской группы индоевропейской семьи**. **Верующие** — **в основном протестанты-англикане, есть католики**.

Англичане в Узбекистане: **1926 г. — 20**
1979 г. — 5
1989 г. — 9

Сведения об англичанах в Узбекистане в прошлом столетии очень отрывочны и связаны лишь с пребыванием их здесь в качестве путешественников, послов, торговцев.

В научной литературе есть сведения, что Амир Темур и его сын Мираншах в целях поддержания торговых отношений завязали дипломатическую переписку с правителями Западной Европы, включая Англию. Сохранилась переписка с английским королем Генрихом IV, послания которого Амиру Темуру и Мираншаху были составлены на латинском языке, а Амира Темура — на персидском. Доверенными лицами, выполнившими дипломатическую миссию короля Англии, были представитель Ватикана архиепископ Иоанн и доминиканский монах Франциск. Более детальные сообщения о пребывании англичан в Средней Азии даются московским дипломатом Антонию Дженкинсоном при описании им Самарканда, Бухары, Хорезма, посетившим их в 1558—1560 гг. Его дневниковые записи неоднократно привлекали внимание историков Узбекистана.

В феврале 1740 г. по линии “Русской компании” в Хиву и Бухару направляется экспедиция в составе двух английских агентов — Георга Томпсона и Регнальда Хогга для выявления возможностей к расширению торговых связей и получения долгов с контрагентов. Оба благополучно добрались до Хивы, но по стечению обстоятельств в Бухаре смог побывать только Г. Томпсон.

В 1831—1833 гг. сюда совершил поездку А. Борнс, оставивший описание Бухарского ханства.

Во второй половине XIX в. здесь появляются постоянно или временно живущие выходцы из Англии — преподаватели английского языка, представители торговых кругов и промышленных фирм, служители гостиниц, портные и гувернантки. В обиходе они были больше связаны с русскими военно-чиновничьими слоями и купечеством, т.к. их конфессиональная обособленность создавала большие трудности в налаживании отношений с коренным населением. Не способствовала широким контактам и борьба царского правительства России с англичанами за установление господства в Средней Азии.

Посещали Туркестанский край и английские путешественники, стремившиеся приобрести или получить на память элементы архитектурного

декора выдающихся памятников культуры (фрагменты изразцов и др.). Об одном из них — Генрихе Ленеделе, посетившем Самарканд в 1884 г. и выразившем даже благодарность за возможность увезти с собой различного рода самаркандские изразцы, сохранились в печати сообщения современников. В 1899 г. в Туркестане в качестве туристок побывали две англичанки — Гюнтер и Ганбери, оставившие описания края. Англичанка мисс Горн служила гувернанткой у генерал-губернатора края Л.В. Вревского. С событиями первой мировой и гражданской войн связана деятельность председателя английской миссии в Туркестане Фредерика Бейли.

В последующие годы XX столетия число англичан в Узбекистане также было незначительным и включало лишь репрессированных, ученых или деятелей культуры. Некоторые из них имели различные европейские генеалогические корни, среди которых были английские ветви.

Английские корни имел, в частности, известный археолог Средней Азии академик М.Е. Массон, одним из предков которого по мужской линии был шотландец Мейссен, а по женской линии — англичанка С. Уайт.

Расширяющаяся в последнее десятилетие экономическая и культурная интеграция способствует более активному прибытию в Узбекистан научных и туристических групп, преподавателей английского языка и бизнесменов, хотя живущих здесь на постоянной основе англичан и сегодня единицы.

Л. И. Жукова, Ю. Ф. Бураков

Литература

- Борнс А.* Путешествие в Бухару в 1831, 1832 и 1833 гг.: В 2-х ч. М., 1848.
Дженкинсон А. Путешествие по Средней Азии в 1558—1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1933.
Массон М. Е. Из воспоминаний самаркандского археолога. Ташкент, 1976.
Пугаченкова Г. А. Михаил Евгеньевич Массон — основатель среднеазиатской археологической школы. Ташкент, 1995.
 Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд, 1898. Вып. 1.

АРАБЫ

Самоназвание — аль-араб. **Группа народов** (алжирцы, египтяне, марокканцы и др.) — основное население арабских стран Западной Азии и Северной Африки. **Арабский язык** относится к южной подгруппе западно-семитской группы афразийской семьи. **Основная масса арабов исповедует ислам, преобладают сунниты.**

Арабы в Узбекистане: 1926 г. — 27 977
 1979 г. — 2 039
 1989 г. — 2 805

Исторические источники и данные топонимики, а также лингвистические и этнографические материалы свидетельствуют, что арабы пришли в Среднюю Азию не из одного района и не в одно время.

Со второй половины VII в. начинается завоевание арабами Средней Азии. После взятия Самарканда в 712 г. Кутейба оставил здесь арабский гарнизон, для размещения которого использовали дома местных жителей. Такая же картина наблюдалась в Бухаре и ряде других городов. Так что к IX в. во всех крупных городах Мавераннахра имелись арабские гарнизоны и поселенцы.

Арабы принесли в Среднюю Азию новую религию — ислам, который быстро распространился среди оседлого, а затем и кочевого населения Мавераннахра. Арабский язык некоторое время был языком официальной переписи, но больше укоренился как язык науки, средство общения ученых не только Ближнего Востока, но и Средней Азии. На этом языке писали аль-Фараби и Ибн Сино, аль-Хорезми и Беруни. Арабский был языком ученых — Имама аль-Бухари, Имама аль-Матуриди и многих других. Марокканский путешественник Ибн Баттута (1304—1377) свободно общался на своем языке с учеными Мавераннахра.

На первых порах арабы жили довольно замкнутыми общинами даже в городах, занимая локальные районы, кварталы, гузары. Некоторые ученые связывают с этим появление в городах Мавераннахра и Хорасана особых пригородных районов — ар-рабадов.

В дальнейшем оседлые арабы, жившие в городах, ассимилировались с местным населением и растворились в массе коренного населения. Несмотря на многовековую метисацию с местным населением, они сохранили лингвистические следы, т.к. пользовались живым арабским языком, элементы которого активно включали в местные языки. Кочевые же арабы, селившиеся крупными племенными группами, дольше сохраняли свои особенности, в частности родной язык.

Часть арабов, возможно, переселилась в Среднюю Азию из западных и юго-западных областей не только Аравии, но и Хорасана. Например, племенное название “балуи”, бытующее у среднеазиатских арабов, встречается также у арабов восточных областей Ирана, Хорасана, Иезда и Кермана.

Более поздней группой переселенцев считают арабские племена из Северного Афганистана, из районов Балха, Андхой, Ахчи (племена сапони и тайбани). Они оседали в Несефе (Карши) и Гиссаре, а позже расселились в окрестностях Самарканда и Каттакургана.

В документах XVI в. имеется много сведений об арабах-бедуинах, живших в равнинной части Кашкадарьи. К XVIII в. относится сообщение о расселении племен кашаами, ходжани. Арабы оседали во всех среднеазиатских ханствах, но более всего их проживало в Бухарском эмирате. Здесь, в отличие от остального населения, они даже выплачивали особый налог — “араб пули”, или “шатта пули”.

Первые выборочные демографические сведения связываются с переписью 1897 г., в которой упоминаются 634 араба из Сурхандарьинской области. Первые четкие данные о количественном составе арабов известны

по работам Комиссии Туркеспублики в 20-х гг. прошлого столетия. Так, в Бухаре в 1924 г. было отмечено 44 398 арабов, в Кашкадарье — 7 321, отмечены племена карабаир, мушкоки, хашим, ходжаки.

Несмотря на относительную замкнутость арабов в быту, жизнь в течение ряда веков среди численно преобладающего местного населения Средней Азии, общие с ним исторические судьбы, одинаковый уровень развития производительных сил и, наконец, отсутствие различий в религиозных воззрениях привели к постепенному слиянию арабов с таджиками, узбеками и туркменами. В большинстве своем арабы давно утратили родной язык и теперь говорят на узбекском или таджикском (иногда арабский язык сохраняется как второй язык). В настоящее время арабов, знающих родной язык, можно встретить в кишлаках Гиждуванского и Вабкентского районов Бухарской области, кишлаке Джейнау Сурхандарьинской области, Касби — Кашкадарьинской. Однако даже там арабский язык сохранился со значительными изменениями в фонетике, лексике и синтаксисе.

На территории Узбекистана существуют две (по меньшей мере) группы арабских диалектов — бухарская и кашкадарьинская. На бухарский арабский диалект в большей степени повлиял таджикский язык, а на кашкадарьинский — тюркские языки. Бухарские и кашкадарьинские арабы практически не понимают друг друга.

В настоящее время большая часть арабов расселена по среднему и нижнему течению р. Зарафшан, от Самарканда до Каракульского оазиса, на левобережье Амударьи — в районах Чарджоу и Дейнау (Туркмения), ниже по Амударье — в районе Питняка и Шавата. Группа арабов расселилась в Канимехском районе Навоийской области.

Значительная группа арабов проживает в низовьях Кашкадарьи. Далее, на юго-восток, небольшие группы арабов живут в долинах Шерабадарьи, Сурхандарьи, Кафирнигана, Вахша, Кызылсу. Еще одна группа арабов живет на востоке Ферганской долины. Незначительное число арабских семей встречается и в городах — Бухаре, Карши, Каттакургане, Кулябе, Нурате, Шерабаде и др.

Помимо деления на территориальные группы (бухарские, каршинские, каттакурганские, самаркандские и др.), у арабов долго сохранялось деление на родоплеменные группы (но в настоящее время оно почти исчезло), например: курейш, шайбани, санони, балук. Согласно преданиям, от имени предков, живших несколько сот лет назад, происходят названия таких родовых групп, как зангибой, бахшинбой, искандари, рашиди, ходжап. Связи внутри родовой группы выражались в основном в совместном участии в семейных торжествах, во взаимопомощи и в наличии родового кладбища.

Согласно проводившимся ревизиям и переписям, в начале XX в. на территории Средней Азии проживало более 54 тыс. арабов. В 1929 г. в Узбекистане — 28 тыс. арабов, т. е. 0,5% от общего числа населения. А в 1959 г. — 5,4 тыс., из них только 2 077 чел. считали своим родным языком арабский. Во многом эти показатели связаны с изменением национального самосознания в советский период: многие арабы стали записы-

вать себя узбеками или таджиками, хотя в быту продолжали придерживаться национальных обычаев.

Основным занятием арабов являлось животноводство и земледелие. Наиболее развитой отраслью животноводства было разведение каракульских овец и верблюдов, а в южных районах — курдючных овец. Выращивали пшеницу, ячмень, люцерну. Сады и огороды имели только те, кто бок о бок жил рядом с узбеками и таджиками. В советской период арабы стали заниматься и хлопководством.

Из домашних промыслов было развито ткачество хлопчатобумажных тканей и особенно безворсовых ковров — гиламов, преимущественно двух видов: один вид “Киз гилам” (“Девичий ковер”) — тонкие, с преобладанием красного цвета, оригинально орнаментированные, шли на приданое. Основной мотив — изображение рядов птиц (самок и самцов), как символов счастья и плодородия. Второй — широко распространенный “Бозор гилам”, или “араби”, готовившийся специально для продажи. Основной узор — геометрические фигуры, искусно соединяемые в сложные композиции.

Отличие узоров арабских ковров от узбекских позволяет говорить о преемственности традиций многих поколений арабов, переселившихся в Среднюю Азию. Распространено среди них и ткачество из верблюжьей шерсти с производством верблюжьих чекменей.

В настоящее время арабы заняты во всех областях народного хозяйства республики, в сфере промышленности, торговли, образования.

Большая часть арабов в прошлом вела полукочевой образ жизни, основным видом жилища до 30-х гг. прошлого века была юрта, можно было встретить шалаши различной формы. Однако постепенное слияние их с коренным населением привело к освоению традиционного узбекского жилья — домов с замкнутыми дворами.

Одежда местных арабов аналогична узбекской и таджикской. Некоторое своеобразие сохранилось лишь в женской одежде, в особенности в украшениях и головном уборе в селениях Камаша и Джейнау. Раньше женщины этих районов носили серьгу в носовой перегородке (зимом). Как и у полукочевых узбеков, в прошлом они не закрывали лица.

Среднеазиатские арабы и по сей день строго придерживаются браков внутри своего народа. Особенно осуждается выдача замуж девушек за неарабов. Предпочтительны кузенные браки. Размеры приданого у арабских невест намного превышают расходы жениха на проведение свадебных торжеств. В настоящее время характерно господство малой семьи, но немало и больших неразделенных патриархальных семей.

О. Кобзева

Литература

Андреев М. С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году // Известия Туркестанского отделения РГО. Ташкент, 1924. Т. 17.

Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987.

Буняковский А. В. О пространстве и населении Туркестанского края. Ежегодник. Вып. 1. СПб., 1872.

Бурыкина Н. Н., Измайлова М. М. Некоторые данные по языку арабов кишлака Джугары Бухарского округа и кишлака Джейнау Кашкадарьинского округа Узбекской ССР // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. Т. 5.

Валин С. Л. К истории среднеазиатских арабов // Труды второй сессии Ассоциации арабистов, 19—23 октября 1937 г. ТИВ. Вып. 36. М., 1941.

Вамбери А. Путешествия по Средней Азии. М.;СПб., 1865.

Он же. История Бухары, или Трансаксонии, с древнейших времен до настоящего времени / Пер. А. И. Павловского. СПб., 1873. Т. 1— 2.

Винников И. Н. Арабы в СССР // Советская этнография: В 4-х т. М., 1940.

Григорьев В. В. Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии. СПб., 1876.

Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. Т. 1— 2.

Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства // Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1879. Вып. 5. С. 77—129.

Макшее А. Н. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае // Записки Русского географического общества по отделению статистики. СПб., 1871. Т. 2.

Морозова А. С. Локальные черты в народном декоративном искусстве Узбекистана. М., 1984.

Мулладжанов И. Население Узбекской ССР: Справочник. Ташкент, 1989.

Народы Средней Азии и Казахстана // Под ред. С. П. Толстова. М., 1963. Т. 2.

Темина Т. Н. Ткани в одежде кочевых и полукочевых народов Средней Азии // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.

Терентьев М. А. Статистические очерки Среднеазиатской России // Записки Русского географического общества по отделению статистики. СПб., 1874. Т. 4.

Хорошхин А. Народы Средней Азии // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. 3. СПб., 1874.

Церетели Г. В. Материалы для изучения арабских диалектов Средней Азии // Записки Института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1939. Т. 7.

Он же. Арабские диалекты в Средней Азии // Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция семитологии. М., 1954.

СИРИЙЦЫ

Составной частью арабской группы населения являются сирийцы, иракцы, алжирцы и др., которые в переписях входят в группу “арабы”. Говорят на сирийском диалекте арабского языка. Верующие — мусульмане-сунниты, около 10% христиан.

Своим национальным языком сирийцы считают арабский, но многие из них, особенно в городах, общаются на французском, т.к. алжирский диалект имеет много наречий и выходцы из разных районов страны плохо понимают

друг друга. В Узбекистане они хорошо освоили узбекский и русский языки.

Известны лишь отрывочные данные о ранних этапах появления сирийцев в Узбекистане. В крупнейших городах — Самарканде, Бухаре найдены сирийские стеклянные сосуды, доставлявшиеся сирийскими купцами по Великому шелковому пути. Известно, что в первые века н.э. религиозное противоборство в регионах Ближнего Востока привело к массовому переселению сторонников преследуемых религий, в частности сирийцев-христиан, в Среднюю Азию и сложению здесь общин. Свидетельством этого являются наскальные надписи сирийской христианской общины близ Самарканда, где вырос средневековый городок. Сирийцы были земледельцами, ремесленниками, врачами, архитекторами, миссионерами.

Предполагается, что правительственный дворец в Самарканде, построенный в середине VIII в. Абу Муслимом в хорасанском стиле, вероятно, возводился сирийскими строителями.

Сообщается, что Амир Темур из походов в Месопотамию и Сирию привез искусных мастеров. Клавихо пишет, что из Дамаска он вывез мастеров, которые ткут разные шелковые ткани, делают луки для стрельбы и разное вооружение, обрабатывают стекло и глину, лучшую в мире.

Они повлияли на производство ремесленников Узбекистана, в частности на шахрисабзских дуппидузов, производящих тюбетейки “ироки” по образцу работ мастеров Ирана, расселившихся здесь еще во времена Темура.

В 60-е гг. XX в. и в последующие в Узбекистане учились студенты из Алжира и Сирии (ирригационный институт и др.). Некоторые из них создали семьи и проживают в республике до сих пор (журналист Мухаммед аль-Бухари и др.). По переписи некоторые называют себя арабами.

Л. И. Жукова, Ю. Ф. Буряков

Литература

Извлечения из путешествия Ибн Баттуты. Средневековые письменные источники о древнем Ургенче. Ашхабад, 2000.

Карев Ю. В. Политическая ситуация в Мавераннахре в середине VIII в. // Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М., 2001.

АРМЯНЕ

Самоназвание — хай. Народ, основное население Армении. Язык — армянский, самостоятельная ветвь индоевропейской семьи языков. Верующие — в основном христиане-монофиситы, есть католики, протестанты.

Армяне в Узбекистане:	1926 г. — 14 976
	1979 г. — 42 374
	1989 г. — 50 537
	2000 г. — 42 359

Появление армян в Среднеазиатском регионе относится к III-IV вв. н.э. и связано с распространением христианства. Преследуемые в Римской империи приверженцы новой религии устремились на Восток — в Иран, Среднюю Азию и Восточный Туркестан. В те времена Армения, первая принявшая христианство в качестве официальной государственной религии, находилась в политической зависимости от Ирана, а затем была разделена между ним и Византией.

Как показывают исследования последних лет, распространение христианства в Средней Азии связано не только с гонениями на людей новой веры в Византии и Сасанидском Иране, но и с торговлей на Великом шелковом пути. В составе миссионерских групп нередко оказывались купцы-христиане, среди которых было немало армян. Некоторые торговцы и миссионеры осели здесь навсегда.

Попадали в Среднюю Азию армяне и в составе армий, как Ирана, так и Парфии. Так, в 599 г. иранский шах назначает армянского полководца Смбага Багратуни военачальником армяно-персидского войска и посылает его завоевывать страну кушанов. Одержав несколько побед, он подчиняет большой район Туркестана и становится здесь наместником. Есть сведения о том, что во время походов в страну кушанов был основан армянский город.

О том, что на территории Средней Азии издавна существовали армянские поселения, свидетельствуют раскопки и сохранившиеся документы. Так, на городище старого Термеза археологи обнаружили христианский храмовый комплекс, построенный по канонам армянской церковной архитектуры VII-VIII вв. Довольно значительное количество армянских ремесленников — строителей, ювелиров, оружейников и каменотесов привез в Самарканд Амир Темура, подтверждение чему находим в книге испанского путешественника Рюи Гонзалеса де Клавихо. Во время второго похода Темура из юго-западной Армении в Самарканд было переселено почти все ее население.

Вместе с пленными армянами в Самарканд попал священник Карапет Джугаеци. Вскоре он стал католиком местных христиан. Впоследствии, при Улугбеке, небольшая часть армян была обращена в мусульманство. Однако многие оказали сопротивление и остались христианами.

В различные регионы Средней Азии, преимущественно в города, армяне группами и в одиночку переселялись и в последующие века. Это были торговцы и ремесленники, селившиеся не только в крупных, но и в провинциальных городах, даже на границе с Китаем и Индией. Особенно тесные связи армянские купцы из Ирана, Турции и Индии имели с деловыми людьми Бухарского и Кокандского ханств.

В середине XIX в. выходцы из Армении, главным образом мужчины, появились в Туркестане в ходе завоевания имперской Россией Средней Азии. Они переселялись из Зангезура, Карабаха, Западной Армении. Активное освоение армянами центральных районов Туркестанского края началось в связи со строительством железной дороги Красноводск—Самарканд. Руки умелых кавказских ремесленников пришлись очень кстати при возведении вокзалов и мостов, паровозных депо и каменных домов, сооружаемых новыми правителями края.

Имелась и другая причина: русские офицеры и чиновники, в большинстве своем не владевшие языком местного населения, вынужденно прибегали к услугам толмачей (переводчиков). Первыми посредниками между русскими и тюркоязычными жителями края были татары и башкиры, которых вскоре потеснили армяне, свободно владевшие турецким или персидским языком (так как историческая Армения в то время была поделена между этими азиатскими державами). И что было немаловажно для российских властей — армяне были христианами.

Имперские власти на первых порах поощряли армян, стремившихся переселиться в Среднюю Азию. Одна из московских газет писала об армянских переселенцах: “Этот честолюбивый и очень способный народ, несмотря на свою, сравнительно с другими жителями Туркестана, малочисленность, играет выдающую роль как в экономическом, так и в культурном отношении”. Когда же поток переселенцев стал увеличиваться и армяне Кавказа, Турции и Ирана стали заселять города Зарафшанской и Ферганской долин, а также Ташкент, российская администрация сочла необходимым значительно ограничить его. Объяснялось это опасением, что ловкие и опытные армянские купцы и предприниматели вытеснят “русский элемент” из экономики Туркестанского края.

По данным статистики, в 1895 г. в Самаркандской области проживало 167 армян, из них в самом Самарканде — 161 (153 мужчины). Если в первые годы после российского завоевания в Самаркандской, Ферганской областях проживало армян меньше, чем в других районах Средней Азии, то за десять лет, с 1902 по 1913 г., армянское население Ферганской области увеличилось на 2130 чел. и составило 3292 чел., из них в городах — 1602 чел., на селе — 1690 чел.

Цифры показывают, что, несмотря на ввод ограничений со стороны царской администрации, число армянских переселенцев в Туркестанском крае продолжало расти. Соответственно, расширялась и сфера их жизнедеятельности — в городах появились ремесленные мастерские и фабрики, винодельни, бани, гостиницы, доходные дома и рестораны, магазины, основанные ими. Немало армян находилось на государственной и военной службе.

С конца XIX в. на территории нынешнего Узбекистана учреждаются армяно-григорианские приходские школы. Преподавание в них, за исключением Закона Божьего, строго предписывалось вести на русском языке.

В начале XX в. армянская диаспора становится все более устойчивой в хозяйственном отношении и ее благосостояние неуклонно растет.

В 1903 г. католикос Мкртич специальным церковным указом поздравлял “господина Татевоса Овсепянца, усилиями и надзором которого построена армянская церковь Святой Богородицы в Самарканде” (с 1899 г. здесь действовал армяно-григорианский молитвенный дом). В 1908 г. и в Ташкенте была построена армяно-григорианская церковь.

В начале 20-х гг. в Туркестанской Республике формируется Армянское Центральное бюро. При нем поэтапно было создано 13 школ, три дошкольных учреждения, клуб и три библиотеки. В печатном органе Туркомнаца “Жизнь национальностей” 11 сентября 1922 г. была помещена обширная статья об армянской диаспоре Туркестана.

В советский период армянская диаспора Узбекистана еще более увеличилась, как за счет естественного прироста, так и в связи с миграцией отдельных семей и специальным переселением из Армении. В 1970-х гг. только в крупных городах республики (Ташкент, Самарканд, Коканд, Андижан, Бухара) проживало более 50 тыс. армян.

Армяне внесли заметный вклад в развитие экономики, искусства, культуры и просвещения республики, имена наиболее известных из них навсегда вошли в историю Узбекистана. Среди них известная танцовщица Тамара Ханум, народные художники Узбекистана В. Н. Еремян (1897—1963), О. К. Татевосян (1889—1974), Н. Г. Карахан (1900—1970), Р. А. Агбальян, Р. П. Аванян (1932), музыкальный деятель А. Н. Петросянц (создал в 1938 г. Узбекский оркестр реконструированных народных инструментов), музыковед Т. О. Головянц и многие другие.

По состоянию на 1960 г. среди 207 научных работников Узбекистана армянской национальности было 8 докторов и 54 кандидата наук, в 1967 г. — уже 12 докторов и 84 кандидата наук.

После распада СССР и образования независимых государств армянская диаспора республики стала сокращаться в связи с переселением в другие страны — прежде всего Армению, Россию, Украину, США, Францию.

*В. А. Германов,
при использовании материалов Р. Назарьян*

Литература

- Алпояджян А.* История армян-переселенцев. Никосия (Кипр), 1941. Т. 1.
- Амитин-Шапиро З. Л., Юабов И. М.* Национальные меньшинства Узбекистана. Ташкент, 1935. С. 51.
- Армяне. Ереван: Луйс, 1991.
- Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р.* Узбекистан многонациональный: Историко-демографический аспект. Ташкент: Изд-во мед. лит-ры им. Абу Али Ибн Сино, 1998.
- Григорьянц А. А.* Армяне в Средней Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1984.
- Он же.* Армянская Апостольская церковь в Средней Азии // К истории христианства в Средней Азии (XIX—XX вв.). Ташкент: Узбекистон, 1998. С. 201—208.
- Гундоглыев О. А.* Некоторые данные о христианстве в Закаспийской области (конец XIX—начало XX вв.) // К истории христианства в Средней Азии. Ташкент, 1998.
- Записки о Бухарском ханстве. Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича. М., 1983.
- Киракосян Дж. С.* Младотюрки перед судом истории. Ереван: Айастан, 1989.
- Марр Н.* Надгробный камень из Семиречья с армянской надписью 1323 г. // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб., 1893—1894. Т. 8.
- Масальский В. И.* Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга / Под ред. П. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1913. Т. 19.
- Назарьян Р.* Обретение храма // Луйс (Самарканд). 1996. № 5.

Он же. Средняя Азия и армяне // Луйс (Самарканд). 1996. № 6.

Он же. Столетие на берегу Зарафшана // Луйс (Самарканд). 1997. № 3—4.

Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии. М., 1984.

Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1403—1406). М.: Наука, 1990.

Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958.

Слуцкий С. С. К семиреченским несторианским надписям // Древности восточные. М., 1891. Т. 7. Вып. 2.

ЦГА РУз. Ф. Р-34, оп. 1, д. 2223, л. 8.

АССИРИЙЦЫ

Самоназвание — айсоры, атурая. **Древний народ, живущий ныне в странах Ближнего Востока, США, Средней Азии и Казахстане, России, Иране, Турции. Язык в Узбекистане** — в основном русский, узбекский. **Верующие** — в основном христиане (православные, реже католики), несториане, хотя были и последователи специального направления — **ассирийской церкви Востока.**

Ассирийцы в Узбекистане: **1979 г. — 260**
 1989 г. — 186

Время первого появления ассирийцев в Средней Азии точно не зафиксировано, хотя в научной литературе считается, что начинается оно с расцвета Ассирии в первой половине I тыс. до н. э., и к ассирийцам относят представителей торгово-культурной части жителей, которые не только несли в Иран и Среднюю Азию элементы культуры Переднего Востока, но и перевели на семитские языки труды философов, врачей, ученых античной Греции.

В числе первых христиан-несториан они пришли сюда из Рима, а затем, восприняв учение патриарха Якова Бородая, осели здесь в качестве яковитов. Один из их центров функционировал в средневековом Хорезме. Основное население ассирийцев было сосредоточено на Кавказе, в Армении, Турции и Иране. Отсюда они выезжали в Среднюю Азию.

Поскольку яковиты, несториане, православные преследовались турками и иранцами, папские миссионеры пытались склонить их к переходу в католицизм. Однако ассирийцы неоднократно обращались к России с просьбой принять их в православие. В 1863 г. в Иран и Турцию направлялся представитель Синода Софония (назначенный впоследствии главой Туркестанской епархии), который подтвердил желание ассирийцев принять православие. Однако из политических соображений это решение не было принято. Тем не менее, большинство ассирийцев, в т. ч. и Узбекистана, вплоть до настоящего времени придерживаются православной веры.

Современные ассирийцы Узбекистана дисперсно расселились в городах. Заняты преимущественно в интеллектуальной сфере — историки, экономисты, педагоги. Иосиф Сергеевич Шабазов (Шахбазов, 1927 г. р.), учитель физкультуры, приехал в Ташкент по распределению из Тбилиси в 50-е гг. Несколько ассирийских семей проживало в Самарканде. Среди них были преподаватели музыки. Проживающие в сельской местности в основном занимаются садоводством и виноградарством.

Одежда и обычаи ассирийцев — и европейские, и восточные, преимущественно кавказские. Однако часть их придерживается традиции празднования ассирийского Нового года, приходящегося на 1 апреля, для которого у некоторых сохранились элементы простого, но красочного национального костюма. В музыкальной жизни используются традиционные восточные струнные, духовые и ударные инструменты. Очень разнообразна пища, включающая и восточные, и европейские блюда с обилием мяса, рыбы, овощей, приправ и фруктов.

Л. И. Жукова, Ю. Ф. Буряков

Литература

Матвеев К. П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время. М., 1979.

Тамара Бабаджановна Саркисова родилась в 1927 г. в Саратове. В этом городе осели ее родители. Мать — Хатун Маликова, отец — Бабаджан Саркисов, по национальности ассирийцы, бежали в 1916 г. из Ирана (провинция Урмия) от преследований за веру. К моменту рождения девочки у родителей уже был сын Георгий Маликов. Вскоре родился еще мальчик — Сергей Маликов. В конце 20-х гг. семья переехала в Узбекистан.

С 1932 г. по 1960 г. Тамара Бабаджановна жила в Янгиюле. После окончания средней школы, а затем курсов инструкторов по кройке и шитью при ТуркВО, она ведет уроки труда в школе. В 1960 г. переезжает в Ташкент в связи с замужеством. Муж — Искандеров Сергей Михайлович (отец — азербайджанец, мать — русская) был также православной веры. С 1962 г. и до самой пенсии Тамара Бабаджановна (теперь уже Искандерова) преподавала в школе № 27.

В семьях родственников Бабаджановых есть женщины разных национальностей (диаспора ассирийцев в республике была малочисленной, так что выбор невест был более чем скромным) — немка, узбечка, крымская татарка и др., но всех детей третьего поколения по настоянию старших крестили в

Фотография
удалена в целях
облегчения интернет-
версии

Тамара Бабаджановна
Саркисова.

Из семейного альбома

православной церкви. Более того, в кругу большой семьи всегда отмечались все христианские праздники.

Члены этого рода придерживались и другой традиции своих соплеменников — наследование профессии родителей, старших братьев и сестер. Так, лишь в одной их семье было четверо врачей. В семье их близких родственников Лазаревых три брата — агрономы. Очень распространена профессия учителя.

Сергей Бабаджанович Маликов много лет проработал на Янгиульском винзаводе в должности главного винодела. Продукция этого завода не раз получала медали на престижных винодельческих ярмарках.

Однако постепенно молодежь от обычаев своих предков начала отходить. Сын С. Б. Маликова — Алик Сергеевич

закончил искусствоведческое отделение Ташкентского театрально-художественного института.

“Когда я была еще молода, — вспоминает Тамара Бабаджановна, не утратившая с возрастом былой красоты, — на все торжества обязательно приглашала своих земляков, готовила национальные ассирийские блюда — кету (у армян она сладкая, а у нас должна иметь присоленную начинку), долму и другие вкусности. Соблюдали свои обряды. Но теперь одних уж нет, а другие разъехались по всему свету”.

Р. С.: В домашней библиотеке нашей героини вот уже более двадцати лет хранится зачитанная книга К. П. Матвеева “Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время”, с содержанием которой мне любезно было разрешено ознакомиться. Как выяснилось, это издание имеется и в других семьях ассирийцев, что косвенно подчеркивает их высокое сознание.

Л. И. Жукова

АФГАНЦЫ

Термин “афганец” может иметь два значения: 1) житель, гражданин Афганистана (независимо от национальности); 2) представитель одной из ираноязычных национальностей, составляющий основное население Афганистана (мусульмане-сунниты), говорящий на афганском (пашто) языке, т. е. синоним слова “пуштун”. Афганистан — многоэтническое государство, на его территории проживают 20 этнических групп (помимо самой крупной из них — пуштун, живут хазарейцы — мусульмане-шииты, джимшиды, узбеки, таджики, туркмены, казахи, белуджи и др.). Название “афганцы”, происхождение которого не известно и самими представителями этноса не употреблявшееся, впервые встречается в письменных источниках XV, а с XIV в. используется для обозначения страны.

Афганцы в Узбекистане:

1926 г. —	1 294
1979 г. —	826
1989 г. —	1 655

Еще в II—I тыс. до н. э. народы Северного Афганистана и Южного Узбекистана входили в состав единой географической области Бактрия, а в первой половине I тыс. н. э. — в состав единого громадного государства Кушан, и имеют общие корни раннеземледельческой культуры от Сурхандарьи до Балха. И лишь со второй половины I тыс. до н. э. в связи с формированием мелких средневековых владений выделились в самостоятельные историко-культурные области, эпизодически объединяясь в общие крупные государства, включая державу Амира Темура и Темуридов.

Сохранились документальные памятники, свидетельствующие о том, что в Самарканде в XVI в. были рабыни-афганки.

Афганцы численностью более двух тысяч человек в 20—50-е гг. XVIII в. и позднее входили в состав войск Бухарского ханства, где были в основном стрелками и артиллеристами. Значительная волна эмигрантов из Афганистана, из-за междоусобной войны 60-х гг. XIX в., хлынула в среднеазиатские ханства.

С 1868 г. афганцы постепенно начали проникать и в пределы Туркестанского генерал-губернаторства. Часть из них поселилась в Самарканде, где постепенно ассимилировалась с местным населением. В начале 70-х гг. XIX в. афганцы, хоть и в незначительном числе, уже проживали в Ташкенте. Причем количество их в главном городе Туркестанского края неизменно росло.

Еще в конце XIX — начале XX в. афганцы в городах Бухарского эмирата оставались пришлым, “непостоянным элементом”. Основная масса купцов-афганцев проживала в караван-сараях Бухары, занималась торговлей индийскими товарами (чай, индиго, кисея) и вывозила русские товары.

Некоторые из них обзавелись здесь вторыми семьями, занимали свои дворы.

Ко второму десятилетию XX в. в Туркестане проживало 6—7 тыс. афганцев, хазарейцев, джимшидов, представителей других народностей и племен, прибывших из Афганистана (или через него).

Перед событиями 1917 г. отдельные выходцы из Афганистана получали образование в местных мусульманских, русско-туземных и даже в престижных новометодных школах. Более того, дети состоятельных афганцев занимались в русских начальных школах, гимназиях и подготовительных классах при них.

Несмотря на то что после 1917 г. миграционные процессы находились под жестким контролем советского государства, в годы гражданской войны из Афганистана на территорию Туркестана эмигрировало некоторое число афганцев.

В феврале 1918 г. из Афганистана в Бухару прибыли 2 тыс. добровольцев под командованием английских офицеров для борьбы с местными большевиками и младобухарцами. Вполне возможно, что не все они впоследствии вернулись на свою историческую родину, а оставшиеся быстро ассимилировались среди местного населения.

В начале 20-х гг., по сведениям А. Семенова, афганцы встречались только кое-где в равнинной Бухаре и в Самаркандской области. В историческом источнике “Таърих-и Салими” имеются сведения о пребывании во втором десятилетии прошлого века афганского посольства во главе с Мухаммад Вали-ханом в Ташкенте и Бухаре.

В 20—30-е гг. XX в. представители афганской национальности в Узбекистане традиционно занимались торговлей, а беднота — на подсобных работах. Несмотря на все принимавшиеся со стороны местных властей меры, афганцы отказывались идти на производство.

В этот период в Ташкенте действовал Афганский клуб, в котором царил национальный микроклимат, и взрослые могли эффективно обучать своих детей родному языку, обговаривать торговые сделки, обсуждать текущие проблемы общины.

В конце 20-х гг. прошлого века заметное скопление представителей различных афганских племен наблюдалось в приграничной полосе Узбекистана, связанное с советско-афганской экспедицией в Афганистан 1929 г.

Народы Афганистана имеют много общего в традициях, обычаях, национальном укладе жизни с народами сопредельных стран, в том числе и с Узбекистаном.

С 80-х гг. XX в. в Узбекистане постепенно сложилась относительно заметная диаспора афганцев-беженцев. Фактическое их количество не зарегистрировано. В их число входят лица, оставшиеся после получения высшего образования, создавшие здесь семьи, работающие в сфере обслуживания и другом мелком бизнесе.

Е. Г. Некрасова, Л. И. Жукова

Литература

- Али-хан Аман.* Миграция населения Узбекистана (1989—1998). Ташкент, 2000. С. 90.
- Асланов М.Г.* Афганистан // Народы Передней Азии / Под общ. ред. С. П. Толстова. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 53—106.
- Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р.* Узбекистан многонациональный: Историко-демографический аспект. Ташкент: Изд-во мед. л-ры им. Абу Али Ибн Сино, 1998. С. 144—150.
- Ахмедов Б. А.* Тухфат ал-хани (ханский подарок) // Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. (Письменные памятники) / Отв. ред. У. И. Каримов. Ташкент: Фан, 1985. С. 114—120.
- Бартольд В. В.* Историко-географический обзор Ирана. Работы по исторической географии и истории Ирана // Отв. ред. И. П. Петрушевский. М.: Наука, 1971. Т. 7. С. 94-96.
- Бойко В.* Советско-афганская военная экспедиция в Афганистан 1929 года // Азия и Африка. 2001. № 7. С. 31—37.
- Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана / Отв. ред. О. А. Сухарева. М.: Наука, 1976. С. 115.
- Логашова Б. Р.* Афганцы // Народы мира: историко-этнографический справочник / Гл. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 74—76.
- Мейендорф Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару / Ред. Н. А. Халфин. Пер. с франц. Е. К. Бетгера. М.: Наука, 1975. С. 103.
- Соколов А. Я.* Из истории русско-афганских контактов конца 60-х — начала 70-х гг. XIX в. / Отв. ред. Ш. М. Шамухамедов // Научные труды ТашГУ. 1973. Вып. 456. С. 115—127.
- Сухарева О. А.* Бухара. XIX — начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М.: Наука, 1966. С. 181.
- Она же.* Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: Наука. 1970. С. 90.
- Матвеев А. И.* Зарубежные выходцы в Туркестане на пути к Великому Октябрю (1914 — октябрь 1917 г.). Ташкент: Фан, 1977. С. 15.
- Мухаммеджанова Л. П.* Общественно-политическая ситуация в Бухаре в начале XX века и развитие демократического движения: Автореф... дис., канд. ист. наук. Ташкент, 1999. С. 23.
- Семенов А.* К проблеме национального размежевания Средней Азии // Народное хозяйство Средней Азии. 1924. № 2—3. С. 39.

Кузен эмира Афганистана Амануллы, экс-губернатор Северной провинции (Мазари Шариф) Раим Мухаммади прожил долгую и богатую событиями жизнь.

Когда в 1929 г. в Афганистане вспыхнуло антиправительственное восстание, эмир Аманулла отрекся от престола и вместе со своим окружением бежал на юг страны, в Кандагар. Сам Раим Мухаммади “погнал своего коня из Мазари Шарифа прямо на север, через пограничную

Амударью, на советскую территорию. Другой возможности спастись не было”.

Не зная русского языка, знатный афганец сильно бедствовал в Бухаре и Самарканде. В начале 30-х гг. он сумел кое-как перебраться в Ташкент. И хотя получал копеечное жалование в качестве технического служащего в одном из институтов, жизнь его понемногу начала налаживаться. Женился на симпатичной русской девушке Серафиме Алексеевне. Вскоре у них родилась дочь, которую назвали Хума (по-домашнему — Ума).

В злополучный 1937 г. его семья подверглась репрессиям. Родственников Амануллы-хана обвинили в шпионаже в пользу Афганистана. Афганского принца посадили вначале во внутреннюю тюрьму НКВД, но в 1938 г. перевели в республиканскую — два мрачных корпуса, обнесенных кирпичной стеной с башнями по краям (теперь на этом месте располагается трикотажная фабрика “Юлдуз”).

Следствие по делу Мухаммади длилось четыре года. Осудили на восемь. В камере площадью 36 кв. м были размещены трехэтажные нары. Тяжелее всех приходилось тому, кто спал на цементном полу. Мухаммади сначала занимал место под нарами. После очередных расстрелов освободилось место рядом с хирургом-ученым и епископом (впоследствии причисленным к лику святых) Войно-Ясенецким. Это двухгодичное соседство с владыкой оставило в памяти правоверного мусульманина Раима Мухаммади незабываемые впечатления.

Другим сокамерником Раима, с которым он накрепко сдружился, был армянин Арташес Аведов (отец его бежал из Ирана в 1915 г. в связи с преследованием христиан), работник Иранского консульства, отец ныне известного искусствоведа Нины Арташесовны Аведовой. Случилось так, что ее мама — Сатеник, арестованная в один день с мужем, находилась в одной камере с женой Раима Мухаммади — Симой. Через год женщины оправдали.

Таким образом, Н. А. Аведова, еще будучи школьницей, хорошо знала семью Мухаммади. Когда его освободили, Нина Аведова порекомендовала афганского знакомого в качестве преподавателя на восточный факультет САГУ, студенткой которого являлась. Раим Мухаммади понадобился как носитель афганского и персидского языков.

Это был 1944 г. Свое имя Раим Мухаммади изменил на Раимджона Умарова. Именно такая подпись стоит под его портретом на выпускной виньете отделения ирано-афганской филологии востфака САГУ (1944—1949).

По рассказам академика А.П.Каюмова, Раим Умаров не только прекрасно знал персидскую литературу, но и сам был

поэтом. Иногда на лекциях декламировал свои стихи. Он читал и спецкурс по изучению бессмертного произведения классика мировой литературы XIII в. Саади “Гулистан”. При этом Азиз Пулатович неоднократно подчеркивал высокую образованность, воспитанность и доброту своего учителя.

В доме Н. А. Аведовой Раимджон вместе со своей женой и “прелестной красоты” дочерью бывал очень часто. Любил соленую капусту, приготовленную по-армянски. Жили они тогда по соседству, на улице Малясова, вместе с сестрой жены. Средств на проживание не хватало. Но Сима много и хорошо вязала, и это было существенным подспорьем.

В начале 50-х гг. семья Раимджона Умарова переехала в Москву. В первые годы в столице им жилось тоже нелегко, но вскоре, по счастливому стечению обстоятельств, Раиму Омаровичу Мухаммади (так теперь называли его в Москве) выделили просторную квартиру в доме для иностранцев на Кутузовском проспекте и пригласили работать в Институт народов Азии.

Во второй половине 70-х гг. академик, доктор искусствоведения Г. А. Пугаченкова встретила в Герате своего бывшего коллегу по преподавательской деятельности Раима Мухаммади. Они вспоминали, как общались когда-то в домашнем кабинете академика М. Е. Массона, говорили о зодчестве Афганистана. Во время их последней встречи Мухаммади числился в первых лицах администрации Кабульского исторического музея.

Фотография
удалена в целях
облегчения интернет-
версии

Раим Умаров
(Раим Мухаммади).
Из архива Л. И. Жуковой

Л. И. Жукова

Литература

- Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого — епископа и хирурга // Октябрь. 1990. № 4. С. 30—32.
- Бойко В. Советско-афганская военная экспедиция в Афганистане 1929 года // Азия и Африка. 2001. № 7. С. 31—38.

БАШКИРЫ

Самоназвание — башкорт. **Народ в Российской Федерации, коренное население Башкортостана. Язык** — башкирский, относится к кипчакской подгруппе тюркской группы алтайской семьи. **Верующие** — мусульмане-сунниты.

Башкиры в Узбекистане: 1926 г. — 765
 1979 г. — 25 579
 1989 г. — 34 791
 2000 г. — 3 707

Происхождение (этногенез) и формирование башкирского народа представляет собой сложный и длительный процесс. Башкиры появились на исторической арене более тысячи лет назад.

Основу этноса составили древнетюркские племена, связанные своим происхождением с Саяно-Алтайским нагорьем, Центральной Азией, Южной Сибирью. Об этом говорят данные языка родоплеменной номенклатуры, многие культурно-бытовые традиции, тамги и легенды. Ядро древнебашкирского этноса не сразу и не прямым путем пришло в современный Башкортостан.

В течение длительного времени они кочевали на просторах современного Казахстана. Арабский дипломат Ахмед ибн Фадлан, побывавший в 922 г. в Арало-Каспии, давая этнополитическую картину того времени, помимо тюрков, кочующих в межаралокаспийском районе, отмечает огузов и небольшие группы печенегов к северу от Устюрта, а еще севернее — башкиров.

Башкиры входили в состав ранних тюркских военно-политических объединений. Историки, этнографы и фольклористы показали, что по происхождению и дальнейшей культурной и политической истории башкирский народ очень близок к каракалпакам. В преданиях многих башкирских племен содержатся сведения о приходе их предков из Средней Азии, Приаралья, низовьев Сырдарьи, Хорезма и Бухары. Эти связи уходят в глубь веков и четко прослеживаются в XVI—XVIII вв., когда Башкирия уже вошла в состав Российского государства.

Родственная культура помогала башкирам быстрее других европейских этносов договариваться с народами Востока в вопросах политики и экономики. Не случайно в 1819 г. возглавить официальную миссию России в Хиву пригласили башкирского старшину С. Ч. Абубакирова.

Во второй половине XIX в. приток башкир в среднеазиатские ханства по разным мотивам усилился, особенно после присоединения Туркестана к России.

Среди многонационального населения Ташкента начала 70-х гг. XIX в. присутствуют в небольшом количестве и башкиры. Близость языков давала им возможность служить толмачами (переводчиками) и маклерами.

Большинство подвязывалось работать в скотоводческих хозяйствах, на строительстве железных дорог, городскими кучерами. Ко второму десятилетию XX в. в Туркестане (включая Бухарский эмират и Хивинское ханство) насчитывалось 30 тыс. татар и башкир.

В начале XX в. Башкирия — экономически и культурно отсталая страна. Большинство башкир были малограмотны. “Башкир — не скотовод, не земледелец и не рабочий” (газета “Жизнь национальностей”, 1921). Самосознание башкир заметно поднялось в середине 20-х гг. прошлого столетия, когда в Туркестане было создано Татаро-башкирское национальное бюро при Совете нацменьшинств. В местах их компактного проживания открывались школы, детские учреждения, рабочие клубы. Судопроизводство, по желанию клиентов, велась на родном языке. Все эти меры способствовали росту национального достоинства.

Башкиры в Узбекистане в основном обустроивались в городах и поселках городского типа, так как имеют склонность к техническим профессиям. Работали трактористами, комбайнерами.

В годы второй мировой войны немало башкир ушло на фронт, не все вернулись. Двум башкирам — М. В. Ахмедову (хлопкоробу из Янгиюля) и Г. Г. Мурзагалибову (завод “Красный двигатель”, г. Самарканд) было присвоено звание Героя Советского Союза.

Поколение башкир 60-х гг. было намного образованнее своих отцов, и, естественно, большинство их оседало в Ташкенте. Но представителей башкирской интеллигенции можно встретить и в Каракалпакстане, и в Ферганской долине, и в Бухарской и Кашкадарьинской областях. В 1979 г., согласно переписи населения, в Ташкенте проживало 5135 башкир.

Семейный быт башкир строился на почитании старших, свекра и свекрови, родителей, на беспрекословном подчинении им. Со временем, особенно в городах, семейная обрядность упростилась. Однако в последние годы наблюдается некоторое оживление мусульманской обрядности. Национальная одежда представляет собой сочетание традиций степных кочевников и местных оседлых племен. В наши дни традиционные черты сохраняет лишь одежда пожилых людей. Молодые, главным образом девушки и женщины, надевают традиционный костюм лишь в праздничные дни и на свадьбах. Широко используется национальный костюм в художественной самодеятельности, на народных игрищах и спортивных состязаниях.

Браки совершаются по сватовству. Имело место и умыкание невест (что освобождало от уплаты калыма), иногда по взаимной договоренности. В свадебной обрядности выделяются обычаи прятанья невесты, состязания в борьбе, конные скачки в день свадебного пира (туй) в доме невесты, обычай избегания невестой свекра. Ярчайшим эпизодом свадьбы является прощание невесты с родней и подругами, сцена прощальных причитаний (сенлеу).

Традиционные блюда — мелко нарезанная конина или баранина с бульоном (бешбармак, куллама), колбаса из конского мяса и жира (казы), различные виды творога (эремсек, эжекэй), сыр (корот), каши из пшена, яч-

менной, полбяной и пшеничной крупы и муки, толокна. Популярна лапша (тукмач) на мясном или молочном бульоне, крупяные супы (ойрә). Хлеб (лепешки) потребляли пресный. В XVIII—XIX вв. распространился кислый хлеб, в пищевой рацион прочно вошли картофель, овощи.

Летосчисление башкир основывалось на двенадцатилетнем животном цикле. Вместе с исламом был принят мусульманский календарь — хиджра. С принятием ислама мусульманское духовенство, обучавшееся в Средней Азии, стало вытеснять доисламские обычаи, но языческие поверья и обряды не исчезли, а продолжали существовать параллельно с мусульманскими традициями, видоизменяясь и адаптируясь.

Башкиры — народ с богатым фольклорным наследием. Ведущее место в устно-поэтическом творчестве принадлежит эпосу — героическим поэмам “Урал-батыр”, “Акбузат”, “Алпамыш”, “Кузый-курпяс и Маянхылу”, “Заятуляк и Хыухылу”.

Сегодня башкиры в Узбекистане имеют возможность развивать свою культуру, язык, традиции и обычаи. Создан башкирский вокально-инструментальный ансамбль “Дустлик”.

В башкирской диаспоре заметный процент составляют смешанные браки (с татарами, узбеками, русскими, корейцами и др.). И все-таки башкирский менталитет дает о себе знать, когда начинается веселое празднество “Сабантуй”, когда в домашней среде прослушиваются кассеты с записями башкирской музыки известных кураистов, во время отправления религиозных обрядов

После 1991 г. начался постепенный отъезд башкир на свою этническую родину.

Известные люди в башкирской диаспоре в Узбекистане: политик, историк-ориенталист Ахмедзаки Валиди Тоған; доктор геолого-минералогических наук О.И. Исламов; ученый-филолог Ахмед Ишаев. Учительница Камита Галямовна Билалова после окончания Института истории партии в 1944 г. приехала с детьми (муж погиб на финской войне) по направлению в совхоз Баяут-5 Сырдарьинской области, где первое время работала директором школы. Ее сын, Анвар Билалов, стал известным археологом.

Р. Шигабдинов, Л. И. Жукова

Литература

Амитин-Шапиро З. Л., Аюбов И. М. Национальные меньшинства Узбекистана. Ташкент, 1935. С. 35.

Амитов А. Посольские сношения России с Хивой в первой половине XIX века // *Общественные науки Узбекистана.* 1968. № 9. С. 61.

Башкирская энциклопедия. Уфа, 1996. С. 672.

Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. С. 395.

Башкиры. Краткий этноисторический справочник. Уфа, 1995. С. 36.

Исторические и культурные связи каракалпаков с Россией и Башкирией в XVIII — начале XX в. Нукус: Билим, 1993. С. 204.

История Ташкента. Ташкент, 1988. С. 144.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974.

Межнациональные связи башкирской литературы. М.: Наука, 1979.

Татары и башкиры // Шевяков А. И. Население Ташкентского оазиса в конце XIX — начале XX в. М., 2000. С. 89.

Традиции башкирского народного искусства в современной одежде. Уфа, 1988. С. 106.

Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. / Отв. ред. Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов. М., 1979. С. 208.

БЕЛОРУСЫ

Самоназвание — беларусы. Народ, основное население Белоруссии. Язык — белорусский восточной подгруппы славянской группы индоевропейской семьи. Верующие — в основном православные, есть католики.

Белорусы в Узбекистане:

1926 г. —	3 515
1979 г. —	19 073
1989 г. —	29 427
2000 г. —	20 397

Имеются исторические сведения о том, что представители белорусского этноса были выселены в Среднюю Азию в первой половине 60-х гг. XIX в. за участие в народных восстаниях под руководством Кактуся (К. Калиновского).

В незначительном количестве белорусы присутствовали в составе русских войск, дислоцировавшихся на территории Туркестанского края со второй половины XIX столетия, в составе местной русской администрации и среди специалистов — землемеров, топографов и др.

Намного больше белорусов из крестьянских хозяйств оказалось в общем потоке славян с юго-восточных районов России, вынужденных в начале 90-х гг. XIX в. покинуть свои родные места из-за безземелья и отправиться в изнурительное путешествие на другой конец Российской империи.

Прибывавшие белорусы селились рядом с украинцами, русскими, молдаванами и казаками. Наиболее плотные места их обитания в пределах современного Узбекистана — Самаркандская область, Голодная степь, Ферганская долина. Из городов — Ташкент, Самарканд, Коканд.

В годы первой мировой войны незначительное число белорусов прибыло в Туркестан в числе беженцев.

В июне 1917 г. в Ташкенте образовался Союз белорусов, состоявший из националистически настроенных соплеменников. Союз был малочисленным и маловлиятельным, и не смог реализовать свои задумки по объединению земляков в местах их компактного проживания.

Согласно статистическим данным, в 1920 г. в Самарканде проживало

299 белорусов, Каттакургане — 11, Джизаке — 7, в Ходженте и Голодно-степском уезде — 91, в Амударьинском отделе — 10 белорусов.

Новый прилив белорусского этноса отмечается с окончанием гражданской войны в Туркестане и стабилизацией экономики и сельского хозяйства.

В годы второй мировой войны с западных территорий в Узбекистан были передислоцированы заводы и фабрики вместе с рабочими и служащими. В свою очередь, из Узбекистана ушло на фронт немало солдат белорусской национальности, семеро из которых стали Героями Советского Союза — Г.М. Станкевич, Е.К. Стемповская, А.Н. Тюльга, Е.С. Белявин, А.А. Вашкевич, В.Р. Жигунов, Б.А. Майстренко.

Начиная с 50-х гг. механическая миграция белорусов в Узбекистан не прекращалась. Излишки рабочей силы, не находя спроса в Белоруссии, частью устремились в Узбекистан, где проходило становление текстильной промышленности.

Восстанавливать разрушенный землетрясением Ташкент в 1966 г. приехало свыше 2 тыс. белорусских строителей. Ими было возведено 26,6 тыс. кв. м. жилья и средняя школа на 980 ученических мест. После сдачи объектов в эксплуатацию часть строителей осталась здесь жить. Оставались в Узбекистане на постоянное проживание и кадровые военные белорусской национальности после демобилизации.

По данным переписи населения в 1959 г., в городах Узбекистана проживало 7 тыс. белорусов, в 1970 г. — 14 тыс., в 1979 г. в одном Ташкенте их насчитывалось 6 326 чел.

В 1970—1975 гг. в Ташкент прибыло большое количество специалистов из Белоруссии в связи с открытием Тракторного завода. Белорусы работали практически во всех сферах производства, в научных и культурных учреждениях.

За последнюю четверть века наблюдается сильное обрусение белорусского этноса, проживающего в Узбекистане. Имеется много смешанных браков с представителями самых разных национальностей.

В 1990 г. начался процесс исхода белорусов на этническую родину. Однако производственные связи Узбекистана, особенно в области сельскохозяйственного машиностроения, с Республикой Беларусь на современном этапе расширяются, что является предпосылкой сохранения здесь белорусской диаспоры.

Константин Адамович Писарчик приехал в Туркестан в начале XX в. Сын белорусского крестьянина, по профессии землемер, работал в Кокандском землемерном отделе. Хорошо овладел узбекским языком, и в начале 20-х гг. XX в. создал курсы по подготовке землеустроителей из числа коренных жителей.

В годы войны в Ташкенте на улице Асакинской жил известный белорусский писатель Якуб Колас. Среди поэтов, проживающих в Узбекистане, известны С.И. Протасевич и В.Н. Титова, которая на свои стихи сочиняет песни и сама их исполняет. Известны архитектор А.И. Цитович и трое его сыновей: специалисты в области точных наук Петр Цитович и Нико-

лай Цитович, а также заслуженный врач республики Павел Цитович. Полковник запаса белорус Н.Г. Березняк более десяти лет проработал в Республиканском правлении Общества охраны памятников Узбекистана, участвовал в создании многотомного издания Книги памяти Узбекистана.

Л. И. Жукова

Литература

Винников Я. Р. Национальные и этнографические группы Средней Азии по данным этнической статистики // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 39.

Герои Советского Союза — узбекистанцы. Ташкент, 1984.

Дымов О. Тепло казахстанской земли. Алматы, 1999. С. 127—134.

Ташкент — город братства. Ташкент, 1969. С. 102.

БЕЛУДЖИ

Самоназвание — балуч, балоч. **Народ, проживающий на юге Пакистана.** Говорят на языке балучи северо-западной подгруппы иранской группы индоевропейской семьи. **Верующие** — в основном мусульмане-сунниты.

Белуджи в Узбекистане: 1979 г. — 149
1989 г. — 20

В начале XX в. из Афганистана на территорию Бухарского эмирата перекочевала небольшая самобытная этнографическая группа белуджей. Большая часть белуджских мигрантов традиционно занялась скотоводством и продажей продуктов скотоводства. Некоторые из соплеменников работали по найму в сельском хозяйстве, подвизывались чернорабочими в городские промыслы (выжигание угля и т.д.).

В конце 20-х гг. колония белуджей в Узбекистане заметно пополнилась за счет переселенцев из Туркмении, куда белуджи в количестве 10 тыс. человек мигрировали из Афганистана. Поселились они в Иолатанском, Байрам-Алийском и Мервском районах.

Белуджским племенам со стороны государства была выделена земля и оказана необходимая помощь в налаживании оседлого образа жизни. Первые товарищества по обработке земли и колхозы были созданы в 1928 г. Занятия земледелием белуджи сочетали с животноводством. В свободное время женщины занимались домашними промыслами (валянием кошм и др.). В начале 30-х гг. в Узбекистане организуется несколько белуджских колхозов, охватывающих 298 хозяйств.

В местах компактного расселения белуджей были открыты школы, в первых двух классах обучение проводилось на родном языке. Кадры преподавателей готовились на педагогических курсах восточных националь-

ностей в Ашхабаде, поскольку белуджи жили преимущественно в Туркмении. Литература и школьные учебники на белуджском языке также издавались в туркменских издательствах. В мервской газете “Хакикат” выходила специальная колонка, рассказывающая о жизни белуджской общины в Средней Азии. Однако борьба с “кулацким элементом” привела к резкому сокращению хозяйств бывших кочевников, и к 1933 г. их осталось только 45.

Процент белуджей, занятых на государственных предприятиях, был ничтожно мал, хотя Совет нацменьшинств прилагал усилия, чтобы привлечь мужчин белуджской национальности в различные учреждения и фабрики, устраивал краткосрочные курсы по овладению ими различными профессиями. К сожалению, мероприятия направленные на рост национального самосознания белуджей, оборвались в конце 30-х — начале 40-х гг.

Место проживания белуджей не было постоянным, и они часто откочевывали на территории сопредельных республик. Эта потребность срываться с насиженных мест сохраняется и по сей день.

В послевоенные годы белуджи в основном занимались хлопководством и животноводством.

По итогам переписи населения, в 1959 г. в Средней Азии проживало 7,8 тыс. белуджей, в 1970 г. — 12,4 тыс., преимущественно в Туркменистане и Таджикистане. Причем, белуджи селились, главным образом, в сельской местности.

Постоянное совместное проживание белуджей с узбеками или среди смешанного в этническом отношении населения привело к сближению материальной и духовной культур белуджей с культурами узбекской и представителей других местных национальных групп.

Современные мужчины-белуджи носят обычный гражданский костюм и лишь высокая папаха отчасти выдает этническое происхождение его владельца. Женское платье имеет некоторое своеобразие в расцветке ткани, отдельных деталях кроя и способе ношения.

Среднеазиатские белуджи ревностно хранят национальное культурное наследие (народную музыку, танцы и игры, фольклор и др.). Один из древних обычаев — достойно встретить Новый год по восточному календарю.

Л. И. Жукова

Литература

Амитин-Шапиро З. А., Юабов И. М. Национальные меньшинства Узбекистана. Ташкент, 1935. С. 17.

Винников Я. Р. Национальные и этнографические группы Средней Азии по данным этнической статистики // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 26—28.

Люшкевич Ф. Д. Этнографическая группа ирони // Занятия и быт народов Средней Азии. Л., 1971.

Мамеднуров С. Первый букварь белуджского языка // Памятники Туркменистана. 1985. № 2. С. 7—8.

Матвеев А. М. Зарубежные выходцы в Туркестане на пути к Великому Октябрю. Ташкент, 1977. С. 21.

Троицкая А. Национальные меньшинства Средней Азии перед выборами в Верховный Совет СССР // Революция и национальность. 1937. № 12. С. 65.

БЕЛЬГИЙЦЫ

Народы фламандцы и валлоны. Валлоны говорят на французском языке романской группы индоевропейской семьи. Фламандцы — на южном варианте нидерландских языков германской группы индоевропейской семьи. Верующие — в основном католики.

К началу XX в. в русском Туркестане проживало около 20—25 фламандцев и валлонов, которых в Средней Азии называли бельгийцами, по названию страны, выходцами из которой они являлись.

В 1896 г. с бельгийским гражданином Э. Дени городские власти Ташкента заключили договор на постройку конной железной дороги. Из Бельгии прибыли инженеры и квалифицированные рабочие. Семь ветвей трамвая расходились протяженностью 20 верст. В 1901 г. сдается в эксплуатацию первая линия конки.

В 1902 г. закладывается здание электрической станции, и в сентябре 1902 г. с анонимным бельгийским акционерным обществом подписывается договор на переоборудование линии конки в электрический трамвай. В Ташкент прибывает новая группа высокооплачиваемых специалистов и рабочих.

Незадолго до первой мировой войны на иностранные капиталы была сдана в эксплуатацию первая очередь проекта “Ташкентский трамвай”. Договор с бельгийцами был заключен на 45 лет. Однако события 1917 г. заставили аннулировать соглашение.

В начале XX в. огромную роль в культурной жизни Туркестана сыграла бельгийская скрипачка Корин Корен. Впоследствии в память заслуг К. Корен был создан квартет ее имени.

Л. И. Жукова

Литература

История Ташкента. Ташкент, 1988. С. 147.

Матвеев А. М. Участие зарубежных выходцев в общественно-политической жизни Туркестана в марте—сентябре 1917 г. // Научные труды ТашГУ. 1975. Вып. 473. С. 77.

БОЛГАРЫ

Народ, основное население Болгарии. Язык — болгарский южной подгруппы славянской группы индоевропейской семьи. Верующие — в основном православные, есть мелкие группы католиков и протестантов; значительна группа мусульман.

Болгары в Узбекистане: 1926 г. — 321
 1979 г. — 2 443
 1989 г. — 2 116

Беженцы из Балкан появились в Туркестанском генерал-губернаторстве в конце XIX в. в результате обострившейся политической обстановки, вызванной событиями русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Болгары-переселенцы имели подданство российское или Османской империи.

Российская администрация в то время вела политику освоения присоединенных территорий Средней Азии, заселяя их в том числе и вынужденными переселенцами-болгарами. Расселенные беженцы стали развивать садоводство, огородничество, торговлю и ремесло в Кураминском районе, Голоднотепском и Сырдарьинском уездах, а затем в Ферганской долине (современные: Сырдарьинская, Джизакская, Ташкентская, Ферганская области).

Селились они компактными группами, применяли свои традиции земледелия, ремесла и торговли, учитывая местные природные особенности. Привезенные ими сельскохозяйственные культуры значительно обновили семенной фонд болгарским перцем, желтыми томатами, особыми сортами белого и красного винограда, “райскими” яблоками. Болгары внесли существенный вклад и в развитие виноделия края.

Болгарская интеллигенция активно участвовала в освоении территорий и сыграла особую роль в развитии Туркестана. Достаточно назвать имена некоторых представителей болгарской диаспоры Туркестанского генерал-губернаторства.

Н. А. Маев (1835—1896) — местный краевед, географ и этнограф. Родился в Санкт-Петербурге, приехал в Среднюю Азию в 1869 г. Устроитель различных внутритуркестанских выставок. Один из основателей Ташкентского музея (ныне Музей истории народов Узбекистана). Главный редактор газеты “Туркестанские ведомости” (1870—1892). В 1874 г. он совершает первые поездки рекогносцировочного характера по краю. В 1877—1878 гг. участвовал в исследованиях бассейна Амударьи для решения вопроса о строительстве железной дороги. В 1890 г. составил каталог военно-исторического отдела по истории завоевания Средней Азии со времен Петра I.

Н. И. Иванов — купец и промышленник. Среди болгар были также врачи.

К началу XX в. в русском Туркестане проживало немногим более 100 болгар, но среди них уже имелось четкое расслоение на зажиточных огородников и сельскохозяйственных батраков.

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Болгары на сборе хлопка в Сырдарьинской области.

Из семейного архива

В первые два года после объявления первой мировой войны болгары не подвергались репрессиям. Они начались с середины 1916 г.: в Ташкенте, Самаркандской области, Ходжентском уезде, голодностепских селах стали закрывать овощные лавки и увольнять из государственных учреждений чиновников болгарской национальности. Такой недружелюбный шаг со стороны администрации края подтолкнул многих болгар принять российское подданство и таким образом избежать разного рода проблем с властями. Известно, что в 1918—1920 гг. два болгарина вступили в Комитет иностранных подданных.

В мае 1944 г. из Крыма в Среднюю Азию вместе с крымскими татарами были выселены греки, армяне и болгары, некоторые из них обосновались в Узбекистане.

Следующая волна миграции болгар на территорию Узбекистана была вызвана “потеплением” в отношениях с Болгарской Народной Республикой после второй мировой войны. Наивысшей активностью стали 50—60-е гг.: несколько сотен молодых болгарских граждан прибыли в Узбекистан для обмена опытом в области механизации хлопководства. Компактное размещение их в поселках Баяут-1, Баяут-2, Баяут-3 и Дальверзин пополнило болгарскую диаспору Ташкентской и Сырдарьинской областей (только в Аккургане работала бригада из 300 чел.). Значительное число болгар проживало в поселке Майское Ташкентской области, занимались виноградарством.

В Ташкенте численность болгар увеличилась за счет прибывших бригад строителей (50 каменщиков, плотников, арматурщиков) из Софии, Хасково и Бургаса, пожелавших помочь в восстановлении столицы после землетрясения 1966 г. Многие остались здесь жить и работать, создав свои семьи.

Третья волна миграции увеличила диаспору за счет потомков, прибывших из Болгарии бизнесменов, коммерсантов, которые познакомили узбекистанцев с новыми строительными технологиями, первыми компьютерными устройствами, современными основами менеджмента и маркетинга в гостинично-хозяйственном и туристическом бизнесе.

К началу XXI в., по данным органов госстатистики, общая численность болгар в Узбекистане составила примерно 1 800 чел., около 500 из них проживают в Ташкенте. В настоящее время болгарская диаспора начала редеть за счет оттока на историческую родину.

На протяжении всего столетия компактное проживание болгар устойчиво связано с Ташкентской и Сырдарьинской областями, преимущественно с городами Ташкент, Бухара, Самарканд, Фергана и их пригородами. До сих пор в обиходе сохранились названия их крупных поселений — Болгарские огороды (г. Ташкент), Хасково (Зангиатинский район Ташкентской области), Вылканеши (Сырдарьинская область) и др.

Наиболее известные представители болгарской диаспоры в Узбекистане: Н. М. Тодоров — политолог, заместитель председателя Республиканского национально-культурного центра (1995—2001), лидер болгарской диаспоры в Узбекистане; М. А. Ненашева — автор четырех учебников французского языка для узбекских школ; А. Д. Чендов — полковник, бывший военком Шейхантаурского района г. Ташкента; И. К. Дымов — музыкант эстрадно-циркового училища.

В 50-х гг. XX в. на кафедре биологии Ташкентского университета по инициативе и под руководством заведующего кафедрой, профессора Н. А. Тодорова проводилась серия систематических исследований по физиологии хлопчатника.

Часто к болгарам ошибочно относят другую народность — гагаузов. Гагаузы — тюркоязычный этнос, живущий в основном в Молдавии, Запорожской, Одесской и Ростовской областях. В начале XX в. часть их, гонимая нуждой, мигрировала в Среднюю Азию и Казахстан. До революции гагаузы не имели своей письменности, язык — тюркский с наличием черт славянского языка. В Узбекистане на 1989 г. было зарегистрировано 152 гагауза. Большинство их проживает в Ташкентской области.

Т. Н. Тодорова, Л. И. Жукова

Литература

Ата-Мирзаев, Гентшке В., Муртазаев Р. Узбекистан многонациональный: Историко-демографический аспект. Ташкент: Изд-во мед. лит-ры им. Абу Али ибн Сино, 1998. С. 144.

Болгары в Узбекистане // Вечерний Ташкент. 2000. 3 апреля.

Матвеев А. М. Участие зарубежных выходцев в общественно-политической жизни Туркестана в марте—сентябре 1917 г. // Научные труды ТашГУ. 1975. Вып. 473. Тюриков А. Истории о Ташкенте. Ташкент, 1983. С. 69—70.

Андрей Федотович Нешев — чистокровный болгарин, родился в 1890 г. в с. Марфоловка Маяксалынского района Таврической губернии.

Его родители — потомки переселенцев из Болгарии, прибывших на земли Российской империи в начале XIX в., а, возможно, и еще раньше. Как вспоминал А. Ф. Нешев, “прадеду было всего шесть лет, когда родители бежали из разоренной многолетними войнами страны, от преследований османских турок в Крым”. Болгарским мигрантам российское правительство отвело малонаселенные степные просторы на севере Крымского полуострова. Болгары полюбили новую землю-кормилицу, но своих обычаев и традиций не забывали.

Андрей сам пробивал себе дорогу в жизни. После окончания четырех классов поступил учиться на агронома в частную школу садоводства в Симферополе, затем служил в Наркомземкрыме. В 1927 г. женился на русской девушке Марфе Дмитриевне. Вскоре родилась у них дочь Наталья.

В предвоенные годы с большим усердием трудился в местечке Сейтлер в лесомелиоративном питомнике по выращиванию декоративных растений, затем, с 1932 г. — в Крымском сельхозинституте. Но вскоре жизнь пошла, как говорится, “под откос”. В 1940 г. скоропостижно умерла жена. Тяжелой осенью 1941 г., когда гитлеровские войска должны были со дня на день войти в город и все спешно эвакуировались, А. Ф. Нешеву местные власти рекомендовали остаться и продолжать работать в лесном хозяйстве.

Кстати, местных болгар на фронт не брали, но они создавали партизанские отряды на территории Крыма. Племянник Андрея Федотовича — Андрей Наголов был одним из организаторов местного подпольного движения “За Родину”, впоследствии зверски замученный фашистами.

Но близился конец войны. 12 апреля 1944 г. — день освобождения Крыма. На братских могилах героев устанавливали обелиски. В один из майских дней состоялся митинг и на месте захоронения участников партизанского движения в

Фотография
удалена в целях облегчения
интернет-версии

Андрей Федотович Нешев (справа)
в возрасте 22-х лет.

Из семейного альбома

с. Марфоловка. А на следующее утро крымских татар, армян, цыган, болгар начали спешно вывозить в неизвестном направлении, не предъявив при этом никаких обвинений.

А. Ф. Нешев вместе с дочерью попал на Урал. В 1946 г. ему удалось добиться как высококлассному специалисту по селекции и агрономии перевода в Узбекистан. Направили работать на Янгиюльский консервный завод.

Однажды, в конце 50-х гг., на завод приезжала делегация по обмену опытом из Болгарии, и Андрею Федотовичу удалось вдоволь наговориться с земляками. Это был один из счастливейших дней в его послевоенной жизни. В 1958 г. по состоянию здоровья А. Ф. Нешев ушел на пенсию. Последние годы жил в Ташкенте.

Его дочь Наталья Андреевна Нешева закончила факультет французского языка Ташкентского института иностранных языков. Первые годы преподавала в сельской школе в кишлаке Ниязбаш. Там и освоила узбекский язык, что помогло ей в дальнейшем при написании школьных учебников. Много лет преподавала в родном институте.

В 1994 г. Н. А. Нешева посетила места своего детства в Крыму и даже побывала на земле предков “дорогого татку” — в Болгарии, но при этом ее всегда тянуло в Узбекистан. Сожалеет только о том, что ни разу не пришлось ей встретить на узбекской земле своих соплеменников, все как-то расходились дороги. Да и отца в последние годы жизни (умер на 92-м году) не покидал образ далекой родины, о которой знал только по рассказам. Очень уж мечтал еще раз встретиться с настоящим болгаринном и поговорить, а может, даже и спеть, на родном языке. Не получилось.

А между тем их сородичи находились совсем рядом, и встреча с ними могла быть реальной. В 1957 г. в Узбекистан для обмена

опытом и получения практических знаний по выращиванию хлопка-сырца прибыло около 300 болгарских специалистов (юношей и девушек). Около 20 человек в течение двух лет проходили практику в поселке Малек Сырдарьинской области. Среди них были Иордан Иорданов и его двоюродный брат Иван Шишманов.

Иордан Ламбиевич Иорданов (1934 г. р., село Сашево (сегодня село имени Петки Каравелева) Великотерновского округа Болгарии) в период практики в сентябре 1959 г. женился на Абильтаровой Гульнаре Саидовне (крымской татарке) — студентке Ташкентского педагогического института. Переехал в Ташкент, 34 года отработал в тресте “Газмонтажстрой”. Вышел на пенсию. Имеет двух дочерей, создавших интернациональные семьи, и двух внуков. Гражданство не менял. Имеет вид на жительство в Республике Узбекистан, являясь гражданином Болгарии.

Фотография
удалена в целях
облегчения интернет-
версии

Иордан Ламбиевич
Иорданов.

Из семейного альбома

Л. И. Жукова

ВЕНГРЫ

Самоназвание — мадьяры. Народ, основное население Венгрии. Язык — венгерский, относится к угорской подгруппе финно-угорской группы уральской семьи. Верующие — в основном католики.

Венгры в Узбекистане: **1926 г. — 276**
 1979 г. — 172
 1989 г. — 211

В числе первых венгерских граждан, посетивших Среднюю Азию в феодальный период, был А. Вамбери. Под видом странника в 1863 г. он проехал через Бухару и Хиву и оставил потомкам подробное описание достопримечательностей края, нравов и обычаев его народа. Тогда подобные путешествия европейцев были сопряжены с большим риском.

Когда в Туркестан пришли русские и создали Туркестанское генерал-гу-

бернаторство, в потоке нахлынувших иностранцев мадьяр были единицы. Среди них — нотариус Карлуш, уроженец Вены. Ташкентцы до сих пор тепло вспоминают этого чрезвычайно трудолюбивого человека, засадившего улицу, на которой он жил, вишневыми деревьями.

Несколько тысяч пленных венгров прибыло в Туркестан в конце 1914 г. Это были, в основном, крестьяне, неквалифицированные рабочие, представители других социальных групп, в том числе и интеллигенции (архитекторы, скульпторы, художники, музыканты, учителя и др.). Венгерские военнопленные работали практически во всех городах края. В Бухаре они принимали участие в строительстве железной дороги. Много мадьяр трудилось в ташкентских пекарнях. В 1916 г. из Мурманска прибыла новая партия военнопленных, в том числе и венгров.

В 1918 г. все военнопленные стали иностранными гражданами. К этому времени венгров здесь насчитывалось около 12 тыс. человек. Они компактными группами были расселены на территории Ташкентского и изредка Голодностепского уездов. В Комитете иностранных подданных от венгров было больше всего представителей — 12 чел.

В 1922 г. в Туркестане при Народном комиссариате по делам национальностей действовал Союз венгерцев. В те годы венгры работали в швейной и текстильной промышленности, большим профессионализмом отличались строительные рабочие и деревообработчики.

Вскоре большинство бывших венгерских военнопленных уехали на родину. Но немало их осталось в интернациональных частях, выступавших в защиту Советской власти. Среди активистов чаще других звучали имена Йожефа Секея (Самарканд) и Г. Ремеша (Ташкентская область). Многие к этому времени уже обзавелись семьями, причем часто браки были смешанные, поскольку женщин среди мадьяров было очень мало. Например, венгерский подданный Владислав Ревес (1893 г. р., художник) женился в Коканде на Иде Кац. Их сыновья и внуки до сих пор живут в Ташкенте.

Следующая партия венгров эмигрировала на родину незадолго до второй мировой войны. Среди них был скульптор Гатч. Опытный ваятель руководил работами по художественному оформлению римско-католического костела в Ташкенте. В начале 30-х гг. Гатч преподавал в Ташкентской художественной школе.

У тех, кто остался, по-разному сложились судьбы. Одни были репрессированы, других обошла эта участь. Но по большому счету все они пользовались уважением среди местного населения за свой профессионализм в работе и доброжелательность.

В конце 30-х гг. в Ташкенте жил и творил талантливый художник Альфред Дуруе. Погиб на войне. Похоронен в Будапеште. В Ташкенте проживает его дочь — Татьяна Дорус. Для музыкальной культуры Узбекистана 40—70-х гг. немало сделал альтист и педагог Стефан Вайс.

В настоящее время оставшиеся этнические венгры часто встречаются в костеле, многие из них через Общество Красного Креста пытаются разыскать своих родственников на земле предков.

Примечание. В Кашкадарьинской области в конце 60-х гг. проживало 150 семей маджар, которых исследователи также считают мадьярами и выводят из Аланских племен, передвигавшихся из Средней Азии на запад в III—IV вв. н. э. под давлением гуннов. Маджары относят себя к узбекам, говорят по-узбекски и придерживаются местных обычаев. Такая же немногочисленная группа маджар проживает в Казахстане и считает себя казахами. Вопрос их генезиса требует дальнейших исследований.

Л. И. Жукова

Литература

Еремян Р. Гражданин Дурус. Правда Востока. 1985. 6 мая.

Жукова Л. И. К истории римско-католического костела в Ташкенте // К истории христианства в Средней Азии. Ташкент, 1998. С. 228—232.

Матвеев А. М. Венгерские интернационалисты в Туркестане в конце 1917 — середине 1918 гг. (Материалы к истории движения иностранных интернационалистов в Средней Азии) // Научные труды ТашГУ. 1980. Вып. 630. С. 54—57.

Мой отец родился в декабре 1888 г. в Венгрии, где именно — не знаю. С его слов, он по национальности австро-венгр, жил в городе Мишкольц. Фамилия Vochta — по-русски произносится Боца (так мне сказали). Имя — Лайош. Но здесь, далеко от родины, его звали Иваном, а с возрастом — даже Иваном Ивановичем. История его жизни такова. В 1913 г. в Венгрии его призвали в армию и вскоре отправили на фронт солдатом. Отец взял с собой свою любимую скрипку. Шла гражданская война, бестолковая и никому не нужная. Солдаты венгерской армии в основном отсиживались в окопах, голодные и холодные, и мой отец стал душой солдат, исполняя на скрипке народные напевы. У отца был абсолютный слух и хорошая музыкальная память, он мог воспроизвести любую услышанную мелодию.

Даже находясь в плену у русских, он продолжал играть на скрипке — на свадьбах и гуляниях, тогда и получил прозвище “Иван”. Затем, переехав в Среднюю Азию, играл в Ташкенте в ансамбле военнопленных.

Когда мы переехали в Киргизию, отец стал работать в ресторане “Киргизия”, около дубового парка. Затем мы жили в поселке Рыбачий на озере Иссык-Куль. В 1937 г. отца стали часто вызывать в НКВД на допросы, предлагали уехать обратно в Венгрию или принять подданство СССР. И отец согласился на второе, хотя в Венгрии у него была семья, сын и дочь (когда его

Фотография
удалена в целях
облегчения интернет-
версии

Людвиг Людвигович
Бохода.
Из семейного альбома

отправили на фронт, сыну было 7 лет). Мы переехали в Пржевальск, а вскоре — опять во Фрунзе, где отец по-прежнему работал в ресторане “Киргизия” и в кинотеатре тапером. Но в скором времени ему предложили работу в Таджикистане, в городе Ленинабаде. Обосновавшись, в 1939 г. отец вызвал нас, с Александрой Максимовной, моей неродной мамой, в Ленинабад. Там нас и застала вторая мировая война, которая перевернула всю жизнь.

До войны отец получал письма из Венгрии, очень переживал и расстраивался (наверное, за семью).

И опять отца моего часто вызывали в НКВД и так же задерживали там подолгу, почему — он не рассказывал. Потом решили его отправить на трудовой фронт, но так как у отца было очень плохое здоровье, часто болел воспалением легких и был плеврит, то отправку

постоянно откладывали, а в дальнейшем и вовсе перестали вызывать.

В 1942 г. я устроился учеником киномеханика в кинотеатр “Родина”. В 1945 г. поступил в музыкальное училище, жил в интернате при нем. Отца приняли на работу в это же училище преподавателем по классу скрипки. Но в 1948 г. отец сильно заболел, его положили в горбольницу, где он и скончался. Диагноз — инфаркт миокарда. Постоянные подозрения со стороны НКВД, личные переживания об оставшейся в Венгрии родне, да и за меня, подкосили его. Похоронил я его в Ленинабаде.

Я пытался найти родных в Венгрии. Писал в посольство Венгрии в Москве. Посоветовали обратиться в Венгерское Общество Красного Креста. Оттуда ответили, что недостаточно данных. Писал также в Мишкольца, в церковь, так как там регистрировались рождения до 1890 г., но ответа не получил. И вот я здесь один, хотя у меня в Венгрии должны быть сводные брат и сестра. А почему церковь не ответила, не понимаю. Отец при жизни часто произносил “Езус Мария”, вероятно, был католик.

Немного о себе. Окончив Ленинабадское музыкальное училище, я работал руководителем эстрадного оркестра на танцплощадке, музыкантом, а также преподавателем музучилища по классу фортепиано. Гастролировал с цирком по стране. Побывал во многих городах, на жительство остановился в Казахстане, в городе Чимкенте. Устроился в музыкальное училище преподавателем по классу духовых инструментов, где проработал

с 1948 по 1984 г. Перебрался в город Ташкент. Работал здесь в детских музыкальных школах, а также в детском доме № 22 им. Хлебушкиной. В настоящее время на пенсии. Имею высшее музыкальное образование.

Р. С. При получении советского паспорта отцу дали фамилию Бохода Людвиг Людвигович.

В. Бохода

Михай Михайлович Юрак — мадьяр по национальности, австрийский подданный. В начале первой мировой войны попал в плен и был этапирован в Туркестанский край. Служил у генерала Месткова в денщиках.

За год выучил узбекский язык. В 1918 г. женился на вдове Марфе Хрустальной, имевшей двоих детей — Николая и Татьяну.

Работал в организации сельскохозяйственного направления. После войны — пивоваром на пивоваренном заводе № 3. В 1954 г. вышел на пенсию. И с этого времени с увлечением занялся домом, общественной деятельностью. Вдоль всей улицы посадил вишневые деревья.

Будучи соседом Юлдаша Ахунбабаева, находился с ним в хороших, добрых отношениях. Умер в 1985 г. С родиной связь не поддерживал.

Л. И. Жукова

ГОЛЛАНДЦЫ

Нидерландцы, самоназвание — холандерс. Народ, основное население Нидерландов. Язык — нидерландский (голландский), западно-германской подгруппы германской группы индоевропейской семьи. Верующие — в основном протестанты (кальвинисты, меннониты), католики.

Голландцы в Узбекистане:

1926 г. —	6
1979 г. —	13
1989 г. —	19

К числу национальных меньшинств, проживавших в Туркестане в начале XX в., относились представители стран Европы, в частности выходцы из Голландии. Их насчитывалось буквально единицы — это агенты голландских фирм по скупке каракуля, кожи и другого сырья, их семьи.

В Голодностепском уезде Самаркандской области в 1917 г. проживало 25 немцев и голландцев.

Небезынтересно отметить, что в Николай-польской волости Аулиеатинского уезда во время переписи населения в 20-е гг. часть жителей назвали себя голландцами, а родным языком — голландский. А на самом деле, как отмечают участники переписи населения, они говорили на одном из немецких диалектов и ничем не отличались от прочих немцев-колонистов.

После событий 1917 г. почти все голландцы эмигрировали на родину.

Л. И. Жукова

ГРЕКИ

Самоназвание — эллинес. **Народ, основное население Греции и Кипра.** **Язык** — греческий (новогреческий), составляет отдельную группу индоевропейской семьи. **Верующие** — в основном православные.

Греки в Узбекистане: **1926 г. — 347**
 1979 г. — 14 025
 1989 г. — 10 453

Греки-политэмигранты: **1949 г. — 12 000**
 2000 г. — 10 000

О пребывании эллинов на земле древнего Туркестана свидетельствуют письменные источники греческих историков, а достоверность их сведений подтверждают памятники материальной культуры, полученные в результате археологических открытий тепе и городищ.

Согласно античным источникам, в период правления ахеменидского царя Ксеркса I (486—465 гг. до н. э.) из малоазиатского города Милета в нынешние южные районы Узбекистана были переселены жрецы Аполлона — бронхиды. Здесь они основали свой город. 150 лет пребывания греческой группы населения в данной местности привело к почти полному стиранию рамок этнической обособленности. Бронхиды говорили уже на смеси греческого языка с местным. Узбекские ученые Э. В. Ртвеладзе и А. С. Сагдуллаев склонны отождествлять этот город с руинами городища Талашкантепе в Сурхандарьинской области.

Но если поселение бронхидов носило локальный характер, то поход Александра Македонского в IV в. до н. э. способствовал переброске в Среднюю Азию на длительное время нескольких тысяч эллинов.

Весной 329 г. до н. э. Александр, считавший себя законным наследником Ахеменидов и царем Азии, вторгся в Бактрию. В Согдиане ему пришлось столкнуться с отчаянным сопротивлением свободолюбивого народа. Лишь в 327 г. ценой больших усилий удалось усмирить согдийцев.

Греки возглавляют все стратегически важные посты в стране. Алек-

сандр идет на контакт с покоренным народом: вводит ряд местных обычаев при своем дворе, включает согдийцев в состав армии. В целях сближения со знатью покоренной страны Александр Македонский предлагает руку и сердце дочери одного из местных властителей Оксиарта — Роксане. Их общий сын Александр должен был стать наследником престола. Его примеру следуют 80 высших военачальников. Сыграли свадьбы с азиатскими девушками и 10 тыс. рядовых воинов.

Это был хорошо продуманный ход: своим поступком Александр начал реализовывать идею создания единого народа — “персо-греков” — через смешение разнообразных племен и этнических групп созданной им огромной империи.

Вместе с войсками в Согд пришли беженцы из разрушенных городов, различный люд, обслуживавший нужды армии, дети греко-македонцев от согдийских, бактрийских и персидских женщин. Позднее сюда хлынули тысячи греческих торговцев и ремесленников в надежде найти хороший заработок. Большинство их осело в новых городах.

В 323 г. до н. э. Александр Македонский внезапно умер. Погибла и его идея мирового господства.

Целых три столетия после этого местное искусство было сильно подвержено греческому влиянию в градостроительстве, в монументальной и массовой архитектуре, искусстве, денежном обращении. Государственное делопроизводство велось на греческом языке. Но потенциал культуры покоренных народов был настолько высок, что пришлый люд, несмотря на его значительное количество, растворился в коренном населении.

Завоевательные походы Александра Македонского внесли свою лепту в культурное развитие покоренных народов. По мнению ученых, именно в Бактрии в большей степени, чем где-либо, воплотились заветные мечты талантливого полководца древнего мира — взаимообогащение культур пришлых и местных народов привело к своего рода синтезу цивилизаций Востока и Запада.

В Сурхандарье в настоящее время исследуется археологический памятник Кампыр-тепе (первые века до н.э.), который академик Э. В. Ртвеладзе охарактеризовал как руины древнего поселения на месте переправы через Окс, носящем греческое название Пардагви, Пандахейон (греч. — гостиница). Военное поселение — катойкия, основанное по велению эллинских правителей Бактрии, должно было защищать важнейший отрезок магистральной дороги в Бактрию.

По словам академика М. Е. Массона, в Самарканде в эпоху Темура и Темуридов “легко было натолкнуться на армян, греков”. В городской топонимике бытовало наименование “улица христиан”.

В XVIII в. среди бухарских землевладельцев, обладающих целыми селениями, был и купец Николай Григорьев, грек по происхождению, проживший в Бухаре много лет. В последнее десятилетие XVIII в. Бухарский эмират посетил Новопатрасский митрополит грек Хрисанф, возможно, с миссионерскими целями.

В Туркестане греки, российские и иностранные подданные, появились в последней четверти XIX в. Здесь они занимались ремеслом, торговлей и предпринимательством. Некоторые из них заметно в этом преуспели, особенно греки-купцы, собственники пекарен и т.п. В богатом торговом городе Коканде сохранились два роскошных особняка (1904), принадлежавшие братьям Мандалаки — владельцам крупнейшего в Ферганской долине гребенного завода, построенного в 1899 г. По их просьбе, архитектор спроектировал ансамбль в древнегреческом стиле. Ныне эти дома взяты под охрану государства как памятники архитектуры. Гребенный завод в Новом Маргилане также принадлежал греческому предпринимателю Евтихиди.

В начале XX в. греческая диаспора в Туркестане насчитывала от 600 до 1 000 чел. Наиболее обеспеченно греки жили в Ташкенте. В Самарканде — в основном разного рода мелкие служащие и чистильщики сапог. К 1925 г. в этом городе проживало 43 чел. греческой национальности, в Катта-кургане — 9.

В среде туркестанских эллинов имелась и небольшая прослойка интеллигенции — выходцы из буржуазных кругов. Ее представители регулярно участвовали в общественно-политической жизни Туркестана и благотворительных мероприятиях.

В Ташкенте в сентябре 1917 г. была открыта специализированная школа имени Платона, в которой большой упор делался на глубокое изучение языка, географии и истории Греции. В преподавательском составе — Ч. А. Авраманти, М. Д. Попандопуло, Х. Д. Попандопуло.

В конце 1917 г. греки — российские, греческие и турецкие подданные, проживавшие в Ташкенте, независимо от социального статуса объединились в общину. В правление вошли: Х. С. Шахбазиди (председатель), М. Д. Попандопуло (зам. председателя), К. Ригас (казначей), И. П. Сариниди (секретарь), А. Холматиди, Ч. А. Триандафилиди и др. В тот же год местная греческая община волилась в состав только что возникшего Всероссийского союза эллинов, правление которого находилось в Ростове-на-Дону, и поставила перед собой цель привлечь в свои ряды всех соотечественников.

Газета “Жизнь национальностей” от 13 августа 1921 г. писала, что характерными чертами греческого народа являются трудолюбие, хозяйственность, бережливость, предприимчивость. Еще одна черта греков — это тяга к знаниям. Повсюду, если имелись хотя бы скудные средства, открывались школы.

В 1922 г. был создан Союз оказания помощи греческим гражданам, проживающим в Туркестанской республике. Цель его создания — “доставление средств и улучшение материального и нравственного состояния бедных греческих граждан, проживающих в Ташкенте и Ташкентском уезде, без различия пола, возраста, звания, состояния и вероисповедания”, а также “распространение в среде греческих граждан книг нравственного содержания, ознакомление с декретами и обязательными постановлениями путем перевода таковых на греческий язык, доставление неимущим средств для возвращения на родину”. У ташкентской общины эллинов имелся свой

рабочий клуб в центре города, занимавший часть здания бывшей гостиницы “Националь”.

В 1942—1943 гг. прошла первая волна вынужденного массового переселения российских греков из Причерноморья и Крыма в Среднюю Азию и Казахстан. В Узбекистане их расселяли в Самарканде, Коканде, Андижане и Фергане. Вторая волна, более крупная, — в июле 1949 г. Греков изгоняли из Сухуми, Поти, Батуми, Краснодара и других городов и сел Причерноморья.

В самом конце 40-х гг. гражданская война в Греции завершилась массовой миграцией греков в Советский Союз. Политических эмигрантов приняли южные территории бывшего Союза, в частности Узбекистан: почти 12 тыс. этнических греков были размещены в Ташкенте, Чирчике и Янгйюле. Специально для них построили 14 жилых городков (впоследствии у местного населения получивших название “греческих”), как правило, недалеко от тех предприятий, на которых предстояло работать.

Буквально с первых дней пребывания греков в Узбекистане стала выходить греческая газета “Прос ти Ники” (“К победе”), в 1959 г. переименованная в “Неос Дромос” (“Новый путь”).

В средних школах открылись греческие классы. Бывшие партизаны, в подавляющем большинстве своем крестьяне с начальным, а порой и без какого-либо образования, люди разного возраста — от 20 до 50 лет — сидели за школьные парты и овладевали элементарными знаниями. Необходимо отметить, что большинство греков очень быстро освоили узбекский язык, что значительно облегчило трудности перехода к новым жизненным условиям.

К началу 1954 г. более 10 тыс. из них были трудоустроены. Работал греческий театр и танцевальный ансамбль “Бузуки”, кружки национальной художественной самодеятельности. Приезжали с концертами известные мастера искусств Греции. Ташкентский завод грампластинок выпускал массовым тиражом записи популярных греческих песен, мелодий.

К середине 60-х гг. в Узбекистане образовалось уже 5000 греческих семей, из которых 2 000 являлись смешанными. Верующие греки для удовлетворения религиозных нужд — крещения, венчания — посещали молитвенные дома понтийских греков (в Чимкенте) или русские православные церкви.

В 1956 г. началось освоение Голодной степи. В осуществлений этих работ участвовали 1 200 греков. Свой вклад они внесли и в восстановление Ташкента после разрушительного землетрясения 1966 г. Греки славились как отличные столяры, краснодеревщики и строители, главным образом отделочники.

Образовательный уровень второго и третьего поколений греков заметно вырос. Среди них было много учителей, врачей, инженеров-строителей, квалифицированных каменщиков. К концу 80-х гг. защитились свыше 100 кандидатов и 7 докторов наук. Наиболее известные деятели науки и культуры Узбекистана греческого происхождения в области: сельского хозяйства — Т. Самуладас, Н. Бакурас, В. Бадрас, П. Барьетас и др.; техни-

ки — Д. Ваяс, Т. Евагелу; химии — А. Гераникаки, С. Ятрудоакис; биологии — К. Паганяс; медицины — Т. Пападопулос, Г. Иоанидис, П. Петрос, Х. Дамкас; экономики — М. Малиос; юриспруденции — А. Карадзас, К. Тимеоянис, В. Иконому; архитектуры — Н. Кодзайманис; археологии — К. Качурис, М. Пачос, О. Папахристу; истории и философии — Д. Цимбулидис, Н. Янну, С. Зорбалас, М. Жега, А. Куцукалис, Г. Кирьякидис, К. Михайлидис, Д. Спатис, Д. Сарлис, Д. Цибукидис, Д. Касурас, Т. Мантзукас, А. Папатеодору, Н. Папастергиу; керамист Н. Феодоридис, филолог П. Гонзополос, журналист К. Сафафидис, искусствовед Д. Янгос, кинооператор Н. Эфтимовски; заслуженный мастер спорта, любимец футбольных болельщиков — игрок “Пахтакора” Василис Хадзипанакис.

Широко известны имена геолога, лауреата Государственной премии К. А. Сарианиди; археолога, доктора исторических наук В. И. Сарианиди; графика И. Д. Кириакиди, создателя целой школы современных живописцев Узбекистана Яниса Салпинкиди.

В 70-е гг., после падения режима “черных полковников” в Греции, начался процесс возврата на родину греков последней волны эмиграции. К середине 90-х гг. большинство греков-политэмигрантов вместе со своими семьями вернулись на этническую родину.

Л. И. Жукова

Литература

- Греки: Вечный скиталец // Депортированные в Казахстан народы. Алматы, 1998. С. 307—312.
- Добровольский О., Сарафидис К.* Под чинарами дружбы. Ташкент, 1969. С. 20.
- Жукова Л.* Встреча с эллинами в Голодной степи // Общественное мнение. Права человека. 1999. № 3—4. С. 31—34.
- История древнего мира. М., 1989. С. 288—302.
- Лазариди М., Караханиди К.* Греки // Под небом Кыргызстана. Фрунзе, 1991. С. 198—203.
- Матвеев А. М.* Зарубежные выходцы в Туркестане на пути к Великому Октябрю. Ташкент, 1977. С. 15—24.
- Он же.* Из истории европейских выходцев в Туркестане после Февральской революции // Научные труды ТашГУ. 1976. Вып. 422. С. 62.
- Ртвеладзе Э.* Кампыр-тепа. Структура. Периодизация // Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент, 2000. С. 16—17.
- Он же.* Миграции народов в Средней Азии // Общественное мнение. Права человека. 2001. № 1. С. 51—57.
- Ставиский Б. Я.* Между Памиром и Каспием. М., 1966. С. 81—83.
- Чехович О. Д.* К истории Узбекистана в XVIII в. // Труды Института востоковедения АН УзССР. Ташкент, 1954. Вып. 3. С. 59.
- Янис Салпинкиди и его школа // Альбом. Живопись, графика, скульптура. Ташкент, 2001.

ГРУЗИНЫ

Самоназвание — картвели. **Народ**, основное население Грузии. **Язык** — грузинский, относится к картвельской группе кавказских языков. **Верующие** — в основном православные, часть — мусульмане-сунниты.

Грузины в Узбекистане:

1926 г. —	697
1979 г. —	4 088
1989 г. —	4 704
2000 г. —	1 130

Взаимоотношения Узбекистана и Грузии зародились еще в глубокой древности. Есть сообщения античных авторов о контактах жителей Хорезма с народами Колхиды на торговых путях по Амударье и Каспийскому морю, по которым шли среднеазиатские и индийские товары в кавказские владения через Эвксинский Понт (др.-греч. назв. Черного моря). Это подтверждается и материальной культурой, элементы которой встречаются на раскопках древних памятников среднеазиатского Междуречья и Кавказа. Активные связи наладились с проложением Великого шелкового пути, особенно со второй половины VI в., когда через Кавказ протянулась специальная трасса из Самарканда — через Бухару, Хорезм, северное побережье Каспийского моря — на Кавказ и в Византию.

В памятнике культуры XI в. поэме Шота Руставели “Витязь в тигровой шкуре” приводится описание Хорезма и связей с ним — торговых, дипломатических, династийных.

Торговые связи между народами Средней Азии и Грузии наращивали темпы и в последующие эпохи. Посетивший в 1795 г. Бухару горный инженер Г. С. Бурнашев в своем отчете отмечает среди многонационального населения города и грузин. В 1894 и 1898 гг. здесь гастролировала Тифлисская опера.

В Туркестане начала XX в. было несколько известных местных предпринимателей грузинского происхождения. В Коканде была открыта гостиница Гоглидзе. Богатый предприниматель Г. М. Цинцадзе в 1911 г. на свои средства построил в Ташкенте общественное здание зрелищного характера — цирк-варьете “Колизей”.

Девятый Туркестанский и Ташкентский архиепископ Дмитрий (Абашидзе Давид Ильич, князь Имеретинский) родился в 1867 г. в Тифлисе, служил в Туркестане с 1900 по 1912 г. Он имел репутацию образованного и интеллигентного человека. В 1906 г. по его инициативе была учреждена религиозная газета “Туркестанские епархиальные новости”.

В 1894 г. по Средней Азии путешествовал выдающийся грузинский художник-реалист, мастер Гуго Габашвили. Впечатления от Самарканда послужили темой его жанровых картин.

Грузины жили в основном в крупных городах. В 1916 г., по сведениям

местного этнографа И. И. Зарубина, в Самарканде их проживало 138 чел., в Каттакургане — трое. Всего в те годы в Туркестане проживало свыше 1 000 грузин. Они работали чиновниками, учителями, врачами, занимались торговлей, содержали гостиницы, буфеты, закусовые.

В 1917 г. в Туркестане была создана религиозно-земляческая организация “Союз грузин”. Здесь решались не только религиозные проблемы, но и совместно отмечались национальные праздники, происходило обучение детей родному языку — предпринимались все меры, чтобы поднять национальное самосознание выходцев из Грузии.

В декабре 1922 г. эконопредставительство Закавказской Федерации в Туркестане заключило договор о создании в Мирзачульском уезде аграрного предприятия. Была оказана техническая помощь в строительстве канала в Голодной степи, целинные земли засеяли лучшими сортами хлопка. Из Грузии в Туркестан была доставлена самая современная для того времени техника. Все хозяйство обслуживали специалисты высокой квалификации. Хотя в 30-е гг. эти опытные работы были искусственно свернуты, грузинские специалисты и в последующие годы участвовали в ирригации и мелиорации сельского хозяйства Узбекистана.

Молодежь Грузии приезжала учиться в вузы Узбекистана, затем оседала здесь, создавая пласт грузинских ученых, интеллигенции. С конца 40-х гг. они работают в научных учреждениях республики в области астрофизики и сейсмологии, гляциологии, физики и электроники, легкой и пищевой промышленности, ирригации и гидротехники, архитектуры, истории, археологии, культуры и искусства.

Из известных грузинских деятелей Узбекистана можно отметить архитекторов К. А. Никурадзе, Ш. Ратия, археолога Э. В. Ртвеладзе, виолончелиста В. З. Чахвадзе, скульпторов Н. А. Банделадзе, А. И. Джишиашвили, вратаря футбольной команды “Политотдел” Л. Луридзе.

Выпускник восточного факультета САГУ Хамид Шалвович Гиунашвили после завершения учебы уехал в Тбилиси. Впоследствии стал доктором филологических наук, профессором, дипломатом.

Л. И. Жукова, Ю. Ф. Бураков

Литература

Гогуа Г. Н. Из истории грузино-узбекских взаимоотношений в области науки и культуры. Ташкент, 1998.

Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре. М., 1984.

ДАТЧАНЕ

Самоназвание — данскере. **Народ, основное население** Дании. **Язык** — датский скандинавской подгруппы германской группы индоевропейской группы. **Верующие** — в основном лютеране, есть католики.

Первые датчане появились в Средней Азии сразу же после образования Туркестанского генерал-губернаторства. В 1871 г. в числе жителей нового Ташкента значились и датчане, в основном чиновники.

В 1883 г. на жительство в Ташкент приехала семья датчанина Т. Н. Нильсена — родоначальника почтово-телеграфной связи в Туркестане.

Потомок выходцев из Дании Рихард Шредер (1867—1944) — известнейший в Среднеазиатском регионе агроном, с конца 1902 г. заведовал Туркестанской сельскохозяйственной станцией под Ташкентом.

В 1896—1897 гг. и в 1899 г. в Бухаре останавливались члены датской экспедиции на Памир. Ол Олюфсен, лейтенант Датской армии, а впоследствии профессор географии, передал в Национальный музей Копенгагена коллекцию, насчитывавшую более 700 предметов. Кроме того, было сделано более сотни снимков, запечатлевших этнические типы народов, проживавших в Бухарском эмирате, а также достопримечательности края. Итоги путешествий датчанин опубликовал в книге: “Эмир Бухары и его страна”. Монография была опубликована в Лондоне в 1911 г. на английском языке. В данном издании, в частности, впервые дается описание мавзолея Саманидов.

В начале XX столетия в регионе проживало немногим более десятка датчан. В общественно-политической жизни Туркестана они, за редким исключением, участия не принимали.

В декабре 1917 г. в Ташкенте с кратковременным визитом находился секретарь-делегат датского посольства в Петрограде капитан А. Брун. Целью его пребывания была проверка культурной и благотворительной работы среди военнопленных и иностранно-подданных беженцев.

События 1917 г. вынудили живших здесь датчан уехать в Европу. Семьи Нильсенов и Шредеров к тому времени уже имели российское подданство и остались в Ташкенте. Р. Р. Шредер стал крупным ученым-селекционером (успешно работал в области биологии, селекции и агротехники хлопчатника; автор сорта хлопчатника “Шредер”), а внук Т. Н. Нильсена — В. А. Нильсен — доктором архитектуры.

Л. И. Жукова

Литература

Матвеев А. М. Участие зарубежных выходцев в общественно-политической жизни Туркестана в марте-сентябре 1917 г. // Научные труды ТашГУ. 1975. Вып. 473. С. 77.
Садыкова Н. С. Музейное дело в Узбекистане. Ташкент, 1975. С. 33.

Дед Владимира Анатольевича Нильсена — Нильсон Теодор Нильсен родился в 1849 г. в датском городе Ньюборге. Он был специалистом в области телеграфной связи и в 1871 г. приехал по контракту в Россию, работал в Иркутске, в Сибирско-Амурском телеграфном агентстве, которое даже прозвали “датским телеграфом”. Там он женился на дочери статского советника А. Богословского, и в 1882 г. у них родился сын Анатолий. В 1883 г. семья Нильсенов переехала в Ташкент, где Теодор Николаевич занял должность старшего инженера Туркестанского почтово-телеграфного округа. С этого времени устанавливается телеграфная связь Туркестанского края с Центральной Россией, через Барнаул и Томск. Он участвовал в строительстве телеграфных линий, которые протянулись в Восточный Туркестан, Кульджу, Кашгар и Памир. Кроме того, в его обязанности входило обеспечение телеграфной связью объектов и городов вдоль строящейся Закаспийской железной дороги. Безупречная служба и особые заслуги Т. А. Нильсена были отмечены несколькими орденами и медалями, в том числе и двумя Золотыми звездами эмира Бухарского. Перед уходом на пенсию в 1911 г. Теодор Николаевич принял российское подданство.

Дед по линии матери — Николай Александрович Смагин, подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка, был разжалован в рядовые с лишением имущества и сослан вместе с семьей в далекий Туркестан, в Форт-2, находящийся посреди казахских степей на берегу Кара-Узяка — притока Сырдарьи в урочище Кармакчи. Это был небольшой гарнизон, состоящий из ссыльных уральских казаков-староверов. Они охраняли почтовый тракт Ташкент—Оренбург и всю обширную прилегающую территорию. В семье было четверо детей. Старшая дочь, родившаяся еще в Петербурге, Елена (Олимпиада Николаевна) станет впоследствии матерью В. А. Нильсена. По завершении строительства дороги Ташкент—Оренбург рядом с поселком появилась железнодорожная станция Джусалы, где и жили некоторое время Смагины, а затем семья переехала в Ташкент. Здесь и познакомились Смагины и Нильсены, а их дети Олимпиада и Анатолий (который стал городским землемером) вскоре поженились. У них появилось два сына, младший — Владимир — родился 4 июня 1918 г.

Судьба этой семьи во многом типична для переселенцев XIX—XX вв. из России в Среднюю Азию. В 20-е гг. подросло уже третье поколение европейцев, для которых Туркестанский край

стал родиной. Предки В. А. Нильсена были людьми весьма образованными, принеся в этот регион не только свои знания, но и открытые сердца искреннего участия и помощи. Теодор Николаевич Нильсен оставил, кстати, много записей и фотоснимков, запечатлев свои путешествия. А для его внука изучение богатейшей строительной культуры среднеазиатских народов стало делом всей жизни.

В 1936 г. Владимир Нильсен окончил среднюю школу и поступил на строительный факультет Среднеазиатского индустриального института по специальности «архитектура». В 1941 г. в проектной группе Главфархадстроя началась трудовая, а затем и научная деятельность молодого архитектора. Первое время он лаборант и чертежник Интендантской академии РККА, затем прораб, инженер технического бюро строительства Фархадской ГЭС, а с 1944 г. — аспирант Института истории и археологии Академии наук Узбекистана. В 1944—1947 гг. — участник археологических экспедиций по Бухарскому оазису, в 1947—1952 гг. работал на раскопках городища Варахша.

В 1948 г. принимал участие во вскрытии остатков обсерватории Улугбека (совместно с В. А. Шишкиным). В. А. Нильсену удалось по сохранившимся следам стен восстановить план этого здания, а затем провести и графическую реконструкцию внешнего облика здания. Это была одна из первых попыток воссоздать уникальное сооружение. В 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию, оставаясь научным сотрудником в стенах своего института до 1956 г.

В 1950 г. В. А. Нильсен начал читать курс истории архитектуры Средней Азии в Индустриальном институте, одновременно продолжая работу по изучению памятников архитектуры и участвуя во всех экспедициях, проводимых Институтом истории и археологии.

В 1953 г. участвовал во вскрытии жилого комплекса Кзыл-Кыр (II в. до н. э.); 1964—1967 гг. — в раскопках городища Афрасиаб под Самаркандом. Продолжал изучение городищ Сурхандарьинской области. Материал этих полевых работ лег в основу его книги «Архитектура Средней Азии V—VIII вв.»

Новый этап в жизни В. А. Нильсена — это годы работы заведующим кафедрой истории архитектуры в Ташкентском политехническом институте. В 1968 г. в связи с образованием Самаркандского государственного архитектурно-строительного института (СамГАСИ) В. А. Нильсен переехал в Самарканд и с 1969 по 1971 г. был деканом архитектурного факультета. Вернувшись в Ташкент, он стал профессором, вновь возглавил кафедру истории и теории архитектуры в ТашПИ.

С 1950 г. до самой кончины летом 1994 г. он беспрерывно

трудился на ниве архитектурного образования. Несколько поколений его учеников живут и работают сейчас в разных городах Средней Азии. Восемнадцать его аспирантов защитили кандидатские диссертации, трое из них впоследствии стали докторами архитектуры.

В. А. Нильсен привлекал к работе своих студентов, используя практику для достижения конкретных результатов в науке. Так, в 1974 г. был издан красочный альбом-монография “Архитектурный декор памятников Узбекистана”. Он почти целиком состоял из иллюстраций, представлявших студенческие обмерные работы за несколько лет.

Перу В. А. Нильсена принадлежат три крупных монографических труда по истории древней, средневековой и новой архитектуры, свыше ста научных публикаций, получивших признание у специалистов. Он был создателем оригинального очерка о раннефеодальном периоде развития архитектуры. Подготовлены к изданию две книги — итог последних лет жизни — “Архитектура старого Ура-Тюбе” и “Архитектура старого Коканда”.

Много работал В. А. Нильсен и над научной реконструкцией первоначального облика архитектурных памятников Средней Азии на основе археологических исследований. Специальный экскурс он посвятил систематизации среднеазиатских колонн, арочных форм.

В. А. Нильсен известен и как активный участник международных научных форумов. Еще в 1954 г. он принимал участие в конференции ЮНЕСКО “Центральная Азия в Кушанский период” с докладом “Кушанские традиции в раннесредневековой архитектуре Средней Азии”. 20 лет спустя он выступил на конференции ЮНЕСКО в Самарканде, посвященной культуре времен Темура и Темуридов с докладом “Некоторые вопросы развития стиля архитектуры времени Темуридов Средней Азии”. В 1985 г. участвовал во Всесоюзной конференции, посвященной творческому наследию народов Средней Азии с докладом “Градостроительство города Коканда”. Он выступал с сообщениями на научных конференциях ТашПИ, СамГАСИ, Ленинградского инженерно-строительного института.

Л. Д. Терентьева-Нильсен

ДУНГАНЕ

Распространенное в русской литературе название народности хуэй, живущей в Северо-Западном Китае; среднеазиатская народность, живущая в странах Средней Азии и Казахстана (самоназвание — лаохуэйхуэй, двуньян жын). Язык — дунганский синотибетской семьи. Верующие — мусульмане-сунниты.

Дунгане в Узбекистане: 1926 г. — 132
1979 г. — 1 106
1989 г. — 1 353

Дунганские переселенцы появились в Андижане в 1880—1883 гг. после поражения дунганского восстания 1862—1878 г. на северо-западе Китая. Всего их, включая поселившихся в Опшской области, насчитывалось 343 чел. В Ташкенте дунганские торговцы поселились в конце XIX — начале XX в. Вплоть до 1917 г. продолжались переезды в Ташкент небольших групп дунган из Семиречья. В предреволюционные годы здесь их уже насчитывалось несколько десятков.

Основная масса дунган, больше частью потомки выходцев из Шэньси, переселилась в Ташкентскую область в 1930 г., где 1935—1936 гг. образовали колхозы “Лунмин Гунхо” и “Стахановский рисороб”. Ныне дунгане живут в основном в Ташкенте, Ташкентской области, Андижане и других городах Ферганской долины.

В 1939 г., в связи с ужесточением режима перехода советско-китайской границы, в Узбекистане осталось на жительство небольшое количество дунган — торговцев и студентов, составивших впоследствии их наиболее образованную часть.

В конце 50-х — начале 60-х гг. в Узбекистан прибыла последняя группа переселенцев-беженцев из КНР. Ныне они составляют около 10% дунганского населения г. Ташкента и Ташкентской области. Среди них 35—40 чел. (5-6 семей) по происхождению салары (тюркоязычный народ на северо-западе Китая). Процесс слияния части саларов с дунганами имеет место и в Китае. В 1979 г. и 1989 г. в Узбекистане насчитывалось соответственно 1106 и 1353 дунганина, т. е. их численность за десятилетие выросла на 22%.

Помимо естественного прироста, в последние годы в Узбекистан переселилось несколько десятков дунган из Казахстана и Кыргызстана. В настоящее время, по оценочным данным, здесь проживает около 2 тыс. дунган. Из них более 600 чел. (103 хоз-ва) — в Дунган-махалле хозяйства “Карасув” Уртачирчикского района Ташкентской области (бывший колхоз “Стахановский рисороб”). Отметим, что в 1936 г., в год переселения, здесь насчитывалось 149 чел. (42 хоз-ва).

В своем большинстве дунгане говорят на шэньсийском диалекте китайского языка, значительно меньше — на ганьсуйском диалекте.

Дунгане исповедуют ислам суннитского толка и, в основном, принадлежат к ханифитам. Дунгане-шэньсийцы делятся на две религиозные группы — “яхши” и “яман”, различающиеся по ряду религиозных обрядов, в основном похоронно-поминального цикла. В Узбекистане они проводятся по обычаям группы “яман”, наиболее здесь многочисленной. Есть среди них представители секты джахирия, большей частью из дунган-ганьсуйцев. В быту дунган, наряду с исламом, сохранились пережитки домусульманских верований, а также элементы распространенных в Китае даосизма, конфуцианства и буддизма.

О происхождении этого народа среди ученых до сих пор нет единого мнения. Среди самих дунган бытует легенда об арабском происхождении. Императору эпохи Тан (618—907) приснился сон, в котором его от чудовища спасает юноша в зеленой одежде. Мудрецы объяснили императору, что чудовище — его враги-кочевники, а юноша в зеленом (символ ислама) — цвет появившейся на западе новой религии, которая спасет империю. По совету мудрецов, император посылает в Аравию послов с приглашением Пророка Мухаммеда. Последний послал в помощь императору три тысячи арабских воинов. В борьбе с кочевниками арабы одержали победу. Чтобы как-то удержать их у себя, император дал им в жены китайянок. Дети от их браков и есть дунгане.

Дунгановеды констатируют, что основным пластом в формировании дунган-хуэй были местные народы Северо-Западного Китая, с участием разных тюркских, иранских, арабских компонентов, на основе китайского языка и мусульманской религии. Последняя сыграла решающую роль в формировании дунганской народности.

Дунгане — исконные земледельцы, огородники и рисоводы. Традиция разведения огородных культур у дунган продолжается и в наши дни. Они сажают традиционные овощи, пряные культуры, горький и сладкий перец, баклажаны, редьку, морковь, лук, чеснок, помидоры, крупную красную редиску (сохраняющую свои вкусовые качества целую неделю), кольраби, различные сорта бобовых и фасоли, в том числе денду-вигна (стручки которой достигают 50—60 см), дюцай — дунганскую черемшу, сунзы — сычуанскую капусту, бицой — листовую капусту и др.

Развитие и углубление повседневных контактов с другими народами края обусловили взаимодействие и сглаживание этнических различий в сферах традиционной культуры. Более всего интегрирующая тенденция прослеживается в жилище и одежде дунган. Сохранились лишь отдельные традиционные элементы. В жилище это кан — теплая лежанка в одной из комнат, отапливаемая посредством дымохода, отдельное расположение кухни, отдельные выходы во двор для женатых сыновей и др. Из женской одежды — штаны с завязками на щиколотках; свадебный наряд невесты, состоящий из цветных вышитых туфель (хуа хе) и носков (хуа вазы), штанов с серебряными завязками и колокольчиками, налобного серебряного украшения (изюнпэ); национальные прически (пынту) и др. У мужчин сохранились лишь свадебные перевязки из красной и зеленой материи.

Стойко сохраняются традиции национальной кухни, которая исключительно разнообразна по составу употребляемых продуктов, блюд и способов приготовления. Среди специфических продуктов, помимо традиционных овощей, это еще и крахмал, многочисленные специи и приправы. Оригинален и набор блюд — щи, состоящие из 9, 13, 18, 26 компонентов. Широкое распространение среди местного населения получили популярные дунганские блюда — лагман, манпар, фынтезы, а также овощи: дюцай, денду, сунзы (восун). В последние годы в Узбекистане появилось много пунктов общественного питания (кафе и столовые), где готовят дунганские блюда.

Дунганская семья по-прежнему играет основную роль в трансляции этнокультурных ценностей, передавая новым поколениям накопленные веками традиционные знания, навыки. Преобладающей формой в структуре семьи дунган является малая семья из двух или трех поколений. Вместе с тем есть и неразделенные семьи, когда родители живут с одним или несколькими сыновьями. Бытует и другая форма неразделенной семьи, когда старики живут с одним сыном, другие живут отдельно, но бюджет для всех общий.

Для семейно-родственных отношений дунган характерны тесные связи, подкрепляющиеся строго регламентированными взаимоотношениями, взаимными обязательствами, определяемыми степенью родства.

Продолжают бытовать и многие элементы семейной обрядности: из детской — десятый день после рождения ребенка (ширмян), сороковой день (маньюэ), годовщина (суйсур); из свадебной — сватовство (шешмэй), полвека (сун ли), свадебные наряды жениха и невесты, их поклоны родителям и гостям, шутки над родственниками жениха в день свадьбы, шутки над молодыми вечером перед брачной ночью (фа-фон), послесвадебное угощение жениха (чин нюци) и др.

Во многом традиционными остаются и внутрисемейные отношения — уважение к старшим, внимание к детям. Несмотря на определенные изменения, во многом прежним остается громоздкий поминальный цикл с обильным угощением на 3, 5, 7, 12, 30, 40, 100-й день и годовщину, что требует не только больших материальных затрат, но и занимает массу времени.

Большая часть дунган говорит на родном языке. В то же время некоторая часть, проживающая в Ферганской долине и в старгородской части Ташкента, перешла на узбекский язык. Они отошли от традиционной культуры и в других сферах, за исключением пищи. Утрата этнических особенностей отразилась на их этническом самосознании. В результате многие из них, чаще всего в Ферганской долине, ныне осознают себя узбеками. Для большинства дунган характерно владение несколькими языками — помимо родного, еще и узбекским, русским, а в некоторых случаях — казахским, корейским и др.

Дунгане Ташкентской области и Ташкента сохраняют родственные и брачные связи с соплеменниками из Кыргызстана и Казахстана, где крупными массивами, по оценочным данным, проживают соответственно 65 и 50 тыс. чел. На протяжении последних трех десятилетий около 35% всех

браков заключены между ними, что в значительной степени способствовало сохранению традиционной культуры и языка. С обретением Узбекистаном независимости появилась возможность общения и взаимного посещения родственников из КНР.

До 1917 г. грамотных среди дунган почти не было, но уже через 20 лет, к 1937 г., 45% из них умели читать и писать. В дальнейшем уровень образованности еще более вырос.

В 1932 г. в Алма-Ате был открыт дунганский педагогический техникум. Педагогические кадры готовились также в педтехникуме г. Фрунзе, где имелось дунганское отделение. Уже в 1937 г. около 20 дунган обучались в высших учебных заведениях Ленинграда и Москвы. В настоящее время в дунганской диаспоре Узбекистана имеются врачи, агрономы, научные работники, учителя.

М. Д. Савуров

Литература

Джон А. А. Дунганские прозвища // Материалы по востоковедению. Вып. 1. Фрунзе, 1984. С. 55—61.

Он же. Материальная культура дунган: поселения, усадьба, жилище (конец XIX—XX в.). Фрунзе: Илим, 1986. С. 152.

Решетов А. М. Современные этнические процессы у дунган // Всесоюзные археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 г. Тезисы докладов. Ташкент, 1973. С. 78—79.

Он же. Формирование и развитие дунганского языка // Аральские исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1984. С. 67—76.

Решетов А. М., Седловская А. Н. Влияние межэтнических контактов на антропонию дунган // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 162—164.

Савуров М. Д. Дунгане Ташкентской области // Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам этнографических и антропологических исследований в 1974—1975 гг. Душанбе: Дониш, 1976. С. 179—180.

Он же. Традиционная и современная материальная культура дунган Ташкентской области // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР, 1974—1976 гг. Л.: Наука, 1977. С. 110—113.

Он же. Некоторые особенности антропоники дунган Узбекистана, Южной Киргизии и Южного Казахстана / Этническая ономастика // Общественные науки в Узбекистане. 1985. № 4. С. 36—38.

Он же. Этнокультурные процессы в семьях дунган Ташкентской области // Общественные науки в Узбекистане. 1984. № 3. С. 31—34.

Он же. Секреты дунганской кухни. Ташкент, 1989. С. 104.

Он же. Дунгане Узбекистана: история, культура и межнациональное согласие. Ташкент, 2001. С. 105—112.

Стратанович Г. Г., Сушайло М., Думан Л. И. Дунгане // Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. 2. С. 564—581.

Мои родители выросли и жили в селе Каракунуз (ныне село Масанчин) Курдайского района Джамбульской области в Казахстане. Мама рано овдовела: от тяжелой болезни умер молодой муж. Повторного брака вдов китайская традиция не одобряла. По этому случаю есть поговорка: “Хороший конь не носит двух седел, хорошая женщина не выходит замуж второй раз”. Следуя ей, многие женщины, оставшись без мужа, отказывались вторично выходить замуж. А в то время (конец XIX в. и вплоть до 30-х гг. XX в.) среди дунган был очень распространен обычай умыкания вдов, что было связано с нехваткой женщин. Кроме того, брак вдов через умыкание давал им возможность переступить через традицию и сохранить при этом лицо: я не хотела, меня вынудили.

Опасность реальной кражи заставляла домашних днем и ночью сторожить мою маму. По бытовавшему тогда старинному обычаю левирата — “юйсо”, вдова должна была выйти замуж за неженатого младшего брата мужа — деверя. Но таковой (мой будущий отец) был очень мал: ему тогда было около 11 лет. Однако угроза кражи невестки заставляла торопиться. Таким образом 19-летняя женщина вышла замуж за мальчика. Мама долго не воспринимала его всерьез и частенько колотила молодого мужа. Тогда на семейном совете было решено отправить незадачливого мужа учиться в медресе. По прошествии пяти лет папа вернулся и родители зажили нормальной супружеской жизнью.

В те времена среди зажиточных дунган было широко распространено двоеженство и многоженство. Кроме того, у моих родственников по мужской линии этот обычай перерос в традицию. Спустя определенное время, взял вторую жену-дунганку и мой отец.

Здесь уместно привести семейные предания, характеризующие отношения, в частности между мужчинами, в нашем роду. У моего отца не было родного брата, но его заменял старший двоюродный брат по мужской линии. А в те времена различий между родными и двоюродными братьями по отцу не делали.

Мой папа был человеком довольно сложного характера и потому всегда находил дома повод поскандальить, бывало и руки распускал. Когда сцены становились слишком бурными, моя мама грозилась пожаловаться его старшему (двоюродному) брату. Как правило, отец после этого успокаивался, если же нет — мама звала на помощь брата. Тот, недолго думая, садился на коня и с кнутом в руке, поднимая шум, подъезжал к дому младшего брата, но, приближаясь, не особенно торопился, давая

последнему ускользнуть. И действительно, заслышав топот копыт, папа через задний двор убежал из дому.

Старший же брат отца, делая вид, что ничего не заметил, грозно въезжал во двор. Женщины жаловались, он соглашался и грозил благополучно сбежавшему брату высоко поднятым кулаком. Так, общим удовлетворением и заканчивался семейный скандал. Женщины успокаивались тем, что на их обидчика нашлась управа. Папа — тем, что подчинился воле старшего брата. Причем он нисколько не стеснялся рассказывать об этом своим друзьям, более того, даже гордился. Старший же брат был рад, что уладил семейную ссору, не уронив авторитета младшего.

В начале 30-х гг. наша семья, в том числе и вторая жена отца — мы звали ее тетей (яя), как сестру матери, — переехала в Ташкент. Здесь вскоре он женился (естественно, без регистрации) еще на двух женщинах: узбечке и русской.

По поводу своих браков у отца до конца жизни (а прожил он 51 год, имея уже годовалого внука) было сожаление, что он так ни разу не надел на своей свадьбе “хун” — свадебные перевязки, когда женятся на девушке: все его жены были или вдовами, или разведенными.

Сильный голод 1933 г. вынудил нашу семью засобирааться в дорогу в поисках лучшей доли. Решили ехать в Китай, вслед за двоюродным дедом. Вещи были собраны и мы прибыли в Ташкент, чтобы оформить необходимые документы. Но вскоре стало известно, что, по решению властей, граница закрыта. Так мы остались в Ташкенте. Думали — временно, оказалось — навсегда.

В середине 30-х гг., когда мне было лет 11-12, мы жили в махалле “Чагатай-Дарвоза” в старгородской части Ташкента. Наша семья состояла из шести человек: папа, мама, вторая жена отца и нас трое детей. Старшей была я. Папа занимался торговлей. Привозил из Фрунзе (ныне Бишкек) товар, в основном красный молотый перец и другие специи. Продавал на базаре в старой части города, где у него имелись две торговые точки. Занимался и нелегальной деятельностью — расплавлял советские серебряные полтинники и продавал слитки. По своим торговым делам, а также чтобы навестить двух других своих жен, он часто отлучался из дому. Иногда отлучки сильно затягивались. Оставленные запасы съестного истощались. Мама и вторая жена отца не работали, не знали ни русского, ни узбекского языков. Бывало, нас посещали немногочисленные знакомые дунгане и дальние родственники, привнося оживление в монотонные дни ожидания отца. Но более всего запало мне в душу простое человеческое отношение к нам со стороны соседней узбеков. Как правило, через пять-семь дней после отъезда отца (каким-то образом это становилось известно) к нам заглядывала одна из соседок и интересовалась: все ли в порядке, не нуждаемся ли мы в чем-либо? Переводчицей выступала я. Таким образом, по

очереди, к нам заходили все ближние соседи. После 10—15 дней отсутствия отца они при каждом посещении приносили с собой лепешки, хотя самим им жилось тяжелее, чем нам. Именно с тех пор мне в память врезался вкус узбекской лепешки. Солоноватая, в отличие от дунганского хлеба, она быстро насыщала и без закусок, и очень нам нравилась.

Моя мама, хотя и была человеком сильного характера, но длительное отсутствие (иногда до двух и более месяцев) в доме мужчины, родственников и соплеменников, незнание языков, незнакомое этническое окружение надламывали ее и приводили в уныние. В такой ситуации почти ежедневные участливые посещения соседей, иногда с детьми, разряжали атмосферу заброшенности, безысходности, приносили настроение и ощущение близости и уюта в отношения с соседями-недунганами, сравнимые с родственными. В это время мы играли в узбекские игры, учились считалкам, стишкам, песням, любовь к которым я пронесла через всю жизнь. Эти же чувства я испытываю и к узбекской культуре, и к узбекской земле, ставшей нам второй родиной.

Знание с малых лет узбекского языка, приобщение к культуре узбекского народа, тесное знакомство с традициями и другими чертами этнического характера давали мне возможность чувствовать и считать их своими. Большую часть жизни прожив в Узбекистане, я ни разу не почувствовала себя чужой.

Усвоение с детства языка, знание этнического стереотипа узбеков, в том числе их толерантность в межнациональном общении, во многом способствуют формированию у представителей других этносов ответной адекватной реакции. В одних случаях это ускоряет ассимиляционные процессы определенной части малых народов среди узбеков, в других — оказывает положительное влияние на общую атмосферу межнациональных отношений. Но и в том, и в другом случае толерантность узбекского народа ускоряла и ускоряет процесс приобщения к узбекской культуре, приобретения новой родины для миллионов людей на узбекской земле.

Уверена, что именно эти мотивы послужили важным фактором, подвигшим моего отца убедить двух своих свояков оставить насиженные места и семьями переехать из Джамбульской области Казахстана в нынешнюю Дунган-махаллю колхоза “Карасу” Уртачирчикского района Ташкентской области. Сейчас потомки моей мамы и двух ее сестер составляют более 280 человек, или около 15% всего дунганского населения Узбекистана.

Записал М. Савуров

ЕВРЕИ

Самоназвание — йегудим, идн. Общее этническое название народностей, исторически восходящих к древним евреям. Живут в США, Израиле, Российской Федерации, странах СНГ. Большинство говорит на языке той страны, где осели. Часть евреев говорит также на языке иврит, идиш и других этнических модификациях языков окружающих народов. Верующие — в основном иудаисты. В диаспорах сложилось деление на ашкенази и сефардов.

В Узбекистане проживают евреи различных этнолингвистических групп (ашкенази, яхуди, горские (таты), грузинские, крымчаки, караимы), отличающиеся друг от друга по происхождению, языку, традициям, территориям компактного проживания и т. д.

Впервые языковая принадлежность евреев в Туркестане была зафиксирована в 1897 г. во время всеобщей переписи населения. Разделение евреев по этническим общностям в деловых бумагах произошло в первые годы Советской власти и официально было закреплено во время переписи населения в 1926 г.

Кроме того, еще до революции в Туркестане евреи подразделялись на европейских, или ашкеназских (русских, украинских, польских, молдавских, белорусских, венгерских, румынских, австрийских, немецких, литовских, американских, израильских и др.) и на азиатских (яхуди, афганских, персидских, турецких и др.).

В советский период азиатские иудеи ассимилировались в одну этнокультурную бухарско-еврейскую общину и стали составной частью восточных евреев. К ним относятся также этнокультурные общины горских и грузинских евреев. Наиболее урбанизированной является грузинская.

Л. И. Жукова

ЕВРЕИ ГОРСКИЕ (ТАТЫ)

Самоназвание — иври. Самобытная группа евреев, проживающих в основном на побережье Каспийского моря, в Дагестане (Махачкала, Дербент) и Азербайджане (Баку). Язык — татско-еврейский (особое наречие новоперсидского языка), принадлежит к индоевропейской лингвистической семье. Верующие — иудаисты.

Горские евреи в Узбекистане: **1979 г. — 216**
 1989 г. — 617

Горские евреи (таты) — один из многих народов Северного и Центрального Кавказа. Их предки, как пленники, были переселены из Иранского

Азербайджана в Прикаспийскую низменность в середине I тыс. н. э. Горскими их называют потому, что с незапамятных времен жили среди горских племен.

Во время персидского владычества в Закавказье семиты усвоили татский язык, подвергшийся сильному тюркскому влиянию и абсорбировавший лексику иврита и кавказских языков. Кроме того, они вынуждены были знать один-два, а то и больше языков соседних этносов.

Горские евреи никогда не имели своей государственности и поэтому постоянно приспосабливались к иноэтническому окружению. За шестнадцать столетий своего проживания среди разных народов и этнографических групп (азербайджанцев, осетин, балкарцев, кабардинцев, чеченцев и др.) они многое впитали из комплексной материальной и духовной культуры Кавказа.

В начале прошлого века евреи носили общекавказский народный костюм, но со своим этническим оттенком и украшениями; вели схожий образ жизни, зачастую давали имена исламизированные библейские и традиционные для населения округи. Они не разводили свиней и славились своим гостеприимством. Объединяла горских иудеев с местными мусульманами и схожесть погребальных обрядов. В то же время в семейной обстановке большинство горцев соблюдали древнееврейские правила, хотя и не всегда знали их первоначальный смысл; предпочитали брачные узы между родственниками и избегали смешанных браков.

Горские евреи были малограмотными, но некоторые из них знали иврит, а многие могли читать молитву на древнееврейском языке.

В основном работали профессиональными кожевниками, сапожниками, портными, заготовителями. Занимались ковроткачеством, торговлей. В горных деревнях — садоводством и виноградарством, виноделием и разведением простого сорта табака. И в сельской местности, и в городах горские евреи селились преимущественно колониями. Самая большая образовалась в Нальчике.

Среднюю Азию наиболее предприимчивые из них посещали еще в эпоху феодализма для скупки необработанных шкур. Склонные, как и весь еврейский этнос, к международной торговле, горские купцы привозили сюда излишки как своих товаров (сафьян, обувь, ювелирные украшения), так и изделия кавказских мастеров.

Но в начале прошлого века правительство Российской империи запретило горским евреям-торговцам свободно передвигаться по Азии. И только в 1915 г. черта оседлости для еврейского населения в России была упразднена. Горские евреи начали индивидуально, в целях улучшения своего материального положения, мигрировать в любые районы, в том числе и южные окраины империи.

В 1920-х гг. немало было сделано для горских евреев, и прежде всего в области образования и культуры. Были построены школы. С 1925 г. стали печататься материалы на татско-еврейском языке, причем с использованием алфавита древнееврейского языка. Позднее была принята письмен-

ность на основе русской графики. Татско-еврейский диалект стал одним из литературных языков Дагестана.

В районах компактного проживания горских евреев стали работать обувные и чулочные фабрики, кожевенные заводы. Стала уходить в прошлое прежняя общинная замкнутость (но только частично). Появились интернациональные семьи.

Некоторые евреи переехали в Среднеазиатский регион в годы второй мировой войны. В Узбекистане в их трудоустройстве и оказании помощи в бытовом плане деятельное участие принимали единоверцы из бухарско-еврейской общины, с которыми уже давно сложились дружественные связи. Известно, например, что бухарско-еврейский раввин в середине XX столетия был приглашен в синагогу города Нальчика.

В Узбекистане горские евреи достаточно быстро адаптировались к новым условиям жизни и усвоили языки коренных жителей. В республике они слыли хорошими ювелирами, “цеховиками” (ручное производство), опытными протезистами и, конечно, специалистами в сфере обслуживания и торговли. Появилась своя интеллигенция — мелиораторы, врачи, инженеры.

В конце 80-х гг. начался исход горских евреев в Израиль, а позднее — и в США.

Л. И. Жукова

Литература

Зиссерман Д. Еврейские общины в Советском Союзе / Отцы и дети. 2000. № 33. С. 21—22.

История горских евреев Северного Кавказа в документах (1829—1917). Нальчик, 1999.

Исход горских евреев: разрушение гармонии миров. Нальчик, 2000.

Ярков А. П. Евреи в Кыргызстане. Бишкек, 2000.

ЕВРЕИ ГРУЗИНСКИЕ

Самоназвание — эбраэли. Живут в основном в Грузии. Язык — грузинский. Верующие — иудаисты.

**Евреи грузинские в Узбекистане: 1979 г. — 57
1989 г. — 210**

Грузинские евреи считают себя “потомками десяти колен Израиля, отправленных в расселение ассирийским царем Саргоном II в VIII в. н. э.”

Широко распространена легенда о том, что предки грузинских евреев были выдворены из Иудеи вавилонским царем Навуходоносором в VI в. до н. э.

Популярен ныне и литературный источник V в. н. э., согласно которому “от одного из знатных иудеев, взятых в плен Навуходоносором, происходит семья Багратов, давшая династию грузинских и армянских царей”.

На территории Грузии евреи появились в первые века н.э. (по другой версии — в V в. до. н. э.). В послемонгольский период были превращены в крепостных. У своих покровителей-феодалов они заручились обязательством, чтобы их не принуждали переходить в христианство. Однако случаи перехода все же имели место.

Еврейские общины начали формироваться после отмены крепостного права в Грузии (1864—1871). В этот период и появился термин “грузинские евреи”. Верные своим традициям, своему происхождению, они заключали браки только внутри этнолингвистической группы.

Практически все грузинские евреи по-прежнему чтят свои традиции, соблюдают установки религиозной жизни. Однако некоторое их число официально зарегистрировало себя как грузины.

В Узбекистане грузинских евреев всегда проживало небольшое количество. Родного языка не знают, за исключением тех, кто поселился здесь на время учебы в высших учебных заведениях или для проведения каких-то коммерческих сделок. Посещают ашкеназскую синагогу. Известны случаи, когда самаркандские яхуди брали в жены грузинских иудеек.

Среди известных людей данной этнолингвистической группы, проживающих в Узбекистане, — кандидат медицинских наук Палагашвили Эдуард Ефимович. В конце 90-х гг. XX в. начался исход грузинских евреев из республики.

Л. И. Жукова

Литература

Исход горских евреев. Разрушение гармонии миров. Нальчик, 2000.
Ярков А. П. Евреи в Кыргызстане. Бишкек, 2000.

ЕВРЕИ ЕВРОПЕЙСКИЕ (АШКЕНАЗИ)

Народ, проживающий в Израиле, США, европейских странах и республиках СНГ. Язык — идиш, иврит, а так же — в зависимости от страны проживания — языки романо-германской, славянской групп. Верующие — иудаисты, в незначительном количестве христиане.

**Евреи европейские в Узбекистане: 1979 г. — 73 920
1989 г. — 65 493**

Период 1860—1910-е гг. характеризуется незначительным, по сравнению с другими европейскими народами, расселением евреев-ашкенази в Туркестанском крае, т.к. он находился вне черты еврейской оседлости — зоны,

которая была определена еще в 1835 г. Евреям-ашкенази запрещалось селиться ближе 100 верст от границ с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, а с 1902 г. — приобретать собственность в русских селениях Бухарского эмирата. Нарушившие запрет подлежали принудительной высылке. В Туркестанском крае разрешалось жить, кроме отставных нижних армейских чинов, лишь привилегированным категориям евреев: ремесленникам, купцам 1-й гильдии и специалистам, имеющим степени кандидата или магистра.

Значительную часть евреев-ашкенази Туркестана составляли предприниматели — торговцы и промышленники. Крупными коммерсантами были Г. Хесин, И. Сморгунер, В. Комаровский, М. Флакман.

Многочисленной была интеллигенция, в основном работники медицинских учреждений: известные врачи братья М. и С. Слонимы; А. Шварц заведовал амбулаторией, оказывающей помощь мужской части коренного населения. Инженеры участвовали в строительстве в 1899—1905 гг. Ташкентско—Оренбургской железной дороги. Большую роль в культурной жизни Туркестана играли евреи-ашкенази — издатели и книготорговцы.

Данные переписей населения свидетельствуют о крайне незначительном числе евреев-ашкенази среди сельского населения. Однако в 20-х гг. было создано Общество землеустройства еврейских трудящихся, развившее земледельческое направление в хозяйстве евреев.

Отношения евреев-ашкенази с коренным населением складывались дружелюбно. Единственным исключением является жалоба жителей махаллы в районе Кукчи г. Ташкента на промышленника И. Маргулиса, построившего чесальный цех недалеко от мечети. А вообще, местные предприниматели терпимо относились к еврейским коммерсантам, последние иногда служили у них или были компаньонами.

В начале XX в. в Туркестане проживало чуть более 5 тыс. российских евреев — примерно 2% от всего европейского населения края. Из них около 2,5 тыс. жили в Самаркандской области, около 1,5 тыс. — в Ферганской, 350—400 чел. — в Ташкенте. Несколько сотен ашкенази жили в русских селениях Бухарского эмирата.

Среди субэтнических групп евреев-ашкенази Узбекистана можно выделить польских евреев (оказавшихся на территории России в результате раздела Польши в XVIII в.), галицких евреев (Молдавия и юго-восточная Украина).

Значительные изменения в повседневной жизни ашкенази обозначились с 1917 г., когда начало свою работу Европейско-еврейское Центральное бюро при Совете национальностей Туркестана. При его содействии были открыты школы, рабочий клуб, интернат, три библиотеки, еврейский национальный театр.

Наряду с этим в советский период произошла и утрата многих черт этнической идентификации.

Родным языком евреев-ашкенази Узбекистана до первой четверти XX в. был идиш, вторым, в зависимости от места происхождения, — польский,

украинский, русский и немецкий. С конца 30-х гг. происходит их значительная русификация. По данным переписи 1926 г., 75% евреев-ашкенази считали своим родным языком идиш, 25% — русский. В 1989 г. считали русский язык родным уже 80%.

Как и в дореволюционных, в большинстве советских переписей населения бухарские евреи и ашкенази считались вместе, исключение составляет перепись 1926 г., по данным которой в Узбекистане проживало около 20 тыс. евреев-ашкенази (19 611), из них подавляющее большинство — в городах (19 299).

Во время второй мировой войны численность евреев-ашкенази в Узбекистане значительно увеличилась за счет эвакуированных. По данным переписи 1959 г., в Узбекистане проживали 94 344 еврея (сюда вошли евреи-ашкенази, караимы, бухарские, горские и грузинские евреи). По косвенным данным, количество самих евреев-ашкенази составляло приблизительно 57 тыс. В 1970 г. в Узбекистане проживало 102 855 евреев. Применяв метод оценки по языковому фактору, можно определить число евреев-ашкенази приблизительно в 62 тыс. Вместе с евреями-ашкенази, писавшими русскими, украинцами, — детьми от смешанных браков, выбиравшими, как правило, национальность нееврейского родителя, их число подошло бы к 70 тыс.

В послевоенный период взаимоотношения с местными властями несколько осложнились, что явилось отголоском общей волны антисемитизма того периода в масштабах всего Советского Союза. Евреи-ашкенази Узбекистана были фактически лишены возможности пропагандировать свою национальную культуру на родном языке, не стало национальных театров, школ, обществ. Лишь в конце 80-х гг. начали открываться культурные центры, в которых проводились различные мероприятия, отмечались национальные праздники, можно было изучать еврейский язык (иврит).

В начале XX в. среди евреев-ашкенази Туркестана выделялась группа евреев, принявших православие (выкрестов).

Традиционно евреи-ашкенази исповедуют иудаизм. В XIX в. значительное распространение среди евреев-ашкенази Украины и Белоруссии получил хасидизм (“любовическое движение”), который на волне их миграции в Туркестан получил распространение и здесь. В Самарканде функционировало областное религиозное общество хасидов, насчитывавшее в 1914 г. 853 чел. Аналогичные общества существовали и в других городах края.

В 1899 г. в Ташкенте на ул. 12 тополей была открыта первая крупная синагога в крае. Ее посещали и поддерживали пожертвованиями все слои еврейской диаспоры, включая и чиновников краевой, областных и уездных администраций.

В первой четверти XX в. количество синагог возросло до 16, но в советское время произошла значительная секуляризация евреев-ашкенази, и к концу советского периода осталась только одна. Но в большинстве семей евреев-ашкенази продолжали отмечать религиозные праздники, прежде всего Песах.

В 90-е гг. религиозная жизнь евреев-ашкенази Узбекистана значительно оживилась. Были открыты две хабадские школы (иешивы). В настоящее время в республике официально существует (с 1998 г.) 16 общин евреев-ашкенази с 15 священнослужителями, проповедующими иудаизм.

Со второй половины 70-х гг. постепенно обозначается и отток евреев-ашкенази в европейскую часть России, прежде всего в крупные города и научные центры. Несколько позднее эмиграция сменила вектор: многие стали уезжать на постоянное место жительства в Израиль и США. В конце 80-х исход евреев-ашкенази принял необратимый характер. По данным последней советской переписи, в 1989 г. в Узбекистане проживало 65 439 евреев, т. е. почти на 40 тыс. меньше, чем по данным 1970 г. В 1998 г. общая численность евреев в Узбекистане составила 15 638, из них евреев-ашкенази, вероятно, не более 10 тыс.

Довольно много евреев-ашкенази в советский период было занято в промышленности, прежде всего на Ташкентском авиационном заводе им. Чкалова. Значительную группу составляли медицинские работники и юристы. Но самой многочисленной среди узбекистанских евреев-ашкенази была научная и творческая интеллигенция: театральные деятели, певцы, композиторы, архитекторы, историки, этнографы, краеведы, обществоведы, филологи, литераторы, редакторы и др.

Это дирижер и композитор Р. М. Глиэр, имя которого носит Республиканская музыкальная школа-интернат, драматург А. Штейн, писатели Б. Боксер, Г. Марьяновский, прозаик Д. Рубина, доктор архитектуры И. И. Ноткин, архитекторы-проектировщики А. М. Александрович, В. Л. Спивак, искусствоведы Л. И. Ремпель и Л. Ю. Маньковская, семья музыкантов Янов-Яновских, театральный режиссер А. Е. Слоним, доктор исторических наук Д. И. Лев, археолог Л. И. Альбаум, фотокорреспондент М. Пенсон, известные спортсмены — боксеры Илья и Рубен Давыдовы, боец А. Либус и др.

Е. Абдуллаев

Литература

Амитин-Шапиро З., Юабов И. М. Национальные меньшинства Узбекистана. Ташкент, 1935.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 15.

Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991.

Зингер Л. Еврейское население в Советском Союзе. М.; Л., 1932.

Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. М., 1962.

Итоги всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. 4.

Кантор Я. Национальное строительство среди евреев СССР. М., 1934.

Рабич Р. Российские евреи в дореволюционном Туркестане: Правовое и социальное положение (1864—1914 гг.) // Евреи Средней Азии в прошлом и настоящем. Экспедиции, исследования, публикации: Сб. научн. тр. / Сост. И. Дворкин; отв. ред. Т. Д. Вышенская. СПб., 1995. С. 133—149.

Фейгина О. Трудовая династия дорожников // Шафар. 2001. № 3 (90).

Юхнев Н. В. Этническая территория и особенности расселения евреев-ашкенази России в конце XIX в. // Малые дисперсные группы в Европейской части СССР. М., 1985. С. 56—70.

КАРАИМЫ

Самоназвание — карайлар. Малочисленный народ на Украине и в Литве. Небольшие группы живут также в Польше. Язык — караимский кипчакской подгруппы тюркской группы алтайской семьи. Верующие — караимского вероисповедания (их единственной священной книгой является Ветхий завет)

Караимы в Узбекистане:	1926 г. — 30
	1979 г. — 29
	1989 г. — 55

История караимского этноса до сих пор является дискуссионной. И лишь недавно в иудаизме начала преобладать тенденция к признанию караимов частью еврейского народа. Придерживающиеся вероучения караимизма признают исключительно первоначальную библейскую традицию Ветхого завета (Тору) и отрицают раввинскую традицию.

Имеется предположение, что иудаизм караимского толка сформировался в Месопотамии во второй половине VIII в. Его основателем считается Анан бен Давид, родившийся в Багдаде. Этноконфессиональное сознание особенно возросло после размежевания караимов с раббанитами. Поборники караимского движения ратовали за средний путь в поддержании религиозных принципов.

Советские этнологи считали, что караимы — это потомки древних тюркских племен, входивших в VIII—X вв. в состав Хазарского каганата. После его падения часть хазар, принявших иудаизм в раввинском варианте, нашла спасение в Крыму. В 30-е гг. XIII в. туда начали переселяться византийские евреи, а также караимы.

После завоевания Крыма турками (1475) караимы начали активно применять в быту и молитвенной практике татаро-турецкий язык (этим языком несколько позднее начали пользоваться и караимские общины в Польше и Литве). К середине XVIII в. в Крыму образовались четыре общины, объединившие около 500 семей.

Несмотря на ряд льгот, дававшимися ханами, права караимов были ограничены. После присоединения территории Крыма к России (конец XVIII в.) караимы стали ее полноправными гражданами. Более того, с 1863 г. на них не распространялось и положение о черте оседлости. По сведениям крымского краеведа В. Полякова, к концу XIX — началу XX в. каждый второй караим состоял в купеческом сословии, а каждый пятый являлся почетным гражданином края.

Крымских караимов всегда отличала тяга к знаниям. На средства общины, на огромные частные пожертвования содержались школы. Молодежь в своем большинстве имела высшее образование.

Несмотря на благоприятные условия, численность караимов постепенно сокращалась. По данным переписи населения 1897 г., во всей Российской империи проживало всего около 13 тыс. иудеев караимского толка. Одна из главных причин — строгие предписания, касающиеся брака и родственных отношений, согласно которым члены одной общины не могли вступать в брак с членами другой.

На протяжении последних 130 лет на землях современного Узбекистана проживало небольшое число караимов — сектантов от иудейства. В 1926 г. в Союзе насчитывалось 8300 караимов, из них только 30 в Узбекистане. В начале XX в. в Ташкенте проживала Лидия Эгерс, караимка по национальности, но принявшая православие в связи с замужеством. Известность она получила благодаря тому, что была единственной в то время женщиной среди строительных подрядчиков.

Представители этой отколовшейся от иудаизма группы отличались большой мобильностью и часто меняли место жительства. В 30-е гг. они были расселены по среднеазиатским городам дисперсно. Никаких караимских общин и кенас (синагог) не было не только здесь, но и по Союзу в целом.

В годы второй мировой войны в Узбекистане временно проживали караимы из числа польских евреев-беженцев. Например, специалист по ранней исламской поэзии Иохим Хиршберг из Кракова. В 60-е гг. он возглавлял Институт религий в Израиле.

После второй мировой войны большинство крымских караимов только из-за того, что говорили на крымско-татарском языке, были депортированы в Среднюю Азию, в том числе и в Узбекистан.

С 1967 г. начался постепенный отток караимов в Крым и другие регионы СНГ.

Л. И. Жукова

Литература

- Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы, 1998. С. 298.
Новочеркасск и Платовская гимназия в воспоминаниях и документах. М., 1997. С. 134.
Сентанова К. Мы — востоковеды // Восток. 1992. № 2. С. 147—148.
Штриккер Г. Иудаизм в Российской империи, в Советском Союзе и постсоветской России // Хорошего держитесь. Харьков, 1999. С. 347—355.
-

КРЫМЧАКИ

Самоназвание — иехуди или срэл балалары. **Малочисленный народ, в основном проживающий в Крыму и на Кавказе (Новороссийск, Сухуми).** **Разговорный язык** — крымчакский, относится к кипчакской группе тюркских языков. **Верующие** — иудаисты.

Крымчаки в Узбекистане: 1979 г. — 72
1989 г. — 173

Этногенез крымчаков учеными до сих пор полностью не раскрыт. Предположительно, они вышли из средневековых иудейских общин. Формирование новой этнографической группы иудеев происходило в XVI—XVIII вв. В этот период наблюдались волны миграций ашкенази, сефардов, гурджи (кавказских евреев), миздрахи (евреев из Палестины), которые вливались преимущественно в раббанитские общины, представители которых с 1859 г. стали именоваться “крымчаками”. На бытовом уровне имели прозвище “чуфут”.

Во время существования Крымского ханства крымчаки традиционно занимались торговлей; в сельской местности — земледелием, садоводством и виноградарством. Процветало кожевенное производство и соледобывающий промысел. Среди крымчаков были хорошие врачи. Быт имел много общего с бытом основного населения полуострова — крымских татар.

К моменту присоединения Крымского ханства к Российской империи диаспора крымчаков насчитывала около 800 чел.

В начале XX в. в Крыму не было ни одной школы для детей крымчаков. Первые две были открыты в 20-х гг. Появление своей интеллигенции способствовало процессу распада устоев традиционного быта, а в дальнейшем — и быстрой ассимиляции. Утрата этнических особенностей и самосознания дала повод некоторым исследователям бывшего СССР в послевоенный период определять этнос “крымчаки”, как “особую народность” смешанного, в основном нееврейского, происхождения.

На территории Средней Азии, в том числе и Узбекистана, крымчаки стали поселяться в небольшом количестве в первые десятилетия XX в. Близость языков помогла быстро адаптироваться среди коренного населения и не забыть свой родной язык. Работают в основном в мастерских по выпуску предметов ширпотреба. Предпочитают держаться своим кругом.

Л. И. Жукова

Литература

Евреи в Крыму. Симферополь, 1999.

Ярков А. П. Евреи в Кыргызстане. Бишкек, 2000.

ЕВРЕИ СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ

Народ, концентрирующийся в Израиле, США, Узбекистане и в небольшом количестве в Казахстане и Таджикистане. Среднеазиатские евреи этнически включают в себя субэтнические группы бухарских, афганских и иранских евреев. Язык относится к самаркандско-бухарской группе диалектов таджикского языка. В разговорной речи присутствуют слова древнееврейского происхождения. В настоящее время все владеют русским и узбекским языками. Верующие — иудаисты.

Среднеазиатские евреи в Узбекистане:

1926 г. —	18 172
1979 г. —	25 643
1989 г. —	28 369
2000 г. —	9 653

Еврейская диаспора, уже в VIII—VI вв. до н. э. охватившая Месопотамию и Египет, к началу н.э. распространилась на Восточное Средиземноморье, Иран, Среднюю Азию и другие регионы.

В Средней Азии евреи поселились уже в первые века н. э., однако из-за отсутствия источников единственным материалом об их жизни того периода остаются сохранившиеся в еврейских семьях устные предания. Наиболее раннее письменное упоминание о среднеазиатских иудеях датировано XII в.: принадлежит оно “Беньямину из Туделы”, посетившему в средние века этот край. Более подробные сведения содержатся в работах и европейских ученых, и путешественников XVIII—XIX вв. — Т. Бурнашева, А. Вамбери, А. Борнса, Е. Эверсмана, Г. Спасского, Л. Костенко, Н. Ханыкова, Е. Мейендорфа и др.

Существуют различные легенды и предания, связанные с приходом евреев на эту землю. Версии ученых тоже разнятся, но почти все они географически близки между собой. Принято считать, что предки среднеазиатских евреев переселились сюда из Персии. Общеизвестно, что заселение иудеями различных районов Средней Азии происходило не одномоментно, а длилось веками, причем с неодинаковой интенсивностью. Появившись на территории Ирана в период так называемого ассирийского пленения (VI в. до н. э.), евреи постепенно освоили и сопредельные территории. В других данных указывается VIII в. до н. э., когда часть жителей царства Израиль покинула родину и нашла себе пристанище в Египте. Все другие версии и суждения о первых поселениях евреев в Средней Азии укладываются в эти временные рамки.

Заслуживает внимания и тот факт, что Среднеазиатский регион довольно долго находился во владении персидской империи, и зависимые от персов евреи насильственно переселялись по воле своих господ в Парфию и Маргиану, Бактрию и Согд. В пользу персидской версии свидетельствует и то, что все среднеазиатские евреи, предки которых жили под властью раз-

личных народов, говорили и ныне говорят лишь на одном из диалектов иранского языка — фарси.

Переселение значительного числа евреев-ремесленников из иранских городов предпринял в XIV в. Амир Темур.

Четыре столетия спустя, когда земли Мавераннахра стали добычей Надир-шаха, вместе с его разноплеменным войском в Среднюю Азию также пришли евреи — преимущественно торговцы и ремесленники. Многие из них осели здесь навсегда.

Потеря родины, национальной государственности наложили отпечаток на жизнь евреев: они забыли свой язык — иврит — еще в Иране и перешли на фарси. Стали одеваться подобно коренным жителям региона — узбекам и таджикам. Тем не менее, общаясь между собой на фарси, приняв местную культуру, бытовые традиции, среднеазиатские евреи не перестали быть иудеями. Именно религия позволила им сохранить свою национальную принадлежность. Особенность религии — этническое и конфессиональное самосознание слиты воедино. Согласно традиционному взгляду, переход еврея в другую религию равносителен переходу в другой народ.

Среднеазиатские евреи в Бухарском эмирате причислялись к зиммиям — иноверцам. По существовавшим обычаям им разрешалось исповедовать свою религию, владеть имуществом, совершать сделки, регулируемые их собственными порядками. Но в делах уголовных и в сделках с мусульманами они подчинялись законам ислама. Им воспрещались браки с мусульманками и владение рабами-мусульманами. Поголовные подати — джизья — были для среднеазиатских евреев гораздо выше, чем для мусульман.

После присоединения Средней Азии к России юридическое неравенство среднеазиатских евреев было значительно смягчено. Им было разрешено покупать дома и селиться в новой части Самарканда и других городов.

В последней трети XIX столетия в официальных российских документах появился термин “бухарский еврей”. Так именовали среднеазиатских иудеев, являвшихся подданными Бухарского эмирата — земель, не вошедших в состав Российской империи. Евреев же, проживавших на территории Туркестана, — подданных России — называли “туземными евреями”.

После октябрьских событий 1917 г., падения Бухарского эмирата, национального размежевания Средней Азии термин “бухарский еврей” стал общим для всех местных евреев, независимо от места их проживания. По данным переписи, впервые проведенной в Туркестане в 1897 г., число местных иудеев немногим превышало 5 тыс. чел. (без учета евреев Бухарского эмирата).

В советское время среднеазиатских евреев Узбекистана сначала именовали “майда милад” (малая нация, народность), а затем просто перестали выделять в отдельную национальную единицу: в статистических отчетах последующих переписей они включались в графу “еврей” наряду с евреями-ашкенази. Поэтому количество среднеазиатских евреев в Узбекистане не имеет точных данных.

В конце XVIII—XX вв. еврейские общины, помимо Бухары, были известны в городах: Кермине, Каттакургане, Самарканде, Шахрисабзе, Карши, Ташкенте, Коканде, Андижане, Намангане, Фергане, Маргелане, небольшие группы проживали в Байсуне, Термезе, Денау и Хиве.

Традиционной формой поселения до 20-х гг. XX в. являлись гузары (кварталы) — махалля с синагогой (кениссо) и ритуальными водоемами (миква), банями (хаммом), собственными базарами и кладбищами. При синагогах существовали религиозные школы (хомуло). Общественная жизнь проявлялась лишь в обязательном посещении всеми мужчинами с 13-летнего возраста синагоги, где собирались для обсуждения жизни общины, выборов старшин (калонтаров); здесь же совершались некоторые ритуальные обряды, проводились угощения.

Домовладения среднеазиатских евреев состояли из жилых и хозяйственных построек, располагавшихся по периметру небольшого двора. На улицу выходили глухие стены домов, прорезанные небольшими воротами. Самой нарядной комнатой являлась мехмонхана, часто совмещавшая функцию гостиной и синагоги. Перед ней в богатых домах устраивали высокий айван, опиравшийся на резные колонны. Как правило, домовладения среднеазиатских евреев были однодворовыми, но в начале XX в. стали возводиться и двухдворовые. Дома крупных предпринимателей строились по европейскому образцу. И в наши дни часть среднеазиатских евреев живет в добротных домах, доставшихся им от предков и реконструированных согласно требованиям времени.

Мужской костюм среднеазиатских евреев в прошлом состоял из длинной рубахи (курта) и штанов (эзор) из хлопчатобумажной ткани. Поверх нательной рубахи обязательно носили своеобразный жилет (бегет), являвшийся знаком принадлежности к евреям. Летний костюм завершался легким халатом (яктак), зимний — стеганной на вате курткой (гуппича), камзолом либо халатом (чомаи пахтанок). Богатые носили халаты из драпа, кастора, верблюжьего сукна, летние — из местного или привозного шелка; в бедных семьях халаты шили из ситца или цветастого сатина. Обувь состояла из кожаных башмаков (кафш), зимой их одевали поверх мягких сапог (махси, ичиги). Мужской головной убор представлял собой круглую шапку из каракуля с бархатным верхом (телпаки карокули), под которую надевали тубетейку (каллапуш, туппи). Женская одежда состояла из нижней рубахи, шитой из кисеи (дока) или белого тонкого шелка (калгай), верхней длинной рубахи с широкими рукавами (курта) из ситца либо шелка и штанов (эзор), верхнюю часть которых шили из хлопчатобумажной ткани, а нижнюю — из шелка либо парчи. Зимой под верхнюю рубашу надевали стеганную на вате одежду, а сверху — стеганный на вате камзол. В праздники надевали длинный халат (калтача) из дорогой ткани. Такого же типа халат, но из темной полосатой алачи, надевали в дни траура. Женщины носили обувь на босу ногу; повседневные туфли были из кожи, нарядные расшивались золотом (кафши заррин). Зимой на шерстяные носки надевали ичиги с кожаными туфлями, которые позднее были вытеснены резиновыми калошами. В домашней обстановке женщины не закрывали

лица, но, выходя на улицу, обязательно надевали паранджу (фаранчи) и закрывали лицо волосистой сеткой (чашмабанд). Эта традиция сохранялась в некоторых городах Бухарского ханства до 30-х гг. XX в. Ныне повязывают голову платком особым манером лишь пожилые женщины. Женщины носили те же украшения, что и мусульманки. Наиболее распространенными были кольца (ангуштпона), различной формы серьги (халка), золотые либо серебряные браслеты (дастпона), ожерелья из кораллов и бисера. До середины XX в. можно было увидеть пожилую женщину с колечком в носу (арабак).

В настоящее время характер пищи среднеазиатских евреев продолжает определяться местными традициями и религиозными табу (кашрут), которых придерживаются традиционные семьи. Запрещается смешение молочных и мясных продуктов; вся посуда делится на молочную (шири) и мясную (оши). Разрешается есть покрытую чешуей рыбу, мясо жвачных парнокопытных животных и домашней птицы, зарезанных специальными резниками. Запрещается употреблять в пищу свинину, конину, верблюжатию. Своеобразна кухня среднеазиатских евреев. Популярны плов с зеленью в мешочке (бахши халтаги), жареная рыба под чесночным соусом, птица с овощами (ду пиёзи), фаршированный лук (оши пиёзи) и др.

Счет родства у среднеазиатских евреев — патрилинейный, но по иудейским нормам евреем считается только рожденный от еврейки; распространены кузенные браки. Долгое время сохранялись большие неразделенные семьи: женатые сыновья во всем зависели от отца. Все питались из общего котла, семейные пары имели отдельные помещения. Работами по дому управляла свекровь, которой подчинялись невестки.

Во многих семьях среднеазиатских евреев строго соблюдаются религиозные предписания о праздниках, обычаях и обрядах. Суббота предназначена для покоя (шаббат). В этот день запрещается выполнять любую работу, люди должны вспоминать обо всех делах Божьих, и прежде всего об избавлении Израиля от египетского рабства. Широко отмечаются ежегодные праздники: Песах (Пасха), Пурим (Жребий), Йом Кипур (День очищения) и др.

В последнее десятилетие наблюдается резкое сокращение диаспоры среднеазиатских евреев. На конец 2000 г. их численность не превышала 3500 чел. В основном проживают в Бухаре, Самарканде и Ташкенте. При еврейских агентствах (Сахнут) организованы ульпаны по изучению иврита, преподается история религии, открыты молодежные клубы, оказывается помощь будущим репатриантам. В Бухаре действует еврейская средняя школа и детский сад.

Обособленную этническую и конфессиональную группу представляют так называемые еврей-чала (т. е. неполноценные). Предки их в разное время были обращены в ислам. Эта группа жила замкнуто, поскольку была отторгнута остальными евреями, но не до конца принята и мусульманами. Еврей-чала расселялись на окраинах бухарско-еврейских кварталов в Бухаре, Самарканде, Ташкенте, Ургенче. Этнически они похожи на евреев. В быту сочетали элементы мусульманства с реликтами еврейского образа

жизни и даже религии, т. к. многие из них тайно (даже с ведома раввинов) придерживались иудаизма. Были случаи и открытого возвращения в иудаизм. Обращенные в мусульманство евреи вступали в брак только с членами своей группы. Основным занятием их были ремесло, ткачество, шелководство и торговля. Активно занимались музыкальным искусством.

В настоящее время замкнутость в значительной степени преодолена. Языками их являются узбекский, таджикский, русский. Одежда также включает и восточные, и европейские элементы.

Традиционным и монополизированным занятием значительной части среднеазиатских евреев являлось красильное ремесло. Когда в конце XIX — нач. XX в. на среднеазиатский рынок в большом количестве стали поступать дешевые ткани из России, местное красильное ремесло пришло в упадок. Среди среднеазиатских евреев были ювелиры, портные, парикмахеры, лекари; славились музыканты и танцоры, выступавшие на пиршествах не только в своем кругу, но и у мусульман. Лучшие из них становились придворными певцами и музыкантами. Женщины работали прачками, поварихами в богатых домах. Среди среднеазиатских евреев было много торговцев — от мелких разносчиков-лоточников до крупных предпринимателей. Последние владели доходными домами, винокуренными, хлопкоочистительными и маслособойными заводами.

Переход среднеазиатских евреев к земледельческому труду на первых порах сопровождался большими трудностями, так как согласно законам предшествующего времени они землей не наделялись. И хотя по новому земельному кодексу это положение было отменено, на деле местные органы еще долгое время препятствовали выделению земли среднеазиатским евреям. Тем не менее, уже в 20-е гг. организуются сельскохозяйственные товарищества, которые в дальнейшем были объединены в колхозы: садоводческие, виноградарские, овощеводческие, хлопководческие, выращивающие зерновые и кормовые культуры. Так, в 1926 г. было 63 сельских хозяйства, которые в 1929 г. объединились в 26 еврейских колхозов. В 1930 г. число хозяйств выросло до 279, а в 1932 — до 425. В 1937 г. было 15 колхозов, охватывающих 894 хозяйства, наиболее крупные из которых были в округе Самарканда. При них были клубы, библиотеки и поликлиники, школы с еврейско-узбекским и еврейско-таджикским языками обучения.

В городах среднеазиатские евреи работали на шелкоткацких, текстильных, швейных фабриках, на хлопкоочистительных, маслособойных, гренажных и кирпичных заводах, а также в кустарно-промысловых артелях.

В советский период началось новое культурное развитие среднеазиатских евреев. С 20-х гг. функционировало туземно-еврейское национальное бюро; еврейский пединститут, поставлявший учительские кадры для регионов проживания яхуди; 10 школ, 4 дошкольных учреждения, 2 школы труда, 3 интерната, 6 рабочих клубов, 3 библиотеки. Образовалась значительная прослойка интеллигенции среднеазиатских евреев, занятая во всех областях народного образования и культуры (преподаватели, врачи, инженеры, музыканты, певцы, актеры). Одним из самых известных евреев, сделав-

ших государственную карьеру, был А. М. Абдурахманов — министр юстиции Узбекистана (30-е гг.).

В 30-е гг. выходило много книг на бухарско-еврейском языке, только в 1933 г. было издано 117 названий. Среди писателей бухарско-еврейского происхождения были известны: Мордыхай Батчаев, Габриэл Самендаров, Иуната Караев, Яков Хаймов, М. Аминов, П. Абрамов, Ю. Мардыхаев. Однако в конце 30-х большинство из них были репрессированы, а в 1940 г. вышли из печати последние три книги на бухарско-еврейском языке.

Из диаспоры среднеазиатских евреев вышла целая плеяда музыкантов, артистов, композиторов, например, художники Эмануил Каландаров и Юрий Елизаров, музыканты Ильяс Маллаев и Мухаббат Шамаева, а также всемирно известный ансамбль из Бухары “Пашмаком”. К сожалению, многие из них уже эмигрировали из страны.

Р. Назарьян, Е. Г. Некрасова

Литература

- Абрамов М. М.* Бухарские евреи в Самарканде. Самарканд, 1993.
- Альмеев Р.* Исследования и материалы по истории и этнографии бухарских евреев / Под ред. Б. А. Казакова. Бухара, 1998.
- Амитин-Шапиро З. Л.* Очерк правового быта среднеазиатских евреев. Ташкент-Самарканд, 1931.
- Он же.* Предание о постройке первой синагоги в г. Бухаре // Сб. научн. кружка при восточном факультете САГУ. Ташкент, 1928. Вып. 1. С. 3—8.
- Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р.* Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент, 1998. С. 144—150.
- Гинзбург А. И.* Узбекистан: Этнополитическая панорама. Очерки, документы, материалы. М., 1995. С. 87.
- Датхаев Ю. И.* О бухарских евреях. (Краткие очерки). Душанбе, 1992.
- Зарубин И. И.* Очерк разговорного языка самаркандских евреев. Л., 1928.
- Исхаков П.* К истории бухаро-еврейского этноса. Нью-Йорк, 1996.
- Калантаров Я. И.* Среднеазиатские евреи // Народы Средней Азии и Казахстана / Под общ. ред. С. П. Толстого. М., 1963. Т. 2. С. 610—628.
- Куповецкий М. С.* Евреи из Мешхеда и Герата в Средней Азии // Этнографическое обозрение. 1992. № 5. С. 54—64.
- Назарьян Р.* По страницам истории. Среднеазиатские евреи в Самарканде. Синагоги старого города // Годы, люди, факты: В 2-х ч. Самарканд, 1999. Ч. 2.
- Поливанов Е. Д.* К вопросу о происхождении среднеазиатско-еврейского языка. Самарканд, 1989.
- Семенов А.* К прошлому Бухары // Садриддин Айни. Воспоминания / Под ред. А. Семенова. М.; Л., 1960. С. 980—1015.
- Сухарева О. А.* Бухара. XIX — начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966. С. 165—178.
- Она же.* К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1988.
- Усманова З. И.* Роль Великого шелкового пути в истории Мерва // Города Центральной Азии на Великом шелковом пути. Тезисы докладов. Самарканд, 1994. С. 65.
- Членов М. А.* Евреи // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 158—161.
- 130 лет Алии // Газета “Шафар”. 2000. № 12 (87).

ИНДИЙЦЫ

Общее название выходцев из территории, занимаемой современной Индией и Пакистаном. Выделяется несколько сотен этносов. Говорили в прошлом на различных наречиях Индии и исповедовали различные религии. Большинство выходцев из Индии — индуисты, но имелись мусульмане, сикхи, буддисты, джайны и христиане. В прошлом в Туркестане все они именовались индусами.

Индийцы в Узбекистане:	1926 г. — 37
	1979 г. — 139
	1989 г. — 756

ИСТОРИЯ ПРОНИКНОВЕНИЯ В РЕГИОН

Первые контакты между народами Средней Азии и Индии уходят в глубокую древность, однако регулярными они стали лишь в I—III вв. н. э., когда Индия и южные области Средней Азии слились в рамках Кушанской империи. Углублению этих отношений способствовало развитие Великого шелкового пути и распространение в регионе буддизма.

В первые века н. э. в Бактрии — Тохаристане (включая ее среднеазиатскую, правобережную часть, ныне это южная часть Сурхандарьинской области) было несколько крупных буддийских религиозных структур: пещерный монастырь Кара-тепе, храмово-монастырский комплекс Фаяз-тепе, “башня Зурмала”. Монументальные буддийские здания находились в Дальверзин-тепе, в Айртаме и в Зар-тепе. Их интенсивную духовную жизнь обслуживали пришлые буддийские миссионеры и местное духовенство. Монахи-индийцы переводили и комментировали священные индийские тексты. Кроме того, здесь было всегда много знатоков буддизма из Индии, которые пропагандировали свое учение и расширяли ряды единомышленников.

В конце XIV в. в Самарканд прибыли, уже не по своей воле, десятки индийских каменотесов. После похода в Индию Темура, помимо первоклассных мастеров, пригнал еще и 95 слонов для подъема тяжестей. Ремесленники и диких животных принимали участие в строительстве соборной мечети Биби-ханум.

Первые письменные сведения о крупных поселениях индийцев в Средней Азии относятся к XV—XVI вв. В одном из источников XVI столетия упоминается индусский квартал со своим старшиной в городе Бухаре.

Новые строки в историю взаимоотношений народов Индии и Мавераннахра были вписаны Бабуром (1483—1530) — основателем династии Великих Моголов в Индии. Бабур, бывший государь Ферганы из династии Темуридов, стремился к укреплению связей с родиной. В Мавераннахр он отправлял государственных деятелей, в Индию приглашал лучших мастеров миниатюрной живописи из Самарканда и других городов.

Даже в пестрой многоликой бухарской толпе выходцы из Индии (не мусульмане) резко выделялись своим внешним обликом. Обыкновенно

мужчины были одеты в короткий узкий темный халат с мелким рисунком, подпоясанный бечевкой, и узкие шаровары. Поверх заплетенных косичек или свободно ниспадающих прядей волос надевали черные квадратные шапки. Женщины носили более разнообразные костюмы и украшения, характерные для своей общины. Поэтому почти все европейские путешественники, посещавшие Бухару и другие города Средней Азии в XIX — начале XX в., считали своим долгом хотя бы несколько строк в путевых дневниках посвятить данному этносу.

Английский политический агент А. Борнс, побывавший в 30-е гг. XIX в. в Бухаре, отмечал, что в городе проживает около 300 индийцев из Шакарпура. Несколько позднее венгерский тюрколог и подданный Великобритании Вамбери отмечал наличие в Бухарском эмирате уже 500 выходцев из Индии. По данным исследователей, количество индийцев, обустроившихся в Бухарском эмирате во второй половине XIX в., доходило временами до 800 чел. Причем эта цифра дается без учета индийцев-мусульман.

В Туркестанском крае, на землях нынешнего Узбекистана, выходцы из Индии селились в городах и кишлаках Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской областей. В 1893 г. в русской части Самарканда проживало 26 индийцев (20 мужчин и 6 женщин). В Хивинском ханстве они пребывали краткосрочно на базарах. В основном это были выходцы из западной и северо-западной Индии.

Во второй половине XIX — начале XX в. в Средней Азии насчитывалось 6—8 тыс. индийцев (индийские мусульмане при этом не учитывались). Максимальный срок проживания их здесь составлял не более 10—15 лет. Состав колонистов в основном был мужской, и они не имели право жениться на женщинах из коренного населения.

Индийцы старались селиться компактно, в одном караван-сараяе. В Бухаре они занимали два караван-сарая: Сарай-Карши и Сарай-Хинди. В Ташкенте индийцы проживали в караван-сараяе, находившемся на центральном базаре в старгородской части города. Если не было поблизости караван-сараяев, обустроивались в одном районе, создавая “индийские ряды” (Старый Маргелан, 80-е гг. XIX в.) и “индусские кварталы” (Наманган, нач. XIX в.). В Коканде до сих пор сохранилась память об “индийской слободе”. Образуя в местах постоянного обитания национальные колонии, они таким образом создавали себе некоторую гарантию защиты от возможных посягательств на имущество.

В общине существовало социальное расслоение, ограничиваемое кастами. Среди представителей землячеств Индии имелась своя интеллигенция. В крупных колониях комплектовались библиотеки. Квалифицированные переписчики книг выполняли заказы своих соотечественников и местных клиентов. Элиту и богатых обслуживала прислуга. Были и совсем обнищавшие, из низших каст (кули и др.).

Внешне индийские постройки в Туркестане мало чем отличались от жилищ коренного населения, но косвенно свидетельствовали о стремлении их хозяев сохранить национальный колорит.

Л. И. Жукова

ТРАДИЦИОННЫЕ ЗАНЯТИЯ В ПРОШЛОМ

Индийская эмиграция в Средней Азии и на территории Узбекистана, в частности, формировалась из представителей зарождавшихся национальных предпринимателей, занимавшихся преимущественно торгово-ростовщической деятельностью, разорившихся индийских крестьян и ремесленников.

При посредничестве индийских эмигрантов в Узбекистан из Индии ввозилось большое количество товаров: чай, индиго, пряности, полудрагоценные камни, кисея, кашемировые шали, парча, сандаловое дерево и др. Наиболее крупные торговые операции индийцы проводили с чаем. Во второй половине XIX в. они фактически монополизировали бухарский чайный рынок. Конкурировать с ними чаю, ввозимому из России, было невозможно. Поэтому одним из первых мероприятий российской администрации после завоевания края было включение его в общероссийскую таможенную систему. Вследствие этого позиции индийских купцов были серьезно подорваны.

В 80-х гг. XIX в. крупные операции с ввозимыми товарами индийские купцы вели только в Бухарском ханстве. В 1887 г. здесь насчитывалось 10 крупных торговцев-оптовиков. Основным видом их коммерческой деятельности являлась хлеботорговля. Кроме того, они занимались кредитованием дехканских хозяйств под урожай хлопка и зерна. Хлопок скупался индийцами для сдачи на хлопкоочистительные заводы. Скупка шерсти, тканей, пряжи, ниток также привлекала их внимание.

Некоторое распространение среди индийских выходцев получило земледелие и садоводство. Ювелиры из Индии, с давних пор осевшие на территории современного Узбекистана, открывали здесь небольшие мастерские. Особым спросом пользовались печати из сердолика с различными изображениями и сурами из Корана.

Некоторые выходцы из Индии занимались другими, помимо торговли и ростовщичества, видами предпринимательства. Так, в 1896 г. индиец Бай Балагулев в компании с А. Я. Епифановым построил хлопкоочистительный завод в кишлаке Машад Наманганского уезда, такой же завод в Андижане построил в 1907 г. пешаварец Акуб-Шейх Нурханов. Среди индийцев встречались повара, пекари, кондитеры, парикмахеры и даже учителя. В начале XX столетия в Туркестан приезжают индийцы-чернорабочие.

В. А. Германов

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМИ ВЛАСТЯМИ И НАСЕЛЕНИЕМ

Поскольку в Бухарском ханстве индийцы составляли значительное число, среди местного населения за ними проводился негласный контроль. А гласный контроль за их деятельностью и величиной доходов осуществлял специальный чиновник, носивший титул “ясаул индусов”. После смерти ин-

дуса его имущество не могло перейти наследникам, а поступало в эмирскую казну. Вели наблюдение даже за заболевшими индусами, чтобы в преддверии возможного ухода из жизни они не передали тайком деньги своим наследникам.

В Бухарском эмирате право немусульманской части индийских выходцев открыто исповедовать свою религию ограничивалось. Они не могли строить храмы, сооружать идолов и устраивать религиозные процессии. Молельни имелись только внутри караван-сараев, здесь же держали и “священную корову”. Был введен ряд бытовых ограничений: запрещалось ездить верхом на лошадях в пределах города; жить в иных местах, кроме специально отведенных; жениться на мусульманках и приобретать невольниц из их числа; предписывалось носить одежду только определенного покроя.

В 70-х гг. XIX в. по своей роли в экономике Туркестана индийцы занимали совершенно особое положение, по сравнению с выходцами из других азиатских стран. Значительное их число занималось ростовщицеством, поэтому русские колониальные власти утвердили ряд особых правовых норм, адресованных исключительно индийцам. 27 октября 1877 г. был опубликован циркуляр Туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана “О парализовании эксплуатации туземного населения индийскими выходцами”. Тем самым была предпринята попытка борьбы с их ростовщическими операциями. Правила данного циркуляра запрещали индийцам приобретать за долги земельное имущество у местных жителей; при взыскании долга могло быть продано только движимое имущество должника, но не предметы повседневного обихода; несостоятельные должники не подвергались аресту и обязывались вместо этого уплачивать ежегодно в счет долга не более одной трети своих доходов. С целью окончательного подрыва позиций индийцев-ростовщиков была узаконена принудительная продажа ранее приобретенных ими земельных участков.

Изъятие принадлежавших индийцам земельных участков в сельской местности сопровождалось возмещением их стоимости. Специальными постановлениями областных правлений определялся срок, в течение которого владелец-индус должен был продать землю. В случае невыполнения им этого решения, земля подлежала принудительной продаже в административном порядке, с возвращением ему вырученной суммы за вычетом расходов по продаже.

Поначалу административные ограничения против индусов-ростовщиков были приняты на временной основе. Но в 1886 г. их основные положения были утверждены Государственным советом России и получили статус закона.

В. А. Германов

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

После событий 1917 г. небольшое количество семейных индийцев, уже почти забывших родной язык, избрали Туркестан местом своего постоянного проживания. В Бухарском эмирате выходцы из Индии оставались до 1920 г.

В 1920 г. в Ташкент на непродолжительное время из Кабула переехало эмигрантское Временное правительство Индии, которое затем преобразовалось в общественно-политическое национальное движение. Его возглавили индийцы Мухаммед Али, Абдул Маджид и Абдул Фазл. Их резиденция занимала часть здания старого Главпочтамта на Пушкинской улице.

Оставшиеся в Узбекистане индийцы-мусульмане постепенно ассимилировались с местным населением. Несколько таких семей до сих пор проживает в старгородской части Ташкента. В 70-е гг. индолог Л. Еремян познакомилась с женщиной, имевшей этнический тип индианки. Как она рассказала, ее отец из Пенджаба, в 1915 г. перешел границу в поисках лучшей доли, принял ислам, чтобы местное население лучше приняло его, и остался здесь жить.

В 50-е гг. в Ташкентском университете на восточном факультете преподавал хинди Маден Хардат. Женится на русской студентке и в 1961 г. уехал на родину.

Л. И. Жукова

Литература

Азиатская Россия. СПб.;-М., 1885. Т. 10. С. 303.

Байкова Н. Б. К вопросу о русско-индийских торговых отношениях в XVI—XVII вв. // Труды Института востоковедения АН УзССР. 1956. Вып. 4. С. 75—94.

Она же. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (перв. пол. XVI — втор. пол. XVIII в.). Ташкент, 1964.

Дмитриев Г. Л. Правовое положение выходцев из Средней Азии (вторая пол. XIX — нач. XX в.) // Материалы по истории Средней Азии. Ташкент, 1966. С. 63—64.

Он же. Из истории индийских колоний в Средней Азии (втор. пол. XIX — нач. XX в.) // Страны и народы Востока. М., 1972. Вып. 12. Кн. 2. С. 234—248.

Он же. Этнографические сведения об индийских выходцах в Средней Азии. Сб. работ аспирантов ТашГУ. 1964. Вып. 254. С. 214—220.

Он же. Деятельность индийских выходцев в Средней Азии (втор. пол. XIX — нач. XX вв.) // Научные труды ТашГУ. 1964. Вып. 238. С. 142—155.

Он же. Правовое положение индийских выходцев в Средней Азии (втор. пол. XIX — нач. XX в.) // Научные труды ТашГУ. 1967. Вып. 293. С. 63—69.

Он же. Из истории индийских революционных организаций в Средней Азии (1919—1921 гг.) // Научные труды ТашГУ. 1967. Вып. 314.

Матвеев А. М. Из истории Совета интернациональной пропаганды на Востоке (1919—1920 гг.) // Научные труды ТашГУ. 1977. Вып. 533. С. 106—107;

Он же. К вопросу о ростовщичестве в Бухарском ханстве в XIX в. // Там же. С. 48.

Низамутдинов И. Г. Об индийском ростовщичестве и его формах в Бухарском ханстве (XIX — нач. XX вв.) // Научные труды ТашГУ. 1978. Вып. 556. С. 37—44.

Он же. Опыт характеристики дипломатических документов по истории среднеази-

атско-индийских политических отношений в XVI—XVII вв. // Научные труды ТашГУ. 1981. Вып. 582. С. 32—39.

Пугаченкова Г. А. Искусство Гандхары. М.: Искусство, 1982.

Расуль-заде П. Н. Из истории среднеазиатско-индийских связей второй половины XIX — начала XX века. Ташкент, 1968.

Рустамов У. А. К истории изучения экономических, политических и культурных связей между народами Индии и Средней Азии // Труды Института востоковедения АН УзССР. 1956. Вып. 4. С. 59—74.

Соколов Ю. А. Установление кокандского владычества в Ташкенте // Материалы по истории Средней Азии. Ташкент, 1966. С. 29.

ИРАНЦЫ

Фарсы, самоназвание — ирани. Народ в Иране. Язык персидский (фарси) западноиранской подгруппы иранской группы индоевропейской семьи. Верующие — мусульмане-шииты, в меньшей степени бехаисты.

Иранцы в Узбекистане: 1926 г. — 9 830
 1979 г. — 20 026
 1989 г. — 24 779

Иранцы — одна из древнейших групп жителей Среднего Востока, ядром которых являлась область Фарси (отсюда второе название их — персы). Ирано-персидский язык развивался на арамейской основе, которая стала языковой базой многих народов Востока.

Связи народов Ирана со Средней Азией, по памятникам древней культуры, насчитывают более четырех тысячелетий. Однако первые конкретные сведения о проникновении их на территорию современного Узбекистана относятся ко времени Ахеменидского государства, вторжения Кира II в 553 г. до н. э.

Оседали они здесь и после походов Александра Македонского, и в период Сасанидской державы, когда развивались широкие торговые связи по Великому шелковому пути, на котором господствовали согдийские и иранские купцы. Колонии торговцев и мастеров-ремесленников вырастали в Самарканде, Бухаре и других городах среднеазиатского Междуречья.

Во времена арабского завоевания в армии Кутейбы ибн Муслима было много иранцев, которые после крушения империи Сасанидов искали спасения от арабов в городах Средней Азии.

В большом количестве приезжают они сюда с торговыми, научными и производственными целями при Саманидах и Караханидах. Из источников известно, что в Самарканде кварталы Чопардира и Ганилифар были местом собрания и жизни ученых Востока. В самаркандском квартале Гот-

фар — крупнейшем культурном центре того времени — в 70-х гг. XI в. поселяется молодой философ и поэт Омар Хайям. Вскоре он по приглашению правителя переезжает в Бухару. Позднее, по просьбе султана Малик-Шаха, оседает в Исфахане.

После военных походов Амир Темур в свои владения привозил ремесленников, ученых, поэтов и художников, певцов, музыкантов и др. В честь каждого успешного военного похода он возводил монументальные постройки, используя для этих целей труд пленных зодчих. Об этом свидетельствуют надписи на самих памятниках: зодчий Мухаммуд из Исфахана создал комплекс медресе и ханаки царевича Мухаммед-Султана в Самарканде, а резчик Юсуф из Шираза — резную дверь у входа в Шахи-Зинда. В середине XV в. в Самарканде творили два иранских художника-миниатюриста, вывезенные в 1447 г. из Герата — Шихабуддин Абдулла и Захаддин Озхар.

Источники свидетельствуют, что иранцы оседали на территории Мавераннахра и при Шейбанидах, и при Аштарханидах.

Прибывали иранцы в Среднюю Азию и при Шахе Аббасе, Музаффаре Эддине. В 1740 г. Бухарское и Хивинское ханства были включены в состав государства Надир-шаха. С его войсками в Бухару пришло большое количество турок-османов, иранцев и афганцев, которые там и осели. Часть иранцев привозили как пленников с войн, которые происходили между правителями Средней Азии и Хорасана. Но основная их масса была насильно переселена из Мерва в Бухару и Самарканд. В дальнейшем они селились и в Джизаке, Кермине, Карши, Шахрисабзе, Термезе, и в незначительном количестве в Хиве. Еще в 1920 г. в Хиве отмечалось 809 иранцев — потомков привезенных сюда туркменами и обращенных в рабство.

Происходило некоторое сближение с местным населением, но полного слияния не получалось вследствие различий в религиозных течениях. И хотя в целом сосуществование было мирным, иногда происходили религиозные эксцессы, в частности суннитско-шиитская резня в 1910 г. Сохранению обособленности способствовал и социально-экономический, профессиональный фактор. Иранцы, особенно жившие в Бухарском ханстве, занимали ведущие позиции при дворе эмира, в бухарском войске, в производстве шелка. Сочетание конфессионального и социально-экономического факторов способствовало замкнутости иранцев.

В 1874 г., когда было ликвидировано рабство, многие иранцы вернулись на родину, но значительная их часть осталась жить здесь, в частности в Амударьинском отделе.

Хорошо знакомые со спецификой сельского труда в местных условиях, иранцы занимались земледелием, зерноводством, садоводством, виноградарством, но более важное место в их жизни отводилось торговле и ремеслам. Они специализировались на изготовлении сладостей и продаже пряностей и лекарств, ковроткачестве, ювелирном деле. Среди ремесленников были заргары (мастера по изготовлению золотых изделий), мисгары (мастера по изготовлению медных изделий), калиндузы (мастера по ковровому делу) и

др. Однако превалировало все-таки шелкоткачество — ткали дорогостоящие сорта шелковых тканей — шохи, адрас, из которых делали румоли шой (шелковые платки) и жойпуш (покрывало на постель).

В середине 70-х гг. XIX в. происходит завоевание Средней Азии Россией, для которой этот район представлял богатейший источник сырья и удобный рынок сбыта для развивающейся промышленности. Экономические связи между этими странами приобрели постоянный характер. Их укреплению способствовала оборотистость иранских купцов. Наиболее известны среди них: Ходжи Хошим Рахимов, Ходжи Файзи Шарипов, Ходжи Мумин, Ходжи Мулло Барот, Ходжи Латиф заргар, Ходжи Гафур, Ходжи Холик, Ходжи Абдурайим, Ходжи Алихон Мамадхонов, Ходжи Зариф, Машади Козим и др. Они ездили по российским городам, совершали удачные торговые сделки, сами продавали товар. В 1880 г. на Петербургской показательной выставке Мухаммад Козим из Мингтута и Ого мир Хасан из Сайит-махалли демонстрировали ткани, которые были удостоены золотой медали.

Единичные переселения в Бухару персов-купцов и ремесленников из различных районов Ирана происходили вплоть до 1917 г. Иранцы переходили границу без документов и имели возможность жить здесь без паспортов. Русские купцы и предприниматели не видели в них опасных конкурентов, а администрация края даже облегчала их прибытие в Туркестан, видя в них дешевую рабочую силу. Таких поздних переселенцев бухарцы называли “машади” (мешхедцы) или “персиён” (персы). Постепенно иранцы ассимилировались с местными жителями.

Обустроивались здесь и представители иранской интеллигенции, составившей оппозицию шахскому режиму. Среди них — впоследствии известный поэт и прозаик Абулкасым Лахути и др. Дети наиболее зажиточных иранских выходцев обучались в местных мусульманских, русско-туземных и новометодных школах. И, как исключение, — в русских начальных школах и гимназиях.

После 1917 г. паспортный режим в Туркестане ужесточился. Некоторые иранцы, в основном малоквалифицированные и неграмотные рабочие, приняли подданство советской России.

В это время меняется общая политика правительства в отношении нацменьшинств, что нашло свое отражение и в положении малых народностей Средней Азии. Идет искусственное приобщение их к участию в промышленном производстве, развитию просвещения. В начале 20-х гг. при Совете по просвещению национальных меньшинств создается Ирано-азербайджанское бюро, в ведении которого находятся два дошкольных учреждения, три рабочих дома, две библиотеки и педагогические курсы. Открывается иранский район в Самарканде, функционирует иранский театр (Самарканд). Действовали школы с иранским языком обучения.

В начале 30-х гг. на заводах Ташкента появились первые профессиональные рабочие кадры из числа иранцев. Правда, в дальнейшем они так и оставались в единичном исчислении. Только 5% иранского населения со-

ставляли служащие. На данный период в Ташкенте насчитывалось 200 рабочих-кустарей иранского происхождения. Кроме того, в 1929 г. из местных иранцев было создано два колхоза, показатели урожая которых были всегда стабильно высокими.

Несмотря на все вышеперечисленные успехи, как свидетельствовало постановление правительства Узбекистана от 27 декабря 1933 г., иранцы, хотя и были приравнены к основным коренным национальностям, не всегда могли воспользоваться своими правами, в частности правом на обучение на родном языке, на равенство при судопроизводстве и т.д.

По материалам всесоюзной переписи населения 1970 г., в Узбекистане проживало 15 457 иранцев, “из которых 12 202 чел. считают своим родным языком узбекский”.

Эти данные наглядно показывают направление развития этнографической группы ирони. Термин “ирони” стал общим этнонимом группы, сложившейся в течение последних трех—четырёх столетий из добровольных или вынужденных переселенцев с территорий, подвластных в различные периоды иранскому владычеству. В некоторых случаях термин “ирони” относили к тем, кто сравнительно недавно (1924—1938) приехал из Ирана. Старожилы в таких случаях, в порядке противопоставления, называют “фарси” или “маври”. Люди среднего и особенно младшего возраста, для которых религиозная принадлежность не имеет уже сколько-нибудь существенного значения, официально называют себя в Бухаре таджиками или узбеками. Тюркоязычные ирони (Самарканд) относят себя к узбекам. Процесс ассимиляции ирони среди местного населения идет уже в течение многих веков. Он является результатом длительной совместной жизни, тесного соприкосновения в социально-экономической и культурной сферах.

Зримым итогом этого стал канал Даргома в Самарканде, который остался в истории под названием “Эрон Ариги” (“Иранский канал”). Вдоль него образовались иранские махаллы: Панжоб, Хужа-Сахат, Лолазор, Хаймар, Мингут, Сайит-махалля, Богишамол, Куллар боги, Найман, Хужаназар, Бекмахалля и др. Названия некоторых из них связаны с каналом. В махалле Панжоб (перс. — пять вод) этот канал разделяется на несколько ответвлений, отсюда и название махаллей. Есть махаллы Юнгичка-арык, Дам-арык. Вокруг этих махаллей появились сады, были построены ветряные и водяные мельницы. Значительная группа ремесленников, крестьян и торговцев проживала в Ташкентском оазисе, что отразилось в названиях махаллей в Ташкенте, базара в Янгиюле.

Из архитектурных сооружений иранцев можно отметить построенный в XIX в. в Самарканде комплекс, включавший несохранившиеся ныне мечеть с минаретом и дошедшее до нас здание медресе, архитектором которого являлся зодчий Ходжа Абдураим. В медресе обучались духовным и светским наукам. До 1924 г. сооружение использовалось по прямому назначению, а затем перешло в ведомство различных организаций. Только в 1990 г. медресе было возвращено верующим. В этом же комплексе находилось гражданское сооружение — восточная баня Хаммоми Давути Пан-

жоб. Она была построена местным купцом Ходжой Абдураимом после паломничества в иранские города, причем конструктивный чертеж и план он привез из Мешхеда. Оформляли комплекс традиционные чайхана и хауз.

Культовые сооружения иранцев известны и в Бухаре.

Известные деятели науки и культуры Узбекистана из числа иранцев: хивинский мастер литографии Ибрагим Султан; писатель, литературовед, переводчик Оствар (родился в 1917 г. в Иране, но с 1948 г. работал в Узбекистане); участник революционного движения в Бухарском эмирате, а затем историк — профессор Алиев; востоковеды-педагоги К. Шитфар, А. Табатабаи, Д. Эфтекор, Халь-ад Бори, М. Тагеев; иранисты Латиф Халилов, А. Патсун; историк Ф. Алиева; режиссер Саид Али Ахунзаде; артист Рашид Файзи; консул Республики Узбекистан в Таиланде Парвиз Алиев; диктор высшей категории телерадио (на Иран) Шовкат ханум Алиева; преподаватель арабского языка в Бухаре, выпускник Тегеранского университета Мухамматризо Парастепанах.

Ф. Алиева

Литература

Абрамов М. Тузары Самарканда. Ташкент, 1989.

Акрамов С. А. Из истории социально-политической жизни Самарканда в XIX в. Ташкент, 1990. С. 54.

Андреев М. С., Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: Полное описание нашего отечества // Туркестанский край. СПб., 1923. Т. 19.

Вороновский Д. Г. “Гульшан ул-мульк” Мухаммеда Якуба Бухари. Ташкент: ИВ АН УзССР. Шифр 1507. Л. 133.

Зарубин И. И. Население Самаркандской области. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. С. 24.

Итоги всесоюзной переписи населения 1970 г. М.: Статистика, 1973. Т. 4. С. 202.

Люшкевич Ф. Д. Этнографическая группа ирони // Занятия и быт народов Средней Азии. Л., 1971.

Мухминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. М., 1962.

Под небом Кыргызстана. Фрунзе, 1991. С. 31.

Эргашев Б. Х. Идеология национально-освободительного движения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1991.

ИСПАНЦЫ

Самоназвание — эспаньолес. Народ, основное население Испании. Язык — испанский романской группы индоевропейской семьи. Верующие — в основном католики.

**Испанцы в Узбекистане: 1979 г. — 37
1989 г. — 54**

Наиболее ранние сведения об испанцах мы находим в записях хорезмийских купцов, достигавших со своими товарами по Великому шелковому пути базаров Андалузии.

По этому пути в 1403—1405 гг. прошло посольство испанского короля Энрико Наваррского в столицу державы Амира Темура — в Самарканд, и посол Рюи Гонзалес де Клавихо оставил подробное описание многих городов Средней Азии. К сожалению, сведениями о пребывании испанцев в крае в последующие столетия мы не располагаем. Известно лишь, что в начале XX в. здесь их проживало несколько человек.

Но когда в 1931 г. в Испании разгорелась гражданская война, в Узбекистан, как и в другие регионы бывшего Союза, были вывезены дети испанских повстанцев. По воспоминаниям Л. Авдеевой, в предвоенные годы в Ташкенте был открыт Дом испанских детей. В 1940 г. в Самарканде отдыхали в санатории Агалык под присмотром Хосе Адырыги дети-испанцы из Москвы. А когда началась вторая мировая война, в Самарканд из Ленинграда был эвакуирован целый детский дом с испанскими детьми. Повзрослев, многие из них остались жить в республике, работали на заводах, в частности на Ташсельмаше, на предприятиях легкой и пищевой промышленности, в сельском хозяйстве.

Известная артистка Тамара Ханум вспоминала, как в годы войны на передовой она впервые исполнила испанские песни, которые выучила благодаря своей подруге и соседке по квартире в Ташкенте Амелии Камайро.

В 1976 г. в ГАБТ им. Навои был поставлен спектакль-балет «Испанские миниатюры». Его постановщик, заслуженный деятель культуры Белоруссии Виана Гомес де Фонсеа Херарро, был одним из воспитанников ташкентского Дома испанских детей.

Работали испанцы в области науки и искусства, реставрации. Примером может служить биография археолога Дуке Хуана Ибаречче. Родился он в 1929 г. в г. Бильбао Баскской про-

Фотография
удалена в целях
облегчения интернет-
версии

Дуке Хуан Ибаречче
Из семейного альбома

винции. В 1937 г. его вывезли в Союз. Воспитывался в испанском детском доме. В 1950 г. поступил в Московский государственный университет, увлекался археологией. В 1955 г. распределился в Узбекистан, где работал в Бухарском историко-краеведческом музее, в Институте истории и археологии АН Республики Узбекистан, потом во вновь открытом Институте археологии в г. Самарканде.

На первый взгляд, несколько замкнутый, он раскрывался в экспедициях: доброжелательный и трудолюбивый, неприхотливый в трудном полевом быту, кропотливо и тщательно выискивающий еле заметные следы древней истории. В последние годы он часто наезжал в Бильбао, где остались его родственники, но, по его словам, очень скучал по ставшему родным Узбекистану, по жизни в экспедициях, и быстро возвращался. Ушел он из жизни в период полевых исследований, приехав из экспедиции на отдых. После него осталось много интересных научных трудов.

Л. И. Жукова, Ю. Ф. Буряков

Литература

Авдеева Л. Жизнь и песни Тамары Ханум // Звезда Востока. 1976. № 7. С. 167. Дуке Хуан Ибаречче (к 70-летию со дня рождения). ИМКУ Узбекистана. Самарканд, 1999. Вып. 30.

Матвеев А. М. Из истории европейских выходцев в Туркестане после Февральской революции // Научные труды ТашГУ. 1976. Вып. 422.

Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Амира Темура. М., 1984.

ИТАЛЬЯНЦЫ

Самоназвание — италиани. Народ, основное население Италии. Язык — итальянский итало-романской подгруппы романской группы индоевропейской семьи. Верующие — в основном католики, есть лютеране.

Итальянцы в Узбекистане:

1926 г. —	25
1979 г. —	65
1989 г. —	104

Исторических нитей, связывавших города Средней Азии и Италии в развитое и позднее средневековье, совсем немного. Известно, например, что в XIII в. в сырдарьинском направлении прошел миссионер Плато Карпини.

Первую обстоятельную разведку с торговыми целями в глубь Средней Азии, а затем и в Китай совершили венецианцы во главе с Марко Поло. Путешествие было длительным и богатым впечатлениями. Более всего братья Поло восхищались Бухарой.

Флорентийский агент торговой фирмы, в XIV в. описывая торговые

маршруты, советовал купцам: “Кто хочет отправиться из Генуи или Византии в Китай, то пусть везет с собой ткани и едет в Ургенч, а в Ургенче купит на них серебро и идет дальше в Китай”.

В 1721 г. Бухару посетил итальянец из России Флорио Беневени. В Бухарском ханстве он прожил пять лет.

Регулярно наезжать в Туркестанский край заморские гости стали после прихода сюда русских. С этого времени здесь постоянно находилась небольшая группа коммерсантов, преподавателей иностранных языков и др. лиц итальянского происхождения в количестве 60—70 чел.

В Ташкенте первым фотографом был итальянец Владимир Николаи, свое фотоателье он открыл в 1873 г. Его сын Игорь Николаи продолжил дело отца. Большие доходы в Коканде имел хозяин пивоваренного завода А. Ф. Стефани и владелец кафе-шантана Шедени.

Известно, например, что в 1886 г. в ташкентском евангелическо-лютеранском приходе состоял иностранноподданный итальянец Мавр Мелуни и Павел Капуизи (без указания подданства). Известно также, что 500 итальянцев работали на строительстве Самаркандского участка железной дороги.

Больше всего предприимчивых граждан Италии привлекала в Среднюю Азию дешевизна сырья для изготовления шелка. Местное шелководство питало своим сырьем шелкоразмоточную промышленность иностранных государств.

В годы первой мировой войны итальянские военнопленные во главе с десятником Вичензо Пильмери принимали участие в строительстве Бухарской железной дороги, в том числе и в проектировании туннелей.

После событий 1917 г. в Туркестане было образовано Попечительство о военнопленных эльзаслотарингцах, итальянцах и румынах. При его содействии почти все итальянцы выехали на родину, за исключением тех, кто обзавелся здесь семьями и принял советское подданство. Так, самаркандский художник полужанцуз Д. К. Степанов женился на итальянке и “жил со своими многочисленными детьми, напоминающими итальянских путти”. В семье говорили на итальянском. В середине 20-х гг. уехали в Италию.

В 1918 г. в Туркестане насчитывалось 77 итальянцев. Это были рабочие, инженеры, держатели гостиниц, ремесленники, торговцы и др. Один из них — Марчич Геовани входил в Комитет иностранных подданных.

Оставили свой след итальянцы и в Бухаре. Военнопленный Орланди собрал и установил вывезенные из Коканда трофейные часы Куранты — первые в Туркестанской республике. Другой итальянец, приглашенный из Москвы, по просьбе бухарского богатея расписал интерьер его дома.

В 20—30-е гг. в создании большинства фильмов принимал участие первый художник узбекского кино Б. Челли, театральный декоратор по образованию. Родился в 1889 г. в Ташкенте.

Узбекско-итальянские контакты со временем становились все более устойчивыми и разноплановыми. Итальянские специалисты помогали узбекским коллегам налаживать шелкомотальное производство в Самарканде, а немного позднее — строить завод в Чирчике. В 80-е гг. в республике было создано совместное производство “Совпластитал”.

В Государственный архив Республики Узбекистан все чаще приходят граждане для выяснения своих генеалогических корней. Среди них встречаются и имеющие богатую родословную. Например, известный геолог и краевед Олег Маджи, корни которого уходят в древний венецианский род.

Самаркандский инженер-строитель и градостроитель Г. О. Нелле — итальянского происхождения. Он оставил о себе долгую и добрую память. Его творения — армянская церковь (1903), особняк купца Абрама Калантарова (1911—1916), лавка Ибадуллаева и городская бойня. А его брат Е. О. Нелле является автором проекта римско-католического костела (1916). Этот талантливый, но весьма скромный человек прожил долгую плодотворную жизнь. Умер в 50-е гг.

Л. И. Жукова

Литература

Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 1998. С. 5—6.

Матвеев А. М. Из истории участия зарубежных славян в общественно-политической жизни Туркестана (1918—1920 гг.) // Научные труды ТашГУ. 1966. Вып. 281. С. 77.

Круковская С. М. Встречи с Кокандом. Ташкент, 1977. С. 80.

Она же. Усто Мумин. Ташкент, 1973. С. 23.

Ремпель М. И. Далекое и близкое. Бухарские записи. Ташкент, 1982. С. 80.

Рустамов Б., Садовников В. Стальных путей связующая нить. Ташкент, 1998. С. 27.

Уфимцев В. Говоря о себе. Воспоминания. М., 1973. С. 126.

КАЗАХИ

Самоназвание — казах, устаревшее — киргизы, киргиз-казаки, киргиз-кайсаки. Народ, основное население Казахстана. Казахский язык относится к северно-западной, или кипчакской, подгруппе тюркской группы алтайской семьи. Верующие — мусульмане-сунниты. В прошлом у казахов большую роль играли шаманизм и культ предков.

Казахи в Узбекистане:	1926 г. —	106 980
	1979 г. —	620 136
	1989 г. —	808 227
	2000 г. —	990 022

Казахи — один из крупнейших тюркоязычных народов, занимающих по численности в Средней Азии третье место среди национальностей, не имеющих здесь своей автономии.

Происхождение и точный смысл самоназвания “казахи” не установлены. Существует много гипотез. Одни говорят, что это название объединения нескольких племен (каспии, саки, кеоги, хазары), другие (А. А. Семенов) связывают его происхождение с “хасаq tengen” (повозка на колесах);

казахские легенды производят его от племенного тотема — “каз” (гусь), “ак” (белый), видоизмененного в имя девушки, легендарной родоначальницы казахского народа. Дореволюционные этнографы производят слово “казах/к/” как “вольный человек”, “свободный”, “ушедший от своего рода”.

В Узбекистане сосредоточено подавляющее большинство проживающих в Средней Азии казахов (82,8% по переписи 1970 г.). Основная масса их (93,2% всего казахского населения республики) сосредоточена в Республике Каракалпакстан, Ташкентской, Бухарской и Сырдарьинской областях.

По характеристике автора энциклопедического издания “Туркестанский край” В. И. Масальского, “киргизы (казахи — *В. Г.*) одарены хорошими умственными способностями, и учение дается им нетрудно... Способность к восприятию внешних впечатлений, в особенности же к запоминанию событий, людей и природы, у киргизов весьма значительна, усвоение же отвлеченных понятий дается им гораздо труднее. Киргиз отличается живым, общительным и веселым характером; он находчив, сообразителен и сравнительно честен, но лукав и хитер. Добродушие, гостеприимство и уважение к старшим принадлежат к числу коренных качеств киргизац

Отличительной чертой киргиза является любовь к поэзии и умение излагать свои мысли не только ясно и изящно, но и красноречиво. Отсюда высокое развитие устной народной литературы, отличающейся богатством и разнообразием.”

Издавна казахи имели многочисленные политические, экономические и культурные связи с народами Средней Азии. Рассмотрим лишь те из них, которые подводят нас к вопросу о расселении казахов на территории нынешнего Узбекистана.

В Казахстане уже в XVI в. наметилось деление на три обособленных кочевых района: Семиречье, Центральный и Западный Казахстан. Эти районы у казахов назывались жузами: Улу Жуз (Старший Жуз), кочевавший в Семиречье (юг, юго-восток современного Казахстана); Орта Жуз (Средний Жуз), расселившийся на территории Центрального Казахстана (имели зимовки по среднему течению реки Сырдарьи, летовки — по притокам Тобола, Ишима, Сары-су, в степных районах Центрального Казахстана) и Киши Жуз (Младший Жуз), владевший Западным Казахстаном (его зимовки были в Приаралье, в низовьях Сырдарьи, на плато Устюрт, на полуострове Мангышлак, в низовьях Урала, а летовки — в верховьях Тобола, по Иргизу, в Мугоджарских горах).

Границы жузов были весьма условными и приближались к границам среднеазиатских ханств — Бухарскому, Кокандскому и Хивинскому. Они могли изменяться под воздействием различных внешнеполитических факторов. В частности, вследствие агрессии со стороны Джунгарского ханства в начале XVIII в. произошло вытеснение казахов Старшего Жуза с их кочевий в Семиречье. Опасность, грозившая казахам с юго-востока, заставила, с одной стороны, часть их устремиться в Бухару, с другой стороны, казахи Старшего Жуза потеснили кочевья казахов Младшего и Среднего Жузов, в результате чего они прикочевали ближе к российским границам.

В 1723 г. джунгары захватили всю территорию кочевий Старшего Жуза. Казахи пережили неслыханный погром, надолго оставшийся в памяти народа, как “год великих бедствий” (ак табан шубранды). В поисках спасения часть казахов бежала к границам России, другая устремилась в Мавераннахр. Свыше 150 тыс. семей казахов, обращенных в бегство в сторону Самарканда, так и остались здесь на жительство, расселившись в Ташкентском, Ферганском, Самаркандском, Хивинском и Бухарском владениях.

Казахские ханы вели упорную борьбу с Бухарским ханством за города по Сырдарье и ее притокам, в частности за Ташкент. В 40-е гг. XVIII в. во владения Ташкента входила значительная часть южноказахстанских степей, а северная граница Ташкента проходила где-то за современным г. Джамбулом.

В начале XIX в. между Ташкентом и Хивой нередко возникали вооруженные конфликты из-за некоторых казахских родов Среднего Жуза, которые кочевали по восточной стороне Аральского моря. Сами они признавали себя подвластными Ташкенту, в то время как Хива считала их своими подданными.

В начале 20-х гг. они активно расселяются в степном Канимехском районе Бухарской области, где в 1925 г. был создан Казахско-Каракалпакский автономный район, в котором проживало 20268 казахов.

По переписи 1920 г. в Туркестанской АССР проживало 1091925 казахов. После нацразмежевания в 1926 г. в Узбекистане осталось 107 тыс. казахов. По данным переписи населения 1939 г., число казахов, проживающих здесь, составляло уже 305,4 тыс. чел. Увеличение связано с тем, что в 1936 г. в состав Узбекистана вошла Каракалпакская автономная республика, где проживало значительное количество казахского населения, а также с голодом в Казахстане в 1933 г., вызванным насильственной коллективизацией, что способствовало миграции казахов на территории соседних среднеазиатских республик. По переписи 1959 г. в Узбекистане насчитывалось 335,3 тыс. казахов; в 1970 г. их здесь проживало 476,3 тыс.

По сравнению с 1959 г., общее количество казахов в Узбекистане возросло в 1,4 раза. Такой высокий прирост вызван тем, что за межпереписной период в состав Узбекистана была передана часть территории Чимкентской области Казахстана. По приблизительным подсчетам, это составило около 80 тыс. казахов (теперь эти районы возвращены Казахстану). В 1989 г. в Узбекистане проживало 808987 казахов, в т. ч. в Ташкенте — 30166.

Традиционно казахи занимались кочевым животноводством. Из ремесел — в первую очередь, обработкой шерсти, изготовлением войлока, из которого делались кошмы и ковры, покрытия для юрт, матрацы и подушки, сумки, одежда (шапки, плащи, кафтаны, чепраки и покрывала седел верховых лошадей). С этим ремеслом тесно связана и обработка кожи, из которой делали колчаны для стрел, воинские пояса, обувь и сосуды, конскую упряжь и седла. Кожа художественно украшалась тиснением.

Славились казахские резчики по дереву, продававшие свою продукцию в Сырдарьинскую, Бухарскую области и Приаралье. Сюда ходили большие

караваны, нагруженные юртами, арбами, посудой и хозяйственной утварью, в которой нуждались сырдарьинские казахи-земледельцы.

Резное дерево широко использовалось для колонн и дверей культовых зданий сырдарьинских городов, свидетельствуя о распространении у казахов художественной обработки дерева.

Источники отмечают особое искусство казахских ювелиров — “зергеров”, работавших с золотом, серебром, самоцветами и владевших мастерством холодной и горячей чеканки, ажурной техники.

Эпизодические случаи перехода к оседлой жизни активизируются в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. в значительной степени благодаря принудительной системе, навязанной Советской властью. В 1929 г. создаются первые земледельческо-скотоводческие объединения, преобразованные затем в колхозы и совхозы. Эта политика привела к кризису 1930 г., усиленному засухой, в результате чего от голода погибли сотни тысяч казахов. Значительная их часть была вынуждена мигрировать в Китай.

С переходом к оседлому образу жизни появились квалифицированные агрономы, трактористы и рабочие МТС. В 1932 г. на предприятиях республики насчитывалось 1 435 рабочих-казахов. В 1934 г. только в Ташкенте из сельской местности на строительство привлекаются 643 чел. В эти годы казахи составляли основной потенциал рабочих из национальных меньшинств республики. В отдельных районах создавались казахские сельсоветы, школы с казахским языком обучения, казахский детский дом.

В последующие годы растет число казахов, живущих в городах, в первую очередь в Ташкенте. Они работают в промышленности, науке, культуре. В довоенном Ташкенте функционировал казахский театр. В этот процесс активно включаются женщины-казашки, в первую очередь как врачи, артистки. Одна из первых казашек-врачей — акушер-гинеколог Умми Гульсум Асфандиярова работала в Ташкенте, Папе, Хорезме; гинеколог Зайнаб Садыковна Абдурахманова — в Ханабаде.

Сегодня в Узбекистане функционирует около 600 средних школ для детей казахов, а в Ташкентском педагогическом университете им. Низами открыт факультет казахской филологии. В Сырдарьинском, Джизакском, Нукусском и Навоийском пединститутах действуют отделения, где обучение ведется на казахском языке. Во многих вузах и техникумах республики прием вступительных экзаменов для казахской молодежи проводится на родном языке.

На Ташкент и Ташкентскую область регулярно ведется трансляция программ Казахского телевидения, радиовещания на казахском языке, выходит газета “Нурлы жол”. Организованы передачи Узбекского телевидения на Казахстан.

Казахи вносят достойный вклад в науку и культурную жизнь республики. Известны научные труды историка Б. А. Туленбаева, этнографа В. Х. Шалекунова, работы архитектора М. Джандарбека, монументалиста-мозаичника А. А. Бухарбаева и его сына — миниатюриста Э. Бухарбаева.

М. М. Мендикулов (1909—1986) — крупный ученый и общественный деятель, архитектор и педагог Казахстана, с 1930 по 1937 гг. учился и

работал в Узбекистане. Совмещал преподавание с работой в проектных институтах. В 1941 г. занял пост главного архитектора города Ташкента, но война прервала карьеру зодчего. После возвращения с фронта, с августа 1945 г. по май 1947 г., продолжал работать в столице Узбекистана до перевода в Казахстан.

В Ташкентском университете получил образование один из первых казахских археологов Хасан Алпысбаев.

В Узбекистане жил и творил народный художник республики казах Урал Тансыкбаев (1904—1974), уроженец Ташкента. На базе его художественной студии создан мемориальный Дом-музей У. Тансыкбаева. Большую известность в регионе получило творчество скульптора Ж. Куттымуратова.

В. В. Германова

Литература

Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: Историко-демографический аспект. Ташкент, 1998. С. 52, 54, 62, 118.

Масальский В. И. Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга / Под ред. П. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1913. Т. 19. С. 369, 370.

Народы Средней Азии и Казахстана: В 2-х т. / Под ред. С. П. Толстова. М.: АН СССР, 1963. Т. 2. С. 322.

Салимов Х. С. Население Средней Азии. Ташкент, 1975. С. 100, 101.

Устюгов Н. В. Научное наследие. Население Средней Азии и Приуралья в XIII—XVIII веках. М.: Наука, 1974. С. 191.

Хурцут Э. Ши-Чач-Ташкент. Очерк политической истории. Ташкент, 1992. С. 38.

Шалекенов У. Х. Казахи низовий Амударьи. К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII—XX вв. Ташкент, 1966. С. 18.

КАЛМЫКИ

Самоназвание — хальмг. Народ, основное население Калмыкии. Язык — калмыцкий западной подгруппы монгольской группы алтайской семьи. Верующие — буддисты, есть православные.

**Калмыки в Узбекистане: 1926 г. — 18 Сарты-калмаки — 233
1979 г. — 221
1989 г. — 517**

Время первого появления калмыков (ойратов, или западных монголов) в Узбекистане определить трудно. Известно, что уже в начале XVII в. они проникали в Туркестан с завоевательными целями.

В 1620—1630-х гг. калмыки-торгоуты захватили значительные простран-

ства Западного Казахстана. В 1635 г. Батур Хунтайджи совершил поход в Семиречье.

Но были и другие мотивы перекочевков. После того как Кашгар завоевали китайцы, а калмыцкое государство Джунгария (1658—1760) было разгромлено и разорено, часть калмыков-кочевников двинулась на запад, и в целях выживания вынуждена была вторгнуться в Ферганскую долину.

Имели место случаи и свободного переселения небольших групп калмыков в Туркестан на незанятые земли. Есть основания полагать, что в конце XVII в. они достигли Андижана. Сохранилось довольно много письменных и устных свидетельств о пребывании калмыков на территории современного Узбекистана. В XVIII в. они неоднократно нападали на Ташкент. Известно, что в 1743 г. калмыцкие войска в количестве четырех тысяч воинов и под командованием Агацака 40 дней осаждали город. Пленные калмыки входили в состав войска Ташкентского государства в XVIII — первой половине XIX в.

Среди сохранившихся групп калмыцкого населения Узбекистана особый интерес вызывает группа калмаков (сарт-калмаков, кара-калмаков). В Узбекистане, как и в Южной Сибири, были также тюркоязычные телеуты, которых называли ак-калмаки, или белые калмыки. Время их появления в этом регионе относят к 1864 г., однако, вероятно, они появились здесь еще раньше.

Анализируя этноним “сарт-калмак”, ученые обратили внимание на его составной характер, и рассматривают наличие в нем компонента “сарт” как бесспорное свидетельство начавшегося еще в Джунгарии процесса этнического смешения монголо- и тюркоязычных калмыков с тюркоязычными сартами.

Поселившись в Туркестане, сарт-калмаки консолидировались как самостоятельная этническая единица — национальное меньшинство. Они сохранили свое самосознание, свой язык (в 1920-х гг. некоторое время калмыцкий язык даже преподавался в школах), традиционную народную культуру и т.д. Вместе с тем в процессе контактов с инациональным населением сарт-калмаки многое у него заимствовали. Под влиянием узбеков и дунган земледелие стало одним из главных их занятий. Принципиально изменился тип поселения, жилища, хозяйственных построек. Принадлежность к одному хозяйственно-культурному типу, религиозная общность определяли тенденцию их наибольшего сближения с кыргызами в Ферганской долине, в том числе через смешанные браки. Этот факт способствовал развитию у сарт-калмаков калмыцко-кыргызского двуязычия и даже утрате родного языка. Однако представляется, что в настоящее время правильнее говорить о продолжающемся процессе интенсивного сближения этих двух народов, а отнюдь не о его завершении.

Вероятно, калмаки выделяли себя из среды ойратов еще и по признаку религиозной принадлежности. Вступив в контакты с сартами — оседлым земледельческим, в том числе городским, населением, они смешивались не только этнически, но и переходили в их веру — ислам. Таким образом сложилась в ойратской (олетской) этнической общности этноконфессиональная группа сарт-калмаков.

В первом десятилетии XX в. в Туркестане действовала Сарканская миссия, образованная как противоязыческая с целью крещения калмыков, что ею было частично осуществлено. В 1909 г. она была преобразована в противомогометанскую с целью “ограничения совращения калмыков в могометанство”.

В годы второй мировой войны в Узбекистан среди других народов были депортированы и калмыки. В марте 1956 г. ограничения в их передвижении были сняты. Но местные власти обязаны были закрепить калмыков в Среднеазиатском регионе, исключив возможность их массового отъезда.

Известных людей калмыцкого происхождения в Узбекистане немного. Генерал Ока Иванович Городовиков (1879—1960), калмык по национальности, избирался в состав правительства Узбекистана. В довоенный период он являлся главнокомандующим Среднеазиатского военного округа.

В 1962 г. архитектурный факультет Ташкентского политехнического института закончил калмык Георгий Дорджин.

В Республиканском институте усовершенствования врачей долгое время работала калмычка Бета Додоновна. Многие калмыки работали шоферами, техниками, разнорабочими в Ташкентском метрострое и т.д. Примечательно, что многие из них, по рассказам сослуживцев, при возможности с гордостью подчеркивали свое калмыцкое происхождение. В середине прошлого века поэтесса М. Земская посетила лепрозорий в Каракалпакии, где познакомилась с Павлом Батмаевым, работавшим в этом учреждении бухгалтером. И опубликовала свои записи об этой встрече: “Павел Батмаев — калмык, по-русски говорит медленно. Выражение лица опережает его речь...” Судьба его сложилась необычно: “Был я журналистом. Захотел написать статью про эту болезнь. Поехал на место — знакомиться с материалом, да так и остался”.

Р. Н. Шигабдинов, Л. И. Жукова

Литература

Али-хан Аман. Миграция населения Узбекистана (1989—1998). Ташкент, 2000. С. 83.
Амитин-Шапиро З. Л., Юабов И. М. Национальные меньшинства Узбекистана. Ташкент, 1935.

Гиляревский А., Кульчицкий А. Религиозно-нравственное состояние инородцев Туркестанского края и необходимость учреждения для них православной миссии. М., 1893.

Земская М. Время в песках. М., 1963. С. 145.

История Ташкента. Ташкент, 1988. С. 84—85.

Калмыки. Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е. М. Жуков. М., 1965. Т. 6. С. 859.

Решетов А. М. Калмыки в Средней Азии // Краткие содержания докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Л.: Наука, 1983. С. 33.

КАРАКАЛПАКИ

Народ в Средней Азии, главным образом в Узбекистане, в Каракалпакстане. Язык — каракалпакский кипчакской подгруппы тюркской группы алтайской семьи. Верующие — мусульмане-сунниты.

Каракалпаки в Узбекистане:	1939 г. — 181 400
	1979 г. — 297 788
	1989 г. — 411 878
	2000 г. — 504 301

Каракалпаки — один из древних коренных тюркоязычных народов Средней Азии. Древнейшие их предки — сако-массагетские племена (апасианки, аугасии и др.), жившие с середины I тыс. до н. э. на южном берегу Аральского моря. Во II—IV вв. н. э. в приаральские степи нахлынули с востока и частично смешались с местными племенами гунны, а в VI—VIII вв. — турки. На этой этнической базе происходило формирование раннесредневековых народов Приаралья — печенегов и огузов, в среде которых с VIII в. началось формирование каракалпаков. В начале X в. часть печенегов ушла на запад, в южнорусские степи. Поселившиеся в Киевской Руси племена именуется в русских летописях “черными клобуками” (тюрк. *каракалпак* — черная шапка). Оставшаяся между Волгой и Уралом часть печенегов постепенно сливалась с пришедшими из бассейна Иртыша кипчаками, воспринимая их язык. В составе кипчакского родоплеменного союза источниками засвидетельствовано племя кара-боркли — этноним, идентичный названию “каракалпак”. В XIV—XV вв. на этногенез каракалпаков существенное влияние оказали связи с ногайцами. С конца XVI в. каракалпаки уже фигурируют в среднеазиатских источниках под современным названием.

Большая часть каракалпаков в XVI — середине XVIII в. занимала территорию в среднем и нижнем течении Сырдарьи, однако район их расселения распространялся до верховьев Яика и Эмбы. Они вели полукочевой образ жизни, занимались скотоводством, земледелием и рыболовством. Власть принадлежала феодально-родовой знати и мусульманскому духовенству. Каракалпаки зависели от казахских ханов Младшего Жуза.

В 1742 г. из-за постоянных нападений соседних племен они отправили послов в Оренбург и Петербург с просьбой принять их в русское подданство. Просьба была удовлетворена. Это вызвало нападение на них в 1743 г. казахского хана Абулхайра, в результате чего основная масса каракалпаков во второй половине XVIII в. переместилась с Сырдарьи на западный проток ее дельты — Жанадарью. В конце XVIII в. начались активные попытки хивинских ханов завоевать каракалпаков, которые в 1811 г. завершились их покорением и переселением основной массы в дельту Амударьи.

Помимо амударьянской этнографической группы, появляются ферганские и зарафшанские группы. За короткий срок каракалпаки создали в

Хивинском ханстве несколько новых земледельческих районов. В 1873 г. каракалпаки правобережья Амударьи были присоединены к России. Здесь был образован Амударьинский отдел, в 1887 г. вошедший в Сырдарьинскую область Туркестанского генерал-губернаторства. Меньшая часть каракалпаков, жившая на левобережье, осталась в Хивинском ханстве. В декабре 1917 г. в Каракалпакстане была установлена Советская власть, левобережье в 1920—1924 гг. вошло в состав ХНСР, возникшей на территории бывшего Хивинского ханства.

В эти годы в целях привлечения нацменьшинств в советское строительство был создан Казах-Каракалпакский район, с населением 42,3% казахов и 26,2% каракалпаков, расселившихся в Бухарском оазисе еще с XVIII в. Кроме того, было выделено 15 каракалпакских сельских советов и несколько разнонациональных. Создание национальных сельских советов повысило авторитет власти в кишлаке. Административный аппарат был переведен на родной язык населения. Судопроизводство также велось на каракалпакском языке.

На 1927 г. числилось 1100 учащихся-каракалпаков. Первая каракалпачка получила высшее образование в 1933 г. На производстве к этому времени работало 110 каракалпаков.

В результате последующих административных перестроек в феврале 1925 г. была образована Каракалпакская автономная область (с включением Каракалпакского округа Хорезмской республики), которая вошла сначала в состав Казахской АССР, а 20 июля 1930 г. — в РСФСР. 20 марта 1932 г. автономная область была преобразована в Каракалпакскую АССР, которая в 1936 г. вошла в состав Узбекской республики.

Динамика численности каракалпаков в Средней Азии на протяжении XX в. была следующей: в 1920 г. в Туркестанской АССР проживало 75 334 каракалпака; в результате национально-государственного размежевания на территории вновь образованной Каракалпакской автономной области в 1926 г. — 85 782, в 1933 г. — 142 306; по данным переписи населения 1939 г., численность каракалпаков, проживающих в Узбекистане, составила 181 400 чел.; по переписи 1959 г. — 168 300 чел.

Население расселено по Республике Каракалпакстан неравномерно. Основная масса каракалпаков занимает северные территории и район дельты Амударьи. В южных районах каракалпаки составляют меньшинство. Значительные их группы живут в разных областях Узбекистана: в Бухарской (Канимехский район) и Хорезмской, в Ферганской долине (Алтынкульский район Андижанской области) и небольшое число — в долине Зарафшана (Самаркандская область).

В Ферганской долине и Самаркандской области каракалпаки в большинстве своем утратили национальное самосознание и постепенно ассимилировались с узбеками. Более устойчиво национальные черты культуры и быта сохранились у каракалпаков Бухарской области.

У каракалпаков сохранились пережитки прежнего деления на племена и роды. Родоплеменная система характеризуется делением на два основных разветвления — арыс: арыс он торт уруу (14 родов) и арыс конырат.

Арыс он торт уруу располагались на правом берегу Амударьи на территории нынешних Чимбайского и Кегейлийского районов. Эта группа племен издавна занималась земледелием и скотоводством. Племена и роды арыса коньрат сосредоточены в северной части дельты, на землях, прилегающих к Аральскому морю (Муйнакский, Тахтакупырский, Кунградский районы). Основными их занятиями были скотоводство и рыболовство, сочетавшиеся с земледелием.

Хорезмские каракалпаки (в XIX в.), помимо традиционной работы, занимались ковроделием и кошмовалением (узорным). В этот же период каракалпаки, селившиеся в Андижанском и Кокандском уездах, хорошо владели искусством изготовления ворсовых ковров.

Каракалпаки Бухарского региона, кроме скотоводства, под влиянием оседлого населения активно занимались земледелием, хлопко- и шелкоткачеством, кошмовалением, изготовлением изделий из верблюжьей шерсти.

У каракалпаков преобладает малая семья, однако она существует не обособленно, а в составе семейно-родственных групп — коше. Эти группы близких родственников являются пережиточной формой патриархальной большесемейной общины. Коше представляет собой мельчайшее родовое подразделение, объединяющее близких кровных родственников, потомство одного человека, состоящее из трех-четырех поколений. Оно имеет территориальную общность. Члены одного коше селятся компактно, в непосредственной близости друг от друга, их юрты и дома входят в один аул или занимают определенный участок большого аула, состоящего из нескольких коше одного и того же рода. В связи со строительством городов и поселков частично меняется и характер семьи и жилище, приобретая современные стандартные формы. Однако и в этих условиях одежда, обряды, обычаи остаются традиционными. Отголоском старых брачных обычаев является имевший ранее широкое распространение левират — вступление вдовы в брак с братом или другим близким родственником ее умершего мужа.

Каракалпаки, являясь в прошлом младописьменным народом, не обладали богатой письменной историей и литературой. Наибольшей популярностью у каракалпаков пользуется богатырский эпос “Кырк кыз”, “Алпамыс”, “Колбан”, “Маспатша”, “Ер-шора”, “Едиге” и др. Побывавший в 40-х гг. XIX в. среди каракалпаков казахский этнограф Ч. Валиханов писал: “Каракалпаки почитаются в степях первыми поэтами и песенниками”. Жырау и баксы, бережно сохранившие до наших дней произведения устного народного творчества, и в настоящее время пользуются большой любовью и популярностью у народа. Жырау — сказители каракалпацкого эпоса, героических поэм, исторических песен (толгау) выступают под аккомпанемент смычкового музыкального инструмента — кобыза. Баксы исполняют лирико-любвные песни, поэмы и дастаны, сопровождая свое выступление игрой на двухструнном инструменте — дутаре. Без выступления жырау и баксы в Каракалпакистане не обходится ни одно праздничное гулянье и той.

Классики каракалпакской поэзии — Жиен-Жырау, Кунхожи, Ажинияз, Бердах, Отеш, Гулмурат, Сарыбай и др. Одним из первых собирателей каракалпакского фольклора был Каллы Аимбетов.

Основоположники современной каракалпакской литературы — А. Мусаев, С. Маджидов, А. Дабылов, С. Нурымбетов; современной фольклористики — К. Аимбетов. Выдающийся исполнитель памятников эпического творчества каракалпаков — Курбанбай Шиббаев. Первая театральная актриса — Айимхан Шамуратова.

В. В. Германова

Литература

Алламуратов А. Каракалпакское народное искусство (К вопросу формирования и развития до начала XX в.) // Тезисы докладов II Всесоюзной конференции по проблемам искусства народов Закавказья, Средней Азии, Казахстана и восточных республик РСФСР. М., 1970.

Амитин-Шапиро З. Л., Юабов И. М. Национальные меньшинства Узбекистана. Ташкент, 1935. С. 17, 83, 104—110.

Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: Историко-демографический аспект. Ташкент: Изд-во мед. лит-ры, 1998. С. 62, 66.

Масальский В. И. Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга / Под ред. П. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб.: Изд-во А. Ф. Девриена, 1913. Т. 19. С. 391.

Машкова В. Г. Ковры народов Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 104—105.

Народное хозяйство Каракалпакской АССР за 1971—1975 гг. Стат. сб. Нукус: Каракалпакия, 1976. С. 8.

Народное хозяйство Каракалпакской АССР за 1976—1980 гг. Стат. сб. Нукус: Каракалпакия, 1981. С. 8.

Народы Средней Азии и Казахстана: В 2-х т. / Под ред. чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова. М., 1962. Т. 1. С. 408, 409.

Салимов Х. С. Население Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1975. С. 103.

Татыбаев С. У. Исторический опыт построения социализма в Каракалпакии (1917—1941 гг.). Нукус: Каракалпакия, 1971. С. 89.

Файзиев А. Ф. Ремесло Хивы в первой половине XIX в. // Позднефеодальный город Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 171.

Народно-освободительные войны XIX столетия во имя национальной самостоятельности каракалпаков, героические подвиги этого народа, соорудившего с помощью кетменя и лопаты грандиозную систему ирригации низовьев Амударьи... — эти и другие события всплывают в памяти при освещении жизненного пути сынов и дочерей этого

мало по численности, но исключительно стойкого народа. Только с учетом менталитета народа можно понять и оценить характеры и свершения его сынов и дочерей, в частности Сабыра Камалова и Гулайши Есемуратовой.

Если бы не события 1917 г., не установление вслед за ними власти Советов в низовьях Амударьи, Сабыр Камалов, сын ишана, продолжил бы семейную традицию — стал служителем культа. Но новая власть прижала религию. А для просвещения народа требовались учителя. Юноша окончил педагогический техникум, однако учить детей не пришлось: грянула вторая мировая война.

Камалова направили в пехотное училище. В качестве командира стрелкового взвода и роты он участвовал в боях за освобождение Украины и Белоруссии от фашистских захватчиков. Демобилизовавшись после тяжелого ранения, Камалов со всем жаром сердца отдается учебе в институте. Его старания не остались незамеченными, и в 1948 г. он становится аспирантом Института этнографии АН СССР им. Миклухо-Маклая, а в 1953 г. — кандидатом исторических наук.

Единственным историком каракалпакского народа до Камалова был поэт Бердах, оставивший в XIX в. “Шеджере” (“Родословную”) — изложенные в поэтической форме старинные предания. Народ стал узнавать о борьбе своих предков за свободу и независимость из конкретных фактов в сочинениях С. Камалова “Народно-освободительная борьба каракалпаков против хивинских ханов в XIX веке”, “Завоевание каракалпаков хивинскими ханами в конце XVIII — начале XIX века” и других работах.

Поднялся во весь рост на страницах научной печати национальный герой Ерназар Алагоз. Сплотив вокруг себя биев-предводителей 60-ти родов, он стал идеологом народно-освободительного восстания 1855—1856 гг. против деспотизма ханов Хивы. К восставшим каракалпакам и туркменам примкнули казахи и узбеки северной части Хорезма. Исследователь отыскал и ввел в научный оборот большое количество подлинных писем организаторов восстания с печатями родовых вождей, адресованных султану средней части Казахской орды Илекею Касымову, родоначальникам Сырдарьинской линии и колониальной администрации России. Эти источники позволили нарисовать яркую картину освободительного движения. Вкладом в науку стали публикации новых материалов о Кунградском восстании 1858—1859 гг., направленном против господства правителей Хивы.

Камалов раскрыл взаимоотношения каракалпаков со среднеазиатскими ханствами и Малым Жузом казахов. Он сделал достоянием науки письмо каракалпаков Петру I, проанализировал значение переписки правящей верхушки каракалпакского общества с правителями Российской империи. Стало известно, что

каракалпаки принимали российское подданство дважды: в 1731 г., о чем свидетельствует Грамота императрицы Анны Иоановны, и в 1743 г., когда на престол вступила Елизавета Петровна. Названные и неназванные научные разработки в конечном итоге вылились в фундаментальный труд “Каракалпаки в XVIII—XIX веках”, который принес автору степень доктора наук и признание ученых в странах Европы и Азии.

Далее вышли из печати книги “Борьба трудящихся Каракалпакии против социального и колониального гнета”, “История рабочего класса Каракалпакии”, подготовленные С. Камаловым и молодыми историками его школы. Он возглавил коллектив, выпустивший “Очерки истории Каракалпакской АССР” в 2-х томах, “Историю Каракалпакской АССР” в 2-х томах и однотомник “История Каракалпакской АССР”.

В списке трудов заслуженного деятеля науки Республики Узбекистан и Республики Каракалпакстан, академика АН Узбекистана и члена Нью-Йоркской академии С. Камалова около 400 работ: монографии, книги, брошюры, главы и разделы в сборниках, журнальные и газетные статьи. Работ было бы куда больше, если бы он был только историком. Но ведь основная его деятельность — административная. Пять лет был ректором педагогического института, более тридцати лет возглавлял Каракалпакский филиал Академии наук Узбекистана, четыре года — Каракалпакское отделение АН Узбекистана.

Филиал, который Камалов принимал в декабре 1961 г., включал Институт истории, языка и литературы, 5 лабораторий и Ботанический сад. В них работали 1 доктор и 18 кандидатов наук. Под началом С. Камалова оформилось отделение, в составе которого Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка и литературы, Комплексный институт естественных наук, Институт биоэкологии, Институт социально-экологических проблем Приаралья и Ботанический сад. В отделении выросли 18 докторов и около 120 кандидатов наук.

Сорок лет подряд Сабыра Камаловича избирали депутатом Верховного Совета Узбекистана и депутатом Верховного Совета Каракалпакстана. Долгие годы он добивался открытия университета в Нукусе, и в 1974 г. это произошло. Президиум

Фотография
удалена в целях облегчения
интернет-версии

Супруги Сабыр Камалов
и Гулайша Есемуратова.
Из семейного альбома

отделения — координирующий центр науки в низовьях Амударьи — помог подготовить дипломированные кадры для университета, пединститута, исследовательских учреждений различного профиля. В итоге в Каракалпакистане работают 60 докторов и более 600 кандидатов наук.

Геродота называли отцом истории. Камалова можно именовать шире — отцом науки, поскольку он, помимо историков, опекал и ботаников, зоологов, химиков, физиков, математиков, экономистов, философов, языковедов, искусствоведов.

И этот человек, отдавший без остатка все силы служению обществу, большую часть жизни испытывал преследования. В 5 классе мальчика Сабыра несколько раз исключали из школы, вменяя ему в вину, что он сын ишана. Некоторым не нравилось, что сын бывшего служителя культа возглавляет научный центр, строчили доносы в КГБ, партийные органы Нукуса, Ташкента, в ЦК КПСС. Князья продолжали поступать вплоть до распада Союза.

Авторитет С. Камалова в среде ученых и среди народа продолжает расти. Давно перешагнув пенсионный рубеж, Камалов сдал руководящую должность молодому академику, а сам с 1996 г. работает советником в президиуме Каракалпакского отделения АН Узбекистана. Он председатель Проблемного совета по гуманитарным наукам Каракалпакского отделения, руководитель Совета по написанию Новой истории Республики Каракалпакстан, член редколлегии и один из авторов трехтомной истории Республики Узбекистан. За советом к нему идут не только историки, и со всеми он приветлив, для всех находит нужное слово. В каждом кишлаке и ауле есть старейшина — нужный народу аксакал. Сабыр Камалович Камалов — старейшина нации.

Академик сказал решающее слово в разработке проблемы этногенеза каракалпакского народа. Он проследил пути миграции трех ветвей предков в XI—XVIII вв. и доказал: родина каракалпаков — Южное Приаралье. А ведь некоторые ученые пытались найти родину каракалпаков на Волге и Днепре, в Крыму и предгорьях Кавказа. Ученый установил этапы становления государственности у каракалпаков в XVI—XIX вв. Все это станет содержанием новой книги.

Служение народу, упорство и терпение, которые уже стали чертой характера, энциклопедические знания, житейская мудрость помогли и помогают Камалову в преодолении трудностей. Но было бы необъективно умолчать о его друге и советнике на протяжении всего жизненного пути — жене Гулайше Есемуратовой, известной писательнице низовьев Амударьи. Помощь ему этой волевой женщины поистине бесценна, как и

понимание литературного труда и дружеское содействие Камалова-историка в творчестве своей подруги жизни.

Сабыру Камалову недавно исполнилось 77 лет. Прожито фактически четыре жизни: офицер, историк-исследователь, организатор науки, слуга народа. И писательница Гулайша Есемуратова в свои 70 лет может сказать, что прожила три жизни. Детские годы и юность протекали в условиях придирок, поскольку она была дочерью “врага народа”. После окончания института работала в редакциях газет, журнала. Третья жизнь наступила с обретением Узбекистаном независимости.

Ее отец Абдижалил Исметуллаев был осужден в 1930 г. как руководитель антисоветского восстания в Тахтакупуре. Гулайша в ту пору была грудным ребенком и фактически не знала отца. Однако это не мешало активистам того времени выдворять девочку из школы, мешать ей учиться. Упреки и разного рода выпады приходилось терпеть и позже, с той лишь разницей, что, став взрослой, Гулайша могла давать отпор.

Участие в общественных делах позволило выработать непримиримость к недостаткам, особенно в части ущемления прав женщин. Ее выступления в газете в защиту женщин базировались на ее жизненной позиции: “Говорить о равноправии могут все, а ты помоги в осуществлении этого равноправия”. В 1960 г. она становится зав. отделом очерка и публицистики редакции журнала “Амударья”. В 1972 г. — членом Союза писателей. Есемуратова написала очерки об артистках Айимхан Шамуратовой, Гульхан Ширазиевой, Сапаргуль Авезовой, Зулейхе Сапаровой, сыгравших немалую роль в раскрепощении женщин; о медсестре Салипе Коблановой, хирурге Наджие Сайфуллиной, оперировавшей раненых на фронте, и других неординарных женщинах.

Волну откликов вызвала документальная повесть “Женщина-борец”, посвященная Антонине Гурушкиной. Девушка росла в семье старообрядцев, терпела побои от родных, но все равно жадно тянулась к новой жизни, к знаниям, книгам. Антонина снимает с шеи цепочку с золотым кулоном в обмен на томик произведений Лермонтова. После учебы в Москве она учит каракалпачек и узбечек кроить и шить одежду для малых детей, организует молочные кухни, детсады и ясли. Работала заместителем наркома здравоохранения республики.

Гулайша Есемуратова не придумывает сюжеты для своих повестей и рассказов. Она основывается на действительных фактах, придавая жизненным ситуациям черты обобщения. В ее произведениях нашли отражение национальные традиции, этические представления народов Востока. Она выпустила книги “Вышивка”, “Халмурат-бегун”, “Красавица”, “Тетрадь в корзине”, “Рассказы разных лет”. Большой резонанс вызвала

повесть “Жийрен”, получившая при издании на русском языке в Москве название “Рыжий конь”. Повесть отразила жизненные тяготы жителей аула, оставшихся без мужчин, которые ушли на фронт. Главный герой повести — скаковой конь, участник многих национальных спортивных соревнований. Хозяин Жийрена — учитель Турдымурат. На этом коне Турдымурат ездил в соседний аул на свидание с красавицей Айсултан. Война помешала их свадьбе. Жийрен тоскует о своем хозяине, убегает из конюшни. Его разыскивают и находят под плодовым деревом в глухом углу сада — месте встреч влюбленных. В ауле не хватает тягловой силы, и вынуждены запрягать Жийрена, чтобы не сорвать посевную. Спортивный конь забывает плавную иноходь и становится рабочей лошадей. Переживания коня показаны мастерски, заставляя вспомнить классические образцы мировой литературы о животных, вышедшие из-под пера Льва Толстого, Джека Лондона, Сетон-Томпсона.

В начале перестройки Есемуратова организовала журнал “Арал кызлары” (“Женщины Арала”) и стала его главным редактором. Время окрылило писательницу: открылась возможность писать о том, о чем писать в условиях цензурной печати было невозможно. Кстати, и действия отца, осужденного как врага народа, при независимости получили другую оценку.

Заостренностью сюжета и правдивостью изложения вызвала большой интерес читателей журнала “Амударья” ее повесть “Тысяча и одно извинение”, посвященная судьбе детей репрессированных родителей.

Многолетние наблюдения за жизнью села привели прозаика к созданию обобщенного образа секретаря райкома — этакого владыки района. Секретарь приближает к себе Атаназара — руководителя торговли и превращает в прислужника. У Атаназара несчастье — умирает мать, однако он не может участвовать в ее похоронах, потому что должен доставить на курорт любовницу секретаря райкома. Незаконные расходы, вызванные аппетитами секретаря, приводят Атаназара на скамью подсудимых (повесть “Кто поймет мою трагедию?”).

Направление журнала — призывать женщин к активному участию в разрешении проблем Аральского экологического кризиса, освещать наболевшие задачи воспитания подрастающего поколения, распространять жизненный и профессиональный опыт женщин — врачей, педагогов, агрономов, предпринимателей, раскрывать секреты семейного счастья. Журнал “Женщины Арала” — самый любимый и читаемый журнал в низовьях Амударьи.

Редакция журнала — своеобразный штаб женского движения в

Каракалпастане. К Гулайше Есемуратовой идут с радостями и горестями. Она поздравляет женщин, достигших высот в науке и творчестве, учит мастерству молодых писательниц, разбирается в семейных конфликтах. На страницах журнала и в выступлениях по телевидению предостерегает народ от неразумного охаивания всего и вся, что было при Союзе. Ведь было немало и хорошего. Например, до 1917 г. в Каракалпакии насчитывалось 10—15 % грамотных. Сейчас республика по числу людей с высшим образованием на 10 тыс. населения опередила многие области Российской Федерации. До Советов в Амударьинском отделе работали 2 небольшие больницы. Ныне сеть медицинских учреждений, обеспечивающих население всеми видами медицинской помощи, обслуживают почти 20 тыс. медработников.

Изданы два тома избранных произведений Г. Есемуратовой. В них вошли 15 повестей и 24 рассказа. Готовится к изданию третий том.

70-летие Гулайши Есемуратовой отмечал весь Каракалпастан. В самом вместительном зале Нукуса выступали ученые, писатели, государственные деятели, лидеры женских организаций из районов. Они вели речь о таланте писательницы, о ее берущих за душу произведениях. Почитатели таланта прозаика и активистки женского движения уважительно называли ее матерью. Ведь именно мать более кого-либо сможет воспитать своих детей честными, трудолюбивыми, преданными интересам Родины.

В. Бочин

КАРЕЛЫ

Самоназвание — карьялани, карьялайзет. **Народ в Российской Федерации.** **Коренное население Карелии.** **Язык** — карельский прибалтийско-финской подгруппы финно-угорской группы уральской семьи. **Верующие** — православные.

Карелы в Узбекистане: **1979 г. — 144**
 1989 г. — 194

Немногочисленные представители карельской национальности переселились на постоянное место жительства в Узбекистан, как правило, в индивидуальном порядке. Расселялись дисперсно. Большинство из них ассимили-

вителю несколько картин, выполненных в традиционной манере китайской живописи, красота и утонченность которых вызвала восторг у местных вельмож.

Может быть по этой причине, уже позднее, в XIII—XIV вв., после завоевания Средней Азии монголами, “здесь, при дворе джагаидов, подвизались китайские художники, деятельность которых не могла пройти бесследно и для мастеров Мавераннахра, тем более что традиция называет в качестве основателя школы среднеазиатских живописцев Устад-Гунга, стажировавшегося в Китае”.

В эпоху Амира Темура и Улугбека китайские мастера возводили впечатляющие строения, подтверждением чему являются китайский павильон “читихона” в садице Улугбека близ его обсерватории, восьмигранный памятник в комплексе Шахи-Зинда на южной окраине Самарканда.

По сообщению Рюи Гонзалеса де Клавихо, в 1404 г. к Амиру Темуру прибыло китайское посольство, но было принято довольно прохладно: шла подготовка к походу на Китай. Однако при преемниках Амира Темура регулярные посещения среднеазиатскими послами китайского двора возобновились.

И все же надо признать, что, несмотря на тесные дипломатические, культурные и торговые связи между двумя соседями (в Бухаре и Самарканде восточные ворота назывались “Китайскими”), китайцы оставались лишь частыми гостями в Темуридской империи.

Многовековые контакты народов двух стран особенно ярко отразились в культуре ферганцев (в орнаментальном искусстве, оригинальности узбекского текстиля, архитектурном декоре). В этом плане интересно наличие коневидных драконов на портале медресе Рустамбека в Ходженте (XIX в.).

В позднее средневековье некоторое число китайцев прибыло в эти края в качестве пленников. В 80-е гг. XIX в. отдельные жители Синь-Цзяна, в том числе и китайцы, неоднократно обращались к царской администрации Туркестана с просьбой оказать содействие в розыске их родственников, предположительно обращенных в рабство и увезенных в Кокандское ханство.

В конце XIX — начале XX в. в Ташкенте, Самарканде, Бухаре и Коканде активно действовали филиалы Русско-китайского банка. Об успехах банкиров свидетельствовали их роскошные апартаменты. В то же время этнические китайцы, жившие в Ферганской долине, Самаркандской и Сырдарьинской областях, составляли, главным образом, малоимущий люд.

В годы гражданской войны в Туркестане китайцы сражались в составе интернациональных бригад на стороне Советской власти. Известен Самаркандский мусульманский кавалерийский дивизион, в рядах которого были китайцы. Командиром дивизиона был также китаец Пау-ти-сан. Из архивных данных нам известны имена рядовых красноармейцев — Лю Фа-Ля, Чин Фу-Кай, Лю То-Сан Чин Ю, Кончисан Икохо и др. Весной 1919 г. был предоставлен “свободный проезд на родину китайским подданным, проживающим в пределах Туркестанской республики”. Уехали 400 чел.

В середине 20-х гг. XX в. оставшаяся немногочисленная диаспора китайцев имела в Ташкенте свой клуб-читальню, были созданы условия, как взрослым, так детям школьного возраста, для получения начального образования на родном языке. Один из мигрантов — Ван Цзи Мин преподавал китайский язык на восточном факультете Среднеазиатского университета.

Китайцы старались селиться компактно. Так, в Кургантепинском уезде Самаркандской области в 1917 г. проживал 31 чел. китайского происхождения.

Ю. Ф. Буряков, Л. И. Жукова

* * *

Оседание китайцев в Узбекистане в XX столетии приходило в три этапа. В 1920-х гг. в Узбекистане расположились на жительство бывшие солдаты Красной Армии. В это же время стали прибывать торговцы и студенты. В 1933 г., после закрытия советско-китайской границы, все они вынуждены были здесь остаться. Среди них абсолютное большинство составляли мужчины. В 1935—1936 гг. в Узбекистане организовывались китайские колхозы, в частности колхоз “III Интернационал” в ныне Уртачирчикском районе Ташкентской области. В 1937 г. многие китайцы подверглись репрессиям, часть уехала в Сибирь и на Дальний Восток. Лишь около трети осталось в Узбекистане. Они и их потомки и составляют условную первую группу китайских переселенцев.

Вторая группа — переселенцы 1960-х гг. Проживают они в основном в Ташкенте и Ташкентской области. Характерное занятие сельских жителей — выращивание бататов, грибов. Много среди них врачей традиционной китайской медицины. Третья — временно проживающие здесь предприниматели, многие с семьями.

Современная этнокультурная ситуация с китайцами в Узбекистане имеет различную демографическую основу. Первую группу китайцев составляли исключительно мужчины, которые, оставшись, женились на русских, татарках и др. Большая часть их потомков брали фамилии матерей и записывались русскими. Лишь немногие сохранили китайские фамилии и национальное самосознание. Но и среди них наблюдается дальнейшее слияние с русскоязычным населением.

Во второй группе китайцев процент мужчин также значительно преобладает над женщинами. Естественен среди них и большой процент вступивших в межнациональные браки. Этот факт объясняется не столько недостаточностью брачных партнеров, сколько этнокультурной ориентацией.

Представители третьей группы, как правило, являются гражданами КНР и проживают в Узбекистане временно. Их семьи в абсолютном большинстве моноэтничны.

Сказанное выше, а также малочисленность китайцев в Узбекистане, дисперсное их расселение во многом объясняет недостаточное знание вторы-

ми и последующими поколениями китайских традиций, выражающихся, главным образом, в умении готовить китайские национальные блюда, есть палочками, в соблюдении определенных обрядов и праздников жизненного цикла: годовщины ребенка, похоронного обряда с традиционными поклонами, сжиганием бумажных денег и похоронных принадлежностей на могиле, посещение могилы в строго определенное время весной и осенью и некоторые другие. Сохранился обычай встречи Нового года по лунному календарю — Чунцзе. Жители сельских местностей устраивают теплую лежанку — кан, на которой спят люди старшего поколения. Процент знания китайского языка в этой группе невелик.

Отличие второй группы заключается в знании китайского языка значительной ее частью, хотя из поколения в поколение их число уменьшается.

Китайцы третьей группы — деловые люди. Они хорошо владеют родным языком и, по возможности, соблюдают китайские традиции.

Тяготение китайцев первой и второй групп к русскоязычному населению в целом определило их дальнейшее этнокультурное развитие — неизбежное слияние. Лишь небольшая часть китайцев второй группы — из моноэтнических семей. Представители третьей группы продолжают быть носителями китайской культуры и имеют китайское самосознание.

М. Д. Савуров

Литература

Амитин-Шапиро З. Л., Юабов И. М. Национальные меньшинства в Узбекистане. Ташкент, 1935.

Зотов П. Д. К истории бумажного производства на Востоке // Труды Института востоковедения АН УзССР. 1954. Вып. 3. С. 158.

Левушкина С. В. Когда появился шелк в Средней Азии // Вехи времен. Ташкент, 1989. С. 36.

Никольская Г. Б. Некоторые материалы о выходцах из Китая в Туркестане после Октября 1917 г. // Труды САГУ. 1959. Вып. 151.

Она же. Некоторые данные об отходничестве из Северо-Западного Китая в Туркестан (в конце XIX — начале XX века) // Труды ТуркмГУ. 1962. Ст. 194. С. 49—60.

Она же. Выходцы из Синьцзяня в Туркестане в конце XIX — начале XX в. Канд. дисс. Ташкент, 1969.

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960. С. 89.

Пугаченкова Г. А., Такташ Р. Искусство народа // Звезда Востока. 1956. № 4.

Сааков В. Г. История Бухары. 100 вопросов и ответов. Ташкент, 1996. С. 134.

КОРЕЙЦЫ

Самоназвание — чосон сарам (в КНДР) и хангук-сарам (в Южной Корее). Народ, основное население КНДР и Южной Кореи. Корейский язык ученые относят к тунгусо-маньчжурской ветви алтайской семьи языков. Корейцы Средней Азии разговаривают на северо-восточном диалекте, в котором, в отличие от диалекта Кореи, есть ряд особенностей и заимствований из русского, узбекского и казахского языков. В разговорной речи выделяются несколько диалектов. Для корейцев характерна большая пестрота верований и религиозных культов. Основная черта их заключалась в почитании неба (ханыл), от которого, по их мнению, зависели все блага. Одухотворялась природа, которая, считалось, населена духами — добрыми и злыми. Наряду с первобытными верованиями, корейцы исповедовали буддизм — начиная с IV—VI вв., конфуцианство — V—VIII вв. и христианство — XIX в.

Корейцы в Узбекистане:	1926 г. —	30
	1979 г. —	163 062
	1989 г. —	183 140
	2000 г. —	163 787

Время появления корейцев в Средней Азии точно не известно, но антропологические и лингвистические данные дают основание предполагать, что этнические корни корейцев восходят к региону Средней Азии и Алтая.

Четкие исторические следы их зафиксированы со второй половины I тыс. н. э. Представитель Кореи (Когурё) запечатлен на одной из композиций монументальной живописи дворцового комплекса Афрасиаб VII в., где изображены сцены посольского приема согдийским правителем Самарканда Вархумаком.

Корейский генерал Гао Сянь-Чжи возглавлял китайскую армию, штурмовавшую в 749 г. Чач (Ташкент). А после поражения китайской армии в 751 г. на Таласе один из потомков древней корейской династии Чао проехал по среднеазиатским городам, и, в частности, был в Самарканде. Сведения о связях в последующие столетия пока неизвестны. Лишь с конца XIX в. отмечается оседание корейцев в Узбекистане.

В 1924 г. в Ташкенте образуется общественная организация “Союз корейцев Туркестанской республики”, объединившая соплеменников не только Узбекистана, но и других республик Средней Азии и Казахстана.

А в 1933 г. только в Верхнечирчикском районе Ташкентской области было уже 22 хозяйства, в 1934 г. — 30 хозяйств. Отмечалось, что в это время 25,8% корейцев Узбекистана обучалось на рабфаках, в техникумах, вузах.

В 1937—1938 гг. начинается насильственная депортация корейцев с

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Ритуал корейской свадьбы,
Галабинский район Ташкентской области.

Фото Виктора Ана

Дальнего Востока в республику. Наибольшее их число было расселено в сельской местности Ташкентской, Самаркандской областей, Ферганской долины, Каракалпакии. В городах осела лишь незначительная часть.

Однако в последующие годы происходит их самостоятельное переселение в Узбекистан, в первую очередь из Казахстана, так что через 20 лет количество корейцев в республике удвоилось. В дальнейшем активные пополнения продолжались, превысив к концу 80-х гг. XX в. 180 тыс. чел.

Вместе с ростом численности корейского населения несколько изменилась и география его расселения. Высокая мобильность и тяга к образованию обусловили переселение сначала в ближайшие, а затем и в дальние города. В настоящее время значительная часть корейцев живет в городах. А ориентация на русский язык и европейскую культуру послужили основной причиной миграции части корейцев, примерно 10 тыс. чел., в Россию. Тем не менее, в настоящее время в Узбекистане проживают 200—210 тыс. корейцев.

В 1937—1938 гг. создаются первые корейские колхозы в Бекабадском районе Ташкентской области — “Новый быт”, “Авангард”, “Правда”. Затем организуются крупные сельские хозяйства в Самаркандской и Ташкентской областях. Это, в первую очередь, “Полярная звезда” (ныне носит имя своего бывшего председателя Ким Пен Хва); “Политотдел” (ныне “Дустлик”) и др. Ныне эти хозяйства стали многонациональными, и корейцы составляют меньшую часть их жителей.

Корейцы издавна славятся как искусные мастера земледелия: рисоводы и огородники. Несмотря на глубокие изменения социального и профессионального характера, значительное их число по-прежнему занято в сельском хозяйстве, где опыт поколений в сочетании с современными техноло-

гиями способствует достижению высоких показателей в выращивании различных сельскохозяйственных культур.

Активная культивация риса в Узбекистане началась в 60-е гг. с освоения тугайного побережья Амударьи и Арала, и корейцы в этом сыграли большую роль. Под рисовые чеки были отведены территории в Ташкентской, Сырдарьинской, Самаркандской, Хорезмской областях, Каракалпакии. Далеко за пределами республики известен высокоурожайный сорт риса “кенжо”, культивированный узбекистанскими корейцами, ставший базовым для выведения многих сортов риса. Важен вклад корейцев в выращивание и орошение овощных культур на богарных землях. Особого внимания заслуживает изобретенная ими система орошения земель на склонах, представляющая собой канавки, укрепленные каркасом из железных стоек и толя. Это дало возможность оросить многие тысячи гектаров неосвоенных богарных земель.

За выдающиеся заслуги в выращивании хлопка-сырца, риса, кенафа, кукурузы и других продуктов сельского хозяйства нескольким десяткам корейцев в свое время было присвоено звание Героя Социалистического Труда, а Киму Пен Хва, председателю колхоза “Полярная звезда”, — даже дважды.

Помимо сферы материального производства, в настоящее время корейцы работают и в области образования, науки, культуры, здравоохранения, прикладного искусства.

В 1937 г. в Хорезмской области был создан межрайонный корейский театр. В 1943 г. состоялось его объединение с вновь созданным Ташкентским областным театром. В 1956 г. при Узгосэстраде был создан корейский ансамбль, функционировавший, однако, недолго. Особенностью национальной культуры узбекистанских корейцев является, с одной стороны, сохранение и развитие отдельных традиционных элементов, с другой — влияние других культур, нивелирование этнических особенностей, утеря национальных традиций. Так, с 1969 г. действует корейский ансамбль “Каягым”, в то же время корейские артисты участвуют в узбекских и русских театральных коллективах. Наряду с активным освоением узбекского сельскохозяйственного инвентаря корейцы сохранили свои традиционные орудия труда: легкие кетмени, тямки (хоми), серп (нат). В быту распространены плетеные шумовки (чори), ручные веялки (кхи), корзины (конгури), соломенные шляпы (саккат). Во многих домах по-прежнему устраивают теплую лежанку (канондоль), используются прямоугольные столики для еды (папсань), небольшие скамейки (моктоксань), валикообразные подушки (пиогэ).

Изготовление и ношение традиционной одежды присуще в основном лишь незначительной части женщин старшего поколения, а использование ее в быту ограничено обрядовой сферой. Используется и в сфере профессионального и самодеятельного искусства. Она состоит из кофты (чогори), юбки (чхима), халата (турумаги), головного платка (сугон) и матерчатых носков (босон).

Заметна стойкая приверженность традициям в питании. По-прежнему

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Пожилая кореянка — мать 12 детей.

Фото Виктора Ана

значительное место в нем занимает рис, овощи, рыба, проросшие бобы, морская капуста, соя, обилие пряностей, соусов, маринадов. В связи с популярностью корейских блюд в Узбекистане во многих местах открыты корейские рестораны, кафе, столовые.

Господствующей формой в структуре семьи корейцев является малая семья, включающая родителей и детей и насчитывающая 4—6 чел., причем сельские семьи более многодетны. Обычно родители живут с одним из женившихся сыновей. Присущая корейской семье в прошлом неограниченная власть отца сменилась равными правами всех ее взрослых членов. В то же время по-прежнему большую роль в семейно-родственных отношениях играет принадлежность к особым экзогамным группам (пон), внутри которых браки запрещены.

Интенсивные межэтнические связи во многом способствуют увеличению смешанных браков корейцев с представителями других национальностей. Число их в городах достигает 9% от общего количества заключенных корейцами браков.

Серьезное значение в консолидации семьи и социализации подрастающего поколения придается обрядам жизненного цикла. Из традиционной свадебной обрядности фиксируются сватовство, помолвка, или малая свадьба, угощения с весельем и поклонами в доме невесты и жениха, послесвадебное угощение жениха.

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Корейский праздник “Тано”
(празднование окончания весенних полевых работ),
колхоз “Политотдел” Верхнечирчикский район Ташкентской области.

Фото Виктора Ана

Корейский язык используется в основном в бытовой среде, и преимущественно между людьми старшего, реже — среднего, поколения. Происходит дальнейшее сужение сферы его применения. В последние десятилетия этот процесс ускорился. Для корейцев характерно хорошее знание русского языка, играющего большую роль в межнациональном общении. Более того, он все шире играет роль инструмента внутриэтнического общения.

По данным переписи 1989 г., 3,6% корейцев знают узбекский язык. Характерно, что в областях корейцы лучше знают узбекский, чем в Ташкенте и Ташкентской области. В последнее десятилетие с обретением Узбекистаном независимости и приданием узбекскому языку статуса государственного число корейцев, владеющих им, увеличилось. В целом определяющей в этнокультурном развитии корейцев Узбекистана является тенденция к интернационализации во всех сферах культуры.

Корейцы внесли определенный вклад в народное хозяйство, науку и культуру Республики Узбекистан. Наиболее известные из них: доктор физико-математических наук Вячеслав Терентьевич Эм, доктор философии Сергей Михайлович Хан, доктор филологических наук Алексей Шин, востоковед Валерий Ким, художники Николай Сергеевич Шин и Николай Семенович Пак, художник-орнаменталист М. В. Нам, певица Галина Шин

и солист балета Владислав Югай, композитор И. Пак и дирижер Артем Пак, обладатель Кубка мира по боксу Владимир Шин и мастер международного класса по шахматам Ольга Ким.

Известность получили организатор сельского хозяйства, дважды Герой Социалистического Труда Ким Пен Хва, общественные деятели Виталий Васильевич Фен и Виктор Анатольевич Чжен.

М. Д. Савуров

Литература

- Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. С. 112.
- Амитин-Шапиро З. Л., Юабов И. М.* Национальные меньшинства в Узбекистане. Ташкент, 1935.
- Гинзбург А. И.* Узбекистан: Этнополитическая панорама. Очерки, документы, материалы. М., 1995. С. 87.
- Джарылгасинова Р. Ш.* Культура и быт корейцев совхоза “Раушан” Кунградского района Каракалпакской АССР // КСИЭ. 1960. Вып. 35. С. 54—63.
- Она же.* К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами (Традиционное и новое в хозяйстве и материальной культуре) // СЭ. 1966. № 5. С. 3—14.
- Она же.* Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 343—349.
- Она же.* Антропологические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем (Проблемы антропонимики). М.: Наука, 1970. С. 139—149.
- Она же.* Новое в культуре и быту корейцев в Средней Азии и Казахстана (На примере сельского населения) // СЭ. 1977. № 6. С. 59—70.
- Она же.* К характеристике современной антропонимической модели корейцев, проживающих в сельских районах Узбекистана // Ономастика Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 203—205.
- Она же.* сновные компоненты традиционной корейской антропонимии // Этническая ономастика. М.: Наука. 1984. С. 102—109.
- Она же.* Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1980. С. 43—73.
- Ионова Ю. Б.* Корейцы // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. М.: Наука, 1963. С. 564—581.
- Она же.* У корейцев Средней Азии // КСИЭ. Вып. 37. М., 1965. С. 23—34.
- Исхаков Ф. Б., Ким М. В.* Люди счастливой судьбы (о тружениках колхоза “Полярная звезда”). Ташкент, 1972. С. 103.
- Ким О. М.* Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1964.
- Он же.* К изучению антропонимии корейцев СССР // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 53—63.
- Югай И. Г.* Этносоциологическое изучение языковых процессов среди корейцев Узбекской ССР // Полевые исследования института этнографии, 1977 г. М., 1979. С. 168—174.

КУРДЫ

Самоназвание — курд, курмандж. **Народ в Юго-Западной Азии.** Частично живут в Закавказье, Средней Азии и Казахстане. **Язык** — курдский иранской группы индоевропейской семьи. **Верующие** — в основном мусульмане-сунниты.

Курды в Узбекистане: 1926 г. — 15 000
 1979 г. — 982
 1989 г. — 1 839

Хотя курды — один из древнейших народов Востока, но, в силу сложных геополитических условий, своей государственности они не имели. С основной территории расселения с древности мигрировали на Кавказ и в Среднюю Азию. О времени первого появления курдов в пределах Средней Азии точных сведений нет.

В 1381 г. при завоевании Амиром Темуrom Хорасана присоединяются и земли курдов, а их ученых направляют на родину Темура — в Шахрисабз.

В XVII—XVIII вв. иранские шахи переселяли курдов в Хорасан, Гилян, Белуджистан, и стремились этим обеспечить охрану восточных границ Ирана от нападений туркмен и узбеков. Пехота в Хивинском ханстве XVIII—XIX вв. частью состояла из невольников-курдов.

Именно с этого времени курды начинают переселяться в Туркмению и Узбекистан. По материалам курдоведа К.И. Мирзаева, наиболее компактно расселяются в Марыйской области.

В 1937 г., когда началась депортация курдов с территории Армении и Азербайджана, их распределили по 14 областям и по 110 районам Средней Азии и Казахстана. На каждый поселок приходилось 20—25 семей. Отмечался низкий уровень грамотности среди курдского населения.

Но наиболее массовое расселение высланных курдов здесь происходило в годы второй мировой войны. В середине декабря 1944 г. в Узбекистан прибыло 29 эшелонов спецпереселенцев из Грузии. Все курды были распределены по 7 областям и 43 районам республики, в частности в Ташкентской, Самаркандской, Ферганской и Бухарской областях.

В апреле 1956 г. со спецпереселенцев были сняты ограничения в правах. Некоторые курды остались жить в Узбекистане, занимались сельским хозяйством.

Отсутствие возможности получить образование на родном языке и условия для развития национальной культуры привели к утрате самобытности курдов.

Данные о численности курдов в Узбекистане в переписях населения 1959, 1970, 1979 гг. не приводятся. В 1989 г. в республике проживало 1839 курдов (в Ташкенте — 77 чел.), из них 52,6% — мужчины; 84% считают родным язык своей национальности, 5,4% — русский; 53,5% свободно владеют вторым языком (русским).

С 1989 по 1990 г. в связи с конфликтом в Нагорном Карабахе в Узбекистан эмигрировало 685 курдов.

Традиционные занятия курдов: полукочевое скотоводство (крупный и мелкий рогатый скот), земледелие (зерновые, садоводство, табак). Развито ковроделие, производство шерстяных изделий, металлической посуды, чеканка по металлу, резьба по дереву.

Традиционная одежда мужчин имеет несколько вариантов. Общие элементы — широкие шерстяные шаровары, бязевая рубаша с разрезом на груди и длинными рукавами, к которым пришиты куски материи (факиана), пояс (пэштэн), шерстяной жилет, а в холодное время — шерстяная куртка или длинная войлочная накидка, головной убор (колав), сверху обмотанный большим платком, обычно с кистями. Обувь (кваш) надевают на шерстяные вязаные ковровые носки. Те же элементы и в женской народной одежде: матерчатые шаровары, длинная рубаша, платье-рубаша с факиана, жилет, пояс-пэштэн. Фольклор — песни, танцы, в т. ч. хороводные с предводителем и др.

В национальной кухне курдов преобладает мясо-молочная пища. В земледельческих районах распространены блюда из пшеницы, риса, острые приправы. За годы проживания в Узбекистане кухня стала разнообразнее: появились различные мучные и кондитерские изделия, фруктовые десерты.

А. Рахманкулова

Литература

Али-хан Аман. Миграция населения Узбекистана (1989—1998). Ташкент, 2000. С. 82—83.

Аристова Т. Ф. Курды Закавказья. М., 1966.

Она же. Отражение этнических процессов в традиционно-бытовой культуре курдов Азербайджана и Туркмении // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.

Бартольд В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903. С. 62.

Бугай Н. Ф., Броев Т. М., Броев Р. М. Советские курды: время перемен. М., 1993. С. 192.

Вильчевский О. Курды. М.; Л., 1961. Библиография по курдоведению / Сост. Ж. С. Мусаэлян. М., 1963.

Карпов Г. И. Национальные меньшинства ТССР // Туркменоведение. (Ашхабад). 1931. № 3—4. С. 65.

Курдские пословицы и поговорки / Сост. Ордихане Джалил, Джалиле Джалил. М., 1972.

Маджид Ариф. Одежда и украшения курдов Ирака // Полевые исследования Института этнографии АН СССР. 1975. М., 1977.

Ментешавили А. М. Курды. Очерк общественно-экономических отношений культуры и быта. М., 1984.

Мирзаев К. И. Курды. Малая энциклопедия. Алматы, 2001.

Народы Средней Азии и Казахстана / Под ред. С. П. Толстова. М., 1963. Т. 2. С. 649—661.

Никитин В. Курды / Пер. с франц. М., 1964.

Садыков У. А. Курды: Депортация в Казахстан // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы, 1998. С. 180—181, 186.

В составе многоликой ташкентской интеллигенции лиц курдской национальности всегда были единицы. Туркменская курдка Клара Гельдыева (1933—1992) — выпускница Московского государственного университета им. Ломоносова, вначале работала редактором документальных фильмов на киностудиях “Туркменфильм” и “Таджикфильм”. С 1966 г. — член сценарно-редакционной коллегии киностудии “Узбекфильм”. Как редактор приняла участие в выпуске нескольких десятков картин и зарекомендовала себя высококлассным специалистом.

Один из старейших преподавателей Восточного института Республики Узбекистан Салих Ахмед Бахши поселился в Ташкенте более полувека назад. Родился он в 1922 г. в одной из северных провинций Ирака.

После падения Мехабадской курдской республики, не просуществовавшей и года (с 22 января 1946 г. — по 17 ноября 1949 г.), один из ее лидеров — военачальник Мустафа Барзани вместе с пятьюстами воинами (представителями племен Баружи, Музуийми, Феруан, Дулямари, Барвори), среди них и Салих Ахмед Бахши, спасаясь от расправы нового иранского режима, после долгих скитаний попали на территорию Нахичевани. Через два месяца курдский отряд передислоцировался в Бакинский район Азербайджанской республики. И, наконец, в августе 1948 г. его перебросили в Узбекистан и разместили под Ташкентом. В 1949 г. членов отряда трудоустроили небольшими группами в Ташкентской, Самаркандской, Наманганской, Андижанской и Ферганской областях, где они занимались сельским хозяйством. Салих Ахмед Бахши работал в одной из кибрайских садоводческих организаций.

В 1952 г. иракские курды вновь были

Фотография
удалена в целях
облегчения интернет-
версии

Салих Ахмед Бахши.
Из семейного альбома

объединены в лагере в местности Алмазар Ташкентской области. Мустафа Барзани некоторое время учился в Москве. Многие мужчины обзавелись здесь семьями и имели по двое-трое детей. Женились в основном на женщинах русской и татарской национальностей. 27 курдов за десятилетний период пребывания в Узбекистане умерло.

14 июля 1958 г. в Ираке был свергнут монархический режим и провозглашена республика. У курдской эмиграции во главе с Мустафой Барзани появилась возможность вернуться домой. В марте 1959 г. курдский отряд организованно переправили в Одессу, а затем морским путем в город Басру (Ирак).

В 1961 г. Салих Ахмед Бахши по семейным обстоятельствам вернулся в Ташкент. В настоящее время преподает арабский язык на восточном факультете ТашГУ (ныне Восточный институт). Женат на русской.

Л. И. Жукова

КЫРГЫЗЫ

Самоназвание — кыргыз, средневековое восточное — хырхыз, старое русское — каракиргызы, закаменные киргизы, это название сохранилось до 1925 г. Соседей кыргызов — казахов ошибочно называли казак-киргизами (киргиз-кайсаки), вследствие чего очень часто казахов и кыргызов неправильно рассматривали как единый народ. Основное место расселения — Кыргызстан, но значительная группа проживает районах Казахстана, Таджикистана и Узбекистана. Язык — кыргызский кипчакской подгруппы тюркской группы алтайской семьи. Верующие — мусульмане-сунниты.

Кыргызы в Узбекистане:	1926 г. —	90 700
	1939 г. —	89 000
	1959 г. —	92 700
	1979 г. —	142 200
	1989 г. —	174 900
	2000 г. —	231 864

Время первого проникновения кыргызов на территорию современного Узбекистана не выяснено, т. к. оно осложняется проблемой происхождения кыргызского народа. Некоторые ученые размещают их ро-

дину в глубинных районах Центральной Азии — Монголии, Минусинской котловине, с расселением от Енисея до Байкала и Южного Туркестана. Другие связывают становление народа и культуры с взаимодействием двух этнических элементов — центральноазиатского и местного среднеазиатского. Согласно второй точке зрения, проникновение кыргызов в степные северные и восточные районы Узбекистана, как части сакских племен, следует относить к VI—IV вв. до н. э., а в последующем и орхоно-усуньских племен, частично проникших в Ферганскую долину — ко II в. до н. э.

Кыргызы издревле были связаны с населением городов среднеазиатского Междуречья тесными торговыми связями — получали от них ткани и одежду, продукты сельского хозяйства и оружие, продавая, в свою очередь, скот, шерсть, шкуры, молочные продукты, войлок, кожу, пушнину.

Активно кыргызы начали проникать в степные районы Междуречья в VI в. в составе Западно-Тюркского, а позже Уйгурского и Тюркского каганатов.

В XV—XVI вв. они входят в орбиту Моголистана и государства Шейбанидов. В составе последнего кочуют в степях и предгорьях Ферганской долины, окрестностях Бухары и Джизака, Заamina и Бахмала. В середине XVII в., в связи с вторжением в пределы Кыргызстана огромной массы ойратов (джунгар) — кочевников западной ветви монгольских народностей, кыргызские племена с исконно своей территории также стали активно продвигаться в Фергану, Восточный Туркестан, на Памир, Алай, горные долины.

Обратно из Ферганской долины на Тянь-Шань часть кыргызов вернулась после прекращения существования ойратского государства в 1758 г., когда на территории Джунгарии уже почти не осталось калмыцкого населения.

Правители возникшего в Ферганской долине в XVIII в. Кокандского ханства избрали кыргызские земли одним из главных объектов своего завоевания. В 1762 г. кокандский правитель Ирдана-бий напал на Узген, впоследствии захватил Ош. Его преемник на престоле — Нарбута-бий продолжил завоевательную политику, подчинив всю предгорную южноферганскую территорию, занятую кыргызами, а также Алай.

Здесь были возведены крепости, которые служили местом дислокации кокандских гарнизонов и сборщиков налогов, а также пограничными форпостами с соседним Синь-Цзяном. Около многих крепостей возникали узбекские поселения, население которых занималось земледелием, ремеслом, торговлей. Кыргызов же с плодородных земель Ферганской долины кокандцы вытеснили в горы Алая, Тянь-Шаня и Памира.

После подчинения южных кыргызов, кокандцы устремились в се-

верные районы Кыргызстана, полностью завоевав их к 30-м гг. XIX в.

Феодално-родовая знать южнокыргызских племен принимала активное участие в политической жизни Кокандского ханства. Представителям знати кокандские ханы раздавали чины и должности, как в войсках, так и в гражданском управлении. Так, алайский родоправитель Алымбек много лет был хокимом Андижанского вилоята, а одно время даже первым визирем ханства.

Данные свидетельствуют о том, что расселение кыргызов в XVIII—XIX вв. на территории современного Узбекистана несколько отличалось от нынешнего. В третьей четверти XIX в. небольшие группы кыргызов еще жили в долине Зарафшана: в Самаркандском отделе их насчитывалось 665 чел., в Каттакурганском отделе — 372 двора, в Ургутской волости — 17 дворов.

В середине XIX в. началось военное наступление царской России на Среднюю Азию. В мае 1865 г., когда русскими войсками были взяты Ташкент и Ходжент, Кокандское ханство потеряло суверенитет и встало под протекторат России. В результате Кокандского восстания 1874—1876 гг., в котором, помимо других народов, активное участие приняли кыргызы под предводительством Пулат-хана, южные кыргызы были завоеваны русскими войсками и вошли в состав Российской империи. 19 февраля 1876 г. Кокандское ханство было упразднено и вместо него образована Ферганская область Туркестанского генерал-губернаторства. Таким образом, южная часть Кыргызстана в 1876 г. вошла в состав Ферганской области.

Вхождение Кыргызстана в состав Российской империи, стоявшей на более высокой ступени общественного и экономического развития, несмотря на жесткую колониальную политику царизма, имело прогрессивное значение для дальнейшего развития кыргызского народа. Завершился процесс воссоединения кыргызского народа, поскольку новая власть положила конец межплеменным и межродовым распрям.

Традиционный образ жизни кыргызов — кочевое скотоводство с преимущественным разведением мелкого рогатого скота, длительными перекочевками. Ремесло связывается в основном с переработкой продуктов скотоводства — обработка шкур, кож и шерсти, изготовление войлочной продукции — простых кошм для покрытия юрт и интерьеров, шерстяной ткани и сукна, одежды и кож, шерсти и козьего пуха. Очень распространено у кыргызов Ферганы было и ковроделие.

Традиционное жилье кыргызов — юрта, приспособленная для быстрой выючной укладки при постоянном кочевании. Выделяются два типа юрт: рядовая — “карауй” и парадная — престижная, для более богатых членов рода — “ок уй”. Конфессионально-культурные обряды кыргызов от рождения до похорон, несмотря на принадлежность к суннитской ветви ислама, содержат элементы древнетюркских и мон-

гольских шаманских верований, а также христианства несторианского толка, широко воспринимавшихся кыргызскими племенами Восточного Мавераннахра с VI до начала XIII в.

В XIX в. часть кыргызских племен вошла в состав населения Кокандского ханства и Бухарского эмирата, что способствовало более тесным экономическим связям с оседлым населением, расширению торговли скотом, продуктами животноводства и проникновению товарно-денежных отношений в их хозяйство. Отголоском этих связей, в частности, является сохранившийся доныне в Ташкенте Алайский базар, являвшийся местом сосредоточения мясо-молочной продукции.

К концу XIX в. выросла численность оседлых кыргызов. В долинах Восточного Приферганья имелось немало кыргызских кыштаков. Они занялись орошаемым земледелием (сеяли просо, пшеницу, выращивали хлопок) и отгонным скотоводством (держали, в основном, овец и рабочий скот).

В бухарской части Зарафшана было 20 селений и шесть арыков, носивших название “кыргыз”. Прямыми потомками живших здесь кыргызов следует считать жителей Бухарского, Гиждуванского, Керминского и Шахрисабзского уездов, которые отнесли себя в 1924 г. к узбекскому племени “кыргыз”. Их насчитывалось 5600 дворов.

К 1917 г. в Приферганье образовались как мононациональные по составу узбекские и кыргызские селения, так и смешанные — узбекско-таджикско-кыргызские. В 1926 г. в ходе административно-территориального деления уточнялись границы между соседними республиками. Так, Айымская волость Джалалабадского кантона, за исключением нескольких сельсоветов, отошла к Узбекистану, как населенная в основном узбеками, а из Узбекистана были переданы Кыргызстану Исфанинская, Чапулукская и Бакса-Исфанинская волости, населенные в основном кыргызами.

Как показывают статистические данные, численность кыргызов, проживающих в Республике Узбекистан, продолжает расти, хотя удельный вес их в общем национальном составе населения не меняется. Большое внимание уделяется в республике развитию образования и культуры кыргызского народа. Еще в 1922 г. в Узбекистане были созданы интернаты специально для обучения кыргызских детей. Позже, в связи с оседанием кыргызов, в 1934 г. в Фергане, Маргелане, в Пайарыкском районе Самаркандской области, Галляаральском районе Джизакской области открываются кыргызские школы, в педагогическом институте готовятся кадры преподавателей. Развиваются кыргызское прикладное, изобразительное искусство, кыргызский эпос.

Величайшее произведение народного творчества кыргызов — эпос “Манас”, который представляет собой большую по объему эпическую трилогию, созданную в результате коллективного творчества многих

поколений талантливых сказителей — манасчи. Он состоит из несколько сот тысяч стихотворных строк и превосходит по объему все известные эпические произведения мира. “Манас” является важным источником изучения этнической истории и этнокультурных связей кыргызов. Судя по содержанию, кыргызы имели этнические и культурные связи с народами Сибири, в том числе тунгусо-маньчжурскими, Средней Азии и Казахстана, Южного Урала, Северного Кавказа, Крыма и других сопредельных территорий.

В Узбекистане чтят память героя Советского Союза Османа Якубова (1910—1944). В Андижанской области в кишлаке Найман ему установлен памятник и его именем названа сельская школа № 7.

В послевоенные годы в республике выросла большая группа кыргызских ученых: доктор исторических наук Э. Ходжиев, доктора философских наук К. Н. Ирисбаев и М. Холматова, доктор географических наук С. Караев, кандидат биологических наук К. Т. Алпатов.

В. В. Германова

Литература

Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: Историко-демографический аспект. Ташкент, 1998. С. 52, 57, 62, 65—159.

Бактыгулов Д. Ж. Формирование кыргызского народа. Кыргызы. Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Бишкек, 1996. С. 164—179.

Гинзбург А. И. Узбекистан: Этнополитическая панорама, очерки, документы, материалы. М., 1995. Т. 2.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб., 1996.

Койчуев Т., Мохрынин В., Плоских В. Киргизы и их предки. Нетрадиционный взгляд на историю и современность. Бишкек, 1994. С. 44—127.

Молдобаев И. Б. Эпос “Манас” как историко-этнографический источник // Эпос “Манас” и этническое наследие народов мира. Бишкек, 1995. С. 4—207.

Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства (Феодальное хозяйство Худоярхана). Ташкент, 1973. С. 385.

Народы Средней Азии и Казахстана: в 2-х т. / Под общ. ред. С. П. Толстого. М., 1963. Т. 2. С. 154—320.

Ошская область. Энциклопедия. Фрунзе, 1987. С. 52—445.

ЛАТЫШИ

Самоназвание — латвиеш. **Народ**, основное население Латвии. **Язык** — латышский балтийской группы индоевропейской семьи. **Верующие** — католики (переселенцы из Восточной Латвии), лютеране (из Западной Латвии) и православные (переселенцы из пограничных с Россией областей).

Латыши в Узбекистане:	1926 г. —	735
	1979 г. —	1 464
	1989 г. —	1 131
	2000 г. —	140

В XVIII в., после заключения Ништадского мира (1721 г.) и трех разделов Речи Посполитой, почти вся Латвия вошла в состав Российской империи. Выходцы из Латвии, поступавшие на военную службу и становившиеся чиновниками, расселялись по всей территории России.

Представители латышской национальности впервые оказались в Средней Азии в составе войск России в середине 60-х гг. XIX в. Позднее в Туркестане осело небольшое количество латышей — квалифицированных рабочих, чиновников, учителей, врачей и прислуги. Большая часть их занималась ремеслом, торговлей и принадлежала к мелкобуржуазной прослойке. В 1905 г. церковный евангелическо-лютеранский приход в целом по Туркестану посещало 150 латышей. Средняя Азия стала убежищем для многих ушедших в подполье латышей-революционеров.

Первая мировая война ознаменовала собой новый этап переселения латышей в регион. К концу 1915 г. в Туркестане было размещено не менее 1,5 тыс. беженцев из всех пяти историко-культурных районов Латвии (Курземе, Земгале, Латгале, Аугшzene и Видземе). После реэвакуации их осталось около 600 чел. На этой основе и было создано “Латышское общество”. Уже позднее, в 20-е гг., в целях урегулирования жизни многонационального населения Туркестана было создано Польско-латышское национальное бюро при Совете нацменьшинств.

В тот период в общественно-политической жизни Узбекистана выходцы из Латвии играли заметную роль: Якоб Петерс — чекист, член ЦК Туркестанского бюро РКП(б), начальник ЧК республики, Ян Рудзутак — председатель Среднеазиатского ЦК ВКП(б); Ф.Я. Цируль — начальник Ташкентской городской милиции и др. Среди латышей было немало работников сферы образования, медицины. Например, в Среднеазиатской военной школе преподавал латыш И.Я. Дос. Проявили они себя и хорошими ирригаторами в хлопкосеющих районах.

События второй мировой войны привели к увеличению численности латышской диаспоры на территории Узбекистана — теперь их стало 1200 чел.

Последней волной прибытия в Узбекистан латышей стал приезд добровольцев для восстановления Ташкента после землетрясения 1966 г. Латвия тогда построила около 9 тыс. кв. метров жилой площади.

Представители латышской национальности работали в самых разных уголках Узбекистана, легко вписывались в трудовые коллективы и осваивали языки коренного населения. “Мы сами не раз были свидетелями того, как легко и свободно разговаривали на каракалпакском языке русские и украинцы, армяне и латыши”, — писал журналист В. Тюриков.

В Узбекистане в 30-х гг. XX в. плодотворно работал скульптор Ян Рейнович Страздин (Страздиньш). В научном мире широко известен ученый-ботаник и биолог Роберт Иванович Оболин. Скудре Лидия Рихардовна — участница второй мировой войны, ныне заведующая Музеем истории железнодорожного транспорта.

В последнее десятилетие усилилась эмиграция латышей на этническую родину. В настоящее время на территории Узбекистана проживает небольшое число представителей этой национальности. Многие из них (как правило метисы), осознают себя латышами, но в паспортных данных значатся как русские. Латышская диаспора Узбекистана очень бережно относится к исторической памяти своего появления в Средней Азии, хранит национальные традиции, поддерживает друг друга.

О. Кобзева, Л. И. Жукова

Литература

Ата-Мирзаев О., Гентшке В. Л., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: Историко-демографический аспект. Ташкент, 1998.

Балтийский этнографический сборник // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М., 1956. Т. 31.

Матвеев А. И. Зарубежные выходцы в Туркестане на пути к Великому Октябрю. Ташкент, 1977.

Нарходжаев Ф. Х. 50 лет на боевом посту. Ташкент, 1980. С. 24.

Тюриков В. Песни седого Арала. Ташкент, 1979. С. 324.

Этнография / Под ред. Ю. В. Бромлея и др. М.: Высшая школа, 1982.

*Из рассказа заслуженной учительницы
Республики Узбекистан Л. Г. Мельниковой-Лиепинь
(1926 г. р.).*

*Моя мама — Паулина Михайловна Лиепинь-
Озелинь родилась 10 ноября 1888 г. в деревне Спильва
Уйгурмурской волости Витебской губернии Двинского
уезда в семье владельца хутора и певчей местного костела. В
1908 г. семья переехала в Крейцбург, затем в Ригу, где открыла
свой магазин. Паулина была желанной гостьей на приемах и*

балах самых знатных семейств города. В 1914 г., накануне войны, из Франции с учебы вернулся единственный сын помещиков А., живших неподалеку. Он посватался к Паулине, заручился ее согласием и стал готовиться к свадьбе. Но в день свадьбы моя мама объявила, что отказывается выходить замуж. А на следующий день все узнали, что молодой помещик А. застрелился. Мои дедушка и бабушка решили отослать маму “от греха подальше”, к старшей сестре мамы — Анне, которая к тому времени была замужем за инженером-путейцем, работавшим на строительстве Китайско-Восточной железной дороги и жила в Харбине.

Дом Анны Лиепинь слыл одним из самых гостеприимных в Харбине, его всегда посещало множество белых офицеров и инженеров, работавших на КВЖД. Один из них после приезда Паулины особенно зачастил к ним. Это был мой отец Григорий Никифорович Мельник, уроженец села Ольшанка Каменец-Подольской губернии, попавший в Маньчжурию по долгу службы, почитатель и последователь Л. Н. Толстого.

Мама, вначале согласившаяся выйти за него замуж, перед самой свадьбой опять стала отказываться, ссылаясь на то, что не знает ни русского, ни украинского языков и необходимо съездить в Ригу — спросить благословения у родителей. Однако старшая сестра заставила ее выйти замуж. Мама рассказывала, что в церковь ее везли связанной. Впоследствии она очень полюбила своего мужа и родила ему шестерых детей.

Тем временем в России произошла революция. КВЖД осталась в ведении Советского Союза и в 1918 г. мои родители стали гражданами СССР. Все мы, шестеро детей (3 сына и 3 дочери), учились в Маньчжурии в советской школе-интернате.

Жили сначала в г. Харбине, затем при станциях Хайдохеца, Имянь-по и Уцзимхэ. В 1929 г. китайцы при обыске нашли у отца портрет Ленина и ленинские книги. Его арестовали и посадили в Сумбейскую тюрьму как большевика, нелегально занимающегося марксизмом. В 1933 г. он был тяжело ранен, отбивая нападение китайских разбойников-хунхузов на железную дорогу.

Моя старшая сестра Александра (1916 г. р.) в 1933 г. вышла замуж за сибиряка А. С. Ищенко, начальника поезда, и уехала в Новосибирск. Родила дочь, ожидала второго ребенка. Непривычная к суровому климату и своеобразному укладу жизни семьи мужа — его родители были староверами, она слезно умоляла наших родителей приехать в Союз.

К тому времени вопрос о продаже КВЖД Китаю был решен. Отец и мать, получившие из Москвы разрешение на въезд, продали часть имущества, простились с маминными родственниками, оставшимися в Харбине (некоторые из них

затем перебрались в США), поехали в СССР. В 1936 г. при въезде в г. Кушку возвращающихся из Харбина советских подданных встречал сам К. Ворошилов.

Сестра моя тем временем порвала с мужем и приехала в Кушку. Здесь в то время было много латышей. Один из них хотел жениться на сестре, но мой отец был против, т. к. жених, во-первых, был лютеранин, а во-вторых, отец хотел, чтобы Александра помирилась с мужем.

Мой отец стал работать бригадиром (артельным старостой) при конторе ПЧ-7 Кушкинской ветки Среднеазиатской железной дороги. Но 15 ноября 1937 г. ночью к нашему дому подъехала машина и отца увезли. На другой день в ГПУ железной дороги вызвали мою мать и хотели арестовать. На ее счастье, там оказался ее земляк — латыш Петр Земид. Он поручился за нее и помог выехать в

Сырдарью. Долгие годы мы ничего не знали об отце, и только после реабилитации всех политзаключенных выдали справку о его смерти 19.04.1938 г.

Жить в Сырдарье было тяжело. Двое моих старших братьев — Владимир и Иван, учась в Ташкенте (один на географа, другой — на художника), подрабатывали как могли и посылали деньги матери. Я с 14 лет стала преподавать на курсах ликбеза, а затем, закончив в Ашхабаде педагогический институт, обучала русскому языку ребят в узбекских школах.

Когда началась вторая мировая война, Володю забрали на фронт. 24 ноября 1942 г. он пал смертью храбрых под Сталинградом. Семнадцатилетний Иван, работавший на военном заводе и имевший бронь, ушел на фронт добровольцем — мстить за брата, и погиб в боях на Курской дуге. Сестра Александра была осуждена по 58-й статье на 10 лет — за выступления против Сталина, и отбывала свой срок в лагерях на Колыме. Мой муж погиб в разведке под Майкопом. Младший брат Женя работал в две смены на военном заводе в г. Фрунзе. Горе, как свинцовая плита, опустилось на плечи нашей матери. На ее руках осталась маленькая внучка, дочь Александры, и младшая дочь Валя. Как жена и мать “врагов народа” она не получала пособия, и только после гибели сыновей на фронте, в смерть которых она так никогда и не поверила, стала получать небольшие деньги.

Листая нашу старую домовую книгу, я вчитываюсь в имена тех

Фотография
удалена в целях
облегчения интернет-
версии

Паулина Михайловна
Мельникова
(Лиепинь-Озелинь).
Из семейного альбома

людей, кого мама пускала пожить в осиротевшие комнаты дома. Это были беженцы с Украины, Белоруссии, западных районов России и Дальнего Востока: евреи, украинцы, крымские татары, китаец, с которых она, несмотря на нужду, не брала денег.

Она воспитала всех своих детей, внуков честными, трудолюбивыми, добрыми людьми. Она привила нам любовь к латышской культуре: латышским песням, укладу жизни — бережливому и трудолюбивому.

В 1970 г. я и братишка Женя, получивший в то время орден Ленина за открытие газовых месторождений на Устюрте, повезли маму в Ригу, в Юрмалу, в Тукумс, где и сейчас живут ее племянники, дети ее родных братьев Вальдемара, Якова, Вальтера. Более полувека не видела она родины, не хоронила родителей, родных. Племянники предлагали ей остаться жить у них, но она вернулась обратно — Узбекистан стал ее второй родиной. Здесь она и умерла, не дожив лишь немного до 90 лет.

Хотя многие из наших родственников, живущих в Узбекистане, записаны в паспортах как русские, латышская культура укоренилась в наших сердцах. Один только мой племянник В. Е. Мельников, участвовавший в ликвидации Чернобыльской аварии и вернувшийся затем в Узбекистан, в настоящее время имеет в паспорте запись — латыш.

Записала О. Кобзева

ЛИТОВЦЫ

Самоназвание — летувай. **Народ, основное население Литвы. Язык** — литовский балтийской группы индоевропейской семьи. **Верующие** — в основном католики, есть лютеране.

Литовцы в Узбекистане:

1926 г. —	317
1979 г. —	1 040
1989 г. —	1 628
2000 г. —	519

Намеки о знакомстве среднеазиатских народов с жителями Прибалтики засвидетельствованы в документах XVII в., из которых известно, что мусульманским купцам в Московском государстве иногда удавалось заполучить “раба немецкого” и “литовского полону”.

В конце 60-х гг. XIX в. в составе российской армии в Туркестане были и литовцы. Чуть позднее сюда начали приезжать гражданские лица литов-

ской национальности, имеющие российское подданство. В начале прошлого века литовцы составляли заметную долю в мелкобуржуазной прослойке Ташкента, Самарканда и городов Ферганской долины. В числе выходцев из западных национальных районов Российской империи в Туркестане насчитывалось около 1000—1200 литовцев.

С 1902 г. главным куратором католиков Среднеазиатского региона назначается литовец ксендз Юстин Пранайтис (1861—1917). Благодаря его энергии и таланту руководителя в столице Туркестанского генерал-губернаторства — Ташкенте строятся Дом священника, временно заменяющий молитвенный дом, и красивейший римско-католический костел, а также храмы в Самарканде и Скобелеве. С момента приезда отца Пранайтиса мессы в ташкентском католическом храме и в других пунктах сосредоточения литовцев во время его служебных командировок проводились, помимо русского, польского, и на литовском языке.

Отдельные литовцы являлись лютеранами и посещали евангелическо-лютеранские церкви. В 1905 г. в ташкентском церковном приходе лютеран числилось 10 литовцев. Их количество заметно пополнилось в годы первой мировой войны за счет военнопленных и беженцев. Большая часть литовцев сконцентрировалась в Ташкенте, Сырдарьинской и Самаркандской областях.

В декабре 1915 г. ксендз Юстин Пранайтис подготовил приют для беженцев из Литвы. В общежитии при “Польском костеле” было принято и обеспечено работой свыше 60 чел. Многие из них уже весной 1916 г. смогли вернуться на родину. В феврале 1917 г. Юстин Пранайтис умер. Следующим куратором стал отец Бронислав Рутенис из Литвы. В крае отец Рутенис занимался религиозной деятельностью на протяжении двадцати лет.

В мае 1917 г. был образован Союз граждан литовской национальности Ташкента. В дальнейшем его переименовали в Национальное общество “Вильтис”. Аналогичные национальные литовские группы создаются и в других городах региона. Тогда же один представитель от литовцев Туркестана был делегирован на созываемый в Петрограде Литовский сейм. При Народном комиссариате по делам ТуркАССР одной из первых была образована польско-литовская секция. При ее содействии в 1922 г. большинство литовцев возвратилось на историческую родину.

В годы военного лихолетья численность литовцев в Узбекистане вновь возрастает за счет эвакуированных из Прибалтики, а затем убывает в конце 40-х.

В годы второй мировой войны узбекистанские литовцы вместе со всеми народами огромной страны сражались с фашизмом. Трое из них — Виленский Вольфас Лейбович, Позняк Виктор Генрихович и Мац Григорий Зельманович — получили звание Героя Советского Союза.

Немногим более года работали строители Литвы на восстановлении Ташкента, разрушенного землетрясением 1966 г., но успели выстроить в подарок его жителям четыре дома на 300 квартир.

В конце XX в. наиболее многочисленные группы литовцев традиционно проживали в Ташкенте, Ташкентской (около 140 чел.) и Самаркандской (свыше 250 чел.) областях. Многие имеют высшее образование. В настоящее время узбекистанские литовцы в основном сосредоточены в Ташкенте и Самарканде.

Несмотря на малочисленность и привязанность к узбекской земле, представители данного народа не ассимилировались с другими нациями, остались верны своим традициям и происхождению, хотя случалось, литовки выходили замуж за узбеков и русских. Последние тринадцать лет литовцы имеют возможность отправлять религиозные обряды в отреставрированных костелах республики.

В Узбекистане и за его пределами широко известны имена представителей литовского народа — специалиста в области ядерной физики, профессора Б. Витолтаса, доктора медицинских наук Г.Ф. Манкуса (1896 г.р.); архитекторов А. Жмуйда и Г. Жмуйда; скульпторов Я. Кучиса, работавшего в республике с 1929 по 1948 г., и Ю. Липоса; графика и плакатиста А. Читкауускаса; витражистки И. Липене; гобеленщицы А. Исхаковой (фамилия по мужу); основателя Литовского культурного центра И. Дервиниса и его нынешнего председателя В. Жауниса.

Л. И. Жукова

Литература

Жукова Л. И. К истории римско-католического костела в Ташкенте // К истории христианства в Средней Азии. Ташкент, 1998. С. 225—236.

История народов Узбекистана. Ташкент, 1947. Т. 2. С. 110.

Матвеев А. М. Из истории европейских выходцев в Туркестане после февральской революции // Научные труды ТашГУ. 1966. Вып. 422. С. 77, 97.

МОЛДАВАНЕ

Самоназвание — молдовень. Народ, основное население Молдавии. Язык — молдавский восточной подгруппы романской группы индоевропейской семьи. Верующие — православные.

Молдаване в Узбекистане:	1926 г. —	173
	1979 г. —	3 152
	1989 г. —	5 955
	2000 г. —	4 404

В конце XIX в. в Туркестане, помимо молдаван из числа военнслужащих, были представители молдавской национальности и в среде рабочих, крестьян и ремесленников, а также служащих колониальной администрации. В Ташкенте отдельные молдаване селились уже в 1870-е гг.

В Ферганской долине молдавские садоводы вместе с другими переселенцами занимались виноградарством и заготовкой сухофруктов. На территории бывшего Андижанского уезда одно село численностью 216 чел. так и называлось “Молдавское”.

В Самаркандской области в 1917 г. проживало 16 молдаван.

Молдавская диаспора в Узбекистане значительно пополнилась в годы второй мировой войны за счет эвакуированных из Молдавии и с Украины. Некоторые из них остались в республике на постоянное жительство.

Молдавия по мере своих сил помогала Ташкенту отстроить жилищный фонд после трагедии землетрясения 1966 г. Она подарила ташкентцам комплекс жилых домов и детский сад на квартале 24 Чиланзара.

В 60—70-е и в последующие годы молдаване приезжали в Узбекистан на освоение целинных земель (Сурхан-Шерабадской степи и др.), на строительство Ташкентского Северного канала, и работают до сих пор на рудниках г. Зарафшана.

Одним из первых ректоров Ташкентского университета был молдаванин — профессор Н. А. Димо. С 1969 по 1976 г. в Республиканском совете профсоюзов работал уроженец молдавского села Кошница Л. Шабшай.

Узбекистанцы гордятся сыном молдавского народа Иваном Гринько, который ушел на фронт из села Майское Ташкентской области простым солдатом, а вернулся Героем Советского Союза, и вновь продолжал работать трактористом.

Известный ныне ученый, доктор исторических наук Петр Фрай на службе в армию призывался из Молдавии. После демобилизации остался в Ташкенте, женился на местной красавице. Одну дочь назвали молдавским именем Аурика, другую интернациональным — Мария.

В Самарканде уже много лет живет и работает кандидат биологических наук Кристина Тодерич (по мужу — Хужаназарова). Кстати, в Самаркандской области две молдаванки создали семьи с представителями коренных национальностей и почти ассимилировались. В последнее десятилетие в Узбекистане осело несколько предпринимателей молдавской национальности (Валерий Пуго и др.)

С 20 июля 1990 г. Ташкентскую и Среднеазиатскую епархию возглавляет сначала епископ, а с 23 февраля 1991 г. — архиепископ Владимир (Иким), молдаванин по происхождению.

Л. И. Жукова

Литература

Кронгардт Г. К. Население Кыргызстана во второй половине XIX — начале XX в. Бишкек, 1997. С. 85.

Матвеев А. М. Участие зарубежных выходцев в общественно-политической жизни Туркестана в марте — сентябре 1917 г. // Научные труды ТашГУ. 1975. Вып. 473. С. 85.

Юнусходжаева М. Ценные материалы по истории Туркестана колониального периода // Сб. научных работ и сообщений. Кн. 4. Ташкент, 1961. С. 451.

МОНГОЛЫ

Группа восточных народов азиатско-американской расы (монголы, дунсян, буряты, халха, дауры, ту-монголы, калмыки и др.). Языки — монгольские с диалектами алтайской семьи, в том числе три письменных — монгольский, бурятский, калмыцкий. Верующие — преимущественно буддисты-ламаисты, шаманисты.

Определить начальные этапы проникновения монгол на территорию Узбекистана проблематично. Присутствие монголов в Приаралье отмечается еще в середине I тыс. до н.э. Некоторые ученые к монголам относят хунские племена, известные с VIII—IV вв. до н.э. Активно они продвигались в оазисы Средней Азии, в том числе на территорию современного Узбекистана, в III—V вв. н.э. Считается, что они приходили сюда с тюрками в VI—VIII вв. и X—XII вв. — племена каракитаев, или киданей. Однако массовое вторжение их в Среднеазиатское Междуречье происходило в период монгольского нашествия 1219—1224 гг.

Историки отмечают ряд монгольских племен, расселившихся в основном в междуречье Амударьи и Сырдарьи, среди которых были крупные племена чагатаев, барласов, джелаиров, кунгратов, дуглатов, мангитов, алчинов, мингов и др. Часть их осела, перешла к земледелию и ремесленничеству, часть продолжала вести кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством и составляя воинский контингент крупных и мелких правителей областей Мавераннахра и Семиречья.

Новая волна вторжения монголов в составе узбекских племен Шейбанихана имела место в XVI в.

В XVII—XVIII вв. происходит продвижение калмыцких племен в северо-восточные районы Узбекистана. Монголы оседают в основном в Ферганской долине, Ташкентском оазисе, южных районах Кашкадарьи, постепенно отуречиваясь, переходя к земледельческо-скотоводческому хозяйству, принимая ислам.

В то же время в культуре сохранились свои особенности, повлиявшие на культуру и искусство Узбекистана. Примером может служить парадная глазурованная керамика и архитектурный декор с кобальтовой росписью по белому фону с символическим изображением Вселенной, распространявшаяся в монгольскую эпоху.

В XIX—XX вв. они живут как постоянная часть населения Узбекистана с тюркским языком и местными обычаями, земледельческо-скотоводческой экономикой.

В тот же период в Туркестан вливались сравнительно небольшие группы выходцев из собственно Монголии, также накладывавшие свой отпечаток на культуру и быт общин, живших здесь с давних пор.

В середине второй половины XX в. в Узбекистан приезжали незначи-

тельные группы монгольских народов — для обучения в вузах республики, работы в сельском хозяйстве, промышленности.

Л. И. Жукова, Ю. Ф. Бураков

Литература

Ходжайлов Т. К. Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986.

Шаниязов К. Ш. Некоторые вопросы этнической динамики и этнических связей узбеков в XVI—XVIII вв. // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986.

МОРДВА, МОРДОВЦЫ

Общего для всего народа самоназвания не существует, термином “мордва” пользуются соседи. Сама себя мордва именует по двум большим этнографическим группам, к которым принадлежит — эрзя и мокша. Основное население Мордовской республики. Мордовские языки (эрзянский и мокшанский) принадлежат к финно-угорской группе уральской языковой семьи. Верующие — православные.

**Мордовцы в Узбекистане: 1926 г. — 1 805
1979 г. — 12 263
1989 г. — 11 914**

Народ известен по письменным источникам еще с середины I тыс. н.э. Культурные различия между группами мокши и эрзи стали проявляться с VI-VII вв. Мордва говорит на двух близких языках. На эрзянском говорит около половины мордвы, на мокшанском — немногим более трети; остальные группы этого этноса перешли на русский язык.

На территорию Средней Азии мордовцы в поисках заработка активно начала мигрировать в конце XIX — начале XX в. Мордовия тогда была отсталым аграрным районом России, поэтому мордовцы чаще всего оседали в русских поселках Южного Казахстана, Голодной степи, Ферганы, и меньше — в городах. Особенно быстро прижились в Туркестане мокшане, испытавшие влияние южной татарской культуры. В мордовском языке присутствует не одна сотня тюркских слов, в большинстве случаев имеющих татаро-мещерские параллели.

Мордовцы иногда целыми семьями вербовались на строительство железных дорог (в основном землекопами), возведение гражданских сооружений. Рабочие мордовской национальности принимали участие в строитель-

стве Ферганской железной дороги (1900—1917). Среди переселенцев данного этноса преобладали мужчины, в основном молодого возраста.

В 1920 г. в Ташкенте проживало свыше 100 мордовцев. Немало их оказалось и в общем потоке людской волны, нахлынувшей в первые десятилетия советской власти в Узбекскую республику, когда Поволжье охватил массовый голод.

Из участников второй мировой войны трое представителей мордовской диаспоры получили звание Героя Советского Союза: Ларионов Семен Архипович, Полежайкин Сергей Иванович и Тумақшин Михаил Тимофеевич.

В послевоенный период мордовцы по Узбекистану расселились дисперсно, в основном в городах. По данным переписи 1959 г., в городах Узбекистана проживало 12 тыс. мордовцев, в 1970 г. эта цифра осталась прежней.

Мордовцы всех локальных групп перестали носить свой традиционный костюм у себя на родине, в Заволжье, уже в 30-е гг. прошлого столетия, и значительно раньше — за ее пределами.

В Узбекистане мордовский этнос давно слился с русским населением. Однако один из элементов традиционной мокшанской одежды — головной убор из большого и малого платков, но слегка модернизированный, уместно присутствует в костюме пожилых женщин и сегодня (в траурные и др. значительные дни).

Большое число мордовцев трудилось на новостройках Узбекистана. Строители из Мордовии принимали участие и в восстановлении Ташкента в 1966 — 1970 гг. Мордвин П. П. Шарапов, бетонщик по профессии, получил медаль “За трудовое отличие”.

Видные представители мордовской диаспоры в Узбекистане: доктор исторических наук, преподаватель истфака ТашГУ П. А. Ковалев (1905—1972) — родился в семье железнодорожного рабочего в Ташкенте; доктор исторических наук К. Е. Ерзин; академик К. Е. Житов, инженер-проектировщик Ташкентского метрополитена А. С. Варакин.

Постепенный отток мордовцев начался в конце 80-х гг. прошлого века в Российскую Федерацию, главным образом на свою этническую родину.

Л. И. Жукова

Литература

- Белицер В. Н.* Народная одежда Мордвы. М., 1973. С. 6.
Гафурджанова И. Из истории строительства Ферганской железной дороги (1900—1917 гг.) // Научные труды и сообщения. Ташкент, 1963. Кн. 6. С. 300.
Герои Советского Союза — узбекистанцы (Сборник). Ташкент, 1984.
Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1985. С. 11.

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Средняя Азия и Кавказ имеют давние взаимосвязи. Первыми представителями народов Северного Кавказа, лично познакомившимися с бытом, нравами и обычаями коренного населения, которое проживало на землях нынешнего Узбекистана, были купцы. Стабильные торговые отношения существовали уже в средневековье.

Кавказцы присутствовали в войсках Надир-шаха во время его похода в Бухару в 1745 г. Любопытные сведения имеются в воспоминаниях Садриддина Айни: "...Когда знать вошла в Арк, заиграла военная музыка, и на Регистан из казарм выехала эмирская конница. Эти части назывались "Кавказ", покрой их обмундирования напоминал одеяния дагестанцев. По цвету своей одежды они делились на отряды — кубанский, терский, тюркский. Одежда их напоминала цирковые костюмы, а не обмундирование военных. Они постоянно жили в казармах. Где бы ни находился эмир, рядом с его дворцом устраивались казармы для "кавказцев". Им строжайше запрещалось выходить из казарм. Каждому из них было лет по 18. Выглядевшие старше шли в пешем строю. Пехотинцы служили всю жизнь до старости". Команды давались на русском языке.

Северокавказская диаспора в Туркестане была многоликой, в то же время у всех кавказцев были общие черты и в одежде, и в музыке, и в облике. В Бухарском ханстве и русском Туркестане искали себе работу аварцы, даргинцы, лезгины, кумыки, лакцы, осетины, чеченцы, ингуши, черкесы и др. Большинство северокавказских мигрантов по социальному статусу являлись малоимущими.

Наиболее крупную группу составляли лезгины. Лезгинский рабочий элемент оказался рассеянным по линиям железных дорог, начиная с Ашхабада.

Обособленную зажиточную прослойку в Бухаре составляли даргинские мастера по художественной обработке металлов. Как известно, кустарные промыслы занимали ведущее место в занятиях горских народов в прошлом. В среднеазиатских ханствах высокохудожественные изделия из благородных металлов имели особый спрос. Кавказские ювелиры научили местных заргаров технике изготовления литых золотых перстней с глубоко сидящим красным камнем. Некоторые украшения так и назывались "кавказ". Кроме того, местные мастера освоили метод нанесения черни на изделия из благородных металлов "сават", которые пользуются спросом до сих пор среди женщин коренного населения. Этнограф О. А. Сухарева отмечает, что лучшие бухарские ювелиры были людьми высокой культуры.

Дагестанцы, как правило, являлись временными мигрантами и не хотели обживать и заводить хозяйство в Туркестане, но зато часто навещали родственников в родных краях. Небольшое их число осело в сельской местности. Основное занятие — виноградарство. Во время военных столкновений 1918 г. в Бухарском эмирате из дагестанцев был создан конный Кавказский младобухарский отряд (командиры — Абакар Катаев и Обид Джанаев).

В первые годы Советской власти горские народы, проживавшие в Туркестане, могли не только поддерживать народные традиции, но и развивать их. А, в середине 20-х гг. в республике было принято положение “О введении в пределах Туркестанской автономной республики государственного языка”, предусматривавшее обучение в начальной школе исключительно на родном языке. Действовал Ирано-азербайджанский кавказский клуб.

Во время переписи населения в 1926 г. черкесов в Узбекистане, в сравнении с другими народностями Северного Кавказа, зарегистрировано больше всех — 697 чел., но казалось, что их намного больше: в те времена многие среднеазиатские горцы носили национальный костюм “черкеску”, которая стала мужским платьем для всех народов Кавказа. Количество мужчин значительно превалировало над числом женщин: лезгины — 262 мужчины и 67 женщин; осетины — 206 мужчин и 28 женщин; черкесы — 471 мужчина и 226 женщин.

В результате политики депортаций сталинского режима в 40-е гг. многочисленная группа кавказцев попала в Среднюю Азию и Казахстан: это чеченцы, ингуши, балкарцы, осетины и др. Так, в Узбекистане на 1 января 1949 г. числилось 177 099 всех переселенцев. Из них карачаевцев — 429 чел., чеченцев и ингушей — 64 чел.

Переселение охватило и уволенных в запас военнослужащих. Большинство отправили в тыл, к местам расселения своих родных. Участники войны могли свободно передвигаться по территории республики.

Согласно особому распоряжению от 22 июня 1944 г., дети спецпереселенцев вышеназванных народов имели право с момента депортации учиться в любом учебном заведении, но без права выезда за пределы республики, как во время обучения, так и после завершения учебы. После смерти Сталина, в мае 1956 г., жесткие меры по отношению к спецпереселенцам значительно смягчились, но право возвратиться в родные места они так и не получили.

Значительное число политически реабилитированных чеченцев, ингушей, карачаевцев выбрали местом своего постоянного проживания Узбекистан. Этому способствовали многие факторы, в том числе благоприятные условия, единство религии, близость языков. Основная часть переселенцев обустроилась в Ташкентской и Сырдарьинской областях. В 1956—1958 гг. немало представителей народов Северного Кавказа выехало на освоение земель Голодной степи. Старались по возможности селиться компактно.

В начале 60-х гг. большинство переселенцев с Кавказа смогло вернуться на свою этническую родину.

За последние полвека в Узбекистан приезжало немало молодежи с Северного Кавказа для получения образования в средних и высших учебных заведениях республики, в т. ч. и в конфессиональных. Часть молодых специалистов осталась здесь на постоянное жительство. Помимо этого, в Узбекистане находились неучтенные мигранты, занимающиеся торговлей фруктами. Некоторые из них обзаводились здесь семьями.

В начале 60-х гг. принимаются меры к переводу ювелирного кустарного промысла на государственную основу. В 1963 г. в Ташкенте открывается

ювелирная фабрика. В целях улучшения качества художественных изделий и разнообразия их форм и орнамента при предприятии создается творческая конструкторско-художественная группа, для работы в которой были приглашены не только местные устозы, но и известные мастера Армении, России и Дагестана — носители иных традиций.

В 60—80-е гг. чеченцы, ингуши, карачаевцы и др. работали в г. Зарафшане на производстве и в карьерах.

Представители народов Северного Кавказа зарекомендовали себя хорошими преподавателями вузов, инженерами, строителями, в частности каменщиками-реставраторами в Бухаре, Самарканде и Хиве. Немало кавказцев, предприимчивых организаторов, работало и работает в сфере торговли. Например, долгое время директором Ташкентского ЦУМа был карачаевец К. А. Айбаханов и зам. генерального директора завода “Электроника” (совместное узбекско-корейское предприятие) И. Я. Джатоев. Реставрацией загородного дворца эмира бухарского Ситораи-Мохи-Хоса занимался ингуш И. И. Дударов. В наши дни в Ташкенте трудится ингушский живописец М. Аушев.

Дагестанцы ярко проявили себя в музыкальном творчестве (духовые инструменты). Их самодельные музыкальные коллективы часто приглашали на праздничные мероприятия частного характера. Молодые даргинцы, лезгины и др. защищали спортивную честь Узбекистана.

Народности Северного Кавказа почти не ассимилировались с другими этносами Среднеазиатского региона, поскольку всегда старались придерживаться национальных и религиозных традиций своих предков. В большинстве своем владеют родным языком. И хотя представители горских народов расселены дисперсно, связи между соплеменниками постоянно поддерживаются. Особенно заметна этническая солидарность в дни семейных радостей и печали: во время свадебных торжеств, различных юбилеев и знаменательных дат, отправления близких в последний путь.

В настоящее время в Узбекистане осталось сравнительно небольшое число аварцев, даргинцев, лакцев, ингушей, осетин, чеченцев и др.

Л. И. Жукова

Литература

- Азизова Н.* Ювелирные изделия Узбекистана. Ташкент, 1968. С. 17.
Айни Садриддин. Бухара. Душанбе, 1980. Кн. 1. С. 203.
 Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы, 1998. С. 239—335.
 Искусство советского Узбекистана (1917—1972). М., 1976. С. 269.
Сухарева О. А. Бухара. XIX — начало XX в. М., 1966. С. 180.
Она же. Поздефеодальный город. Бухара. М., 1962. С. 43—44.
 Чеченцы: История и современность / Сост. и ред. Ю. А. Айдаева. М., 1996.

АВАРЦЫ

Самоназвание — маарулал. **Народ, коренное население** Дагестана, частично Азербайджана. **Язык** — аварский нахско-дагестанской группы северокавказской семьи. **Верующие** — мусульмане-сунниты.

Аварцы в Узбекистане: 1979 г. — 29
1989 г. — 767

Аварцы — наиболее крупная народность Дагестана. Их предки имели давние экономические и духовные связи со Средней Азией. Аварец по происхождению Шамиль (1799—1871) — руководитель освободительного движения горцев Дагестана и Чечни против колониальной политики царизма — являлся главой дервишского ордена накшбандиев, имел сношения с Бухарой. Что касается аварских паломников, то их путешествия к месту захоронения своего духовного наставника Накшбанди продолжаются и поныне.

Аварцы среди других дагестанских народностей отличались наибольшей религиозностью. Желавшие получить классическое богословское образование стремились поступить учиться в бухарское медресе Мир-и Араб. Известно, что аварцы, как и большинство дагестанцев, прекрасно владели арабским языком, а ученые и в живой речи изъяснялись на безукоризненном литературном языке.

Приезжали в Бухару и аварцы-ремесленники — мастера ювелирного и кузнечного дел, кожевенного производства. Некоторые из них так и остались здесь жить.

Во второй половине XX в. несколько аварцев учились в Институте востоковедения в Ташкенте. Обучались юноши из аварских семей и в единственном в Средней Азии Институте театрального искусства. Как правило, после учебы в вузах и средних учебных заведениях они обзаводились семьями и оседали на узбекской земле, сохраняя постоянную связь с родным домом. Среди аварцев, проживающих в Узбекистане, имеются юристы, адвокаты, учителя, работники культуры и др.

Как правило, аварцы-мигранты не поддерживают связей между собой. В быту соблюдают национальные обряды и обычаи, стараются вступать в браки только с представителями своего этноса. Владеют не только родным, но и русским, и узбекским языками. Аварцы отличаются особой музыкальностью.

В конце 70-х гг. XX в. Узбекистан посещал аварский поэт Расул Гамзатов.

Л. И. Жукова

Литература

Бартольд В. В. Шамиль // Собр. соч. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 873.

Крачковский И. Ю. Неизвестное письмо Шамиля // Избр. соч. М.; Л., 1960. Т. 6. С. 606.

КАРАЧАЕВЦЫ

Самоназвание — карачайлыла. **Народ в Карачаево-Черкессии и Ставропольском крае Российской Федерации.** **Язык** — карачаевский западно-кипчакской подгруппы тюркской группы алтайской семьи. **Верующие** — мусульмане-сунниты.

Карачаевцы в Узбекистане: 1979 г. — 289
1989 г. — 329

Народы Карачаево-Черкессии подвергались частым нападениям со стороны Турции и Крыма. В XVIII — начале XIX вв. произошла их исламизация. Постоянно нестабильная ситуация заставила их просить защиты у России. В 1828 г. весь Карачай вошел в состав Российской империи. Это был один из самых отсталых районов на Северном Кавказе. Своя письменность отсутствовала.

В 20—30-е гг. произошли большие перемены в сфере культуры и быта карачаевского народа, выведшие их на равный с другими национальностями края уровень существования и развития. Однако в 30-е гг. многих зажиточных карачаевцев, крепких хозяев, выслали в Голодную степь.

Кроме того, по известным причинам, с октября 1943 г. по март 1944 г. вновь было насильственно вывезено 12 тыс. карачаевцев в Казахстан и Среднюю Азию. Узбекистан принял 95 семей (358 чел.).

В 1956 г., после реабилитации карачаевского народа, многие бывшие спецпереселенцы вернулись на историческую родину. Часть из них осталась жить в Среднеазиатском регионе.

В Узбекистане карачаевцы расселились в основном в сельской местности, поскольку являются хорошими животноводами и кузнецами. И лишь незначительное количество осело в городах.

Представители старшего поколения карачаевской этнографической группы следят за соблюдением молодежью внутри своей диаспоры основных правил поведения в обществе и семье (скромности, уважению старших и женщины и т.п.), национальных обрядов (свадебного ритуала и др.).

Из второго и третьего поколения среднеазиатских карачаевцев вышло немало квалифицированных специалистов разного профиля: юристов, учителей, торговых работников (полковник К. А. Айбаханов — директор ЦУМа г. Ташкента в 80-е гг.), строителей (З. И. Махадинов — главный инженер Узпищепромпроекта) и др.

Л. И. Жукова

Литература

Дымов О. Тепло казахстанской земли. Алматы, 1999. С. 114—127.

КУБАЧИНЦЫ

Самоназвание — урбуган. Народ в Российской Федерации, в том числе в Дагестане. Язык — даргинский. Верующие — мусульмане-сунниты.

По словам ювелирных дел мастера Магомеда Разби Ибрагимовича Тикаева (1959 г.р.), в его родном дагестанском селении Кубачи каждый житель знает свои корни до седьмого колена и поэтому сделали вывод, что все они родственники между собой.

Кубачинцы прославились на весь мир своим искусством изготавливать ювелирные изделия, орнаментированное оружие и бытовые предметы.

Поскольку сбывать свой товар на территории Кавказского региона затруднительно, местные мастера ушли на отхожие промыслы. Часть из них постепенно осела в городах Узбекистана — Бухаре, Самарканде, Каттакургане, Ташкенте, Буке, Янгиюле и др., где постоянно большим спросом пользуются изделия из благородных металлов. За ними потянулись их родственники и друзья.

Но были случаи, когда кубачинских умельцев приглашали на работу в республику государственные организации.

Габзи Ибрагима Тикаева пригласили в 1959 г. в Ташкент из Дагестана на должность гравера косторезного производства. В 1961 г. он стал гравером узкой специализации в Ремонтштукмехе. Тогда он был единственным первоклассным гравером на весь Среднеазиатский регион, виртуозом в своей профессии. Заводской заказ на изготовление главной детали для производства резиновых калош не смогли выполнить даже в центральных городах России, а Г. И. Тикаев сумел. Его сын — Магомед Разби Ибрагимович Тикаев — известный в республике ювелирных дел мастер.

В 1965 г. в столицу Узбекистана пригласили их земляка, потомственного ювелира М. А. Гусейнова. Ему было доверено возглавить художественно-конструкторскую группу на недавно открытом ювелирном заводе. В 70—80-е гг. на этом предприятии работал дагестанец из Кубачи И. Джаваров.

В наши дни кубачинцы Тикаевы трудятся в Республиканском художественном объединении “Усто”. Семь кубачинцев — мастеров ювелирного дела работают в научно-производственном центре “Мусавир”.

Среди кубачинцев, проживающих в Узбекистане, имеются хорошие специалисты по ремонту холодильников и других предметов домашнего обихода, дипломированные врачи. Есть и свой знаток арабского языка.

Все представители небольшой диаспоры кубачинцев знают родной язык и ревностно придерживаются своих бытовых традиций. В последнее десятилетие многие семьи кубачинцев Узбекистана вернулись на этническую родину.

Л. И. Жукова

Литература

Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988. С. 175.

ЛАКЦЫ

Лаки, казикумухцы — народ в Дагестане. Язык — лакский нахско-дагестанской группы северокавказской семьи. Верующие — мусульмане-сунниты.

**Лакцы в Узбекистане: 1979 г. — 2 248
1989 г. — 2 807**

Лакцы попали в Бухару в начале прошлого века. Так например, в конце 1908 г. сюда приехали друзья детства — серебряных дел мастера Абид Джанаев и Курбанмагомед Мурадов. После участия в бухарских событиях 1918 г. оба вернулись в родной аул.

Большое количество лакцев принимало участие в освоении земель Голодной степи.

В Янгиюле в настоящее время проживают восемь лакских семей. Несколько молодых лакцев-жестянщиков работают в ремесленных мастерских, расположенных на городском базаре. По одной-две семьи проживают в Бухаре, Самарканде, Нукусе, Карши, Гузаре и Денау.

Местные лакцы, как и другие народы Дагестана, стараются придерживаться обычаев своих предков. Будущих жен, как правило, привозили с Кавказа.

Пожилые лакские женщины стараются носить одежду, близкую к традиционной (темного цвета, с длинными рукавами). Обязательно носят платки, даже в домашних условиях, в любое время года.

Все члены лакской диаспоры в Узбекистане знают родной язык, а также в равной степени владеют русским и узбекским. На лакском языке пишет свои произведения ташкентская поэтесса Гулизар Латыповна Алиева.

В настоящее время в Ташкенте проживает лак — талантливый ювелир усто Халид Газимагомедович Мусиев, человек трудной судьбы. Родился в 1932 г. в одном из селений на Кавказе. Закончил летное училище, казалось, мечта осуществилась, но... Попал в авиакатастрофу, стал инвалидом первой группы. Жизнь пришлось начинать с белого листа. Закончил медицинский институт, потом аспирантуру. Врачебная специальность — хирург-травматолог. Работал на родине, потом переехал в столицу Узбекистана. Но вновь удар судьбы — инфаркт. Едва оправившись, стал осваивать новую для себя профессию ювелира, и теперь Усто Халид — величина в кругу своих коллег.

Л. И. Жукова

Литература

Власова Г. Усто Халид // Узбекистон хаво йуллари. 1996. № 1. С. 55—56.

Жукова Л. И., Левтеева Л. Г. В огне ковалась дружба // Сельская правда. 1988.

Гулизар Латыповна Алиева родилась в 1943 г. в Дагестане (Лакский район, село Кунды), в семье крестьянина.

По окончании семилетней школы переехала к родственнице в Душанбе. В 1953 г. поступила в университет на филологический факультет. С четвертого курса перевелась в университет г. Махачкалы, который закончила в 1958 г.

Несколько лет работала заведующей литературным отделом Лакского театра. В 1973 г. переехала в г. Денау к родственникам и там вышла замуж за своего односельчанина, военнослужащего и однофамильца лака Шахназара Шейхалиевича Алиева. Ранее он жил в Бухаре, откуда его и забрали на фронт. Выйдя в отставку, работал часовым мастером. Умер в 1983 г.

В 1986 г. из Денау Гулизар Латыповна с дочерью переехали в Ташкент.

Гулизар Латыповна — поэтесса, стихи пишет на лакском языке. Есть поэтические произведения в переводе на русский. Занимается переводом стихов поэтов Средней Азии на лакский язык.

И хотя всем сердцем Г. Л. Алиева привязана к Узбекистану, постоянно испытывает глубокую ностальгию по родной земле.

Фотография
удалена в целях
облегчения интернет-
версии

Л. И. Жукова

Гулизар Алиева.
Из семейного альбома

ЛЕЗГИНЫ

Самоназвание — лезгиар. Народ в Дагестане и Азербайджане. Язык — лезгинский лезгинской подгруппы нахско-дагестанской группы северокавказской семьи. Верующие — мусульмане-сунниты, есть шииты.

Лезгины в Узбекистане: 1926 г. — 329
 1979 г. — 2 049
 1989 г. — 3 071

В источнике “Тульшан-уль-мулюк” имеются сведения о первой большой партии лезгин, пришедшей в Бухарское и Хивинское ханства в составе войск Надир-шаха в середине XVIII в.

О культурных связях народов Северного Кавказа и Средней Азии свидетельствует следующий факт. В 1889 г. в статье Р. А. Пфеннинга говорится о том, что первая половина одной узбекской песни повторяет нота в ноту один из главных мотивов в опере “Руслан и Людмила”. Автор предполагает, что Глинка слышал этот мотив на Кавказе. Примечательно, что один и тот же мотив звучит в мелодии двух народов, находящихся на значительном расстоянии друг от друга.

Этнографу О. А. Сухаревой удалось установить интересный факт, “что одна из трех частей крупного квартала Шохи Ахси в Бухаре (к югу от Самаркандских ворот) носила название “Лязгихо” (“Лезгины”). В конце XIX — начале XX в. лезгин в квартале уже не было, но название сохранилось”.

Большое количество лезгин в конце XIX — начале XX в. работали на строительстве Среднеазиатской железной дороги. В Самаркандском депо некоторое время работал известный впоследствии лезгинский поэт-ашуг Сулейман Стальский. Всего на Самаркандском участке железной дороги работало 330 лезгина.

На базарах крупных среднеазиатских городов часто можно было встретить лезгин — медников и лудильщиков.

Лезгинские мастера научили бухарских литейщиков бронзы и ювелиров применять металлические формы для литья драгоценных металлов. У лезгин бухарскими мастерами было заимствовано изготовление колец с чернью.

Немало лезгин пострадало в 1918 г. от режима эмира бухарского за активные выступления на стороне младобухарцев.

Одной из ярких фигур научной общественности Туркестана, вышедшей из среды лезгинского народа, является М. Алиханов-Аварский — автор мемуаров “Поход в Хиву (кавказских отрядов) в 1873 году”. Максут Али-хан Алиханов (1846 г. р.) был направлен на службу в войска Туркестанского округа в 1873 г. Это был разносторонне образованный, одаренный представитель народов Кавказа. Помимо литературных способностей, он прекрасно владел карандашом.

В 30-х гг. XX в. в Бухаре работал один из местных старожил — заргар-миниатюрист, чеканщик Ходжиали Капаев (1877 г. р.). Мастер участвовал во Всероссийской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1923 г. в Москве.

Когда заводишь разговор о лезгинах, проживающих в республике, многим прежде всего вспоминается зажигательный танец “лезгинка”, в котором так ярко отразилась душа народа. Кстати, в Хорезме бытует легенда о связи этого танца с местным танцем “лязги”.

Л. И. Жукова

Литература

- Векслер С. М.* Очерк истории узбекской музыкальной культуры до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1965. С. 154.
История народов Узбекистана. Ташкент, 1947. Т. 2. С. 110.
Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Бухарские записи. Ташкент, 1965. С. 241.
Рустамов Б., Садовников В. Стальных путей связующая нить. Ташкент, 1998. С. 9—32.
Сухарева О. А. Бухара XIX — начала XX в. М., 1966. С. 180.
Она же. Поздефеодальный город. Бухара. Ташкент, 1962. С. 43—44.
Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988. С. 167.
-

ОСЕТИНЫ

Самоназвание — ирон, дигорон. Народ в Российской Федерации (в Северной Осетии) и Грузии (Южной Осетии). Язык — осетинский иранской группы индоевропейской семьи. Верующие — в основном православные, есть мусульмане-сунниты.

Осетины в Узбекистане: 1926 г. — 234
1979 г. — 5 081
1989 г. — 5 823

В раннее средневековье через Осетию проходил торговый путь из Средней Азии в Европу. В 567 г. по этому маршруту двигалось торгово-дипломатическое посольство тюркского кагана Истеми в Византию. На следующий год тем же путем шло византийское посольство Юстина II к тюркскому кагану. Так было положено начало периодическим связям между народами Средней Азии и Кавказа, в том числе и осетинского.

В начале XX столетия осетины, хотя и в незначительном количестве, входили в этнический состав населения Туркестана. Известно, например, что в то время в Новой Бухаре проживало 37 грузин и осетин.

Некоторая часть осетинской интеллигенции в конце 30-х гг. была выслана в республики Средней Азии. После реабилитации многие из них остались здесь на постоянное жительство.

Достаточно много осетин служило в кадровых частях Туркестанского военного округа. После демобилизации оставались в Узбекистане.

Осетин из Самарканда Машков Игорь Анатольевич в начале 1944 г. ушел на фронт, а уже 22 февраля ему было присвоено звание Героя — посмертно: погиб в одном из неравных боев.

Волна осетинских городских жителей хлынула в Узбекистан в послевоенный период, поскольку на родине еще царили голод и разруха.

В 60-80-е гг. осетинская молодежь приезжала в Ташкент, Самарканд, Бухару и др. города на учебу в специальные средние и высшие учебные заведения. Часть молодых специалистов по разным причинам оставалась в республике.

Представители осетинского этноса всегда старались селиться в городах, средний уровень грамотности был высоким. Достаточно много осетин занимали ключевые должности в государственных учреждениях Узбекистана. Небольшие колонии осетин имеются и в сельской местности (Сариасийский район и др.). Местные жители всегда уважали их за особую сдержанность.

В Республике Узбекистан и за ее пределами широко известны имена балетмейстера Хацаевой Т. В., востоковеда, автора книги “Южные диалекты пашто” Эльбруса Сатцаева и художницы Риммы Гаглоевой (родом из Южной Осетии). Талантливая осетинка закончила Ташкентский театрально-художественный институт им. Островского, отделение живописи которого имеет ее уникальные авторские работы.

Большим успехом пользуются керамические изделия искусствоведа Людмилы Кодзаевой. Известен и писатель Николай Гацулаев, уроженец г. Хивы.

Вернулись на историческую родину художник Ходжа Мурат Калогуев, профессиональный переводчик Владимир Абаев.

Л. И. Жукова

Литература

- Бабаджанова Г.* Какого цвета душа / Saida. 1999. № 3.
Звезда Востока. 1988. № 5. Об авторе повести “Пришельцы” М. Гацулаеве.
Калоев Б. А. Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1.

НЕМЦЫ

Самоназвание — *дойче*. Народ, основное население Германии. **Язык** — немецкий западногерманской подгруппы германской группы индоевропейской семьи. **Верующие** — протестанты (главным образом лютеране), реформаторы, католики, меннониты и, частично, православные.

Немцы в Узбекистане:

1926 г. —	4 646
1979 г. —	39 517
1989 г. —	39 809
2000 г. —	7 838

Прологом знакомства интеллектуалов Германии во второй половине средних веков с богатой историей среднеазиатских народов явилось создание в 1724 г. немецким композитором Георгом Генделем оперы “Темур”.

В начале 20-х гг. XIX в. Бухару посещает натуралист Э. Эверсман. Его книга “Путешествие из Оренбурга в Бухару” (1823) является одним из первоисточников по истории края. Спустя 70 лет в Бухаре побывал немецкий путешественник М. Альбрехт. В конце XIX столетия в Туркестанский край приезжал немецкий ученый-этнолог Бастиан, который передал в Берлинский музей подаренные ему в Ташкенте кувшинчики. Древние сосуды были найдены на Никифоровских землях. Немецкому гражданину Э. Кон-Винеру, пожалуй, одному из немногих иностранцев, удалось проникнуть в мае-июне 1924 г. в советский Туркестан. Его многолетний труд “Туран: исламское строительное искусство в Средней Азии” еще не стал в полной мере достоянием научной общественности стран СНГ.

На территории Узбекистана немцы появляются в основном как вторичные переселенцы с различных, прежде всего поволжских, районов России. Первой группой немцев, селившихся в крае по мере его завоевания царскими войсками в 60-х гг. XIX столетия, были преимущественно “выходцы из балтийских (остзейских) провинций” — подданные России, многочисленные военные и чиновники, начиная с Туркестанского генерал-губернатора — генерал-лейтенанта К. П. фон Кауфмана. Почти тогда же появляются и немцы — подданные германских государств. В 1869 г. в Ташкенте было три прусских подданных и один саксонский, а в 1877 г. — 17 подданных германских государств. В 1884 г. в Ташкентской лютеранской общине 73 ее члена были генералами, штабными офицерами, полковниками и высокопоставленными чиновниками. Позднее основной поток переселенцев определила колониальная политика царского правительства по заселению края. Прежде всего, это крестьяне, ремесленники, предприниматели и купцы. С 1882 г. немцы-крестьяне осваивают села: Константиновское, Степное. К 1920 г. в первом из них было 231 хозяйство (1403 чел.), а во втором — 111 (514 чел.). Селились немцы и в других поселках: Капланбек, Кауфманское, Черняевка, Солдатские выселки, Шуберт. Несколько чело-

век проживало в Бухарском эмирате. Около 150 крестьян (51 семья) осели в урочище Ак-Мечеть Хивинского ханства. Среди них немцев, подданных Германии, было незначительное число. В конце XIX в. в Туркестанском крае, Хивинском ханстве и Бухарском эмирате находилось до 3800 немцев.

В первом десятилетии XX в. миграция населения из Поволжья и центральных районов России привела к росту численности немцев в Туркестане до 8,5 тыс. чел. В июле 1914 г. в Туркестане появляются военнопленные германской и австро-венгерской армий и беженцы. В край было вывезено 148 тыс. военнопленных, 350 “гражданских пленных” и почти 70 тыс. беженцев. К 1917 г. в Туркестане осталось около 8—10 тыс. беженцев, среди которых были немцы из Волыни и Киевской губернии, 3515 немецких солдат и 60 офицеров. Они пользовались к этому времени относительной свободой: работали врачами, учителями, на предприятиях, посещали кирху, устраивали благотворительные вечера и вносили оживление в культурную жизнь немецкой диаспоры. Хотя официально Туркестан в 1922—1923 гг. был закрыт для переселения, голод в Поволжье гнал и гнал сюда новые потоки беженцев.

В самом начале 20-х гг. в Туркестанской АССР было создано Центральное немецкое бюро при Совете нацменьшинств. Уже в 1922 г. функционировало восемь немецких школ и рабочие клубы.

По плану национального размежевания территории Средней Азии (1924) большинство сельских районов — мест компактного проживания немцев в Туркестане — отошли к другим республикам. Новые мигранты оседали в городах, поселках, районах промышленных новостроек Узбекистана. В 1929 г. организуется немецкий колхоз. Хозяйство отличалось высокой урожайностью и доходностью.

При содействии Центрального немецкого бюро в 1934 г. в республике действовало 13 школ с немецким языком обучения, три рабочих клуба и три национальные библиотеки.

Еще одна волна немецких переселенцев хлынула в республику в годы коллективизации и массовых репрессий. Коснулись они и немцев, проживающих в крае. Приход к власти в Германии фашистского режима послужил основанием во второй половине 30-х гг. для частичной депортации немцев из приграничных районов в глубь страны. В 1936 г. из западных районов и Украины было выслано 15 тыс. семей немцев и поляков. По переписи 1939 г. в Узбекистане проживало около 23 тыс. немцев. Около 74% из них были городскими жителями, 71% считали родным языком — немецкий.

В связи с нападением фашистской Германии было издано правительственное распоряжение о ликвидации Автономной республики немцев Поволжья, их депортации и создании спецпоселений, мобилизации в трудармию.

В 1948 г. с территории Таджикистана, а в 1952 г. — с Урала и Казахстана в Узбекистан было переброшено несколько эшелонов с немецкими спец-

поселенцами на строительство промышленных объектов, освоение Голодной степи, разработку природных ресурсов и полезных ископаемых края.

В 1956 г. были сняты ограничения в правовом положении немцев и членов их семей, а 3 ноября 1972 г. — ограничения в выборе ими места жительства. Это вызвало значительный приток немцев в республику, прежде всего с целью восстановления семейно-родственных связей, трудовой занятости и жительства в условиях более благоприятного климата.

С конца 50-х гг. численность немцев в республике начинает возрастать, причем в Узбекистане, как и в целом по Средней Азии, был самый высокий показатель рождаемости среди немцев — 70,7% (в РСФСР он составлял 15%). С 1959 по 1970 г. немецкое население в Узбекистане увеличилось в два раза. В 80-х гг. численный прирост немцев практически прекратился.

Среди немецкого населения республики имелись представители всех социальных групп. В начале XX в. основную массу немецких переселенцев составляли крестьяне. Они занимались хлебопашеством, садоводством, огородничеством, мясо-молочным животноводством, различными ремеслами. Колонисты использовали опыт обработки почвы коренного населения, вводили в крае новые технологии сельскохозяйственного труда и новые культуры, улучшали местную породу коров, вывели знаменитую аулиеатинскую упряжную лошадь, строили паровые и ветряные мельницы, славились как искусные колбасники, маслобойщики и сыровары. Немецкие села состояли из одной очень широкой и длинной озелененной улицы. По обеим сторонам ее располагались благоустроенные усадьбы, т. н. “саксонские дома”, объединяющие под одной массивной крышей все жилые и хозяйственные постройки. Почти в каждом селении был молитвенный дом, библиотека и хорошо оборудованная школа.

В одежде колонисты придерживались привезенного из Германии костюма: у мужчин — рубашка из белого полотна с отложным воротником, черный галстук, короткий жилет с металлическими пуговицами и синий суконный кафтан, штаны, заправленные в сапоги с голенищами, на голове черная шапка. Женщины носили нижние вытканые шерстяные юбки с красными разводами, поверх — короткие синие легкие юбки и короткие синие с блестящими пуговицами душегрейки, с большим круглым вырезом. Под душегрейку одевалась белая кофта с длинными рукавами, приспособенными у кисти рук. Костюм довершали нитка бус на шее и белый фартук. Голова покрывалась чепцом. Обувь состояла из низких башмачков, надетых на белые или синие вязаные чулки. Одежда немцев-горожан соответствовала общепринятой моде.

Немецкие колонии представляли собой замкнутое экономическое и культурное пространство. Смешанные браки для них были исключением. В семье стремились сохранить элементы немецкого быта (убранство квартиры, слова нравучений или молитвы на вышитых салфетках, обилие маленьких подушечек на диванах и кроватях, высоко взбитые перины, музыкальный инструмент в доме, на котором играли в основном мужчины).

Пища немцев традиционно включала много мясных и мучных блюд: это

куриная лапша “нудель” (Nudeln), пирожки с картофелем, особой формы пончики “крепли”, рулет “штрудель” (Strudel), пирог (Kuchen), клецки. Приготовление национальных блюд было обязательным по праздникам и для обрядовых трапез.

Значительная часть немцев, преимущественно сельских жителей, были меннонитами. Они создавали с 1881 г. отдельные колонии, в которых устанавливался свой социально-экономический порядок жизни, сохранялась своя этноконфессиональная культура; строго следовали национально-религиозным традициям, были пацифистами и отказывались от военной и гражданской служб.

В дореволюционном Туркестане одним из наиболее известных немцев, внесшим вклад в изучение и развитие национальной культуры коренного населения, являлся скрипач, работавший ранее в Мариинском театре, — Август Эйхгорн. В 1884 г. по его инициативе было создано музыкальное общество. Эйхгорн проделал большую работу по записи музыки узбеков, казахов и других среднеазиатских народов.

В начале XX в. влиятельную группу среди немцев составляли лица, занимавшиеся торговлей и предпринимательством: Г. В. Дюршмидт, Л. Зальман, братья Крафт, Н. А. Гринберг, М. Р. Келлер, А. Шотт и др. Во все времена весьма заметной прослойкой среди интеллигенции края были немцы: врачи — М. Н. Бендингер, Нейфельдер, Г. Г. Феглер, К. О. Рейнгард, Х. Х. Ценнер; учителя — М. Г. Шотт, Н. Л. Пфейфер, Я. Я. Лютш, Н. Е. Бетгер; ученые — исследователь края А. К. Гейер, ботаник-селекционер Б. Ф. Мауэр, натуралисты А. Ф. Мейендорф, Регель, энтомолог Вильберг, исследователь Аральского моря Л. С. Берг, химик Тейх, астроном Ф. Шварц, физик Г. Н. Шуппе, садоводы В. Гросс и М. Баум, ориенталисты Н. Э. Вунцетель, Е. Ф. Каль, Л. Кун, А. Э. Шмидт, гидробиолог Р. А. Кейзер, гидролог В. Л. Шульц; архитекторы — В. С. Гейнцельман, М. Ф. Мауэр; библиограф — Е. К. Бетгер, художник Р. К. Зоммер; искусствовед Ф. И. Шмит, пианист П. Келлер; руководители производств — В. В. Фронгейзер, Д. П. Горн, строитель гидростанции и города Ширин С. С. Функ, ирригатор А. Реслер и др.

Первоначально весьма незначительная прослойка рабочих и служащих во второй половине XX в., в 70—80-х гг., становится основной группой среди немцев. Немцы составляли значительную часть трудовых коллективов Ташкента, Ангрена, Чирчика, Ахангарана, Бекабада, Газалкента, Мубарекских газовых промыслов, Ферганы, Джизака, Самарканда, Бухары, Навои.

В Узбекистане создалась целая плеяда известных деятелей науки и культуры немецкого происхождения: архитекторы — Лидваль Ф.И., Леннешмидт Э. Ф., Ванке Р. В., Блезе Р. В.; художник театра Визель Г. А.; доктор исторических наук — Гентшке Л. В., Гентшке Л. Л.; доктор геолого-минералогических наук Сикстель Т. А., художественный критик Мюнц М. В., археолог Вульферт Э.; биолог Гагельганс А. И.; врачи — Бендингер М. Н., Гимельфарб Г. Н.

В конце 80-х гг. началась миграция немцев из Средней Азии в Россию и Германию. Этот процесс усилился в 90-е гг. Обретение Республикой Узбеки-

стан независимости вызвало стремительный рост национального самосознания народов, стремление к сохранению системы национальных духовных ценностей, культурных традиций, к этнокультурной самоорганизации.

Н. Х. Кнауэр

Литература

- Германия. Факты. Франкфурт-на-Майне, 1998. С. 8.
- Дмитриев-Момонов А. И.* Путеводитель по Туркестану и железной дороге — Среднеазиатской и Ташкентской. СПб., 1903. С. 358.
- Из истории евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. СПб., 1996.
- История христианства в Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1988.
- Кнауэр Н. Х., Проскурин В.* Туркестанские ганзейцы // Общественное мнение. Права человека. 1999. № 1—2.
- Материалы всероссийских переписей 1920 г. Ташкент: ЦСУ, 1923. Ч. 1. Вып. 3. Л. 96—97.
- Матвеев А. М.* К вопросу о выходах из Германии в Среднюю Азию конце XIX — начале XX в. // Научные труды ТашГУ. 1970. Вып. 392. С. 61, 62, 63—65, 66—68, 76.
- Мулладжанов И.* Население Узбекской ССР. Ташкент: Узбекистан, 1989. С. 139.
- Национальный состав населения СССР. М.: Финансы и статистика. 1991. С. 100—101.
- Нурджанов К.* Восьмое чудо света. Ургенч; Хива, 1994. С. 28.
- ЦГА РУз, Ф. И-36, оп. 1, д. 497, л. 8; д. 93, л. 1.
- ЦГА РУз, Ф. 1619, оп. 1, д. 64—70.
- ЦГА РУз, Ф. И-7, оп. 1, д. 5221, л. 2С.
-

МЕННОНИТЫ В ТУРКЕСТАНЕ (XIX — НАЧАЛО XX в.)

Движение меннонитов возникло в начале 30-х гг. XVI в. в ходе реформации в Нидерландах. Во главе этого мирного направления в анабаптизме стоял бывший священник Менно Симонс (1496—1561).

Меннониты жили в конфессионально-территориальной обособленности от окружающего населения и в силу религиозных запретов не контактировали с ним (исключение — деловые отношения). Они отличались характером расселения, религиозной принадлежностью, образом жизни и особенностями этнического сознания. Подавляющее их большинство занималось земледелием, воспринимаемым как следование библейским предписаниям, религиозная обязанность. Помимо собственной трактовки христианского учения, меннониты придерживались определенных моральных принципов. Они проповедовали строгое отношение к труду, бескорыстное участие в делах общины, поддержку ближнего, обязательную грамотность, отказ от воинской повинности и государственной службы. Из-за преследований в XVI в. они были вынуждены переселиться в Северную Германию, Польшу, Пруссию. В конце XVIII в., из-за ухудшения положения в Пруссии, снова стали мигрантами.

В 1763 г. Екатерина II, занимаясь вопросом заселения окраин империи, подписала манифест, разрешающий иностранцам поселяться в тех местах на постоянное жительство. Предоставляемые при этом льготы (свобода вероисповедания, выдача земельных наделов, право самоуправления) устраивали меннонитов.

Миграции способствовало и принятие в 1874 г. Закона о всеобщей воинской повинности. И хотя они освобождались от ношения оружия и принятия присяги, но обязывались отбывать службу в пожарных и лесных командах.

В этот период среди меннонитов оформилось течение, возглавляемое К. Эппом, М. Кассеном и А. Петерсом, названное “братские меннониты”. Его приверженцы получили “откровение”, что убежищем для них должна стать Средняя Азия. Генерал-губернатор Туркестана фон Кауфман решил переселение общины в Туркестан. Меннониты несколькими партиями в 1880 и 1884 гг. направились в Сырдарьинскую область. Многие погибли, не добравшись до новых мест, небольшая часть осталась на жительство, не доехав до Ташкента. Прибывшее в Ташкент осенью 1880 г. 71 семейство меннонитов было временно расселено в пустующих лавках на ярмарочной площади. Антисанитарные условия, холод привели к массовым заболеваниям.

Администрация края была вынуждена ускорить расселение меннонитов. В марте 1881 г. им отвели 1040 десятин земли на Ур-Маральском участке Аулие-атинского уезда, и открыли кредит для выдачи 25 руб. ссуды на семью.

Меннониты образовали села Николайполь, Гогендорф (Иоганнесдорф), Орловское и др. Занимались земледелием, мясо-молочным животноводством, коневодством, сыроварением, ремеслами. Много внимания уделяли внедрению агротехнических новшеств, улучшению пород скота. Но жить продолжали замкнуто, придерживаясь своих религиозных убеждений.

Их численность пошла на подъем. В августе 1912 г. в селении Николайполь проживало уже 734 меннонита, из них 355 мужчин, Орловском — 128, из них 63 мужчины.

Но не все меннониты согласились обосноваться на выделенных землях. Летом 1881 г. 30 семей переехали из Ташкента в Самарканд с намерением двигаться дальше в Бухару, а если откажут — далее, за границу. Бухарское правительство отказало депутации, мотивируя это тем, что “у них земли мало, а в воде нуждаются сами”.

Хивинский хан, напротив, разрешил поселиться меннонитам в урочище Ак-Мечеть и на четыре года освободил их от всяких повинностей. Переселившиеся быстро освоились и занялись огородничеством и ремеслом, ткачеством, починкой сельскохозяйственного инвентаря, строительством ветряных мельниц, жилых домов, некоторые из которых сохранились и по сей день. С местным населением они жили в дружбе, освоили язык, обычаи, культуру, и почти не говорили по-русски. Хорезмийцы, со своей стороны, научились у них выращивать новые огородные культуры, в частности томаты, баклажаны. Проживая в Хивинском ханстве, члены общины

оставались гражданами России. После установления в крае Советской власти меннониты стали советскими гражданами.

Численность меннонитской общины в Ак-Мечети была относительно небольшой. Некоторые из ее членов, не выдержав трудностей местной жизни, перебрались в Канаду и США. В феврале 1899 г. в селении Ак-Мечеть проживало 140 чел. (36 семей), в декабре 1906 г. — 155, в январе 1911 г. — 137, в январе 1913 г. — 143, в 1929 г. их количество достигло 280 чел.

В советский период меннониты подвергались преследованиям на религиозной и национальной почве. Не обошли их стороной и массовые репрессии. Местные жители рассказывают, что жителей поселка Ак-Мечеть вывезли однажды ночью в неизвестном направлении.

Подвергались гонениям меннониты, проживавшие в Средней Азии, и во время второй мировой войны, так как государственные структуры считали их немцами. Их брали на учет как спецпереселенцев, направляли в трудармии. Восстановление меннонитов в гражданских правах произошло лишь в 50-е гг. XX в.

Вопрос об этнической принадлежности меннонитов остается спорным. Ряд исследователей считает их голландцами, часть — немцами. Однако нам ближе мнение, что это этноконфессиональная общность, у которой родная земля — это территория расселения общины, а ее члены — “богоизбранная” общность людей. В пользу этого говорит и то, что не только адепты этого вероучения в официальных документах в графе “национальность” вписывают себя “меннонитами”, этот термин используют даже неверующие выходцы из этой среды.

В. Л. Гентике

Литература

Ипатов А. Н. Кто такие меннониты? Алма-Ата, 1977.

Он же. Меннониты. М., 1978.

Кнауэр Н., Проскурин В. Туркестанские ганзейцы // Общественное мнение. Права человека. 1999. № 1—2 (5—6).

Нурджанов К. Восьмое чудо света: Страницы истории Хорезма. Ургенч; Хива, 1994. Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. П. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1913. Т. 19.

Соколовский С. В. Меннониты в США (Происхождение и эволюция этноконфессиональной общности) // Религии мира. М., 1987.

ЦГА РУз, Ф.И-1, оп. 1, д. 1987, л. 2, 23—25; оп. 11, д. 1479, л. 2, 3, 22—25;

ЦГА РУз, Ф.И-17, оп. 1, д. 16981, л. 29; д. 3103, л. 103.

ЦГА РУз, Ф.И-36, оп. 1, д. 1778, л. 6, 9, 10, 27.

ЦГА РУз, Ф.И-125, оп. 1, д. 252, л. 2—6, 13 об., 15—19, 25—28.

МЕННОНИТЫ В ХОРЕЗМЕ

Немцы-меннониты осели в Хивинском ханстве в селении Ак-Мечеть в 1884 г. Согласно хозяйственному оформлению колонии, в 1904 г. в крае насчитывалось около 30 меннонитских семей, имевших подданство Хивинского ханства. В том же году колония пополнилась новой группой переселенцев из местности Клаузан в составе 24 семей. Позднее, за счет прибывших единоверцев из Киргизии, Поволжья и Украины, колония выросла до 62 хозяйств и освоила земельную площадь в 60 га. Любопытно, что при характеристике немецких селений в Киргизии в начале XX в. также упоминается селение “Хивинское”, которое, вероятно, было образовано немцами-меннонитами, переехавшими из Хивинского ханства.

В социальном плане колонисты разделялись на зажиточных и бедноту. Первые занимались кустарно-промысловой деятельностью и торговлей, остальные земледелием. Обработка земли производилась исключительно вручную.

Немцы-колонисты из Ак-Мечети принимали участие в отделочных работах дворца Нуруллы-бая в Хиве и Кубла-тоза-бага — летней резиденции Мадраим-хана II, расположенной в окрестностях древнего города.

Дворцовые залы обоих памятников архитектуры были выполнены в европейском стиле “модерн”. Руками первоклассных немецких мастеров изготовлены оконные рамы и паркет. В одном из залов дачного комплекса до сих пор сохранился уникальный расписной плафон, на котором нарисован пейзаж, навеянный воспоминаниями о далекой родине — зеленых берегах Волги.

Отношение коренного населения к прибывшим, несмотря на разность исповедуемых религий, было доброжелательным. Необходимо отметить, что вообще в Казахстане и Средней Азии к немцам в дореволюционный период относились более чем лояльно. Во время народных восстаний в Таласе и других пунктах немецкие колонисты никак не пострадали.

С приходом Советской власти акмечетинские меннониты продолжали держаться обособлено, не сливаясь ни с местным, ни с русскоязычным населением. Необходимо отметить, что меннониты трудно уживались и со своими соотечественниками-лютеранами. Об этом свидетельствуют документы Аулие-атинского уезда Сырдарьинской области за 1901 г.

В 1934 г. колония меннонитов состояла из 52 семей. Как и другие немецкие хозяйства в Среднеазиатском регионе, меннониты отличались своей зажиточностью, чистотой и пристрастием к порядку. В их распоряжении оставались все те же 60 га культурной земли, из коей 58% под нажимом районных властей использовались под посевы хлопка. План ежегодно перевыполнялся. Сбор урожая с одного гектара составлял 1000 кг, при общей урожайности у местного населения с одного гектара — 600 кг.

Немецкие колонисты обычно не участвовали в трудовой повинности, а использовали для этих целей наемных рабочих из числа коренного населения. Основной доход немцы получали от животноводства. Фермерские

хозяйства имели племенной скот. В качестве тягловой силы были лошади и ослы. Каждое личное хозяйство стремилось организовать свою молочную ферму. Другим значительным источником существования колонии являлось кустарное производство (кузнечное, столярное и т.д.). В долгие зимние вечера немки вязали вещи не только для членов своей семьи, но и на продажу. Этнографы упоминают о наличии в женском костюме узбеков Хорезма на данный период вязаных полосатых чулок работы “немцев-меннонитов, живших в селении Акдербент около г. Хивы”.

До 1928 г. для урегулирования всех проблем с канцелярией Хивинского хана, а затем с органами Советской власти Хорезмского округа, немецкой общиной избирался староста колонии, несмотря на требования районных властей избирать председателя совета. Никто и никогда из членов колонии не участвовал в работе съездов Советов, выполняя в этом отношении “волю общины”. На сходках общины женщины участия не принимали и права голоса не имели. Для сношения с представителями власти были выделены два уполномоченных по хлопковым и торговым делам.

Школа общины содержалась на средства колонии. В воскресные дни она выполняла функции молельного дома. От средств государственного бюджета принципиально отказывались. Учителю выплачивалась зарплата в сумме 180 руб. в месяц. Кроме того, предоставлялась бесплатная квартира.

Воспитание детей велось исключительно по классическому немецкому образцу. Меннониты категорически отказались учиться по учебникам советского типа. Решительно отвергалось и какое-либо вмешательство в учебный процесс районного отдела народного образования. Закон Божий преподавался шесть раз в неделю. Учителя, с согласия родителей, наказывали учеников ремнем и линейкой.

Несмотря на строгую изолированность, членам общины меннонитов все-таки не удалось избежать метизации, хотя и слабой. По сообщению А. Абдурасулева, один молодой хорезмиец, работавший по найму в немецкой колонии, влюбился в девушку-немку. Молодые поженились, но их отделили от общины. Из источников, выявленных Н. Х. Кнауэр, известно, что еще в 1920-х гг. для семей отделившихся акмечетинских немецких колонистов был построен поселок Хивинский.

Меннонитская община, несмотря на настойчивое требование органов местной власти вступить в колхоз, отказывалась это делать. Когда требования стали уже совсем категоричными, община перебралась в Вахшскую долину (Таджикистан). Меннониты — выходцы из Хивы и их потомки и в настоящее время проживают на таджикской земле. Об истории их жизни за прошедшие 60 лет рассказали директору музея-заповедника Ичанкала Абдулле Абдурасулеву внуки и правнуки первых поселенцев, посетившие места проживания своих предков в Хорезме несколько лет тому назад. Возможно, посещение ими родных могил было связано с отъездом на этническую родину.

По устному сообщению доктора архитектуры П. Ш. Захидова, в начале 1980-х гг. в Хиве он познакомился с немцами, ассимилировавшимися с коренным населением Хорезма. Внешне они обладали чертами немецкого

этноса, но имели популярные в крае имена (Матчан, Ишан) и свободно изъяснялись на узбекском языке.

По мнению Г. К. Кронгардта и других ученых, занимающихся “немцеведением” в Средней Азии, “несмотря на сектантскую замкнутость меннонитов, кое-что, и немало, у них перенималось соседним населением”.

Л. И. Жукова

Литература

- Маньковская Л. Ю.* Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978. С. 97.
 Письмо Председателю Хорезмского окружного исполкома Т. Хасанову от нач. Хорезм. окр. отд. НКВД Порецкого. Архив Государственного исторического музея г. Хивы.
Сазонова М. В. Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Средней Азии Казахстана. М., 1989. С. 104.
 Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Ташкент, 1901. Т. 9.

НОГАЙЦЫ

Самоназвание — **ногай**. **Народ в Российской Федерации**, главным образом в Ставропольском крае, Дагестане, а также в Карачаево-Черкессии, Чечне и Ингушетии. **Язык** — **ногайский кипчакской подгруппы тюркской группы алтайской семьи**. **Верующие** — **мусульмане-сунниты**.

Ногайцы в Узбекистане: **1926 г. — 16**
 1979 г. — 99
 1989 г. — 91

Впервые ногайцы упоминаются в русских источниках в 1479 г. Происхождение этнонима “ногай” связано с именем Ногай (Нугай) — правителя западного улуса Золотой Орды (вторая половина XIII в.), внука Джучи.

По ногайским источникам, предками ногайцев являлись кипчаки, а также пришедшие из Центральной Азии мангиты и найманы, которые в XIV в. образовали государство — Мангитский Юрт (позднее — Ногайская Орда).

В 1520-х гг. мангитские мурзы овладели всеми илями (кочевьями), оттеснив от власти иноплеменную знать. Термин “мангит” стал употребляться как синоним слова “ногай”.

Государственное единство, общая идеология (ислам) способствовали формированию надплеменного этнического самосознания ногайцев. Ногайская Орда, или Улус-Нугай, занимает в XVI в. территорию от Волги — на западе до Иртыша — на востоке и от Камы — на севере до Сырдарьи — на юге. Центром был город Сарайчик. В Ногайской Орде проживало около 120 племен (илей), наиболее многочисленные среди них — бодрак, кангли, кипчак,

китай, мангит, мин, найман и уйшун. Верховная власть в Ногайской Орде принадлежала бию, обычно потомку Едигея. Основное занятие — кочевое скотоводство, в местах зимовья практиковалось примитивное земледелие.

Между ногайскими кочевыми племенами и народами Средней Азии было немало контактов, особенно с Хивинским ханством, которые нашли отражение в их материальной культуре, в некоторых ремеслах (производство сукна и др.), в отделке одежды и др.

Ногайцы играли определенную роль на северной торговой трассе из Средней Азии в Восточную Европу через Каракалпакию и Северный Казахстан. Здесь сохранились ногайские караван-сарай, крепости и мазары.

После распада Ногайской Орды отдельные группы ногайцев переселились на территорию Казахстана, Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Причерноморья. Часть влилась в состав казахов, каракалпаков, башкир, крымских и поволжско-уральских татар, другая — сохранила свой этноним и составила основу современного ногайского народа. Этнонимом “ногайцы” некоторые тюркские народы (казахи, узбеки, каракалпаки и др.) называют также поволжско-уральских татар.

В XX в. господствующей формой семьи у ногайцев стала малая семья. Большая патриархальная семья как основная ячейка родового общества в основном распалась в XIX в. Большинство ногайцев в прошлом имели четкое представление о происхождении своих родов и племен. В памяти старшего поколения до сих пор хранятся такие названия родоплеменных групп, как “кыпшак”, “мынг”, “конграт”, “мангит”, “кенегес”, “канглы”, “найман”, “уйгыр”, “ыргаклы”, “ас”, “уйсын” и др. Эти группы сохранили некоторые архаические черты, в том числе и экзогамию. Каждая из родоплеменных групп сохранила и свою тамгу.

У ногайцев самым распространенным был брак по стовору родителей, желавших породниться между собой. Браки через насильственное умыкание или тайный увод — довольно редкое явление.

Непременным условием заключения брака у ногайцев была уплата калыма, который рассматривался как компенсация за рабочие руки, потерянные для хозяйства родителями невесты. Родители невесты готовили дочери приданое — “сеп”, “муълх”, исходя из своего имущественного состояния.

Рождение ребенка воспринимали как радостное событие в жизни не только семьи, но и всех родственников. Многодетность рассматривалась как признак семейного благополучия и счастья. Детей ногайцы воспитывали в строгости и беспрекословном послушании, в уважении к старшим.

Похоронный обряд у ногайцев аналогичен обрядам других народов, исповедующих ислам.

Как видно, быт ногайцев имел много общего с семейно-бытовым укладом других тюркоязычных народов (каракалпаки, узбеки, казахи, туркмены, татары и др.), с которыми их объединяли как этнические связи, так и вековые контакты, нередко в рамках одних и тех же племенных и государственных образований.

В конце XX столетия представители ногайского этноса проживали в

Бухаре, Коканде и др. В настоящее время несколько ногайских семей проживают в Ташкенте и Ташкентской области.

Р. Н. Шигабдинов, Л. И. Жукова

Литература

Гаушаева С. Г. Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX — начала XX вв. М.: Наука, 1979.

История народов Узбекистана. Ташкент, 1947. Т. 2. С. 70, 110.

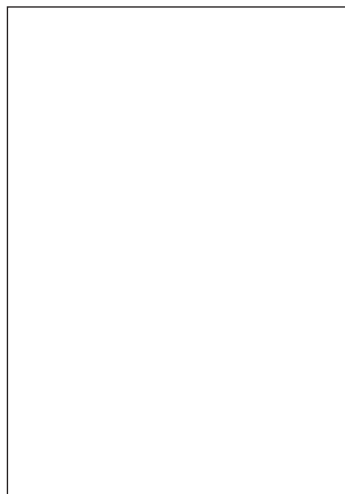
Першиц А. И. Кочевники в мировой истории // Восток. 1998. № 2. С. 128—129.

На долю ногайца Хасана-Наво Алиакберова (род. в 60-е гг. XIX в. — ум. 1965) выпала долгая и богатая событиями жизнь. Сначала жил в России. Совсем молодым по заданию царя перегнал в Хиву 360 лошадей. Но при расчете обманули. Долгое время кое-как перебивался в Ургенче. Потом его взяли под опеку купцы. Работал на местных заводах: хлопкоочистительном и маслобойном. Подвязался продавать товары местных предприимчивых иранцев и продукцию иностранных фирм (швейные машины “Зингер” и др.). Во время революции перешел на сторону красных.

Его сын — Абдулла Алиакберов (род. 1912) — стал одним из представителей советской хорезмской интеллигенции. Собрал большую библиотеку, коллекцию изделий декоративно-прикладного искусства. Являлся руководителем краеведческого кружка в хивинском Доме пионеров. Много сил и энергии отдал делу сохранения культурного наследия края.

Все его четверо детей стали педагогами. Дочь Аклия Алиакберова, выпускница кафедры археологии Ташкентского университета, работала в Музее искусств Каракалпакстана, затем в Институте реставрации в Ташкенте. Последние годы преподавала в Театральном институте им. М. Уйгура. Вышла замуж за ногайского художника из Махачкалы. Единственную дочь назвали Айбике.

Аклия Алиакберова.

Из архива Г. Бабаджановой

Л. И. Жукова

НОРВЕЖЦЫ

Самоназвание — нордмен. **Народ**, основное население Норвегии. **Язык** — норвежский скандинавской подгруппы германской группы индоевропейской семьи. **Верующие** — в основном лютеране, есть католики.

В русском Туркестане в конце XIX — начале XX в. насчитывалось не более 15—20 норвежцев. Среди скандинавов имелись рабочие, ремесленники, предприниматели, люди интеллектуального труда, а также несколько чиновников. Все они покинули Среднюю Азию после событий 1917 г.

В настоящее время в Узбекистане проживает несколько семей (например, семья Гаузенев в Ташкенте и др.), отцы и деды которых — выходцы из балтийских провинций и скандинавских стран, но восстановить документы по архивным данным пока не удается.

Л. И. Жукова

Литература

Матвеев А. М. Участие зарубежных выходцев в общественно-политической жизни Туркестана в марте—сентябре 1917 г. // Научные труды ТашГУ. 1975. Вып. 473.

ПОЛЯКИ

Самоназвание — поляки. **Народ**, основное население Польши. **Язык** — польский западной подгруппы славянской группы индоевропейской семьи. **Верующие** — в основном католики, есть протестанты.

Поляки в Узбекистане:

1926 г.	—	3 411
1979 г.	—	3 654
1989 г.	—	3 007

Первое появление поляков в Средней Азии датировано, по крайней мере, XIII в., когда вроцлавский монах Поляк по делам Ватикана проезжал по долине Сырдарьи от Аральского моря до озера Балхаш в Казахстане. Он оставил скудные исторические сведения о народах этого региона.

Формирование польской диаспоры в Туркестане началось в середине XIX в. в ходе завоевания края Российской империей, включавшей в то время и часть территории современной Польши. Сначала в регионе появились единичные представители: в Ташкенте, административной столице Туркестанского генерал-губернаторства, в 1871 г. проживало всего 18 поляков.

К концу века, по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.), лица, назвавшие польский язык родным, составляли: в Закаспийской области — 1,0% от общего числа жителей области,

Сырдарьинской — 0,19%, в Самаркандской — 0,17%, Ферганской — 0,10%. Лидирующим был Ташкентский уезд — 2 214 поляка (2 080 мужчин, 134 женщины). В Ташкенте — самая крупная часть диаспоры: 2 206 чел. (2 074 мужчины, 132 женщины). В сельской местности Ташкентского уезда проживало шесть мужчин польской национальности и две женщины. На остальной территории области их насчитывалось всего 611. Образ жизни и положение их не отличались от русских.

В основном поляки проживали в городах и военных поселениях. Преобладание мужчин объясняется тем, что формирование диаспоры на первых порах шло за счет лиц, служивших в армии, частью в железнодорожных батальонах, и оставшихся здесь на постоянное проживание чиновников, ссыльных и самостоятельных переселенцев, устремившихся сюда в поисках работы — учителей, врачей, юристов, ремесленников.

Ко второму десятилетию XX в. в Туркестане (включая Бухарский эмират и Хивинское ханство), насчитывалось уже 9—10 тыс. поляков.

В первую мировую войну в Туркестан с сентября 1914 г. стали поступать военнопленные из австро-венгерской и германской армий и так называемые гражданские пленные, а с июля 1915 г. — беженцы с польских территорий империи, захваченных в ходе военных действий, среди которых находилось от 8 до 10 тыс. поляков и евреев, эвакуированных из Польши.

Беженцы обычно селились колониями. В Ташкенте польское население компактно проживало на улицах Дачной (в марте 1916 г. — 500 чел.) и Долинского (до 100 чел.). Кроме того, в разных частях города проживало еще до 60 семейств. В городе имелись специальные приюты для детей польских беженцев, где их было до 50 чел. В Ташкентском уезде поляков размещали в русских селениях.

Помощь польским беженцам и военнопленным оказывали благотворительные общества, землячества. Среди них — “Общество вспомоществования бедным семействам поляков, участвующих в войне, и беднейшему польскому населению, пострадавшему от военных действий”. Его отделения работали в Ташкенте, Коканде, Самарканде.

Таким образом, число поляков в крае увеличилось. По статистическим данным, в 1915 г. проживало поляков и литовцев: в Самарканде — 1 866, в Каттакургане — 15, в Джизаке — 16. Достаточно крупные польские колонии сложились в это время в Ташкенте, Самарканде, Фергане, Коканде, Андижане, несколько меньшая — в Бухаре. Рекрутировались поляки и в ряды царской армии.

После событий 1917 г. часть поляков, в прошлом австрийских подданных, приняла российское гражданство.

По переписи населения 1920 г., в Самаркандской области (охват переписью до 85% территории) проживало: в городах — 720 поляков (401 мужчина и 319 женщин), в сельской местности — 55 поляков (32 мужчины и 23 женщины); в Сырдарьинской области (не описаны 4 волости) проживало 3 113 поляков (1 777 мужчин и 1 336 женщин), в городах — 2 501 чел.; в Ташкенте было зарегистрировано более 2 тыс. поляков.

Пополнение польской диаспоры в крае было связано с трагическими

событиями конца 30-х гг. В момент включения Западной Украины и Западной Белоруссии (1939 г.) в состав Союза его гражданами стали и поляки, проживавшие на данной территории. В предвоенный период началась депортация так называемых неблагонадежных и классово враждебных лиц. Позднее депортировали шахтеров из Верхней и Опольской Силезии и лиц, служивших в Армии Крайовой. Среди этих групп польских граждан этнические поляки составляли около 40%.

После нападения фашистской Германии на СССР и установления дипломатических отношений с польским правительством, находящимся в Лондоне, изменилось к лучшему положение польских граждан, находящихся в стране. Уже в августе 1941 г. была объявлена амнистия, большую их часть выпустили на свободу.

В Узбекистане было размещено 35 тыс. поляков, в основном из Пермской области и Марийской АССР. В 1943 г. были открыты польские школы. На территории Узбекистана шло формирование польской армии генерала В. Андерса, насчитывающей к 25 октября 1941 г. около 42 тыс. чел. Из-за разногласий с правительством армия в 1943 г. покинула страну, выведя 75 тыс. военных и около 37 тыс. членов их семей. Это ухудшило советско-польские отношения, что незамедлительно отразилось на оставшихся в стране поляках. Вопреки их воле, они были объявлены советскими гражданами, а возмущавшихся подвергли репрессиям.

В 1944—1945 гг. был осуществлен массовый вывоз польского населения из Узбекистана. В итоге, на 1 декабря 1945 г. здесь осталось 27 849 чел. польского населения. Среди них лишь около 10% составляли этнические поляки.

Поляки, проживавшие в Туркестане, в абсолютном большинстве исповедовали католицизм. С отправлением обрядов имелись трудности, поскольку до начала XX в. здесь не было католических храмов. Богослужения проводили священники, командированные из других областей империи. В результате многие дети-католики некоторое время оставались некрещеными, а браки — не освященными церковью. Для исправления ситуации на добровольные пожертвования был построен костел в Самарканде, начал возводиться храм в Ташкенте. Строительство его прервали события 1917 г. Через несколько лет оно возобновилось и продолжалось вплоть до 1940 г. Но даже при недостроенном костеле здесь в 20-е гг. читались лекции на польском языке, была открыта школа для детей и курсы для взрослых.

Специфической сферы приложения труда поляков не выявлено. Являясь в основном городскими жителями, они работали на предприятиях, учреждениях и т. д. Польское население края в своем большинстве не сохранило родной язык, пользуясь русским.

Среди известных представителей польского народа выделяются: коллекционер С. Н. Борщевский и капитан В. Г. Бжезицкий, этнограф А. Н. Писарчик, комиссар Туркеспублики времен гражданской войны В. Д. Фигельский, интересовавшиеся историей и искусством края.

Большую роль в становлении здравоохранения края сыграл врач-невропатолог Мстислав Маркович Федорович. В 1910 г. он начал работать, а уже в 1918 г. создал городскую физиотерапевтическую клинику. Сегодня

Республиканская физиотерапевтическая больница-лечебница носит его имя.

В военные годы в Ташкенте жил и работал польский художник, философ, мемуарист, офицер, подвергнутый репрессиям, Юзеф Чапский — большой друг Анны Ахматовой.

Николай Леопольдович Корженевский (1879—1958) — известный гляциолог и физико-географ. В течение десятилетий руководил кафедрой географии в Ташкентском университете. Составил каталог ледников Средней Азии, изучил свыше 70 ледников и ряд горных вершин Памира и Тянь-Шаня.

После распада СССР и образования новых независимых государств миграционные процессы затронули и представителей польской диаспоры. Начался отъезд, особенно из небольших городов, как в Россию, так и на историческую родину.

В. Л. Гентшке

Литература

Амитин-Шапиро З. Л., Юабов И. М. Национальные меньшинства Узбекистана. Ташкент, 1935.

Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Изд-во им. Абу Али Ибн Сино, 1998.

Гитлина Г. Прекрасное пробуждает добро // Вечерний Ташкент. 1999. 10 февраля. История Польши. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 3.

Масальский В. И. Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. П. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1913. Т. 19.

Матвеев А. М. Зарубежные выходцы в Туркестане на пути к Великому Октябрю (1914 — октябрь 1917 г.). Ташкент: Фан, 1977.

Материалы всероссийских переписей 1920 г. Ташкент, 1923; Ч. 1. Вып. 3. Поселенные итоги Сырдарьинской области; Ч. 1. Вып. 5. Поселенные итоги Самаркандской области. Ташкент, 1924.

Межеричкий В. Сбудутся ли надежды? // Правда Востока. 1991. 8 января.

Орлова Е. Будни и праздники “Полонии” // Вечерний Ташкент. 1997. 8 сентября.

Парсаданова В. С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 26—44.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Сырдарьинская область. СПб., 1905. Т. 86.

Пиримкулов Ш. Д. Польские школы и детские учреждения в СССР (1941—1946 гг.). Ташкент: Фан, 1990.

Поплавский В. Мы — узбекистанские поляки. // Ташкентская правда. 1999. 8 декабря.

Спиридонова А. Л., Заславский В. Б. Католики в Туркестане (конец XIX — начало XX в.) // К истории христианства в Средней Азии (XIX—XX вв.). Ташкент: Узбекистон. 1998. С. 213—224.

Яковлева Е. Д. Из опыта работы польского комитета “Полония” // Культура межнациональных отношений в независимом Узбекистане. Материалы республиканской научно-практической конференции 10—11 марта 1995 г. Ташкент: Мехнат, 1995. С. 97—98.

Мой дед — поляк Франц Михайлович Конаржевский, родился в 1830 г. в Польше. В конце 1876 г. в чине полковника прибыл в Туркестанский округ. Вскоре вышел в отставку. Обилие солнечного тепла и доброжелательность местного населения не оставили деда равнодушным и он решил остаться в этом крае.

Деду моему было уже за 50 лет, когда он надумал обзавестись семьей. Женился на Софье Антоновне Трейсек-Дешерт 35-ти лет. Обвенчались в Одессе, по месту жительства невесты.

В Самарканде родился их первенец — дочь Романа. Затем решили взять на воспитание детей-сирот. Приемную дочь звали Владислава, а сына — Гриша.

По характеру Франц Михайлович был добрым и отзывчивым человеком. В Самарканде принимал активное участие в деятельности Дома народного собрания. Внес значительные средства на строительство костела.

В 1890 г. надумал посетить Польшу, но в дороге неожиданно скончался. Младшей дочери Анелии тогда было всего два месяца.

В 1911 г. Анелия (моя мама) вышла замуж в Самарканде за немца Китлера Владимира Андреевича. Его семья была многодетной. Среди родственников были и ученые, и врачи, и художники, и музыканты. Отец избрал профессию связиста, и в дальнейшем работал над усовершенствованием телеграфной связи в Самарканде.

В нашей семье было три мальчика и одна девочка — это я.

События октября 1917 г. застали нашу семью в Тамбове и задержали там почти на четыре года. В 1921 г. мы вернулись в Самарканд. Квартира была уже занята, большинство знакомых уехало — все это было печально. Хорошо помню круг друзей моих родителей: Веденские, Коницкие, Славгородские, Нелли, Корчиц, Мор, Шмидт, Крымские, Кастальские, Розенберг, Бадзян, Дьякович, Бжезинские, Эрвальд, Малиновские, Благовещенские, Вильчан, Вельцин, Гамлина, Калиновские и др.

В 1925 г. умерла наша бабушка Софья Антоновна. Мы стали жить замкнуто. Дома нас предупредили, чтобы забыли об иностранных друзьях. Должны были скрывать, что родители владели (в разной степени) польским, немецким, французским, итальянским, английским и греческим языками. Но переписку с польскими родственниками вели вплоть до 1930 г.

В начале 30-х гг. все мы окончили школу, отработали на трудовом фронте и заслужили поступление в институты. Профессию избирали каждый по своему желанию.

В 1932 г. мой средний брат Герман по окончании Гидромелиоративного техникума был командирован на южную границу. Там был зверски убит афганскими наемниками.

После всех событий, казалось, все рухнуло, потемнело и кончилась радостная жизнь.

Братья Анатолий и Вячеслав, окончив институт, переехали на жительство в Ташкент. Мама продолжала преподавать иностранный язык в институте и в школе. Я заканчивала геологический факультет университета.

В городе прошел тревожный слух о начавшихся репрессиях. Вскоре арестовали папу. Осудили на десять лет по политической статье, конфисковали имущество. Маму отстранили от работы.

Когда разразилась вторая мировая война, старшего брата Анатолия отправили на фронт, а младшего, Вячеслава, находившегося в этот момент с семьей на строительстве гидротехнических сооружений в Бухарской области, — на трудфронт в Челябинск.

К тому времени я уже закончила университет, но по распределению на Дальний Восток не поехала. Работу по специальности в Самарканде не нашла, и выступала в концертах в домах культуры, поскольку все эти годы занималась вокалом. В музыкальном кругу познакомилась с певцом, за которого впоследствии и вышла замуж.

В какой-то мере нужда заставила меня согласиться на скорый брак с мужчиной старше меня на десять лет. Подали заявление в ЗАГС. После тайного венчания на следующее утро должны были официально зарегистрироваться. Но судьба распорядилась иначе. Ночью посыльный вручил моему нареченному повестку: “Немедленно явиться на вокзал для отправки на фронт”.

А через некоторое время и нам объявили о высылке. На сборы дали 12 часов. Мне было 24 года. На себе несла племянника за спиной, одной рукой поддерживала больную маму.

Некоторое время мы скитались по кишлакам Самаркандской области. Маме даже удалось устроиться учительницей немецкого языка в сельской школе. Через год с лишним устроилась в райздрав санитаркой по борьбе с тифозными очагами. Затем перевели работать в больницу, где главным врачом больницы был немец Митлер Герман Оттович, уволенный из Военной медицинской академии. Благодаря ему, ликвидировали эпидемию сыпного тифа в регионе в короткий срок.

Один хороший знакомый помог мне устроиться откатчицей в горный цех на ближайшем вольфрамовом руднике. О том, что я по профессии геолог, никто не знал. Я пыталась применять свои знания

Фотография
удалена в целях
облегчения интернет-
версии

Франц Михайлович и Софья
Антоновна Конаржевские,
1880 г.

Из семейного альбома

по поиску минерализованных точек, но спецчасть остановила мои действия. Позже меня приняли в разведочный отряд Узбекского геологического управления.

Друзья посоветовали поменять паспорт на фамилию моего мужа — Голынец, и я вскоре получила такое временное удостоверение. К концу войны я работала в должности главного геолога рудника.

Вскоре вернулся с фронта муж Алексей. Он рассказывал, что дважды побывал в штрафной роте, был ранен. Решила взять отпуск, чтобы побыть с ним подольше. Он настоял сначала зарегистрировать наш брак в сельсовете, потом отправились отдыхать в Самарканд.

По возвращении на рудник хотела где-то пристроить Алексея, но он отказался. Возвращаться в Самарканд всей семьей было невозможно, поэтому решили Алексея отправить в город одного. От мужа потом пришло два письма, в одном из них зашифрованное сообщение, что он бежал за границу — это меня потрясло!

Родившегося сына назвали Андреем, как этого хотел Алексей. После родов я долго болела.

А в это время на руднике сгущались тучи: бродили слухи, что мой муж — изменник Родины. Один из друзей, жених моей подруги, предложил выдать себя за отца ребенка, и тем самым оградить от опасности. Комендант тоже решил помочь — ликвидировал акт регистрации и другие компрометирующие бумаги.

Сыну было три года, когда получили разрешение выбрать город для жительства. Что тут думать? Конечно, Самарканд, хотя с ним связано много тяжелых воспоминаний, но здесь могилы родных и близких. Начинали с нуля — не было ни квартиры и ни вещей.

Когда в Самарканде открылась геологическая экспедиция по изысканию и разведке полезных ископаемых, меня аттестовали старшим лейтенантом геологической службы. Но по-прежнему продолжала раз в месяц отмечаться в МВД.

Когда получили самаркандскую прописку, нас разыскали братья. Вячеслав устроился в Самарканде. Анатолий жил с семьей в Воркуте. Его дочь Оленьку я взяла к себе в семью, считаю ее своей дочерью.

Долгое время мы с Вячеславом занимались вопросом реабилитации нашего отца, но все безуспешно. Смогли лишь посетить место захоронения под городом Каганом, где были лагеря ссыльных. Постояли с печальными мыслями над братской могилой, возложили цветы и с горечью в душе покинули эти места.

Брат Вячеслав работал главным инженером Узводхоза, затем стал преподавать гидротехническое строительство. Уговорил меня окончить курсы технического черчения и преподавать с ним в одном учебном заведении.

Вначале мы снимали комнату. Но однажды хозяин дома предложил на свободной части двора построить домик из трех комнат. В это время мне выслали полный денежный расчет из геологического управления, и мечта стала явью.

В эти годы я уже преподавала в техникуме и почасовиком — в школе, где учились Андрияша и Оля — удобно было их контролировать. Старший брат помог купить пианино, и дети с удовольствием занимались музыкой. По окончании восьмилетки и музыкальной школы поступили в музыкальное училище: Андрияша — по классу скрипки, Оленька — на теоретическое отделение.

После окончания музыкального училища Андрияша и Оля продолжили учебу в Ташкентской консерватории. Работали в музыкальном училище в Самарканде. А я, приехав в Ташкент на курсы повышения квалификации, так здесь и осталась.

Сын женился, появились дети. Внук Саша окончил авиационное училище, но трагически погиб. Внучка Юля после окончания музыкального училища поступила в Краковскую музыкальную академию, где сейчас и учится.

Дочь Оля тоже замужем, ее дочь окончила музыкальную школу и также уехала учиться в Польшу. Младшая ее дочь Наталия закончила музыкальную школу и художественное училище в Самарканде. Дважды устраивала выставку своих картин. Их младший брат Алеша еще учится в школе, изучает польский язык. На каникулах отдыхал в Польше, в лагере. Сама Оля много внимания уделяет работе: преподает теорию музыки в музыкальном училище. Сопровождает игрой на органе мессы в костеле. Руководит обществом поляков “Полония”.

Мой сын Андрей Конаржевский долгое время преподавал по классу скрипки в музыкальном училище и музыкальной школе им. Глиэра. Создал оркестр струнных инструментов, позднее — камерный городской оркестр для детей под названием “Юные дарования Узбекистана”. Ездил по творческой линии в Германию и Польшу. Награжден почетным званием “Заслуженный деятель культуры Узбекистана”. Директором-администратором в оркестре работает его жена Лариса Конаржевская.

Мне уже 85 лет. С тех пор, как открылся католический приход в Ташкенте, стала часто посещать мессы. Вместе с другими прихожанами помогала благоустроить помещения костела и в этом находила утешение.

Мечтаю дожить до завершения реконструкции величественного Ташкентского костела. Но родным для меня остается небольшой костел в Самарканде — здесь состоялось мое первое причастие.

*Записала Л. И. Жукова
со слов Ю. Голынец (Конаржевской)*

РУМЫНЫ

Самоназвание — ромынь от лат. “романус” — “римлянин”. Народ, основное население Румынии. **Язык** — румынский восточной подгруппы романской группы индоевропейской семьи. **Верующие** — в основном православные, есть протестанты, католики.

Румыны в Узбекистане: 1926 г. — 116
 1979 г. — 131
 1989 г. — 158

К началу прошлого века в Средней Азии проживало несколько десятков румын (мужчин). Это были в основном ремесленники, музыканты и сельские батраки.

В годы первой мировой войны в качестве военнопленных их прибыло в Туркестанский край более тысячи.

Жесткий лагерный режим для них был значительно смягчен лишь весной 1917 г. Образование попечительского совета для пленных эльзас-лотарингцев, итальянцев и румын в какой-то степени скрасило их тяжелую подневольную жизнь. Все мечтали о возвращении на родину. Когда в 1917 г. под нажимом местных властей создавалось национальное румынс-

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Румынская музыкальная труппа в Ташкенте, 1915—1917 гг.
В первом ряду справа — Григорий Маринеску.

Из семейного альбома

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Представители румынской диаспоры в Ташкенте, 1927 г.
Первый в верхнем ряду слева — Г. С. Маринеску.

Из семейного альбома

кое воинское формирование, в него записалось всего 100 трансильванских солдат и 24 офицера.

В Союз иностранных подданных (1918) входило 395 румын.

После того как было разрешено бывшим военнопленным выехать на родину, небольшая группа румын все же осталась в Туркестане. Некоторые из них воевали на фронтах гражданской войны.

В годы второй мировой войны в Узбекистане при разных обстоятельствах осели на временное и постоянное жительство еще несколько человек румынской национальности. Так, известный впоследствии румынский публицист и писатель Харламб Зинке подростком был эвакуирован в Самаркандскую область. Его приютила узбекская семья, потом он сражался на фронте, а после окончания войны уехал на родину, но не забыл своего названного отца Абдурасула Джураева.

В 60-е гг. на сцене Большого театра им. А. Навои выступал артист балета румынского происхождения Тодор Папеску.

В настоящее время в Узбекистане проживает несколько семей потомков румын, например, семьи известного хирурга Евгения Кипеля, скрипачей Маринеску и др., поддерживающие связи с местными молдаванами.

Л. И. Жукова

Литература

Матвеев А. М. Участие зарубежных выходцев в общественно-политической жизни Туркестана в марте—сентябре 1917 года // Научные труды ТашГУ. 1975. Вып. 473.
Марьяновский Г. Книга судеб. Ташкент, 1978.

РУССКИЕ

Самоназвание — русские; в XIX — начале XX вв. употреблялся также этноним “великорусы” или “великоросы”. В настоящее время — основное население Российской Федерации. Язык — русский восточнославянской подгруппы славянской группы индоевропейской семьи. Большинство верующих — православные, в т. ч. старообрядцы.

Русские в Узбекистане:	1926 г. — 275 000
	1979 г. — 1 665 658
	1989 г. — 1 653 478
	2000 г. — 1 199 015

ИСТОРИЯ ПРОНИКНОВЕНИЯ В РЕГИОН

Связи русского народа с народами Средней Азии восходят к глубокой древности. Известны факты дипломатических связей российских князей со среднеазиатскими правителями. Так, в 986 г. князем Владимиром были направлены послы к правителю Хорезма. Русских и других славян здесь знали, судя по произведениям Фирдоуси, Навои и др.

Сообщения о русском населении в пределах Средней Азии встречаются в письменных источниках XIII в. Францисканский монах Плато Карпини, посланный в 1264 г. папой Иннокентием IV с дипломатической миссией к монголам, при описании Средней Азии, через которую проезжал, неоднократно упоминает о проживающих там русских пленниках и указывает, что использовались они, главным образом, в качестве воинов и переводчиков.

Иоан де Рубрук, глава другой миссии, отмечает, что русские пользовались репутацией не только прекрасных воинов, но и людей искусных в различных ремеслах, в частности в ювелирном деле и архитектуре. Благодаря таким качествам, русских, прибывших в край добровольно или захваченных в плен и обращенных в рабство, ценили очень высоко и на родину не отпускали.

В XVII в. с дипломатическими миссиями в Бухару и Хиву приходили русские путешественники Иван Хохлов, братья Пазухины.

Путешественники XVIII в. также отмечают наличие в среднеазиатских ханствах большого количества рабов, захваченных в пограничных обла-

тях России и на побережье Каспийского моря. В 1728 г. русские пленники возглавили восстание персидских и других рабов против хивинского хана Ширгази, в ходе которого хан был убит.

Когда в 1820 г. в Бухарский эмират выезжала дипломатическая миссия А.Ф. Негри, она отмечала присутствие в Бухаре более 500 русских. Проводились и научные экспедиции в 1723 г., в 1840 г. и др.

Ю. Ф. Буряков

ЗАСЕЛЕНИЕ РУССКИМИ ТУРКЕСТАНА С СЕРЕДИНЫ XIX в.

Кривая роста численности русских в регионе пошла резко вверх после завоевания в середине XIX в. Туркестана Российской империей. Уже по данным переписи 1897 г., она достигла 197 тыс. в русском Туркестане (3,75% от всего населения края) и 16 тыс. — в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Русское население концентрировалось в городах, особенно в Ташкенте. Так, если в 1870 г. в Ташкенте числилось всего 5 русских семей (кроме солдат) и 18 чел. временно приехавших, то в 1875 г. в “новом” городе проживало уже 4859 чел. В 1887 г. число жителей в этой части города достигло 6 419 чел., в 1890 г. — 12 981, в 1897 г. — 26 860 чел., а в 1911 г. — свыше 47 500 русских при общей численности населения города 234 тыс. чел. В 1920 г. русских в Ташкенте было уже 58 228 чел.

При этом нужно учитывать, что к числу русских зачастую относили украинцев и белорусов (“малороссов”), а также евреев, обращенных в православное христианство.

Несмотря на то что русские приезжали в Туркестан практически из всех областей России, среди них можно выделить “оренбургскую” и “самарскую” группы переселенцев. Первая формировалась из отставных солдат и казаков, оставшихся на поселение еще до революции, а вторая — в основном из спасавшихся от голода беженцев Поволжья. К концу XIX в. число русских переселенцев в Туркестанском крае пополнили политические ссыльные, особенно много их было в Ташкенте.

Заселение русскими региона носило волнообразный характер, обусловленный теми или иными событиями, явлениями или решениями центральных властей. Первая крупная волна переселенцев была связана с отменой в 1861 г. крепостного края в России, что создало спрос на землю со стороны освободившихся, но безземельных крестьян. Чтобы снять создавшееся социальное напряжение, выливавшееся в крестьянские бунты, царское правительство ввело ряд льгот для переселенцев на национальные окраины. Льготы заключались в предоставлении земель в Туркестанском крае и освобождении от налогов.

О масштабах переселенческого потока в Туркестан свидетельствуют следующие данные. В 1896 г. общее количество переселенцев составило 178 400 чел., причем 38% из них переселились самовольно. После 1910 г. полным ходом пошел процесс изъятия земель у коренного, в первую оче-

редь кочевого, населения для нужд переселенцев, что приводило к межнациональным конфликтам, а в 1916 г. — к широкомасштабному восстанию по всему Туркестанскому краю.

Однако переселенческая политика царизма потерпела крах. Часть прибывших крестьян не сумела получить землю, другим не удалось приспособиться к условиям местного ирригационного земледелия. Вконец разорившиеся переселенцы возвращались обратно. По данным одного только Ташкентского переселенческого района, процент обратных переселенцев в 1911 г. достиг 81% от числа приезжающих, а в 1913 г. — 99%.

Вторая волна миграции была связана с развитием промышленности и инфраструктуры региона, активизацией торгово-экономических связей с Россией. За период с конца XIX до начала XX в. в Туркестане было построено 571 предприятие. В Туркестан стали прибывать квалифицированные рабочие, специалисты, коммерсанты, чиновники, которые оседали, в основном, в городах — Самарканде, Ташкенте, Фергане, Коканде и даже в Бухаре и Хиве.

Большой толчок к росту численности русского населения в крае дало строительство железной дороги в 1899—1905 гг. Дорога явилась не только транспортной магистралью. Ее пуск способствовал развитию различных производств, вызвал новую волну миграции промышленного и торгового люда.

По иному шло формирование восточнославянской диаспоры на территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Здесь в основном складывались группы неземледельческого населения. Вдоль железнодорожного полотна возникали русские городские поселения (Чарджуй, Новая Бухара и др.). В Бухарском эмирате в начале XX в. насчитывалось около 12 тыс. русских подданных.

Ко второму десятилетию XX в. в Туркестанском крае, Бухарском эмирате, Хивинском ханстве проживало более 500 тыс. чел. европейского населения, преимущественно русских, украинцев и белорусов. Военное время 1914—1918 гг. характеризуется уменьшением русскоязычного населения в связи с призывом в армию. В 1916 г. по Туркестану было мобилизовано 286,4 тыс. чел., большинство из них — представители восточнославянской диаспоры.

Следующие волны миграций были связаны с советской политикой русификации и индустриализации региона. Однако первая волна миграции в этот период была вызвана голодом в ряде областей России. С этого времени за Ташкентом закрепилась репутация “хлебного города”. По данным переписи 1926 г., русских в Узбекистане насчитывалось 275 тыс. чел., или 5,3% всего населения республики. В 30-е гг. усилилась добровольно-стихийная миграция в Узбекистан из Поволжья и Украины. В процессе индустриализации для работы на промышленных предприятиях республики прибывали в основном русские рабочие и специалисты — всего 94,3 тыс. чел. (1933—1938). В результате, по данным всесоюзной переписи населения 1939 г., численность русских, проживающих в Узбекистане, составила 727,3 тыс. чел., т. е. по сравнению с 1926 г. выросла почти в три раза.

Ознакомиться с данными приведёнными в таблице Вы сможете в подразделе "Таблицы" Раздела 2.

* *Alikhan Aman*. Population migration in Uzbekistan (1989—1998). Tashkent: UNHCR, 2000, 61.

Вторая мировая война ознаменовала собой новую волну миграции. После 1944 г. в свои родные места стали возвращаться многие русские, украинцы и белорусы, эвакуированные сюда в годы войны. Хотя значительная их часть предпочла остаться в Узбекистане.

Между тем, в связи с переездом в военный период ряда предприятий с территории России и строительством новых промышленных объектов после войны, численность русских, проживающих в Узбекистане, продолжала неуклонно расти. К моменту переписи населения 1959 г. их количество перевалило за миллионный рубеж.

Последней по времени крупной единовременной миграцией русских в республику стал приезд строителей для восстановления Ташкента после землетрясения 1966 г. При этом русское население продолжало концентрироваться в городах. Так, по данным переписи 1970 г., 89% русского населения в Узбекистане проживало в городах и только 11% — в сельской местности.

С конца 70-х гг., то есть задолго до распада СССР, наблюдается отток русских из Узбекистана. Так, с 1979 по 1989 г. численность русских в республике впервые снизилась, хотя всего на 0,7%, — с 1666 тыс. (10,8% от всего населения) до 1653 тыс. чел. (8,3%). Это было вызвано, в основном, усилившимся отставанием в уровне жизни республики от остальных регионов Советского Союза, особенно западных.

После распада СССР и образования новых независимых государств отток русского и, в целом, славянского населения из республики резко усилился. Он подогревался многими причинами — усилением разницы в

социально-экономическом положении бывших союзных республик, стремлением сохранить свою национально-культурную идентичность в условиях формирования новых национальных государств и целым рядом других причин.

В последние годы в Узбекистане заметно уменьшается доля русских в составе населения страны: с 1989 по 1998 г. — с 8,3% до 4,9%. Это происходит не только в результате миграции, но и снижения рождаемости на фоне сохраняющегося высокого естественного роста населения узбеков, таджиков и других коренных национальностей.

О. Кобзева

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Русские привнесли в Туркестан значительный пласт культуры, что было связано с наличием в составе прибывающих высококвалифицированных специалистов, других представителей интеллигенции, чьи ряды пополнялись по мере развития инфраструктуры образования, науки и культуры в регионе.

Среди первого поколения русской интеллигенции в Туркестане можно назвать как наиболее выдающихся — хранителя восточных древностей В. Л. Вяткина, тюрколога Н. Н. Пантусова, художников — И. С. Казакова, В. В. Верещагина, С. П. Юдина, врачей — В. А. Благовещенского, П. А. Глазунова, М. И. Шишову, педагога Н. П. Остроумова. Пионером внедрения новых сортов хлопчатника был Н. Н. Раевский.

Еще при Российской империи в регионе возникла сеть учебных заведений европейского образца. В 1876 г. в Ташкенте открываются мужская и женская гимназии, в 1879 г. — Туркестанская учительская семинария, готовившая педагогов для русско-туземных школ, а в 1884 г. — первая русско-туземная школа. Возник также спрос на изучение местных языков и культуры. Так, в 1887 г. В. П. Наливкиным издаются первые пособия по узбекскому языку и грамматике.

В 1870 г. в Ташкенте была открыта публичная библиотека, в 1874 г. — астрономическая обсерватория. В 1876 г. на базе библиотеки был создан музей. В 1894 г. первых учащихся приняло ремесленное училище. В городах Туркестана начинают издаваться газеты и книги на русском языке. Получает развитие музыкальная культура. В 1884 г. было создано музыкальное общество, насчитывавшее 600 членов, в т. ч. 80 певцов.

В связи с массовым прибытием русских и строительством домов европейского типа стал меняться внешний облик городов Туркестана. Если проследить эволюцию жилья, то к первым русским поселениям следует отнести степные укрепления, строившиеся военными отрядами, и казачьи поселки. Новый, более постоянный, вид жилья появляется в процессе крестьянского расселения. Приехавшие в Туркестан переселенцы на первых порах селились во временках. Затем складывается жилье, по характеру строительных материалов частично приближающееся к сельскому узбек-

кому жилью, но с архитектурными деталями тех областей России, откуда они были родом.

В городах администрация и чиновники сначала расселяются в зажиточных домах, но затем с 80-х гг. XIX в. в Узбекистане закладываются основы туркестанской архитектуры. В облике “русской” части городов важной составляющей были православные храмы. Дальнейшее развитие архитектуры сказалось в улучшении комфортности и городского, и сельского жилищ — применении нового стандарта кирпича, гидрофобных растворов, кровельных материалов, строительной техники, остеклении.

В 20—30-е гг. в Узбекистане жили и трудились выдающиеся художники П. П. Беньков, В. Уфимцев, А. И. Волков, А. В. Николаев (Усто Мумин), М. Е. Новиков. В 1928 г. в Ташкенте был открыт Театр юного зрителя, в 1934 г. — Государственный русский драматический театр. Создаются театры русской драмы в Самарканде и Фергане.

В годы второй мировой войны имела место крупная волна эвакуации в Узбекистан деятелей науки и культуры. Так, в Ташкенте некоторое время проживали Алексей Толстой, поэтесса Анна Ахматова, писатели Борис Лавренев, Николай Погодин, Корней Чуковский, музыканты и композиторы В. Беляев, В. Успенский, создавшие узбекские оперы “Улугбек”, “Тахир и Зухра”, “Ходжа Насреддин”.

Особо следует отметить присутствие в Узбекистане целой плеяды востоковедов — А. Н. Семенова, П. Г. Булгакова, А. К. Боровкова, этнографов О. А. Сухареву и А. С. Морозову, антрополога Л. В. Опанина, лингвиста Е. Д. Поливанова, языковеда Н. А. Баскакова, историографа Б. В. Лунина, искусствоведа Г. А. Пугаченкову, историка К. Е. Житова, ботаника И. А. Райкову, геолога В. И. Попова, зоолога-натуралиста Е. П. Коровина и др. Русские ученые вошли в состав Академии наук Узбекистана, открытой в 1943 г.

Наряду со сложением в республике русского пласта носителей науки и культуры, сыгравшего определенную роль в интернационализации и европеизации местного населения, следует отметить влияние и местной многовековой культуры на русскую диаспору. Примером синтеза русской и среднеазиатской эстетик является творчество художников Кашиной, Николаева, Волкова и многих других.

Можно говорить об особой идентичности русского населения Узбекистана, отличающейся от идентичности русских, проживающих в России. Этот феномен есть результат многолетнего совместного проживания русских, узбеков и других коренных народов края, культурного обмена между ними и межнациональных браков.

Ю. Ф. Буряков

Литература

Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: Историко-демографический аспект. Ташкент, 1998.

Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987.

Буняковский А. В. О пространстве и населении Туркестанского края. Ежегодник. Вып. 1. СПб., 1872.

Гинзбург А. И. Русское население в Туркестане. М., 1991. С. 144.

Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. М., 1962.

Итоги всесоюзной переписи населения 1970 г. 1972. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2.

Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867—1917 гг.). Ташкент, 1997.

Клименко Н. Н., Левтева Л. Г. Русские в Туркестане. Культура и быт русскоязычного населения Средней Азии второй половины XIX — первой половины XX в. Ташкент, 1994.

Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. СПб., 1880. Т. 1—3.

Он же. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1891.

Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. Т. 1—2.

Макшеев А. Н. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае // Записки Русского географического общества по отд. статист. М., 1871. Т. 2.

Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.; Л., 1961.

Материалы по районированию Средней Азии. Ташкент, 1926. Т. 1.

Мулладжанов И. Население Узбекской ССР. Справочник. Ташкент, 1989.

Миграция населения за 1995 год. Ташкент, 1996.

Народы Средней Азии и Казахстана / Под ред. С. П. Толстова. М., 1963. Т. 2.

Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. СПб., 1899—1905.

Перепелицина Л. А. Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии. Ташкент, 1960.

Она же. Роль русской культуры в развитии культур Средней Азии. М., 1966.

Станюкович Т. В. Поселения и жилище русского, украинского и белорусского населения среднеазиатских республик и Казахстана // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1962.

Хорошхин А. Народы Средней Азии. Материалы для статистики Туркестанского края // Ежегодник. 1874. Вып. 3.

Шарова П. Н. Переселенческая политика царизма в Средней Азии / Исторические записки. 1940. № 8.

Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / Под ред. Ю. В. Бромлея. М.: Наука, 1987.

ТАДЖИКИ

Самоназвание — тожик. Один из коренных народов Центральной Азии. Язык — фарси, называемый в настоящее время таджикским. Верующие — в основном мусульмане суннитского толка, за исключением таджиков Горного Бадахшана, принадлежащих к исмаилитской ветви шиизма.

Таджики в Узбекистане:	1926 г. —	967 728
	1939 г. —	317 560
	1959 г. —	311 366
	1979 г. —	594 627
	1989 г. —	933 560
	2000 г. —	1 165 713

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ

Основная часть таджиков проживает в четырех государствах — Таджикистане (3600 тыс. чел. по данным на середину 90-х гг.), Узбекистане (1165,7 тыс. чел. по данным 2000 г.) и Афганистане (3700 тыс. чел. по оценочным данным), а также в Восточном Китае (40 тыс. чел. по оценочным данным).

В Узбекистане численность таджиков и, соответственно, их доля в общем составе населения менялись кардинально дважды. Первый раз перепись населения 1939 г. зафиксировала резкое падение их численности (с 18 до 5,1%), что было связано с выделением Таджикской АССР из состава Узбекской ССР в 1929 г. и образованием на ее базе союзной республики. Второй раз заметное изменение численности таджиков произошло в 1989 г. — на этот раз их доля возросла с 3,9 до 4,7%, по сравнению с 1979 г. Причиной роста числа таджиков, помимо их высокой рождаемости (естественный прирост 3% ежегодно), стало разрешение записывать во время переписи национальную принадлежность не по паспорту, а по свободному волеизъявлению и самоидентификации, а также миграция из Таджикистана. Особенно заметным было изменение численности таджиков в Самаркандской области — с 1979 по 1989 г. возросла в 2,4 раза, причем в сельской местности — в 7,9 раза. Аналогичная картина наблюдалась в Бухарской области, где численность таджиков за указанный период выросла в 2,6 раза, на этот раз примерно в одинаковой степени — в городской (в 2,3 раза) и сельской местности (в 2,7 раза).

Как видно из таблицы, пятая часть таджиков Узбекистана сосредоточена в Сурхандарьинской, а еще одна пятая — в Самаркандской областях. Далее, с точки зрения сосредоточения таджиков, следуют Наманганская, Ферганская, Кашкадарьинская и Ташкентская области, и только потом

Ознакомиться с данными приведёнными в таблице Вы сможете в подразделе "Таблицы" Раздела 2.

* По данным Госкомстата Республики Узбекистан

Бухарская и все остальные. Примерно в такой последовательности области выстраиваются с точки зрения доли таджиков в составе их совокупного населения.

Таджики в Узбекистане урбанизированы примерно в той же степени, что и узбеки: в 1989 г. 31% проживал в городе (32% у узбеков), 69% — в сельской местности (68% у узбеков). Это в значительной степени отличается от ситуации в XIX столетии, когда таджики, в отличие от узбеков, наряду с сартами составляли основное население городов: если таджики преобладали в Самарканде и Бухаре, то сарты — в Хиве, Ташкенте и городах Ферганской долины.

Официально признанная численность таджиков оспаривается некоторыми исследователями, утверждающими, что их значительно больше, чем зафиксировано переписями населения. При этом ссылаются на тот факт, что в Самарканде и Бухаре большинство населения (или по крайней мере больше, чем числится там таджиков) используют дома таджикский язык. Если считать критерий языка главным при определении национальной идентичности, то с этими исследователями можно согласиться. Если же главный критерий — этническая самоидентификация, то данные переписи следует считать более или менее точными, ведь, как сказано выше, в 1989 г. было дано разрешение указывать национальность по волеизъявлению

информантов. Вопрос национальной идентичности таджикоговорящих узбеков достаточно сложен и не получил своего разрешения какими бы то ни было данными эмпирических исследований. (Подробнее см. главу “Идентичность”).

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Таджики представляют собой один из наиболее древних коренных народов Средней Азии. Об истории таджиков написано множество трудов, часть из которых подвержена эффекту определенной мифологизации, что особенно заметно в трудах советского и постсоветского периодов. Поэтому мы обращаемся к тем источникам, непредвзятость и авторитетность которых не вызывает сомнений. В этой связи приводим статью В. Бартольда, написанную им для “Энциклопедии ислама”:

Таджик, более ранняя форма *tāzīk* или *tāžuk* (у Махмуда Кашгарского I, 324: *тежик*) — название народа, первоначально в значении “араб” (позже это значение сохранила только форма *tāzī*), позднее в значении “иранец” в противоположность “тюрку”. Слово это образовано из названия арабского племени тай. Среди арабских племен тай были ближайшими соседями иранцев, поэтому имя этого племени было перенесено на весь арабский народ. Тай “уже в начале II века, наряду с саракенами, названы одним уроженцем Эдессы как представители всех бедуинов” (Cureton, *Spicilegium Syriacum*, p. 16 sq.; Noldeke, *ZDMG*, Bd XUX, S. 713). Слово *таджик* в значении “араб” соответствует в пехлеви *tāčīk* в армянском *тачик* (ср. Horn, *Neupersische Schriftsprache*. S. 187), в китайском *даши*. По-видимому, и в Средней Азии иранское население называло так завоевателей-мусульман; ввиду того что, по воззрениям той эпохи, всякий иранец, принявший ислам, становился арабом (ср. Табари, II, 1508₁₃), это слово пришло к тюркам в значении “мусульманин, муж из области распространения мусульманской культуры”; а так как большинство известных тюркам мусульман были иранцы, то слово *теджик* получило в тюркском, как название народа, значение “иранцы”. Махмуд Кашгарский (I, 324) объясняет слово *тежик* как “перс” (*ал-фāрисī*); также и в относящемся к тому же времени *Кутадгу билик* (изд. Радлова, особенно 8₁) “теджики” отличаются от арабов как персы (ср. Радлов, *Словарь*, III, 1096). Сами иранцы, противопоставляя себя тюркским правителям, в то время также уже именовали себя *tāzīk*; напр., Бейхаки, изд. Морлея, стр. 746, наверху. Особенно часто подчеркивается противоположность между тюрком и таджиком; так, утверждали, что как дружественные, так и родственные связи между тюрком и таджиком всегда оканчивались плохо и что таджик никогда не может полагаться на тюрка (Захир ад-дин Мар’ашн, 248, 253 и сл.). Об отношении слова *таджик* к слову *сарт* см. Barthold, *Sart*; наст. изд., т. II, ч. 2. В употреблении обоих этих слов выступает на первый план значение иранцев как торгового народа. Слово *сарт* появляется в тюркском вначале как имя нарицательное со значением “купец” и позднее становится именем народа

— иранцев, рассматриваемых преимущественно как торговый народ; имя же народа *таджик* (*тезик*), наоборот, позднее, по крайней мере у волжских татар, употреблялось как нарицательное со значением “купец”. Согласно одному из первоисточников по истории завоевания Казани русскими в 1552 г. (отчет князя Курбского), цитадель Казани окружал “ров тезиков” (“тезицкий”, или “тешицкий” ров), причем слово тезик объясняется как “купец” (ср. Карамзин. История государства Российского, т. VIII, с. 110; Заринский. Очерки древней Казани, с. 8).

В наше время таджиками иногда называют восточных иранцев в противоположность собственно персам; в качестве западной границы расселения таджиков приводится линия между Астрабадом (см. <EI, I>) и Йездом. В Туркестане, особенно в эпоху господства узбеков, таджики постепенно были вытеснены с равнины в горные области. Русские объединяют под именем “таджик” все иранские народности Туркестана — как собственно таджиков, т. е. население, говорящее на *таджикӣ* <таджикском языке> (см. <EI, IV, 648>), так и занимающие в языковом отношении особое положение горные народы по р. Пяндж (см. Barthold, Ati-Daryu <наст. изд. т. III>) и в верхнем течении Зерафшана. Исходя из этого значения, в 1924 г. была создана автономная республика Таджикистан со столицей Дюшамбе (в верхнем течении Кафирнигана). По переписи населения того же года, численность таджиков составляла 871 532 человека. Само население по-разному употребляет слово *таджик*. Жители некоторых горных областей, как, например, Шугнана и Рошана, сами себя именуют таджиками, зато своих соседей в дарвазе, говорящих на *таджикӣ* называют “говорящие по-персидски” (*пирсы зүй*); в противоположность этому жители верхнего течения Зеравшана, говорящие на одном из персидских диалектов, сами называют себя таджиками, а жителей долины р. Ягноб, говорящих на своеобразном диалекте, называют “гальча”; упомянутое население, кажется, и само отличает свой *ягноби* от таджикского языка.

Ранее часто встречавшееся (см. еще Justi, Geschichte Irans, S. 402) утверждение о происхождении названия народа таджик от головного убора *тадж* следует безоговорочно отвергнуть, как по лингвистическим, так и по историческим причинам.

ИДЕНТИЧНОСТЬ

Таджики Узбекистана представляют собой специфический случай в этнической картине этой страны. Имеется большое количество лиц, которые используют дома таджикский язык, но официально не признаны, да и сами не рассматривают себя в качестве таджиков. Две версии преобладают в описании этого феномена. Первая указывает на недостаток этнического самосознания таджиков Узбекистана, несмотря на тот факт, что язык отличает их от окружающих этнических групп. Приверженцы другой версии ссылаются на восемьдесят лет узбекизации, поддерживаемой Советами, а ныне — существующим независимым узбекским государством.

Тот факт, что часть таджикоговорящих жителей Узбекистана все же

считают себя узбеками, сам по себе свидетельствует как о прагматическом отношении к вопросу своей идентичности, так и о действительно слабом этнокультурном самосознании. Первое кажется более вероятным, так как на самом деле статус титульной нации сулит гораздо больше выгод, чем статус этнического меньшинства, хотя обе причины, безусловно, связаны друг с другом.

Что касается узбекизации, то ее следует рассматривать в контексте более длительного процесса тюркизации персоязычных народов Центральной Азии, который происходил на протяжении последних четырнадцати-пятнадцати столетий и приобрел ускорение во второй половине XIX столетия. Выгодность статуса тюркских народов перед статусом таджиков диктовалась не только военно-политическим господством первых, но и использованием языка тюрки как наиболее доступного из местных языков для русской администрации и колонистов. Об этом влиянии русского присутствия в регионе на процесс тюркизации писал В. Бартольд в историческом очерке “Таджики”: “Академик Радлов в 1868 г. слышал на улицах Самарканда почти исключительно персидскую речь; при мне (например, в 1904 г.) там гораздо больше говорили по-турецки, чем по-персидски. На этом языке легче, чем на персидском, можно было объясняться с русскими властями, так как привели с собой переводчиков из татар и киргизов (имеются в виду казахи. — *Ред.*)”.

Процесс контртюркизации начался только после того, как была создана Таджикская АССР, особенно с выделением ее из состава Узбекистана в качестве союзной республики. С этого момента руководители и элита Таджикистана, как, впрочем, и в остальных национальных республиках СССР, включилась в процесс конструирования “своей” национальной истории и идентичности. Начались поиски “золотого века” в истории таджиков, и в этой связи внимание было обращено на Согдиану как “прародину” современных таджиков.

Таджики, особенно интеллектуалы среди них, часто подчеркивают престижность статуса таджиков как древнейшей этнической группы в регионе, прослеживая свое происхождение к дотюркским и доисламским временам, к эпохе Согда и Кушан, население которых было ираноязычным. В последние годы особо подчеркивается наследие Саманидов в этногенезе таджиков.

Следует признать, что таджики являются наиболее многочисленной ираноязычной группой в регионе. Однако, с лингвистической точки зрения, они не могут быть признаны потомками Согда. Жители Согда использовали восточноиранские диалекты, в то время как таджики говорят на западноиранском наречии, очень близком к персидскому — государственному языку современного Ирана. Не случайно В. Бартольд указывает, что во времена проникновения ислама в регион слово “таджик” воспринималось местным населением как синоним слова “араб” или “мусульманин”.

Говоря о современном статусе таджиков и таджикского языка, будем

ссылаться на полевое исследование, которые мы провели в некоторых селах Бухарской области и Ферганской долины. Бухара и Самарканд известны тесным переплетением судеб таджиков и узбеков, их взаимной ассимиляцией. Официально в Бухарской области числится около 52 тыс. таджиков. Однако некоторые местные историки и этнографы считают, что их гораздо больше, по крайней мере в Бухаре. Конечно, они оперируют тем же языковым критерием, о котором мы говорили выше. Наиболее заметно преобладание таджиков в Бухаре, где даже водители автобусов обычно объявляют остановки на таджикском языке. Очевидно, что в пределах города таджикский является преобладающим языком общения между горожанами. В то же время, как и в прошлом, администрация области состоит в основном из узбеков.

В сельской местности ситуация немного отличается. Имеется несколько районов, где преобладают таджикоязычные. Это, как правило, северная часть Бухарского оазиса — Гиждуван, Вабкент, Янги-Базар и Ромитан. В других районах они уступают по численности узбекам.

Если говорить о Самарканде, то следует заметить, что здесь влияние таджикского элемента менее заметно, чем в Бухаре. В Самарканде значительно число, наряду с узбеками и таджиками, также русских, армян, крымских татар и др. Особенно велико присутствие таджиков и таджикоязычных в сельских районах Самаркандской области.

Иная ситуация в Кашкадарье и Сурхандарье. Здесь таджики концентрируются не в центре оазиса, а на его окраинах, ближе к горным массивам, особенно в восточной части Китабского, Шахрисабзского районов, в Кашкадарье и в северной части Байсунского района Сурхандарьи.

По-иному расселены таджики в Ферганской области. Здесь они концентрируются в селах, но не настолько отеснены к окраинам оазиса, как в двух областях, упоминавшихся ранее. В то же время, таджикские и узбекские села не примыкают друг к другу, образуя кластеры, как в Бухарской области. Скорее всего, таджикские села в Ферганской области выглядят островами в узбекском окружении и, следовательно, не соприкасаются друг с другом, как в других частях страны.

Эти три типа поселений таджиков, несомненно, наложили свой отпечаток на идентичность таджиков в Узбекистане. Следовательно, можно говорить, по крайней мере, о трех типах идентичности таджиков в этой стране, и, возможно, о трех наречиях таджикского языка. Если сравнивать таджикский, на котором говорят в Самарканде и Бухаре, с таджикским, употребляемым в Таджикистане, то между ними имеются очевидные различия. Имели место случаи, когда переводы на таджикский, сделанные в Самарканде, не были поняты в соседней республике. Очевидно, различия между наречиями таджикского языка обусловлены разной степенью его тюркизации: чем сильнее узбекское окружение, тем более явно наличие тюркских элементов в таджикском языке. Но следует учитывать и то, что сам узбекский язык, если не говорить о его канонизированном варианте, не вполне однороден: в нем имеется ряд наречий, связанных, в частности,

с разной степенью влияния со стороны таджикского языка, в Бухаре и Самарканде влияние в большей степени, в Кашкадарье и Фергане — в меньшей.

Стоит немного остановиться на узбеко-таджикском взаимопереплетении и взаимовлиянии. Как мы сказали выше, этот феномен особенно заметен в Бухаре. Здесь многие села в их первоначальном развитии были моноэтническими, однако в последние десятилетия стали этнически смешанными из-за миграции населения и нехватки земельных ресурсов.

В противоположность отмеченному взаимоотчуждению узбеков и таджиков, имевшему место в XIX в. и отмеченному В. Бартольдом, в последние десятилетия браки между узбеками и таджиками приобрели большое распространение, что было вызвано значительной социально-культурной унификацией и тех и других: в образе жизни, обычаях, уровне культуры почти не осталось былого различия.

Как следствие, здесь распространено двуязычие — не только таджики говорят на узбекском, но и многие узбеки понимают и могут общаться на таджикском, особенно там, где таджики и узбеки живут в одной местности. Отсюда в ряде случаев проистекает неопределенность этнической самоидентификации, которая скорее двуедина, чем жестко ориентирована на одну из двух национальностей. Многие таджики и узбеки, с которыми мы встречались, отрицали какие-либо существенные различия между собой, кроме языковых. Мы — единый народ с разными языками, говорили они. По крайней мере, многие из них затруднялись с ответом, когда их спрашивали об этнической принадлежности.

Исследование индивидуальных историй показало, что с переходом от одного поколения к другому часто меняется и национальная идентичность, как правило, от таджикской к узбекской, не только с точки зрения самоидентификации, но и с языковой. Но в то же время, многие узбекизированные таджики представляют себя именно как таджики, когда общаются друг с другом. То есть идентичность часто носит ситуационный характер, в зависимости от того, с кем в данный момент вступает в контакт полуузбек-полутаджик.

Самое интересное, как таджики сопоставляют себя с различными национальностями. Если они охотно отождествляют себя с “чистыми” узбеками, то по отношению к другим полуузбекским этносам, например, к “туркменам”, живущим, к примеру, в соседнем селе и являющимся разновидностью узбекских племен (племя туркман), держат дистанцию, поскольку те ведут отличительно другой образ жизни, чем таджики и “чистые” узбеки.

Конечно, обрисованная ситуация двуязычия под влиянием образования независимого Узбекистана, придания узбекскому языку статуса государственного, перехода на латинскую графику меняется в сторону узбекизации местного таджико- и двуязычного населения. Поскольку таджикский язык сохраняет алфавит кириллицы, то возникает угроза языкового отчуждения таджиков от узбеков. Это, естественно, без энтузиазма воспринимается некоторыми местными таджиками.

В одном селении, которое когда-то было преимущественно таджикским, мы обнаружили факт почти полной узбекизации населения, то есть добровольного выбора молодым поколением узбекской идентичности и языка, что в данной местности рассматривается не как нечто из ряда вон выходящее, а скорее как вполне естественное явление, поскольку сама граница между узбеками и таджиками, особенно в их образе жизни, стала весьма зыбкой.

П. Финке, М. Санчак

Литература

Бартольд В. В. Таджики // Энциклопедия ислама. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 451—470.

Вамбери А. Очерки о Средней Азии. М., 1868.

Гребенкин А. Д. Таджики // Русский Туркестан / Под ред. В. Н. Троцкого. М., 1877.

Джахангири-Жанно Гиссу. К вопросу о формировании таджикского национального самосознания (1920—1930) // Восток. 1996. № 2. С. 35—51.

Итоги всесоюзной переписи населения 1989 г. Ташкент, 1990. Ч. 2. С. 101—110, 149—159.

Шишов А. Таджики: Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. 1. Этнография. Ташкент, 1910.

Fragner Bert G. The nationalization of the Uzbeks and Tajiks. *Muslim Communities Reemerge: Historical perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia*. Editors of the German edition: Andress Kappeler, German Simon, Georg Brunner, Editor of the English edition Edward Allworth. Durham and London: Duke University Press, 1994, p. 13-32.

ТАТАРЫ

Самоназвание — татар, татарлар (мн. число). **Народ, основное население** Татарстана. **Язык татарский**, относится к тюркской группе алтайской семьи. **Верующие** — мусульмане-сунниты, есть — православные.

Татары в Узбекистане:	1926 г. —	28 401	мишары —	50
	1979 г. —	531 205		
	1989 г. —	467 829		
	2000 г. —	324 080		

Происхождение и этимология этнонима “татары” до сих пор окончательно не прояснены. Полагают, что впервые он появился среди монголоязычных и тюркоязычных кочевых племен, занимавших в VI—IX вв. территорию к юго-востоку от Байкала.

Формирование татарского населения в пределах территории современного Узбекистана уходит в средневековье. К XIV в. уже сложились прочные

торговые связи между российскими татарами и жителями Мавераннахра. Испанский посол Рюи Гонзалес де Клавихо констатировал: “В городе Самарканде продается каждый год много различных товаров, которые привозятся туда из Китая, из Индии, из Татарии... приходят кожи и полотна”. Татары нередко попадали в Среднеазиатский регион, сопровождая торговые караваны и посольства России в качестве переводчиков и obsługi.

Имеются письменные свидетельства XVIII в. о том, что татар можно было увидеть на базарах Бухары, Самарканда, Карши и др. городов в качестве невольников, наряду с лицами других национальностей. Малочисленные группы татар в этот период встречались почти во всех уголках Туркестана.

В XVIII в. товарообмен между Россией и среднеазиатскими ханствами активизируется. В 1740 г. российский торговый караван из Оренбурга в Ташкент возглавил татарин Шубай Арсланов. К ним присоединился казанский татарин М. Юсупов.

В 1794 г. восемь купцов из казанских татар с караваном в 80 верблюдов направились из Омска в Ташкент через Бухару вместе экспедицией горных инженеров (среди них был горный инженер Г.С. Бурнашев — татарин по происхождению). Однако из Бухары хан их не выпустил, ссылаясь на опасности в дороге. Несмотря на все трудности, российское правительство стремилось наладить регулярную торговлю со среднеазиатскими ханствами, привлекая для этих целей “торговых татар”. Из источников известны такие крупные купцы XVIII — начала XIX вв., как Муртаза Смайлов, Сулейман Назиров, Мухамат Юсупов, Асаф Иношев, Муса Максютов и др.

Татары в качестве постоянных жителей появились на территории современного Узбекистана в конце XVIII — начале XIX в.: татарская молодежь приезжала на учебу в медресе Бухары.

С 1829 г. татарские купцы Б. Шафеев, Т. Смагилов, Г. Зубарев и др. ездили торговать в Коканд.

Самая большая татарская община сложилась в начале XIX в. в окрестностях Ташкента, в местечке Ногай-курган (на территории нынешнего Сергели), благодаря смекалке и оборотливости казанского татарина муллы Губейт-Уллы, который на свои средства купил землю и продал своим соплеменникам в рассрочку. Первая татарская деревушка в 40 дворов имела планировку, отличную от азиатской. Поселившиеся здесь татары бежали в основном из страха попасть в рекруты или от насильственной христианизации. За ними потянулись их соплеменники в погоне за наживой.

За неимением пахотной земли, жители Ногай-кургона или промышляли извозом (арбакеш), или занимались разведением садов и огородов при своих домах, продавали картошку, квас и кумыс.

Необходимо отметить, что традиционно всех татар местные жители называли ногаями, а каждый поселок с многочисленным, татарским населением — Ногай-кишлаком. Они до сих пор имеются во многих пунктах Ферганской долины.

Значительное количество татар пришло в Туркестан вместе с царскими войсками в качестве солдат и офицеров. Свободные от службы татары работали, главным образом, переводчиками и маркитантами.

В 80-х гг. XIX в. в Ташкенте прочно обосновалось уже более 100 чел. татарской национальности. Татарская слободка образовалась вблизи Бешагачских ворот (татары, как правило, селились в русской части городов). Улица вдоль арыка Анхор получила название “Татарская” (ныне ул. Тураба Тулы). В конце XIX в. в Ташкенте уже действовали татарская мечеть и медресе Марджани (снесены в середине 30-х гг. во время строительства театра им. Навои), а в центре Ташкента процветал пассаж братьев Яушевых (в районе ресторана “Зарафшан”).

В 1902 г. в Новой Бухаре была открыта первая татарская школа, а в Ташкенте функционировала татарская школа им. Муллы Нур Вахидова. В 1904 г. Сахибом Еникеевым был создан первый национальный театр.

С этого времени наблюдается быстрый рост татарских колоний в крае. Крупная волна татар прибыла после присоединения Кокандского ханства. Они переселялись из Казанской, Уфимской, Оренбургской и других областей России. Наравне с православными получали землю, обзаводились недвижимым имуществом. Однако такое положение сохранялось только до 1886 г. Новая статья 262 Положения об управлении Туркестанским краем запрещала татарам, как инородцам, приобретать в Туркестане землю и вообще недвижимость. Особо строго следили за теми татарами, которые занимались мусульманским миссионерством. И все же, несмотря на все запреты, купцы-татары покупали дома и земли на имя подставных лиц, заводили крупные предприятия. В ходе торговой деятельности некоторые татарские купцы пропагандировали среди коренного населения панисламистские идеи.

Трудно было назвать профессию в тот период, которой бы не овладели местные татары. Но наиболее заметную группу составили лица, связанные с торговлей. Они были основными скупщиками продукции животноводства.

Татары принимали активное участие в революционном движении народов Средней Азии и Казахстана. В последние десятилетия XIX и в начале XX в. татары развернули в Туркестане просветительскую работу на языке местного населения, издавали газеты, доставляли полиграфическое оборудование, арабский шрифт, открыли десятки джадидских (светских) школ. Плодотворным было влияние татарской интеллигенции на развитие образования, литературы, изобразительного искусства и театрального дела Туркестана. Первой приехавшей в Ташкент татарской труппой был коллектив режиссера И. Ашказарского (1911). В 1912 г. его сменил татарский театральный коллектив под руководством Г. Кариева. В 1913 г. в Ташкенте была создана стационарная татарская труппа, художественным руководителем которой являлся местный житель Кудашев. В Туркестане были широко распространены литографированные издания просветительской и религиозной направленности из Уфы. Первый календарный справочник на узбекском языке составил Шахимардан Ибрагимов.

Сближению татар с народами Средней Азии и Казахстана способствовала принадлежность к общей конфессии, а также смешанные браки, совместное проживание.

Народная татарская культура оказала определенное воздействие на быт,

традиционную одежду, обувь, пищу коренного населения региона. Так, например, в самом конце XIX — начале XX в. женское население Ташкента и Самарканда носило оригинальные серьги, заимствованные, по мнению этнографа О. А. Сухаревой, от татар.

И после событий 1917 г. присутствие татарской культуры в Средней Азии было заметно. В 20-х гг. здесь выходило несколько газет, журналов на татарском языке, существовали национальные библиотеки, профессиональные театры, институт просвещения, готовящий учителей для татарских школ. В этот период в писательской организации Узбекистана существовала татарская секция, в которую входило несколько десятков писателей.

С середины 20-х гг. в Узбекистане действовало Татаро-башкирское бюро. В последующие годы под его руководством в крае функционировало 17 национальных школ, три дошкольных заведения, две библиотеки.

В 1929 г. было создано два татарских колхоза. В середине 30-х гг. татары на производстве занимали первое место среди представителей нацменьшинств республики — 1060 чел.

В последней четверти прошлого столетия две трети всех татар Среднеазиатского региона проживало в Узбекистане, особенно много в Ташкентской области. Причем большинство из них предпочитало размещаться в городах или поселках городского типа. Эта особенность татарской диаспоры сохраняется и по сей день.

У узбекистанских татар на фоне многонационального населения республики фиксируется невысокий прирост численности, но всегда выше среднего был показатель наличия высшего образования.

Как показывают материалы переписей, татары устойчиво сохраняют родной язык и, несмотря на усиливающееся многоязычие, поддерживают знание его. Сохранению татарского этнического стереотипа способствует бережное отношение к родному языку, национальной культуре, национальное самосознание, а также не утраченные связи с этнической родиной.

Прошло много десятков лет с момента миграции в Узбекистан татар из различных областей России, но до сих пор татары в народе разделяются на этнические группы: казанские, башкирские, уфимские, оренбургские, тюменские, томские и др. Есть еще мишары-мещарики. Это татары, бежавшие из Мещерского уезда. В 1926 г. во время переписи населения их регистрировали как самостоятельную этнографическую группу. Они выделяются не только слегка твердым выговором, но и силой характера. К последним относится род Урмановых (Ташкент, Самарканд).

В 90-х гг. XX в. в Узбекистане были созданы Татарский общественный центр (Ташкент), татарские национально-культурные объединения (Алмалык, Бухара), татарская редакция телерадиокомпании Узбекистана, татаро-башкирский фольклорный ансамбль “Яшълек”, татарский эстрадный театр “Дуслык”, самодеятельные ансамбли “Якташ”, “Лэйсан”, “Безнен мирас” (Ташкент), татаро-башкирский фольклорный ансамбль “Шатлык” (Самарканд), “Лэйсан” (Алмалык). Одна из центральных улиц города Ташкента названа в честь выдающегося татарского поэта Абдуллы Тукая.

В Узбекистане сложилась татарская интеллигенция. Назовем только

несколько имен: академик, доктор архитектуры М. Булатов, архитектор Х. Мухамедшин; художник-монументалист Ч. Ахмаров, доктор искусствоведения Р. Такташ, народная артистка СССР балета Г. Измайлова, исполнитель народных песен В. Ахмадеев, доктора исторических наук — Р. Г. Мукминова, Р. Н. Нурулин, А. Ю. Ибрагимова, доктор филологических наук С. Х. Файзулина, кандидат филологических наук М. К. Мирхайдарова, писатели — Я. Ильясов и А. Мухтар, режиссер художественного кино Р. Батыров, кинодраматург А. Агишев, композитор Р. Вильданов, востоковеды-филологи — Э.Н. Наджиц, А.И. Агеев, юристы — академик Ш. З. Уразаев, Ф. Х. Бакиров, экономист А. Х. Бурнашев, доктор геологических наук Р.Г. Юсупов, одна из первых врачей-гинекологов в Туркестане А. Батыршина, доктор медицинских наук З. Х. Рахматуллин, врач Х. Янбаева и мн. др.

Р. Н. Шигабдинов, Л. И. Жукова

Литература

Амитин-Шапиро З. Л., Юабов И. М. Национальные меньшинства Узбекистана. Ташкент, 1935.

Губаева С. С. Татары в Ферганской долине // Население Ферганской долины в конце XIX — начале XX в. Ташкент, 1991. С. 132

Решетов А. М. Татары в Средней Азии // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1983. С. 32.

Сухарева О. А. Бухара XIX — начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966. С. 329.

Тагиров И. Р. Очерки истории Татарстане и татарского народа (XX в.). Казань, 1999. С. 469.

Турдиев Ш. Среднеазиатские татары: роль и значения в культурной и политической жизни Туркестана первой четверти XX в. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997. С. 379.

Эргашев Б. Х. Идеология национально-освободительного движения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1991. С. 24.

ТАТАРЫ КРЫМСКИЕ

Самоназвание — кърым татарлар; в русских источниках XVI — XVII вв. — крымцы, крымские татары, в XVIII — XIX вв. — татары, в XX в. — крымские татары. Язык — крымско-татарский кипчакской подгруппы тюркской группы алтайской семьи. Основные диалекты — северный (степной), средний (горный) и южный (прибрежный). Верующие — мусульмане-сунниты.

Крымские татары в Узбекистане:
1979 г. — 117 559
1989 г. — 188 772
2000 г. — 10 046

Татары крымские подразделяются на три субэтнические группы: степные татары (ногайские татары), южнобережные татары (самоназвание — татары), предгорные татары; иногда выделяется субэтническая группа потомков ногаев (ногаи), смешавшихся со степными татарами.

В дореволюционный период среди наиболее известных их соотечественников, посетивших Туркестан, был Исмаил Гаспринский (1854—1914) — основатель новометодной школы в Российской империи (джадидизм). Подобные школы были основаны им в Бухаре, Ташкенте и др. городах. Встречался с эмиром бухарским и местной интеллигенцией в 1893 и 1907 гг.

Массовое расселение крымских татар в Узбекистане связано с их принудительным переселением из Крыма в Казахстан, Узбекистан и Сибирь в годы второй мировой войны. До 1 июня 1944 г. в Узбекистан было переселено 35 275 семей (151 604 чел.) крымских татар. По состоянию на 1 января 1953 г. здесь проживало 128348 крымских татар — спецпереселенцев. Они были расселены по всем областям республики — Ташкентской, Самаркандской, Ферганской, Андижанской, Наманганской, Бухарской, Кашкадарьинской, Хорезмской и в Каракалпакии. Городом значительной концентрации крымско-татарской интеллигенции стал Ташкент.

По данным переписи населения 1959 г., численность татар в Узбекистане составляла 444 810 чел. (включая крымских татар); в 1970 г. татар (включая крымских) в Узбекистане было уже 573 700 чел. Отдельные сведения о численности крымских татар в 1959 и 1970 гг. официально не публиковались.

Сохранение языка своей национальности и владение им для крымских татар имеет исключительно важное значение. По сути это победа в их самоотверженной борьбе за выживание и самосохранение. По данным переписи 1989 г., из 188 772 крымских татар, живших в то время в Узбекистане, 175 890 чел. родным языком считали свой национальный, 9 338 чел. — русский.

После указа советского правительства 1967 г. о реабилитации депортированных народов были восстановлены их конституционные права. Тогда же и началось их постепенное возвращение на историческую родину. С 1957 до 1990 г. в Узбекистане выходила республиканская газета на крымско-татарском языке “Ленин байрагы”. В 1984—1991 гг. издавался литературно-общественный журнал “Йылдыз”, а также две областные газеты — “Дустлик” и “Бахористон акъикваты”. Радио Ташкента до 1990 г. три раза в неделю вело передачи на крымско-татарском языке.

А. Рахманкулова

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

За полувековой период вынужденного присутствия в Средней Азии крымские татары доказали свою жизнеспособность и высокий творческий потенциал.

В Узбекистане продолжали творить прозаики, поэты, заявившие о себе

как талантливые личности еще в довоенный период у себя на родине, в Крыму, — Алтанлы, Шамиль Алядинов, Джевдет Ааматов, Ибрагим Паши. Новая поросль национальной писательской интеллигенции представлена именами Чекеза-Али, Нузата Умерова, Куртнезира, Исы Абдурахманова, Рустама Алиева и др. Рождение новой плеяды крымско-татарских писателей, пишущих на родном языке в условиях дисперсного расселения своего народа, стало настоящим явлением в истории литературы крымско-татарского этноса.

В 70-е гг. в некоторых средних школах имелись классы для детей крымских татар, где обучение проводилось на родном языке. С 1969 по 1990 г. при филологическом факультете Ташкентского педагогического института было открыто отделение крымско-татарской филологии.

Сохранению крымскими татарами навыков ковроткачества способствовала общность традиций в этом виде декоративно-прикладного искусства с однотипным ремеслом коренного мусульманского населения. В кишлаке Палванташ Андижанской области в первый же год переселения женщины продолжили заниматься своим любимым делом — тканием ковров и келимов (ковриков для намаза). И, естественно, продолжал развиваться самый массовый вид народной культуры — вышивка. В качестве образцов для нового поколения мастериц служили домашние реликвии.

По мнению искусствоведа Исмета Заатова, особенно заметные сдвиги в развитии крымско-татарского искусства произошли в 60—80-е гг. XX в. В этот период в Республиканском художественном училище имени П. П. Бенькова и Театрально-художественном институте была подготовлена целая плеяда художников — мастеров различных видов изобразительного искусства, в том числе группа живописцев (Р. Усейнов, А. Бараш), графиков (З. Трасинова, Э. Иззетов). В Узбекистане выросли первые крымско-татарские скульпторы (А. Алиев) и гобелисты (М. Чурлу).

Неоценимый вклад в воспитание новых мастеров из числа представителей крымско-татарской национальности сыграли носители традиций узбекской и крымско-татарской художественной школы: К. Эминов — заслуженный деятель искусств Узбекистана, М. Чурлу — “один из блестящих знатоков крымско-татарского орнамента”, А. Бекиров — мастер резьбы по дереву, заслуженный работник культуры Узбекистана.

После периода относительного забвения вновь появились молодые профессиональные ювелиры и чеканщики по металлу (А. Галибов, И. и Э. Аблаевы, А. Асанов), что очень важно, поскольку ювелирные изделия являлись важной частью женского и мужского (в меньшей степени) национальных костюмов.

В области музыкальной культуры популярны произведения композиторов Ячьи Шерсетдинова, Эдема Намбандова и Ильяса Бахшиша. Своим талантом прославился певец (тенор) Государственного академического Большого театра имени А. Навои Руслан Гаффаров.

За годы совместного проживания с другими народами в Узбекистане крымские татары зарекомендовали себя хорошими специалистами в самых разных отраслях народного хозяйства, как в городах, так и в сельской местности.

Всей республике известны имена докторов технических наук Тейфука Асанова и Февзи Якубова, доктора химических наук Асана Муртазаева, доктора архитектуры Заремы Ногаевой, архитектора Энвера Асанова.

Получили признание в Узбекистане и за его пределами труды востоковеда-тюрколога, доктора филологических наук Айдера Меметова, историка Гульсум Михалевой.

Но больше всего крымско-татарская диаспора Узбекистана взрастила талантливых врачей — доктора медицинских наук Рифата Мамутова, Эльзара Бахешева, С. Билялова, Саида Руми, Абдуллу Аджимуллаева, Якуа Балича и мн. др.

Несмотря на массовый исход крымских татар в 90-х гг. на свою этническую родину, в крымско-татарской диаспоре Узбекистана осталось немало талантливых писателей, художников, мастеров прикладного искусства, архитекторов, известных специалистов в разных областях науки, преподавателей вузов, колледжей и школ.

Л. И. Жукова

Литература

Бонч-Осмоловский Г. А. Письмо в редакцию (По поводу рецензии на работу Б.Н. Куфтина “Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова”) // *Этнография*. 1927. № 1. С. 255.

Бугай Н. Ф. За что переселяли народы / *Агитатор*. 1989. № 1.

Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. М.: Мысль, 1992. С. 446.

Гинзбург А. И. Узбекистан: этнополитическая панорама. Очерки. Документы, материалы. М. 1995.

Губогло М. Н., С. М. Червонная. Крымско-татарское национальное движение. М., 1992. Т. 1. С. 331.

Заатов И. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство крымских татар XX в. Автореф. канд. искусствоведения. Ташкент, 2001.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД — МВД СССР) // *Социологические исследования*. 1990. № 11. С. 3—17.

Он же. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954—1960 гг.) // *Социологические исследования*. 1991. № 1. С. 5—26.

Иосиф Сталин Лаврентию Берии: “Их надо депортировать”. Документы, факты, комментарии // *Дружба народов*. 1992. С. 288.

Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. 1990—1992. Документы, материалы. М., 1993. С. 293.

Крым национальный. Вопросы и ответы. Симферополь, 1988. Вып. 1.

Крым: прошлое и настоящее / Отв. ред. С. Г. Агаджанов, А. Н. Сахаров. М., 1988.

Народы мира: историко-этнографический справочник / Гл. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 434—435.

Население России в 1920—1950-е гг.: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 223.

Опыт политической этнографии / *Новое время*. 1989. Декабрь. С. 7—18.

Очерки по истории Крыма. Симферополь. 1951. Ч. 1; 1957. Ч. 2.; 1964. Ч. 3; 1967. Ч. 4.

Репатриация крымских татар: оценка вариантов регулирования процесса (предварительный анализ). М., 1990.

Эргашев Б. Х. Идеология национально-освободительного движения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1991. С. 22.

ТАТЫ

Самоназвание — тат. Небольшая народность на Кавказе, в основном в Дагестане и Азербайджане. Язык — татский, относится к иранской группе индоевропейской семьи. Распадается на два диалекта: татско-мусульманский и татско-еврейский (северокавказский). Верующие — иудеи, мусульмане-шииты, христиане-монофиситы.

**Таты в Узбекистане: 1979 г. — 159
1989 г. — 242**

Основные “островки” оседлости тат-мусульман находятся на Апшероне и на севере Азербайджана. По культуре и быту эта группа татской народности почти не отличается от этнических азербайджанцев. Имена и фамилии азербайджанские. Выделяют лишь языковые особенности.

Традиционные занятия — земледелие, садоводство. Издревле занимались художественными промыслами (ковроткачество, изготовление медной посуды и др.). Многие из них вовлечены в промышленное производство.

Пункты оседлости небольшого числа тат-христиан (армяно-тат) — селения Манфаса и Кильвар на северо-востоке Азербайджана. По языковому признаку они близки к мусульманским татам.

Представители этих двух этнографических групп называют себя *tat*, а свой язык — *tati*.

Следует отметить, что термином “таты” обозначался также ряд диалектов северо-западного Ирана, а в Бухарском ханстве так называли оседлое население (иначе “сарты”). Термином “сарт” или “тат” обозначали хивинских купцов и простолюдинов-земледельцев.

Большинство иудеев-татов (горских евреев) проживает в Дагестане и частично в Азербайджане. (Об истории появления их в регионе см. ст. “Горские евреи”).

По одной версии, предками тат, исповедующих иудаизм, являются евреи, переселенные на Кавказ в глубокой древности. В.В. Бартольд пишет: “Евреи... утверждают, что их предки были привезены сюда (в Дагестан) ассирийскими и вавилонскими завоевателями”. По другой, — “эта группа татов автохтонна, а иудейская религия проникла к ним в относительно позднее время”.

Сами себя представители иудейских татов называют “иври”, а в обществе предпочитают именоваться “горскими евреями”. Тем не менее, в мет-

риках и паспортах в графе “национальность” принято писать “тат” или “еврей”. Но бывают случаи, когда вместо “тат”, по желанию его владельца, написано “татарин” (“татарин” иногда сокращенно пишут “тат”).

Среди татов, изменивших свою национальность и оторванных от этнической среды, есть и такие, которые создали интернациональные семьи. Они не владеют родным языком, не соблюдают национальные традиции и причисляют себя к атеистам.

Иудейские таты всегда проявляли интерес к Среднеазиатскому региону. Отчасти это связано с наличием большой диаспоры бухарских евреев, язык которых весьма схож с языком кавказских евреев. Оседали здесь и выпускники высших учебных заведений Кавказа, приехавшие в Узбекистан по распределению. Многие таты живут в городах, заняты в промышленности; сформировалась своя интеллигенция.

Л. И. Жукова

Литература

Альмеев Р. Бухарские евреи. Бухара, 1998. С. 15

История народов Узбекистана. Ташкент, 1947.

Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1988. С. 319—321.

ТУРКИ

Самоназвание — тюрк, с XIV в. — османы. **Народ, основное население** Турции. **Язык** — турецкий огузской подгруппы тюркской группы алтайской семьи. **Верующие** — мусульмане-сунниты.

Турки в Узбекистане: 1926 г. — 374
 1979 г. — 48 726 (с турками-месхетинцами)
 1989 г. — 106 302 (с турками-месхетинцами)

Тюркский пласт, в том числе и огузский, из которого в будущем сложились турки-османы, проникает в область современного Узбекистана в раннем средневековье, в частности в качестве воинов на службе у правителей и знати. Некоторые из них занимали крупные военные должности.

В X в. Алптегин, турок по происхождению, — начальник гвардии и полководец Саманидов, был назначен наместником Хорасана. В 962 г. он вошел в Газну, низложил местного правителя и создал независимое государство.

Более конкретные сведения о турках-османах относятся к XV в., когда после разгрома их Амиром Темуром под Анкарой в 1402 г., по описанию испанского посла Гонзалеса де Клавихо, из Турции привезли стрелков и ремесленников: каменотесов, золотых дел мастеров, сколько могли найти в этом городе. Турки-музыканты упоминаются при описании празднеств при дворе сына Темура — Шахруха.

Воины турки-османы, названные в источниках румийцами, участвовали в 1553—1554 гг. в войсках узбекского хана Барак Султана и его сына Баба Султана, штурмовавших Карши, Шахристан и другие города Согда.

Турецкие купцы и ремесленники попадали в Мавераннахр и по торгово-ремесленным делам. В 1890 г. на рынках узбекских городов появляется турецкая грена, превосходящая по своим качествам французскую. Бухарские писцы пользовались фабричной бумагой из Турции (“когози стамбули”).

Однако, помимо купцов, в начале XX в. в Туркестанский край проникает большая группа константинопольских военных офицеров и проповедников, связанных с организацией младотурок. Помимо просветительской деятельности, они ведут подпольную пропаганду за отделение края и принимают участие в движении под национально-исламистскими лозунгами. Поэтому с началом войны царские власти интернировали турок.

Турчанки чаще всего попадали сюда, выходя замуж за представителей местной элиты, обучавшихся в Турции. В Бухару из Турции вернулись родственники композитора Мутала Бурханова, в частности Мазхар — видный математик и законовед, и его брат Муаммир, жены которых, турчанки, были музыкально одарены.

В 30-е гг. начинается насильственное переселение турок, которое приобрело массовый характер в 1937 г., когда депортировали народы с южной границы Кавказа в целях “очистки погранполосы”. Продолжением его явилось переселение турок в Среднюю Азию вместе с некоторыми другими народностями и в годы второй мировой войны. В основном это были сельские жители, занимавшиеся земледелием и садоводством. И в Узбекистане они были расселены в сельских местностях, в первую очередь в Ташкентской области. В целинных районах Сырдарьинской области создавались целые махалли с названием “Турецкие”.

Ограничение было снято лишь в 1956 г., с оставлением запрета на возвращение в места их прежнего жительства.

Из числа известных общественных деятелей можно назвать Мустафу Субхи (1883—1921). В годы первой мировой войны он вел пропаганду среди военнопленных соотечественников, сочувствовал младобухарцам.

В настоящее время в Ташкенте имеется Турецкий культурный центр, который возглавляет У.И. Салманов.

Л. И. Жукова

Литература

Векслер С. М. Очерк истории узбекской музыкальной культуры до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1965. С. 101.

Потапов Л. П. Древний обычай, отражающий первобытно-общинный быт кочевников // Тюркологический сборник. 1951. № 1. С. 165—175.

Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Бухарские записи. Ташкент, 1982. С. 251.

Ундерова Л. В. Узбекская народная одежда конца XIX—XX вв. Ташкент, 1994. С. 62.

ТУРКИ-МЕСХЕТИНЦЫ

Турки-месхетинцы — самоназвание, потому что в древности селились в Месхетии — области Грузии, пограничной с Турцией. Второе самоназвание — бизим миллай (наша национальность, наш народ). Язык — восточно-анатолийский диалект турецкого разговорного, входит в состав огузской подгруппы алтайской языковой семьи с месхской оропятиной. Религия — селившиеся в Месхетии, принимали христианство. После завоевания области османами в 1626—1635 гг. основная часть обращена в ислам. Ныне большинство турок-месхетинцев — мусульмане-сунниты. Исламизация также играла определенную роль в тюркизации населения.

Турки-месхетинцы в Узбекистане до 1979 г. в переписях населения не упоминались.

Турки-месхетинцы в Узбекистане: 1979 г. — 48 726 (с турками)
1989 г. — 106 302 (с турками)

Массовое переселение турок-месхетинцев в Узбекистане начинается с декабря 1944 г. в связи с их массовой депортацией (более 100 тыс. чел.) под предлогом “усиления безопасности границ”, с подпиской “о добровольном переезде” в Среднюю Азию. Значительная часть их была расселена в Узбекистане — Ташкентской, Самаркандской, Сырдарьинской областях и Ферганской долине. Вплоть до 1956 г. они жили под комендантским надзором. С 1958 г. началось возвращение турок в Азербайджан, Кабардино-Балкарию, а с 1962 г. — в Грузию.

Основное занятие турок-месхетинцев — животноводство и земледелие, выращивание овощей, огородных культур, садоводство (даже в городах). Активное развитие получило занятие хлопководством, выращивание технических культур и кормов для скота. Традиционное ремесло — ковроткачество.

После отмены спецрежима начался активный переезд турок в города, где они занялись жилищным и дорожным строительством, торговлей.

Современное жилье турок в Узбекистане, как в сельской местности, так и в городах, рассчитано на большую семью, с внутренними дворами и линейной планировкой жилых, хозяйственных строений и подсобным хозяйством. В доме имеются комнаты для приема гостей и спальни с традиционными глиняными и деревянными возвышениями, нишами для традиционной посуды, функциональных принадлежностей быта и т. д.

Компактное расселение способствовало тому, что турки-месхетинцы сохранили свою самобытность, язык и семейный уклад, национальную кухню, свадебные и другие обряды, хотя в последние годы наблюдаются смешанные браки. В то же время национальной письменности почти никто не знает, нет книг на родном языке. И хотя есть свои поэты, певцы, музыканты, но творчество их носит внутриобщинный, “камерный” характер.

После ферганских событий 1989 г. часть турок-месхетинцев переселилась в российское Нечерноземье.

В настоящее время в республике их осталось незначительное количество. Большинство заняты в сельском хозяйстве, известны строители в Ферганской долине, музыканты в Янгиюле, представители гуманитарных наук. В течение многих лет в музыкальной школе № 1 г. Ташкента ведет класс духовых инструментов Шухрат Мирзаевич Мардалиев.

Л. И. Жукова

Литература

Бугай Н. Д. К вопросу о депортации народов СССР в 30—40-е гг. // История СССР. 1989. № 6.

Осипов А. Г., Савуров М. Д. Турки в Узбекистане: расселение, занятия, культура // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. М., 1992. Ч. 1. С. 103—130.

Рафатов М. Р. Месхетия и Месхи. Бишкек, 1996.

Хуршут Э. Турки. Под небом Кыргызстана. Фрунзе, 1991.

ТУРКМЭНЫ

Самоназвание — туркмен. **Народ, основное население** Туркменистана. **Язык** — туркменский огузской (юго-западной) подгруппы тюркской группы алтайской семьи. **Верующие** — мусульмане-сунниты.

Туркмены в Узбекистане:	1926 г. — 25 954
	1979 г. — 92 285
	1989 г. — 121 578
	2000 г. — 152 137

В Узбекистане туркмены расселены двумя крупными этническими массивами, приблизительно равными по численности. На севере Узбекистана — в Каракалпакстане, Хорезмской области и на юге — в Бухарской, Кашкадарьинской, Самаркандской, Сурхандарьинской, Ташкентской областях. Туркмен юга Узбекистана принято называть нуратинскими, хотя территория расселения их выходит далеко за пределы этого района. В свое время здесь располагалось Нуратинское бекство, административно входившее в состав Бухарского эмирата. По преданиям, в Нурату туркмены переселились с Сырдарьи. А в IX—X вв. началось их движение из Нураты в другие районы. Некоторые группы переселились в Нурату в XV—XVI вв. (мангышлау), другие — в XVII в. (эрсари), в низовья Зарафшана — в XIX — начале XX в.

Современные северные районы Узбекистана и Туркменистана исторически представляют в известной степени этнокультурное единство — это область Хорезма, где еще в глубокой древности существовала высокая цивилизация.

Древний Хорезм со столицей в Куня-Ургенче может быть отнесен к одному из центров становления туркменского этноса. Туркмены, издревле населявшие эту территорию, сыграли важную роль в истории Хорезма. Не умалилась их роль и после образования Хивинского ханства. Некоторые племена со средней Амударьи уходят постепенно на юг — в районы Узбекистана, а затем расселяются вплоть до Уратюбе. Наиболее многочисленную группу из них составляли эрсари. Часть их осела на берегу Сырдарьи, в районе Бекабада, причем в обиход их вошел узбекский язык, хотя квартал Бекабада носил название “Туркман”.

В то же время на земли левобережья Амударьи в середине XIX в. в Турткульский район переселяются туркмены племенной группы ата, пришедшие из юго-западной Туркмении; в Рометанский район Бухарского оазиса — туркмены-кимаки из Теджена. Некоторые из них консолидируются с узбеками, хотя и сохраняют особенности своей материальной культуры. Этническое самосознание сохраняли туркмены Галаасии. Были эрсари, баят, саят, карабек, керки, переселившиеся из Чарджоуского района.

Источники отмечают как дискриминационный акт переселения некоторых туркменских племен (балты, хыдыр-эли, салыры) в Бухарском эмирате в малообжитые районы на границе с Хивинским ханством, на земли, слабо освоенные и плохо обеспеченные ирригационными сооружениями.

В период завоевания Хорезма российскими войсками происходит сокращение числа туркмен — против них снаряжались карательные экспедиции. Сильное сокращение туркменского населения Хорезма наблюдалось также в первые годы Советской власти.

Второй крупный этнический массив туркмен, проживающих в Узбекистане, — в Кашкадарьинской, Сурхандарьинской и Бухарской областях. Более мелкие группы представлены в Самаркандской и Ташкентской областях.

Помимо туркмен, населяющих юг современного Узбекистана со времени сельджукского движения, здесь проживают также туркменские группы более позднего происхождения. Они селились преимущественно на правобережье Амударьи, в низовьях Кашкадарьи и Зарафшана, в Каракульском оазисе. По историческим данным, туркмены начали заселять эти районы в середине XIX в., когда в самаркандском оазисе занялись восстановлением ирригационной сети, разрушенной в XVIII в.

Значительным был туркменский пласт во владениях Бухарского эмирата. Численность туркмен здесь на собственно узбекской территории (правобережье Амударьи) после национально-территориального размежевания 1924 г. определялась в 24 тыс. чел. Представляется, что цифра эта занижена, поскольку значительная их часть была записана узбеками — это туркменские племена чендыр, колпаклы, аймак, хыдырэли и др. общей численностью свыше 25 тыс. чел. Ассимиляция туркмен с узбеками и таджиками продолжалась и в последующие десятилетия, особенно в 70—80-е гг. XX столетия.

Подавляющее большинство туркмен Узбекистана, как северных райнов, так и южных, было занято в сельском хозяйстве. Основным занятием на

ранних этапах являлось наряду со скотоводством — овцеводством и верблюдоводством и связанными с ними ремеслами — обработка кожи и шерсти, ковроделие и изготовление узорных кошм, паласов, переметных сум и шерстяной одежды. Осевшие эрсари стали заниматься земледелием и кузнечным ремеслом, изготовлением седел и конской упряжи. Об этом сообщал в 60-е гг. XIX в. востоковед В. В. Радлов, побывавший в 1868 г. у нуратинских туркмен: “Туркмены живут оседло, совершенно как жители собственно Зарафшанской долины”.

В XX в. все большую роль начинает играть земледелие, особенно среди оседающих племен в Узбекистане. В начале 30-х гг. появляются первые квалифицированные агрономы и инженеры из туркмен.

Большим подспорьем в хозяйстве туркмен Узбекистана всегда являлись различные домашние промыслы. Это касается, прежде всего, ковроделия, шелкоткачества и кошмоваления.

В области материальной и духовной культуры туркмены, особенно оседлые, испытывали сильное узбекское влияние, хотя продолжали сохранять самобытность. В 1920-х гг. разрабатывается туркменская письменность, складывается театральная культура. В 1922 г. Хамза Хакимзаде организовал узбекско-туркменскую театральную группу в Северном Узбекистане, которая обслуживала не только хорезмских узбеков, но и туркмен ближайших районов. Вообще из среды туркмен Узбекистана вышло достаточно много выдающихся исполнителей туркменского музыкального фольклора — бахши, сказителей. Громадной популярностью среди туркмен Южного Узбекистана пользуются бахши Джуманбулбул и его сын Эргеш, в Северном Туркменистане — исполнитель туркменских и хорезмских народных песен Камилджон Атаниязов и др.

Р. Шигабдинов

Литература

Агаджанов С. Г. Очерк истории огузов и туркмен в Средней Азии (IX—XIII вв.). Ашхабад: Ёлым, 1969. С. 295.

Вайнберг Б. И. К истории туркменских поселений XIX века в Хорезме // Советская этнография. 1959. № 3. С. 31—45.

Васильева Г. П. Туркмены (вопросы этнических и этнокультурных традиций) // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990. С. 65.

Джикиев А. Д. Этническая история населения южных и юго-восточных туркмен в XVI — XX вв. // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ташкент, 1988. С. 250.

Дурдыев М. Туркмены Центральной Азии. Ашгабат: Юрт, 1993. С. 40.

Жданко Т. А. Быт колхозников-переселенцев на вновь освоенных землях древнего орошения Каракалпакии. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции (1949—1953). М., 1958.

Жуманиёзова М. Т. Этнический состав и особенности материальной культуры на-

селения Хорезмского оазиса в конце XIX — начале XX века // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1998. С. 150.

Марков Г. Е. Очерк истории формирования северных туркмен. М.: Изд-во МГУ, 1961. С. 208.

УЙГУРЫ

Самоназвание — уйгур. Народ в Китае. Уйгурский (новоуйгурский) язык относится к карлукской (юго-восточной) подгруппе тюркской группы алтайской семьи. Верующие — мусульмане-сунниты.

Уйгуры в Узбекистане:	1926 г. — 4 421
	1979 г. — 29 104
	1989 г. — 35 762
	2000 г. — 19 526

Этноним “уйгур” впервые появляется в древнетюркских надписях на надгробных камнях (VIII—IX вв.), найденных на реке Орхон в Монголии. Этот же этноним встречается позднее в сочинениях XI в. и в документах, найденных на территории современного Синь-Цзяна и датированных X—XII вв. В китайских источниках XIII—XIV вв. мы находим тот же этноним в форме “вэйгур”. После XV в. этноним “уйгур” в силу ряда причин исчез из употребления и общее самоназвание населения заменилось территориальным — по месту жительства. Вновь наименование “уйгуры” было принято на съезде представителей уйгуров в г. Ташкенте в 1921 г. как общее национальное название всего уйгурского народа.

На землях Узбекистана уйгуры появились еще в XV—XVI вв. В документах того времени они называются кашгарцами. Массовое переселение уйгуров в Среднюю Азию относится к XVIII—XIX вв., в особенности в годы, последовавшие за подавлением антикитайского восстания 1862—1878 гг. За указанный период на территорию Кокандского ханства переселилось от 85 до 160 тыс. кашгарцев.

Сохранился записанный рассказ одного из очевидцев заселения уйгурами Ферганской долины Паджа-Ходжи Искандиярова: “Когда мы переселились из Кашгарии в эти места, в Узбекистан, мне было 5-6 лет. Тогда приехали наши отцы и деды группами по 5—16 семейств верхом на ишаках и остановились в местности, называвшейся Токанзор, что означает в переводе “камышевые заросли”. Пришлось бежать из Кашгарии, так как наступали тяжелые времена из-за восстаний Ети-ходжи и Чангирхана против китайцев”.

В Ташкенте позднефеодального периода в районе расположения Кашгарских ворот существовала махалля “Кашгар” (“Кашгарка” — этноним, до сих пор сохранившийся в топонимике города). Насчитывалось 127 до-

мовладений. Основное население — переселенцы из Кашгара. Главное занятие — торговля. Имелись базар, караван-сарай, мечеть и др. Позднее уйгуры оседали и в Паркенте (ныне Ташкентская область).

В последующие годы уйгурские отходники в одиночку и небольшими группами с семьями и без семей приходили на сезонные работы в Среднюю Азию. Этот стихийный поток из года в год возрастал.

Прибывавшие на территорию современного Узбекистана, в частности в Кокандское ханство, уйгуры в основной массе были земледельцами (полеводство, садоводство, огородничество). Для домашних нужд они занимались и скотоводством, поскольку переселялись на свободные, чаще всего заболоченные, земли. Позднее туркестанские власти стали предоставлять переселенцам эти земли на льготных условиях сроком на 10 лет, по истечении которого все хозяйства облагались денежными податями и повинностями.

Имея богатый эмпирический багаж знаний по земледелию, уйгуры приспособляли, казалось бы, негодные земли под разведение риса, а холмистые участки засеивали зерновыми и масляничными культурами. Пытались даже заниматься хлопководством.

Уйгуры устраивались работать в районах и городских центрах в сфере обслуживания: мельниками, лепешечниками, пекарями, поварами, сапожниками, плотниками. Широко были развиты и домашние промыслы: пряжение хлопка, шелкомотание из коконов, плетение циновок из камыша, выделка узорных войлоков и ковров, которыми занимались только женщины.

В общей массе туркестанские уйгуры являлись малограмотным народом. Грамотность среди них колебалась в отдельных районах от 8—9 % до 20—24 %. До 1910 г. полностью отсутствовала медицинская помощь.

В годы первой мировой войны в Туркестан, в том числе и в Фергану, прибыло на заработки несколько десятков тысяч уйгурских рабочих из Китая (по соглашению с китайским правительством). Значительная их часть затем вернулась на родину, но немало осталось в Фергане навсегда. Среди коренных национальных меньшинств Узбекистана уйгуры занимали четвертое место.

Уйгуры активно включились в социалистическое строительство. Они создали кашгаро-джунгарские секции и ячейки, работавшие по развернутым культурно-просветительским программам.

В начале 20-х гг. в Узбекистане имелись уйгурские сельсоветы. В 1937 г. уже было организовано свыше 60 уйгурских колхозов. В домах появилась европейская мебель, патефоны, радио. Некоторые колхозы были электрифицированы. Занятия в школах проводились на родном языке. В 1936 г. имелось около 5 тыс. учащихся. Кадры учителей готовил уйгурский педагогический техникум в Андижане. В предвоенные годы появились кадры национальной интеллигенции — ученых, писателей, агрономов, врачей, инженеров.

В Ташкенте издавались учебники, оригинальная и художественная литература, выходила газета “Шарк хакикати” на уйгурском языке. Кроме того, в Узбекистане в 30-е гг. выходила уйгурская газета “Кун чикиш ха-

кикаты” (тираж 5000 экз.). Распространение грамотности сопровождалось развитием уйгурского языка и письменности.

Перед войной активная деятельность в области просвещения и культуры нацменьшинств была свернута. Многих известных уйгур, и в первую очередь представителей интеллигенции, обвинили в шпионаже в пользу Китая.

Новая крупная группа уйгуров в Узбекистане и в других республиках Средней Азии появилась в конце 50-х — начале 60-х гг., и опять по соглашению между советским и китайским правительствами. В основном они расселялись в Андижанской, Ташкентской областях и Ташкенте.

В Узбекистане проживают потомки трех групп уйгуров: кашгарльков, таранчи и долонов. Последние являются потомками ассимилированных уйгурами кыргызов. Живут они в основном в кишлаке Долон Шахриханского района Андижанской области и отличаются некоторыми чертами культуры и быта. Потомки кашгарльков расселены в основном в Ферганской долине, городе Ташкенте и Ташкентской области.

За годы Советской власти официально процент роста уйгурского населения не только не увеличился, но даже резко сократился. Если, например, в 1926 г. в Андижанском округе было зарегистрировано 30 757 уйгуров, то в 1979 г. — 11 867. Уйгуры по разным причинам меняли свою национальность. Этому имелись объяснения. Увеличился рост узбекско-уйгурских браков. Помимо близости культур двух народов, присутствовали и другие факторы, провоцировавшие смешанные браки. В 30-е гг. уйгурских юношей не брали в армию. Поэтому многие девушки коренных национальностей выходили замуж за уйгуров, чтобы уберечь в будущем своих сыновей от военной службы.

Для уйгурской культуры характерно смешение с национальной культурой узбеков, а по существу они составляют единое целое, что объясняется не столько фактором влияния, сколько фактором схожести, восходящим к далекому прошлому. Некоторые различия наблюдаются лишь в языке, но и он, сохраняя особенности кашгарояркендовского диалекта уйгурского языка, впитал в себя много элементов узбекской лексики. Наибольшее сходство в национальной культуре и языке наблюдается у последних переселенцев из Китая и Казахстана, в основном потомков таранчи, проживающих в Ташкенте и Ташкентской области.

В материальной культуре уйгуров много национальной специфики. Традиционными остаются строительная техника, планировка жилища. К новым элементам можно отнести увеличение количества комнат, выделение специальных комнат для детей, особенно школьников, вынос очага для приготовления пищи из жилого дома в специальную постройку, оформление традиционного айвана в виде застекленной галереи. Наружные деревянные поверхности уйгурского дома оформляются резьбой с традиционным орнаментом. Жилые комнаты, как и прежде, украшаются вышитыми полотенцами, занавесями и подушками. Техника вышивки различная, в основном “гладь с закрепом”. В одной из комнат устраивают “кан” —

теплую лежанку (в Ташкенте и Ташкентской области). В уйгурском дворе обязательно имеется “тонур” для выпечки лепешек, традиционный очаг каминного типа “молочак” для приготовления пицци (в Ферганской долине), цветник, где излюбленными цветами являются бархатцы, розы, “петушиные гребешки”, базилик. При усадьбе — огород с традиционной системой полива, виноградники.

Пицца по составу также остается национальной. Наиболее известные блюда — лагман, мампар, манты, санза и др. И, конечно, знаменитые уйгурские лепешки.

Традиционной одежды в основном придерживаются представители старшего поколения. По-прежнему пользуются спросом уйгурские ювелирные изделия, в том числе знаменитые кашгарские серьги. Но полный комплект женской национальной одежды, в том числе халат и безрукавку с характерным (маньчжурским) вырезом, можно наблюдать лишь у артистов во время выступления. Отметим, что для уйгуров, до переселения в Ферганскую долину, не было характерно ношение паранджи.

Во многом традиционными остаются обычаи, связанные с семьей и браком. Основной формой в структуре семьи уйгуров является малая семья, состоящая из 5—8 чел. двух или трех поколений. В то же время число неразделенных семей достигает 30—35 %. Семья по-прежнему играет важнейшую роль в трансляции этнических стереотипов, в частности в передаче национальных традиций и языка.

Из традиционных элементов свадебной обрядности фиксируются сватовство, договор о расходах жениха на свадьбу (селик), в который входят и расходы на подарки родственникам невесты, подарок матери невесты за ее воспитание (анилик), свадебное застолье (той), чтение никах и др.

Одна из черт национального характера уйгуров — жизнерадостность, веселье и музыкальность. Особенно развито песенное творчество. Еще в 20-х гг. в Ферганской долине имелись коллективы художественной самодеятельности уйгуров и драматические кружки “кок куйнак”. В 1935 г. в городе Андижане был создан уйгурский театр. В 1966 г. провел свои первые выступления уйгурский ансамбль песни и танца под руководством народного артиста Узбекистана Гани Ташматова. Уйгурский инструмент под названием “кашгарский рубаб” давно занял прочное место среди музыкальных инструментов узбеков и таджиков. Значителен вклад уйгуров в узбекское музыкальное искусство. Помимо Ганижона Ташматова, это народные артисты Узбекистана Халижон Кадырова, Гульнара Маваева, композитор Шахида Шаймарданова и мн. др.

В целом для уйгуров Узбекистана наряду с сохранением традиционных элементов культуры характерны и широкие заимствования у других народов. С другой стороны, самобытная культура уйгуров обогатила материальное и духовное наследие своих соседей. Строительное дело уйгурского населения оказало влияние на характер ферганской архитектуры и искусства. По утверждению В. А. Успенского, современный узбекский чанг был занесен в Среднюю Азию через кашгарцев. В жилых домах и мечетях

Багдадского района применяются раздвоенные оконные ставни. Уйгурские национальные блюда стали достоянием кулинарии всех народов Среднеазиатского региона.

По преданию, бытующему среди уйгур, присутствуют общие корни в этногенезе уйгур и хорезмийцев. Это, в частности, выражается, в том что танцевальное искусство и тех, и других отличается особой веселостью и игривостью.

В Узбекистане образовалась целая плеяда деятелей науки и культуры уйгурского происхождения: крупный деятель сценического и музыкального искусства Джалал Асимов, филологи Мурат Хамраев и Асым Бакиев, поэтесса Рахилия Хапизова, востоковед Махмуд Кутлуков, художник-керамист Таджибай Мирзаев, историки Ирпан Тухтаев и Анвар Бутаходжаев.

М. Д. Савуров

Литература

Амитин-Шапиро З. Л., Юабов И. М. Национальные меньшинства Узбекистана. Ташкент, 1935. С. 71—81.

Гинсбург А. И. Узбекистан: этнополитическая панорама, очерки. Документы, материалы. М., 1994. Т. 2. С. 268—273.

Захарова И. В. Уйгуры // Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1963. Т. 2. С. 488—526.

Она же. Материальная культура уйгуров Советского Союза. ТИЭ, 1959. Т. 47. С. 215 — 298.

Карпов В. Сезонники-уйгуры // За партию (Ташкент). 1929. № 9/10.

Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алма-Ата: Наука, 1978. С. 219.

Никольская Г. Б. Некоторые данные об отходничестве из Северо-Западного Китая в Туркестан (в конце XIX — начале XX века) // Труды ТГУ. Ашхабад. 1962, Ст. 194, С. 49—60.

Она же. Выходцы из Синь-Цзяня в Туркестане в конце XIX — начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1969.

Решетов А. М. Современные этнические процессы у уйгуров Средней Азии и Казахстана // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Алма-Ата, 1976. С. 88—90.

Революция и национальность. М., 1937. № 12. С. 64—65.

Рузиев М. Возрожденный уйгурский народ. Алма-Ата: Казахстан, 1976. С. 213.

Савуров М. Д. Уйгуры кишлака Долан Московского района Андижанской области Узбекской ССР // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1979. С. 3—4.

УКРАИНЦЫ

Самоназвание — украинцы. **Народ**, основное население Украины. **Язык** — украинский восточной подгруппы славянской группы индоевропейской семьи. **Верующие** — православные, незначительное число католиков, часть униаты.

Украинцы в Узбекистане:	1926 г. — 25 804
	1979 г. — 113 826
	1989 г. — 153 197
	2000 г. — 104 720

Украинцы — крупнейший после русских восточнославянский народ, и так исторически сложилось, что существуют различия в быту, костюме, религии и культуре между восточными и западными украинцами.

В официальных актах царской России Украина называлась Малороссия, соответственно украинский народ — малороссы.

Первые представители украинского этноса появились на просторах Казахстана приблизительно в начале XVIII в., а в среднеазиатских ханствах в качестве заложников, возможно, еще раньше.

Давние исторические связи Украины со Средней Азией прежде всего ассоциируются с именем великого украинского кобзаря — Тараса Шевченко. В его биографии есть годы, тесно связанные с Приаральем: находясь в ссылке, в 1848—1849 гг. поэт принимал участие в работе Аральской экспедиции под руководством А. И. Бутакова по изучению северной части Каракалпакии. В память об этом в 1970 г. в Нукусе был установлен бюст Т. Г. Шевченко.

Выходцы с Украины составляли довольно заметную прослойку военнотружущих царской России. Поэтому и первые малороссы в более-менее значительном количестве появились в Туркестане в составе русских войск в середине XIX в.

Первые массовые заселения украинцами колонии Российской империи — Туркестанского края — начались с 1885 г. Основная причина — поиски удобных земель. Ограбленные по реформе 1861 г. крестьяне — выходцы из Украины и южных губерний России — размещались компактными поселениями в Семиречье, в Черняевском и Аулие-атинском уездах, Сырдарьинской области и, отчасти, в Ферганской долине (Кетмень-Тюбе, поселок Мархамат), Голодной степи. Основное занятие — хлебопашество, хлопководство, садоводство, огородничество. В 90-х гг. XIX в. появились уже первые пасечники, чуть позднее — и свиноводы. Украинские крестьяне старались вести хозяйство так, чтобы оно было прибыльным.

Обособленно от украинской диаспоры держалась небольшая колония их соплеменников в “великокняжеских поселках” — так между собой называли селения, организованные по инициативе Великого князя

Н. К. Романова недалеко от Чирчика (под Ташкентом). Это были украинцы, сектанты-молокане, высланные с Кавказа за исповедуемую ими “молоканскую ересь”. Они достаточно быстро обустроились, обзавелись хозяйством, завели породистый скот и стали весьма зажиточными.

В Бухаре впервые украинцы появились после установления Россией протектората над эмиратом. Миграция в Среднюю Азию украинских переселенцев способствовала развитию в регионе богарного земледелия, которое и раньше было знакомо коренным жителям. Местное население училось у приехавших выращивать многие новые сельскохозяйственные культуры.

Первые украинские села в границах современного Узбекистана напоминали размещением домов и планировкой улиц отчий край. В том же архитектурном стиле строились дома (хаты), школы и православные храмы.

За крестьянами потянулся малороссийский рабочий люд: ремесленники и железнодорожники. Они обустраивались в крупных городах — в Ташкенте, Самарканде и в городах Ферганской долины. И наконец, в начале XX в. в Туркестанском генерал-губернаторстве украинцы появились в бюрократических слоях населения, среди чиновников и канцеляристов.

Городские жители украинской национальности, большие любители театрального действия, охотно посещали спектакли, поставленные своими соотечественниками. В 1895—1899 гг. в Ташкенте часто гастролировали украинские музыкально-драматические труппы.

Украинцы, проживавшие в Самарканде, имели возможность общаться с талантливым ботаником В. И. Липским (1863—1937), который приезжал в 1896 г. в Среднюю Азию для изучения ледников. После кратковременной остановки в древнем городе ученый совершил поездку по гористой территории Бухарского эмирата. Впоследствии В. И. Липский стал первым президентом Академии наук Украины.

В годы первой мировой войны в Туркестан были доставлены пленные западные украинцы (галичане). Были они и среди беженцев. Их религиозные требы легально отправляли украинские священники-униаты, прибывшие вместе с ними. Но позднее это приходилось делать тайно.

В конце июня 1917 г. в Ташкенте была сформирована украинская рота под командованием сотника Долоты, и в эшелоне 1-го Сибирского полка отправлена на фронт сражаться за создание буржуазной “Вольной Украины”. Национальная рота формировалась при непосредственном участии Украинского войскового клуба и Краевой Украинской громады, объединявшей националистически настроенных украинцев. Ее отделения имелись в Самарканде, Скобелеве, Чорджоу и других городах.

На V Краевом съезде Советов Туркеспублики был создан Народный комиссариат по делам национальностей. При нем работало восемь секций национальных меньшинств, в том числе и украинская. На съезде было оглашено точное число украинцев, проживавших на тот момент в Туркестане, — 500 тыс. чел.

В 20—30-е гг. в Ташкенте, в украинской слободке, действовал национальный рабочий клуб. 21 ноября 1920 г. состоялось открытие памятника

поэту Тарасу Шевченко в Ташкенте. Дети обучались в школе на родном языке. В 1922 г. издали букварь — “Читанку” — для первого и второго годов обучения. В начале 30-х гг. в Узбекистане функционировало 40 украинских школ, шесть рабочих домов. Но подобное благополучное положение диаспоры было характерно только для столичной области. Проводить какую-либо культурно-просветительную работу было крайне трудно из-за разбросанности населения. Главная “головная боль” — подготовка кадров учителей. Уровень грамотности среди украинцев был средним. Эти причины вынуждали украинцев все чаще “поговаривать о перекочевке обратно на Украину”.

Однако в 1922 г. в Туркестан стали прибывать беженцы из голодающих районов Украины. Большая часть украинской земли, как и приволжской, и южноуральской, оказалась охваченной засухой и неурожаем. Особенно много пострадавших славян принял Самарканд. В 1926 г. около тысячи семей русских и украинцев проживало в Карши. Из-за подобных стихийных бедствий приток в “хлебный край” украинцев повторялся неоднократно: и в 20-е, и в 30-е гг.

Трагедия второй мировой войны вынудила эвакуироваться в Узбекистан целый ряд украинских промышленных предприятий, научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений и творческих коллективов. Уже в конце 1941 г. сюда прибыли Украинский художественный институт, Одесский институт инженеров морского транспорта, Харьковский сельхозинститут и др. В Бухару эвакуировался харьковский завод “Электростанок”, Киевский и Харьковский художественные институты, а в Коканд — сахарный завод. После 1945 г. многие из эвакуированных украинцев остались жить в Узбекистане.

Достаточно большая миграция населения с Украины (до 50-х гг.) была связана с индустриализацией среднеазиатских республик. Этот процесс затянулся на десятилетия. Харьковские машинисты обучали узбекских железнодорожников водить паровозы и тепловозы по Ташкентской магистрали. Шахтеры Донбасса передавали опыт добычи угля в Ангренском угольном бассейне, а сталевары Запорожья делились техническими навыками выплавки стали. Украинские специалисты принимали участие в сооружении железнодорожной магистрали Чарджоу—Кунград. Первый поезд в Кунград 24 июля 1955 г. привел машинист первого класса Ургенчского локомотивного депо В. Ф. Демченко.

2 600 инженеров и строителей Украины в течение нескольких лет участвовали в восстановлении Ташкента, разрушенного землетрясением 1966 г. Многие обрели здесь семейное счастье и остались жить.

По данным 1970 г., в Узбекистане проживало 111,7 тыс., или 34,1% от общей численности украинцев, проживавших в Средней Азии. Основная их масса была сосредоточена в Ташкенте. Общий образовательный уровень достаточно высок.

Среди именитых людей Узбекистана, выходцев с Украины, — писатель, историк, археолог, этнограф и фольклорист Д. И. Иваницкий (Эварниц-

кий) (1855—1940), поэт и писатель В. А. Костыря, оперный певец В. П. Гринченко и композитор Б. Ф. Гиенко, архитектор Ю. Г. Мирошниченко, художник Г. Улько, скульптор Ф. Гриценко, академик В. Е. Еременко.

Л. И. Жукова

Литература

Абдурахманова Н., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX — первой четверти XX в. Ташкент, 1999. С. 67.

Абубекиров З. Л. Трудовые подвиги самаркандских железнодорожников в деле восстановления транспорта (1920—1922) // Научные работы и сообщения. Ташкент, 1961. Кн. 4. С. 175.

Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы (конец XIX — конец XX в.). М., 2001.

Матвеев А. М. Из истории европейских выходцев в Туркестане после Февральской революции // Научные труды ТашГУ. 1975. Вып. 482. С. 69—70.

Ошанин Л. В. Из заметок старого туркестанца. Великий князь Николай Константинович Романов и Шурка-“Великий князь”. Рукопись. С. 5. // ЦГА РУз. Ф. Р. -2467.

Салимов Х. Население Средней Азии. Ташкент, 1975. С. 101—102.

Тюриков В. Песни седого Арала. Ташкент, 1979. С. 29.

УРАЛЬСКИЕ КАЗАКИ

Казак — происходит от тюркского “казак” (“удалец”, “вольный человек”). В Российской империи — особое воинское сословие, обладающее своими правами и преимуществами, обязанное выставлять сравнительно большее, чем прочее население, число строевых частей, главным образом кавалерию, но также пехоту и артиллерию. Каждый казак обязан иметь собственную лошадь, обмундирование, снаряжение, амуницию, получая от казны лишь огнестрельное оружие.

В связи с колониальной экспансией Московского государства на юго-восток во второй половине XVI в. по среднему и нижнему течению р. Урал (Яик) появилось Яицкое казачье войско, переименованное после восстания Е. Пугачева (1773—1775 гг.) в Уральское, с центром в г. Уральске. Оно состояло из двух общин: собственно Уральской — от станицы Бородинской до Каспийского моря и Илецкой — от трех станиц, смежных с Оренбургским войском.

Уральские казаки воспротивились утверждению нового устава военной службы и общественного хозяйственного управления в Уральском войске, которые были объявлены им 9 марта 1874 г. Согласно ему, значительно увеличивались воинские повинности, сокращались права на самоуправле-

ние и казачьи вольности. За участие в волнениях было арестовано и препровождено в Туркестанский край к июлю 1876 г. 2 075 казаков, разжалованных в сословие сельских обывателей. Они были размещены в Казалинске и форте Перовском, подчинены воинской дисциплине (которую они саботировали) и содержались за счет местного бюджета.

В сентябре 1876 г. был издан приказ о распределении уральцев по городам и фортам Туркестанского края, а осенью 1877 г. с Урала были высланы их семьи. Первая партия, более 1000 повозок, была размещена в Казалинском лагере, вторая — в Петроалександровске. Ни одна из уральских казачек не пожелала сознаться, где находится ее муж или сын. На все вопросы отвечали: “не знаю”. Тогда часть оставили в фортах, часть отвезли в Самарканд, Чиназ, Чарджоу, Пенджикент, Аулие-ату и др., где позднее или мужья переезжали к женам, или жены — к мужьям. Большая часть уральских казаков была поселена в Амударьинском отделе Сырдарьинской области.

В 1883 г. они были амнистированы, раскаявшимся было разрешено вернуться на родину. “Как нас пригнали сюда силой, так пусть и возвращают под конвоем, а раскаиваться мы не будем,” — был ответ казаков. Но часть уральцев уехала. Оставшиеся могли селиться в любых пунктах Туркестана — выбрали Петроалександровск, Нукус, Заир, Ташкент и др.

Уральские переселенцы занимались в основном рыболовством на Амударье, внутренних озерах и Аральском море. Собираясь в рыбачьи ватаги, они строили ледники на Куке и в устьях Улькундарьи, где солили рыбу впрок, готовили рыбные продукты: икру, балык, вяленую рыбу, вязигу, рыбий жир, клей и др. В дельте Амударьи зажиточные уральцы организовали 28 рыбопромысловых ледников и взяли в свои руки все рыболовство, монополизировали торговлю рыбой в Туркестанском крае и за его пределами. Занимались они также охотой, часть — ростовщичеством, торговлей хлебом, скотом, сахаром, керосином. Имелись среди них и владельцы хлопководов.

Уральские казаки старались жить изолированно, но в дружественных отношениях с местным населением, обогатили свой русский язык со всеми его диалектными особенностями лексическим материалом тюркских языков. Сохранили богатый фольклор и духовное песнопение, которыми очень гордились. Строго сохраняли в семейном укладе типичные черты старого быта и патриархальных отношений. Жили большими семьями. По казачьим традициям игрались свадьбы и справлялись похоронные обряды. Обучение детей проводилось в домашних условиях, по старинным учебникам и книгам.

Сохранилась у уральцев и самобытная одежда. Мужское одеяние функционально связано с рыбным промыслом. Интересна женская одежда — это сарафаны покроя старинной русской ферязи, головные уборы и “волосники”, “именные” пояса. Свообразны свадебные наряды.

Прочность традиционных форм в быту и обрядах была обусловлена в значительной мере старообрядческим вероисповеданием, а также прису-

щим казачеству консерватизмом, неприятием всего нового. Они не признавали врачей, отказывались от прививок, что, в частности, привело в 1889 г. к эпидемии оспы ввиду решительного отказа их от врачебного вмешательства. События 1917 г. почти не коснулись уклада жизни уральцев, характера трудовой деятельности.

Уральские казаки были староверами, или старообрядцами, направления, состоящего из многочисленных группировок, толков, течений, возникшего в результате раскола в русской православной церкви во второй половине XVII в. Среди уральских казаков Средней Азии были распространены в основном три ветки старообрядчества: беглопоповцы (поповский толк), не приемлющие священства Белокриниченской иерархии, приемлющие священство поповцы и беглопоповцы.

В 1948 г. они подали ходатайство и зарегистрировали свою старообрядческую общину, сохраняя преданность принципам своей веры.

К середине XX в. с учетом особенностей рода занятий, жилищ и обычаев выделились три группы — турткульская, нукуская и кунградская.

Проживавшие в низовьях Амударьи, на территории современного Каракалпакстана, казаки в связи с резким падением уровня Аральского моря и утратой традиционных видов трудовой деятельности с 1981 г. начали постепенно мигрировать в Волгоградскую область, в гг. Калач, Камышин.

В конце 90-х гг. XX в. в Республике Каракалпакстан проживало: 4 семьи уральцев в Муйнаке, 15 семей — в Кунграде, около 20 семей — в Турткуле, 25 семей — в поселке Рыбачий в районе Нукуса, 5 семей — в городах Ходжейли и Тахиаташе, около 50 семей, в основном старики, в поселке Респо около Нукуса.

Н. Х. Кнауэр, В. В. Германова

Литература

Коротин Е. И. Уральские казаки в Средней Азии // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекистана. Ташкент, 1981. № 3.

Сборник материалов для статистики Сырдарьинской обл. Ташкент, 1892. Т. 2.

Туркестанские ведомости. 1900. № 8.

Шмачков П. А. Переселение уральцев в Каракалпакию (1875—1881 гг.) // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекистана. Ташкент, 1960. № 2.

ЦГА Руз, Ф. И-1 оп. 1, д. 138, л. 7—8; оп. 2, д. 1916, л. 23; ф. И-18, оп. 1, д. 1630, л. 9.

ФИННЫ

Самоназвание — суомалайсет. **Народ, основное население** Финляндии. **Язык** — финский, относится к прибалтийско-финской подгруппе финно-угорской группы уральской семьи. **Верующие** — в основном лютеране.

Финны в Узбекистане:

1926 г. —	26
1979 г. —	202
1989 г. —	181

Финляндия наравне с Туркестанским краем составляла часть Российской империи. Однако финнов, по-видимому, мало что прельщало в далекой Средней Азии. Во всем Туркестане представителей этой национальности насчитывалось не более двух-трех десятков человек. Это были в основном мелкие предприниматели. В 1871 г. в Ташкенте, помимо военных чинов, проживало девять финнов из числа гражданских лиц. В начале XX в. в Ташкент были приглашены мастера калачного дела из Выборга.

Самым примечательным моментом в культурной жизни двух окраин Российской империи явилось, пожалуй, обнаружение в 1896—1897 гг. членом Туркестанского кружка любителей археологии финном В. А. Каллауром с помощью нескольких местных жителей трех камней с руническими письменами в урочище Айратам (предгорья Таласского Алатау).

Весной 1898 г. в Талас прибыла специальная археологическая экспедиция финно-угорского ученого общества из трех сотрудников — магистра философии Г. И. Гейкеля, барона Муика и профессора О. Доннера. Скандинавам посчастливилось найти еще два камня с руническими надписями. Один из них в 1899 г. был вывезен в Гельсингфорс. После дешифровки рунической письменности ученые установили, что надписи принадлежат тюркам, а это была вторая по численности языковая семья на территории Российской империи после славян.

Уже в наше время известный востоковед Г. С. Кляшторный уточнил, что вся группа эпитафийных рунических памятников Таласа палеографически совершенно единообразна и датируется не позднее середины VIII в.

Прелюдией финской трагедии конца 30-х гг. XX в. стало переселение финнов и лиц других национальностей с советско-финской границы в Южной Казахстан и Узбекистан. 20 апреля 1935 г. около 700 семей (3000 чел.), якобы представлявших угрозу безопасности СССР, были депортированы в Ташкентскую область. Религиозные требы ссыльных финнов-ингерманцев разрешено было выполнять пасторам эстонской церкви.

В первые послевоенные годы ограничения в передвижении данной группы финнов были сняты. Тогда многие девушки и юноши приехали в Ташкент и другие города Узбекистана на учебу в средние специальные и высшие учебные заведения.

В 90-е гг. XX в. часть финнов уехала в Финляндию, часть — в Россию.

В настоящее время небольшое число финнов проживает в Ташкенте и Ташкентской области, в Бухаре и Бухарской области.

Л. И. Жукова

Литература

Массон М. Е. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // Материалы Узкомстариса. М., 1935. Вып. 6—7. С. 5—15.

Из истории евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. СПб., 1996. С. 32—33.

Моя бабушка Ольга Степановна родилась в 1870 г., окончила с золотой медалью классическую женскую гимназию в Санкт-Петербурге. В числе других гимназисток была принята в Зимнем дворце государем-императором Александром II и императрицей Марией Федоровной. Из их рук получила медаль, денежное вознаграждение и большую фотографию членов царской семьи с дарственной надписью.

На вопрос, желает ли она продолжить образование, бабушка с готовностью ответила, что мечтает учиться на Бестужевских женских курсах, чтобы получить высшее математическое образование. Итак, бабушка стала “бестужевкой”. Кроме русского, она владела французским, немецким, английским, древнегреческим и латынью. Получив образование, вышла замуж за богатого помещика Василия Кондратьева. У него было два завода и девять магазинов в столице. Их имение находилось в селении Коркиоцки (финск.— Высокая гора), в 3 км от финской границы. В любви и согласии они прожили более 10 лет. Но в 1905 г. муж неожиданно умер, оставив ее одну с 10 детьми. Однако через три года бабушка вновь вышла замуж — за Сергея Васильевича Силина, и в 1908 г. родила сына Павла, моего будущего отца. Старшие дети получили образование и обзавелись семьями. Бабушка много лет преподавала математику в вузах. Мой отец, Павел Сергеевич Силин, окончил в Ленинграде среднюю школу, затем Лесную академию. А однажды, приехав в Коркиоцки, влюбился в финскую девушку Юлию Карху. Вскоре состоялась свадьба. Я родился 24 августа 1929 г. Я, сестра Ольга и папа, с помощью мамы, овладели финским языком. Папа занимался сельским хозяйством и охотой, мама была домохозяйкой. Папа и мама общались то по-фински, то по-русски, жили скромно, но дружно.

Хорошо помню, как в 1934 г. к папе зашел его друг — командир

Фотография
удалена в целях
облегчения интернет-
версии

Павел Сергеевич и
Юлия Павловна Силины
с маленьким Павлом.
Из семейного альбома

погранзаставы и сказал, что убит С. М. Киров. Показал газету, в которой была статья и снимок. Потрясенный случившимся, он написал стихотворение. Заканчивалось оно словами: “Киров убит! Убит великий вождь рабочих Ленинграда!”.

Вскоре начались репрессии. Папу вызывали в ГПУ и допрашивали, вменяя в вину агитацию против Советской власти. Папа категорически от всего отказывался. Но вызовы и допросы не прекращались.

Весной в 1935 г. жителям Куйвозовского района Ленинградской области приграничной полосы объявили, что их выселяют на Украину. С собой

разрешили взять только 100 кг груза для каждой семьи. Так что дом, земля, сад, живность — все осталось. Погрузили в вагоны для перевозки скота и под присмотром охранников, как врагов народа, отправили. Мне было 5 лет, но я хорошо помню все унижения и оскорбления. Из вагонов не выпускали. Только изредка, на станциях, можно было сбежать за кипятком. Было очень тесно и душно — в таких вагонах окон нет. Ехали долго и мучительно. Однажды на станции, увидев через открытую дверь бесконечную выжженную степь, мы поняли, что нас везут в Среднюю Азию вместо Украины. В мае 1935 г. нас привезли на станцию Сырдарья Среднеазиатской железной дороги, а затем на подводах — в хлопковый совхоз “Пахта-Арал” в Казахстане. Поселились в бараках, где до этого жили заключенные.

Работать определили на хлопковых полях. За нами постоянно следили охранники. Никто из нас не имел права никуда отлучаться, да мы и не могли: паспорта у всех забрали. Мы были бесправны и бессловесны, как рабы. Правда, детей обязали посещать школу.

Вскоре нас, спецпереселенцев с финской границы, переселили в отделение имени Дзержинского совхоза “Пахта-Арал”. Здесь появилось кое-какое послабление. Поскольку у дедушки и у папы было высшее образование, они стали работать бухгалтерами. Бабушка сидела дома, но мама продолжала работать на хлопковых плантациях.

Выращивать хлопок под палящим солнцем трудно: обрабатывали кетменем и собирали вручную, не разгибаясь, с раннего утра до поздней ночи, под присмотром охранников. Люди, приехавшие с холодного севера, не выдерживали

невыносимого летнего зноя, постоянного отсутствия питьевой воды — пили мутную воду из арыков. Косила дизентерия, малярия, другие болезни.

А тут началась война. Голод и болезни уносили жизни многих и многих. Но бесправные, измученные, люди продолжали работать на хлопковых плантациях. Лишь после войны оставшиеся в живых, а их из приехавших с нами осталось очень мало, получили паспорта. Еще меньшее число смогло вернуться на родину.

Мои родители, бабушка и дедушка так и остались навечно в казахской земле. Бабушка Ольга Степановна ушла из жизни в 1937 г., вскоре за ней ушел и дедушка Сергей Васильевич — в 1942 г.

Обоих родителей — папу Павла Сергеевича Силина и маму Юлию Павловну Силину я похоронил в 1983 г., также в Казахстане.

Говорят, время все лечит. Но все ли? Не уходят из памяти глаза, голоса моих родных, полные неизбывной тоски, горечи и боли. И главное, немой вопрос: “За что?!”

В 1949 г. я окончил среднюю школу в совхозе “Пахта-Арал”, затем Ташкентский педагогический институт иностранных языков. Работал школьным учителем в Узбекистане. Ныне пенсионер. Сестра проживает на Украине.

П. П. Силин

ФРАНЦУЗЫ

Самоназвание — франсе. Народ, основное население Франции. Язык — французский, относится к романской группе индоевропейской семьи. Верующие — в основном католики, есть кальвинисты-реформаторы.

Французы в Узбекистане: 1926 г. — 34
 1979 г. — 17
 1989 г. — 9

Сведения о пребывании французов на землях Узбекистана отрывочны и случайны. Известно, что в XIII в. в Средней Азии побывал французский монах Рубрук, посланный французским королем Людовиком IX в Азию в связи с, якобы, имевшими место слухами, что монгольский хан желает принять христианскую веру.

Известно о переписке Амира Темура с французским королем о налаживании торгово-дипломатических отношений. В 1891 г. через Ферганскую долину проезжали два французских путешественника, направлявшиеся в Китай.

Быстро развивающаяся в Туркестане в XIX в. промышленность, в частности шелководство, потребовала возрождения производства грены. Это пытались сделать в 70—80-е гг. XIX в. русские предприниматели, но более проворными оказались французы.

В 1888 г. гренар Алоизи привозит сюда французско-корсиканскую грену, а в 1896 г. открывает гренажный завод в Коканде. В 1898 г. начинают действовать гренажные заводы в Самарканде и Бухаре, а затем серия небольших производств в Ферганской долине (в частности в Чусте, Намангане). Французы же открывают и бумагопрядильные фабрики под Ташкентом с 70-ю ткацкими станками, снабжавшие тканями всех сортов и гражданское население, и военный округ.

Помимо промышленников, среди французов, проживавших в Средней Азии, было достаточно много представителей среднего класса, работавших в сфере обслуживания, военных и ученых. К примеру, геолог Барбат де Марни надолго связал свою судьбу с Туркестанским краем. В 1891 г. здесь гастролировала французская опереточная труппа Лассалья.

Известные французы конца XIX—XX в. в Узбекистане: Алексей Бенуа — архитектор, автор проекта Спасо-Преображенского собора в Ташкенте, особняка опального Великого князя Николая Константиновича Романова (ныне — Дом приемов МИД Узбекистана), лютеранской кирхи и ряда других уникальных сооружений в Туркестане; Альберт Бенуа — художник. Оба брата происходили из известной в России семьи Бенуа; Михаил Салье (1899—1961) — востоковед, переводчик, автор перевода книги “1000 и одна ночь”; Станислав Совари — уроженец Ташкента, закончил консерваторию и несколько лет в ней преподавал, ныне — профессор Донецкой консерватории.

Л. И. Жукова, Ю. Ф. Буяков

Литература

Юровецкий М. Гренажная промышленность Средней Азии и ее роль в развитии шелководства // Народное хозяйство Средней Азии. Ташкент, 1927. № 1—2.

Матвеев А.М. Зарубежные выходцы в Туркестане на пути к Великому Октябрю (1914—1917 гг.). Ташкент, 1977.

ЦГА РУз. Ф. И-19, оп. 1, ед. хр. 3150.

ФРАНЦУЗЫ В УЗБЕКИСТАНЕ

Выходцы из Франции появляются на территории, находящейся ныне в государственных границах суверенного Узбекистана, одновременно с завое-

ванием Россией Туркестанского края в составе русского офицерского корпуса. Например, при взятии Ташкента одной из нескольких штурмующих колонн командовал офицер-француз по фамилии Делакура.

Российская колониальная администрация в целом лояльно относилась к французам. Они сравнительно легко получали разрешение на проживание в Средней Азии. Наиболее многочисленную группу французов и франкоязычных выходцев из Швейцарии (80—100 чел.), живших в Самарканде, Ташкенте, Скобелеве (ныне — Фергана), составляли учителя французского языка, гувернеры, врачи и другие представители интеллигенции. Французские выходцы были представлены также небольшими группами ремесленников, кондитеров, держателей буфетов, гостиниц, ресторанов, представителей торговых фирм. Французы, российские поданные, и в числе чиновников администрации края.

Во второй половине XIX — начале XX в. в Туркестане побывало свыше 20 франкоязычных путешественников, исследовавших край в одиночку или в составе экспедиций. В их числе Р. Бонапарт, Л. Бло, Ж. Брошерель, Буйан де Лакост, Г. Капю, Ж. Шаффанжон, Г. Довернь, Е. Галуа, Г. Дюран, Г. Крафт, П. Лаббэ, де ла Бом Плювинель, П. Лессар, Э. Майар, Ж. Мартэн, Г. Мозер, П. Надар, де Понсэ, А. Роже Виолэ, Ш.-Е. Уйфальви, С. Сальм и др.

Наибольший интерес среди них представляет фигура Жозефа-Антуана Кастанье, или, как его звали на русский манер, Иосифа Антоновича. Покинув Францию в 1899 г., Жозеф Кастанье с 1912 г. постоянно живет в Туркестане. Но наведываться сюда с научными экспедициями в качестве действительного члена, впоследствии — вице-председателя, Оренбургской ученой архивной комиссии он начал с 1904 г. В 1912 г. Ж.-А. Кастанье подает прошение главному инспектору училищ Туркестанского края с просьбой перевести его в одно из учебных заведений Ташкента, Самарканда или Скобелева, мотивируя свою просьбу ухудшением состояния здоровья. В августе 1912 г. распоряжением Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова, бывшего по традиции почетным председателем Туркестанского кружка любителей археологии и заинтересованного в привлечении в регион представителей интеллектуальной элиты, Ж.-А. Кастанье переводят в Ташкент.

Сохранив за собой статус преподавателя французского языка и классного наставника в Ташкентском реальном училище, Ж.-А. Кастанье был радушно принят интеллектуальной средой города — в том же году он становится членом Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА), а спустя год вступает в члены Туркестанского отдела Русского Императорского географического общества (ТОРИГО).

Свидетельством признания заслуг Ж.-А. Кастанье является письменная благодарность министра народного просвещения России за труд “Древности Киргизской степи и Оренбургского края”, получение премии имени В. Н. Витевского, а также награждение орденом Святого Станислава III степени (1908) и Святой Анны III степени (1913) и более чем успеш-

ное продвижение по службе: в 1908 г. он получил чин коллежского асессора, в 1909 г. — надворного советника, а еще через год производится в чин коллежского советника со старшинством, что соответствовало воинскому званию капитана I ранга во флоте или полковнику в армии и давало право личного дворянства в Российской империи. Казалось, Россия действительно стала для французского исследователя второй родиной...

Но октябрьский переворот 1917 г. радикально меняет ситуацию. Ж.-А. Кастанье решает вернуться во Францию. Несмотря на то что 28 сентября 1913 г. Ж.-А. Кастанье принял российское подданство, он вынужден теперь от него отказаться. Это происходит не сразу. Выбор еще не сделан. Ж.-А. Кастанье продолжает преподавать, как и прежде, входит в наблюдательный комитет при Туркестанском народном музее и библиотеке, занимается составлением новых музейных коллекций, вплоть до роспуска ТКЛА и ТОРИГО состоит членом этих научных обществ.

Интересы его многогранны: археолог, этнограф, лингвист, историк. Это о нем весьма положительно вспоминал В. В. Бартольд, когда писал, что “было бы вполне возможным теперь же составить археологическую карту Туркестана, на которую впоследствии могли бы заноситься поправки и дополнения, тем более, что выполнение этой работы в значительной степени подготовлено одним из недавно покинувших край исследователей Кастанье”.

В. В. Бартольд же отмечал строгий научный подход Кастанье в сборе археологического материала, столь редкий для археологов-любителей того времени. Вот подлинное мнение по этому поводу крупнейшего ориенталиста: “Из частных собраний археологических предметов, с которыми мне удалось ознакомиться, можно упомянуть о собрании, принадлежащем Ж.-А. Кастанье. Собрание является результатом многочисленных командировок и разъездов и хранится в полном порядке; происхождение каждого предмета точно указано”.

Ж. Кастанье некоторое время еще продолжал работать над составлением археологической карты Средней Азии, состоял в археологической секции Комиссии по охране памятников старины и искусства Туркестанской республики. В 1918 г. ВЧК готовила арест Кастанье по обвинению в организации антисоветского заговора, но, будучи предупрежден, он успел уехать. Вынужденно покинув Туркестан, Ж. Кастанье навсегда сохранил любовь к краю.

Во Франции, уже немолодым, Жозеф Кастанье печально писал в своей книге: “Эти необъятные однообразные и грустные равнины, эти плодородные оазисы и эти движущиеся пустыни — Туркестан, настоящая страна контрастов и величия. Все в нем чрезвычайно трогает...” В эмиграции Ж. Кастанье создал цикл работ, посвященных истории Туркестана. Эти работы в советской историографии рассматривались тенденциозно, сам археолог был объявлен “агентом империалистических держав”.

Перед первой мировой войной из Парижа для изучения ягнобского языка в связи с составлением первой согдийской грамматики в Самарканд приезжал французский ученый-лингвист Готье.

В ходе начавшейся в 1914 г. первой мировой войны в Ташкент и другие

города региона начали поступать пленные из австро-венгерской и германской армий. Среди них были французы из Эльзаса и Лотарингии. Они воевали в составе германской армии, поскольку Эльзас и Лотарингия тогда входили в состав Германии. Из них за годы войны в Ташкенте было сформировано национальное воинское формирование волонтеров в составе 138 солдат и одного офицера, согласившихся воевать против германской армии.

По данным переписи 1926 г., в Узбекистане проживало 34 француза, из них 8 мужчин и 26 женщин.

Во времена СССР на территории Узбекистана французское присутствие не ощущалось сколько-нибудь заметным образом. В 20—30-е гг. французы, кто не успел репатриироваться во Францию или не считал нужным это сделать, либо полностью натурализовался, либо оказался в отделении ГУЛАГа, так называемом СредазЛАГе.

В 80—90-е гг. XX в. были известны имена двух узбекистанских писателей французского происхождения — Ольги Крупенье и Нины Демази.

После обретения Узбекистаном независимости при Посольстве Франции в Республике Узбекистан 4 ноября 1992 г. был создан Французский институт исследований Центральной Азии (IFEAC).

Основная задача его — развитие научного сотрудничества между Францией и государствами Средней Азии. Институт играет неопределимую роль в распространении информации по истории и культуре Узбекистана не только во Франции, но и в других странах Европы, стал местом встреч и обмена научной информацией между европейскими и местными исследователями, работающими над параллельными проектами в рамках проекта IFEAC.

В. А. Германов

Литература

Горшенина С.М. Станный археолог Кастанье // Звезда Востока. 1996. № 3. С. 147—159.

Она же. Центральная Азия в творчестве Жозефа-Антуана Кастанье // Восток: Афроазиатские общества: история и современность. 1999. № 1. С. 130—147.

Литвинский Б.А. Ж.-А. Кастанье — ученый-исследователь или любитель-краевед? // Восток: Афроазиатские общества: история и современность. 1999. № 1. С. 147—155.

Маджи С. Ж.А. Кастанье как историк Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. 1993. № 6. С. 14—19.

Матвеев А.М. Зарубежные выходцы в Туркестане на пути к Великому Октябрю (1914 — октябрь 1917 г.). Ташкент: Фан, 1977. С. 116.

Никольская Г.Б., Матвеев А.М. К истории азиатских и европейских выходцев в Средней Азии в начале XX века // Научные труды ТашГУ. 1972. Вып. 423. С. 76—115.

Георгий Августович де Бонгар родился в одном из предместий Парижа в 1872 г. В Москве жила его тетка мадам Сиу, которая владела шоколадной фабрикой. Как-то она пригласила своего юного племянника в гости. В Москве Георгию понравилось. Принял православие. Быстро освоив русский язык, поступил в одно из военных училищ.

По окончании учебы в 1901 г. его направили в Ташкент в чине штабс-капитана кавалерийского полка преподавать в Кадетском корпусе математику и французский язык.

В Ташкенте устроился жить на частной квартире в доме полковника Леонида Сергеевича Сырова по улице Жуковской, 36. Влюбился в старшую дочь хозяина — Варвару. В 1902 г. они обвенчались. “Что ты предпочитаешь выбрать в качестве свадебного подарка: золотое кольцо с бриллиантом или путешествие во Францию?” — спросил накануне свадьбы невесту де Бонгар. Девятнадцатилетняя Варвара, не задумываясь, выбрала поездку в Париж, к родным жениха. В Париже вместе с его сестрой Жанной ходили любоваться на только что построенную Эйфелеву башню.

В 1903 г. в Мерве, где располагался военный гарнизон, родилась дочь Александра. В конце 1904 г. семья де Бонгар возвратилась в Ташкент.

Жизнь молодому французцу Георгию казалась прекрасной. Его все любили за доброту и отзывчивость. Но в 1909 г. во время парада на площади перед Спасо-Преображенским собором с ним случилось несчастье. Лошадь под капитаном де Бонгаром была совсем молодая, и когда громко заиграл оркестр, кобыла внезапно понеслась, вырвав поводья из рук седока, ноги же остались в стременах. Пока ее не поймали, кавалерист бился головой о брусчатку. Два года за счет воинской части его лечили, но в 1911 г. Георгий де Бонгар умер. Похоронили его со всеми почестями на Боткинском кладбище, недалеко от храма Александра Невского.

Его дочь Александра де Бонгар по ходатайству администрации края была зачислена в курсистки Института благородных девиц. Однако мать по ней сильно скучала, поэтому через полтора года Александра вынуждена была вернуться в Ташкент. Здесь закончила женскую гимназию № 2 (в этом здании сейчас располагается Авиационный техникум).

Связь с французскими родственниками поддерживали до самой революции. Но потом, заполняя различные анкеты, в графе о

наличии родственников за границей ставили прочерк.

Супруга *Георгия де Бонгара* умерла в 1960 г., ее похоронили рядом с мужем. Их дочь *Александра* ушла из жизни в 1973 г. Ее тоже положили рядом. Незадолго до ее кончины дом № 36 по улице Жуковской снесли и построили кооперативное здание. Внучка француза де Бонгара *Татьяна Грушкина* к тому времени, закончив Ташкентскую консерваторию, преподавала в специализированной музыкальной школе-интернате имени Глиэра по классу фортепьяно. Сейчас на пенсии. Бережно хранит семейный альбом с фотографиями деда, его сестры и других родственников.

Фотография
удалена в целях
облегчения интернет-
версии

Георгий Августович
де Бонгар.

Из семейного альбома

Л. И. Жукова

* * *

Моисей Яковлевич Должанский еще совсем юным выехал со своими родителями из Одессы во Францию в годы революции. По имеющимся данным, его дед и отец владели несколькими шахтами в Донбасе. В Париже *Моисей Яковлевич* получил высшее инженерное образование. Там он женился на французженке *Сесиль Львовне*. В конце 30-х гг. *М. Я. Должанский* получил предложение поехать на работу в Алжир. Еврей по национальности (хотя всегда считал себя французом и представлялся *Моризом*, а как известно, французский еврей — более француз, чем сами французы), *Моисей Яковлевич* предчувствовал опасность фашизма в Европе и поэтому сразу согласился на временный переезд в Африку. Во время войны воевал в авиации.

Находясь в эмиграции, он очень тосковал по родине. И как только в послевоенный период появилась возможность у некоторой части наших соотечественников вернуться в Советский Союз, *Мориз Должанский* воспользовался этим правом.

Семья *Должанских* (к этому времени было уже трое сыновей — *Даниэль, Иван, Юрий* и дочь *Тамара*) переезжает в Узбекистан. *М. Я. Должанский* работает одним из главных специалистов в СКБ (сельскохозяйственное бюро) и дает уроки технического перевода в Институте иностранных языков.

Фотография
удалена в целях облегчения
интернет-версии

Сесилия Львовна Должанская
с дочерью Тамарой (вторая и третья).
Справа — Нешева Наталья Андреевна.
Из семейного альбома

Сестиль Львовна преподает французский язык в том же институте. У нее, кстати, брала уроки разговорного французского известный ученый, впоследствии академик, Г. А. Пугаченкова.

Дочь Тамара тоже пошла по стопам матери — после окончания института стала работать на этой же кафедре. Даниэль стал инженером, а Иван — биологом. Оба женились на русских девушках. В конце 60-х гг. семья Должанских переехала в Москву. Когда в

1972 г. умер глава семьи, его жена с детьми вернулась во Францию.

Иван в студенческие годы часто посещал ташкентский зоопарк, где подружился с сотрудником серпентария и постепенно превратился в страстного почитателя змей. В 80-е гг. Иван Моисеевич купил на юге Франции небольшую ферму, где и поныне занимается разведением змей для фармацевтических нужд. В 90-е гг. он несколько раз приезжал в Ташкент для установления контактов с фирмами по линии здравоохранения.

Л. И. Жукова

ХАКАСЫ

Самоназвание — тадар, историческое имя предков — енисейских кыргызов. **Народ** в Хакасии. **Язык** — хакасский тюркской группы алтайской семьи, распространен также русский. **Верующие** — православные, достаточно много приверженцев шаманизма.

Хакасы в Узбекистане: 1979 г. — 231
1989 г. — 288

Торговые и культурные связи между населением Южной Сибири, в частности тадарами — предками енисейских кыргызов и современного хакасского этноса, и народами Средней Азии уходят в глубь веков, поскольку этот регион входит в единый природно-географический степной пояс

Евразии, в пределах которого сформировался культурно-хозяйственный тип кочевых скотоводов. Вместо старого названия — “татары” (абаканские, минусинские, качинские) литературный термин “хакасы” был принят в 1923 г.

Впервые заметные группы представителей хакасского этноса стали появляться в Узбекистане в конце второй мировой войны. Некоторые из них оказались в республике в связи с лечением в госпиталях. Сюда затем привезли и свои семьи.

Основателем хакасской диаспоры в крае считается известный мастер Григорий Алексеевич Аткинин — вышивальщик шелком портретов известных государственных деятелей. Среди его уникальных работ — портрет Джавахарлала Неру (в 1954 г. глава Республики Индии посетил Узбекистан). В Ташкенте Г. А. Аткинин жил и плодотворно работал в течение пятнадцати лет (с 1945 г.).

Молодой хакас В. Я. Бутанаев, познакомившись с узбекскими учеными во время работы в археологической экспедиции в Сибири, решил продолжать образование в Ташкентском государственном университете, который успешно закончил в 1969 г. Ныне Виктор Яковлевич Бутанаев — доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии, этнографии и исторического краеведения Хакасского государственного университета (в г. Абакане), является одним из авторов новой концепции о происхождении енисейских кыргызов.

Единичные хакасские семьи были рассеяны по всему Узбекистану. Так, в Ташкентском медицинском институте бухгалтером работал П. Ф. Райков, девушки-хакаски трудились на заводе по изготовлению радиодеталей (г. Ташкент), а в Беговатском районе преподавал русский язык Ф. Т. Бурнаков. Филипп Тимофеевич являлся прекрасным знатоком хакасского языка, увлекался литературным творчеством. Издал на языке своих предков несколько книг.

Во время различных празднеств собиралась вся немногочисленная диаспора хакасов из округи. Общались и пели в основном на родном языке. Во время встреч обсуждали проблему возрождения национальной формы религии — “бурханизм”, или “Белая вера” (Ах-Чаян). Хакасы в свое время были христианизированы, соблюдали праздники, давали детям имена православных святых, но в душе в большинстве своем оставались шаманистами.

Проблем с изучением узбекского языка у хакасов не было. В повседневной жизни национальных блюд не готовили. Традиционная народная одежда имелась только у женщин.

В конце прошлого века большинство молодежи вернулось на этническую родину. Женщины, вышедшие замуж за узбеков, остались здесь и ассимилировались с местным населением.

Любопытно отметить, что в 50—60-е гг. местные жители не знали народа под именем “хакас” и ошибочно называли его представителей “кавказ”.

Л. И. Жукова

Литература

Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан, 2000.

ЦЫГАНЕ

ЦЫГАНЕ РУССКИЕ

Самоназвание — русски рома. Этническая общность народа, связанного происхождением с кочевыми народами севера Индии. Проживают в восточной части Белоруссии, северо-западных, центральных и восточных областях России, в Сибири, Алтае, Северном Казахстане и Средней Азии. Язык — цыганский, тайный язык — ломаврей. Верующие — в основном православные.

Цыганская народность сформировалась много веков назад на землях современной Индии. Предполагается, что это потомки выходцев из северо-западных и центральных районов страны. Их предки входили в касту профессиональных исполнителей — певцов, музыкантов, танцоров и др. Но однажды в трудную годину в поисках заработка они вынуждены были покинуть свою историческую родину, и постепенно рассеялись по всему миру. Цыганские мигранты, именовавшие себя “рома”, впитывали культуру и принимали религию той страны, где проживали длительное время.

Цыгане Европейской части бывшего СССР делятся на несколько этнографических групп: балканскую, южнорусскую и балтийскую. К последней относятся русские цыгане — русски рома. Правительство царской России всеми силами пыталось привлечь цыган к земледелию, но тщетно. Сельская оседлая жизнь была равносильна для них закабалению. Единственное крестьянское занятие, пришедшееся им по душе, было разведение лошадей. Немалый доход смекалистому и не обделенному хитростью народу приносила их продажа и обмен.

Цыгане славились как медники-лудильщики, отличные кузнецы. Цыганки, в большинстве своем отличные психологи, зарабатывали на жизнь гаданием и заговорами, мелкой торговлей.

Цыгане — этнографический феномен. Хотя у них никогда не было национального государственного образования, этот народ через тысячелетия пронес неповторимую культуру, самобытные традиции.

В целом народы, входящие в состав Российского государства, относились к цыганам терпимо. Первое советское правительство, также пытаясь изменить жизнь кочующих цыган, в 1926 г. принимает конкретные меры по приобщению их к трудовому и оседлому образу жизни. Мобилизация

общественности вокруг этого вопроса содействовала переходу цыганского населения к производительному труду, вовлечению в колхозы и промышленное строительство.

Процесс оседания должен был идти по трем направлениям: оседание на землю и работа в колхозах; работа в кустарно-промысловых артелях и предприятиях; работа по сбору утильсырья. При этом со стороны государства оказывалась огромная материальная поддержка (безвозвратные ссуды на жилищное строительство, передача земли и т.д.).

В Москве в педтехникуме готовились учителя для национальной школы. В начальных классах обучение велось на цыганском языке. Но в 30-е гг. по просьбе самих цыган обучение было переведено на русский язык, поскольку дети с трудом разговаривали на родном.

Аналогичная политика всяческой поддержки цыганских семей, желавших начать оседлый образ жизни, проводилась и в Узбекистане. Особенно действенная помощь оказывалась цыганской молодежи, проявлявшей интерес к учебе. В Среднеазиатском индустриальном институте на архитектурном факультете учился студент цыганской национальности Федор Харламов, родом с Украины, где воспитывался в детдоме. Успеваемость у него была средняя, но его неумная энергия нашла выражение в активной общественной работе на факультете. Он несколько лет был парторгом факультета. После окончания института работал в проектной организации, с первых дней войны ушел на фронт, воевал в партизанском отряде.

В самом конце 30-х гг. внимание властей к проблемам нацменьшинств резко падает. Вольные по своей природе, цыгане вынуждены были вновь заняться своей древней профессией — бродяжничеством и попрошайничеством. С осени 1941 г. толпы цыган кочуют по стране. Это в основном женщины, старики и дети. Массовая перекочевка цыган была связана и с геноцидом, проводимым фашистами против цыганского народа.

В мае 1944 г. в Среднеазиатский регион попадает большая группа репрессированных крымских цыган, в одночасье высланных вместе с некоторыми другими “неудобными” народами из мест обычного обитания.

С 1945 г. наблюдается возвращение многих цыганских таборов на “исконные земли” в Европейский регион.

В 1956 г. вышел Указ о принудительной оседлости цыган. Меняющим место жительства грозила ссылка до пяти лет с исправительно-трудовыми работами. Это был единственный указ за 70 лет Советской власти, где уголовная ответственность инкриминировалась по национальному признаку.

Цыганские дети сели, наконец, за школьные парты. Обучение велось на русском языке. Взрослые цыгане начали осваивать профессии водителей, строителей и др. Привлекались в организации Утильсырья. Сложилась своя творческая интеллигенция. В годы перестройки многие цыгане занялись бизнесом. Появились смешанные браки с русскими женщинами.

Большим событием в жизни местных цыган стали гастроли в Ташкенте московского театра “Ромэн” в начале 80-х гг.

Во второй половине XX в. в Музее искусств Узбекистана работали два

сотрудника цыганского происхождения: главный инженер Сулла Витальевич Серафимович и фотограф Виктор Дивеев.

Не все знают, что один из самых известных художников Узбекистана Александр Волков (1886—1957) был полуцыганом. И тот факт, что в его жилах течет цыганская кровь, он не только не скрывал, а иной раз подчеркивал.

Цыгане рома, один из народов России, начиная с конца 80-х гг. XX в. вновь целыми таборами двинулись из Средней Азии, теперь уже в направлении на запад, в который раз искать свое цыганское счастье.

Л. И. Жукова

Литература

Алпатов В. М. Языковая политика СССР // Восток (Москва). 1993. № 5. С. 123.

Деметр Н. Г. Этнонимия цыган Европейской части СССР // Этническая ономастика. М., 1984. С. 28—35.

Земекович В. Цыганское счастье // Неделя. 1989. № 36.

Земская М. Александр Волков // Мастер “Гранатовой чайханы”. М., 1975. С. 9.

ЦЫГАНЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ

Самоназвание — мугат. **Цыгане Самаркандской и Сурхандарьинской областей** иногда именуют себя мултони (этноним происходит от названия города в северо-западном Пакистане — Мульта́н). **Этнографическая группа цыганского народа. Расселены в основном в Узбекистане и Таджикистане. Язык** — таджикский, дополненный небольшим количеством слов цыганского языка рома. **Верующие** — мусульмане-сунниты.

Среднеазиатские цыгане в Узбекистане:	1926 г. — 3 710
	1979 г. — 12 581
	1989 г. — 16 397
	2000 г. — 5 000

Время появления среднеазиатских цыган на территории региона точно не известно, но продвижение из Индии по разным направлениям имело место в первые века н. э.

Записаны предания цыган Самарканда, повествующие о том, что уже в эпоху Темура они селились в городе в отдельном квартале.

На основании записей Бабура (XVI в.) косвенно подтверждается версия ученых нашего времени о том, что среднеазиатские цыгане — выходцы из Индии. В частности, один из видов народных представлений — хождение на ходулях, описанный им, возможно, был привнесен из Индии в Среднюю Азию именно цыганами.

Индийское происхождение предков цыган выдает обычай делать татуи-

ровку на лбу — распространен у цыган, проживающих на юге Узбекистана.

О длительном пребывании цыган в Среднеазиатском регионе говорят, прежде всего, и такие факты, как использование ими таджикского языка в качестве разговорного, поскольку родной цыганский давно забыт. Слишком много общего наблюдается в костюме, ювелирных украшениях, народном театре и религии цыган и местных этносов.

В XIX — начале XX в. среднеазиатские цыгане делились на две этнические группы: мазани (мазанг) и люли.

Мазани жили преимущественно в Самаркандской области, а в самом городе поселились только в конце XIX столетия. До этого времени они обитали в Бухаре. В третьей четверти XIX в. около 200 мазани проживали в двух кишлаках, расположенных вблизи Самарканда. Основное занятие — земледелие. Кроме того, представители племени занимались мелкой торговлей в городах и селениях региона, за исключением Хивы. Женщины их отличались благообразностью и особой грациозностью.

Помимо Самарканда, мазани жили в Ташкенте и Коканде. По сведениям кокандского краеведа Пулатджона Каюмова, местных цыган называли “огачи”.

Одна из наиболее компактных групп мазани (около 500 чел.) была обнаружена этнографом Х. Х. Назаровым в середине прошлого столетия в Наманганском районе Андижанской области.

Крупное поселение среднеазиатских цыган было зарегистрировано в окрестностях Шахрисабза. По устному сообщению известного искусствоведа Л. Авдеевой, один из цыган шахрисабзского табора даже организовал хор. Во время посещения цыганской семьи учеными был зафиксирован до сих пор не отмеченный в исследовательской литературе обычай изымать из дома посуду, в которой угощали иноплеменников. Эта и другие традиции цыган свидетельствуют об их поверхностной исламизации.

Люли более всего подходят к понятию “среднеазиатские цыгане”. В конце XIX в. Самарканде и его близрасположенных районах насчитывалось около 500 цыган-люли. Здесь находились их длительные стоянки. Большую часть года они кочевали отдельными таборами, от 10 до 20 шатров в каждом. Зимой арендовали дома или хозяйственные постройки у местных жителей. Основное занятие — разведение, продажа и обмен лошадей, деревообрабатывающие ремесла (изготовление деревянных ложек, чашек, разной хозяйственной утвари). Практиковали ворожбу, народную медицину. Любители попрошайничать и приворовывать, даже несмотря на достаток. Одно из основных занятий цыган — коневодство — имело выход на выделывание сит и другой продукции с применением конского волоса. Вот почему именно ремесленники-люли занимались изготовлением волосяных чачванов.

Цыган, вышедших из этого племени, но ранее проживавших в северовосточной части Гиссара, по реке Ягноб и в других районах Таджикистана,

местное население называло *джуги* (джучи). Джуги умели выделывать не только деревянные ложки, корыта, баки, но и изготавливать сельскохозяйственный инвентарь — вилы, лопаты, ободья, ступицы. Женщины шили тюбетейки и пояса, мужчины делали оловянные кольца.

Имеются сведения о том, что в начале XIX в. цыгане (этнографическая группа неизвестна) проживали в окрестностях Карши.

Между собой цыгане подразделяются по территориальному признаку: ташкентские, бухарские, самаркандские и т.д.

В XIX — XX вв. всех среднеазиатских цыган, проживавших на территории современного Узбекистана, окружающее население называло “люли”. Так теперь называют себя и сами цыгане. Все они мусульманизированы, но мулл не имеют. Но чтити на людях мусульманские религиозные законы. Художника В. В. Верещагина привлекал этнический тип люли, однако никто не хотел позировать, сказывались вековые предрассудки — запрещение изображать живые существа. Мастер все же сделал несколько портретов, в том числе местного цыгана и афганца.

Мазани и джуги женились только на девушках из своего племени, и этот обычай стараются соблюдать и в наши дни. Браки ранние. Паранджу цыганки не носили. Но некоторые женщины из мазани иногда носили халат с ложными рукавами и слегка прикрывали лицо.

Разное вероисповедание — главное отличие европейских цыган рома от среднеазиатских цыган люли.

Среднеазиатские цыгане в прошлом выступали бродячим цирком с участием палванов и дрессировщиков с прирученными медведями. На базарах можно было встретить цыган — любителей петушиных и перепелиных боев. Ныне популярны конные состязания. Танцовщицы и певцы чаще выступают на свадебных тоях своих соплеменников или на отдыхе у костра. Театральное искусство почти забыто.

Общие черты — это сходство менталитетов двух этнографических групп, а также бытового уклада. Например, бязевые шатры цыган-люли очень близки шатрам европейских цыган.

Население Туркестанского края, как коренное, так и пришлое, терпеливо и с пониманием относилось к лишенному прав, находящемуся в постоянно бедственном положении полукочевому народу. Пожалуй, единственное право, которое было предоставлено мазани и люли в прошлом — это собирать колосья пшеницы и других злаков после сбора урожая.

В конце 20-х гг. прошлого века в регионе была предпринята попытка как-то упорядочить сведения о них. Было установлено количество среднеазиатских цыган, проживающих в Узбекистане: 1918 лиц мужского пола и 1792 — женского. По мнению многих этнографов, эта цифра сильно преуменьшена. Вероятно, часть цыганского населения отнесли к “прочим”, а часть, по языковому признаку, — к таджикам. Все опрошенные цыгане свободно владели, помимо таджикского, узбекским и частично русским.

В 1926 г. правительство разработало комплекс мер по оздоровлению быта и уклада жизни отсталого к культурному отношению цыганского этноса. Цыганское население начали активно привлекать на временную и постоянную работу в качестве сборщиков утильсырья. Местные власти в Шахрихане, Маргелане и других городах наиболее отличившимся цыганам выделяли помещения под жилье и всячески старались помочь им осесть.

В 1929 г. в Узбекистане был создан первый колхоз среднеазиатских цыган. В 1934 г. в Верхнечирчикский район было переселено и обустроено 20 цыганских хозяйств, в Шахрисабзский — 40, Канимехский — 20.

К середине 1937 г. в Узбекистане уже было создано 13 цыганских колхозов, охватывавших 324 хозяйства хлопково-огородного направления.

Самый передовой колхоз в республике находился в квартале люли, примыкавшем к окраине Коканда. В 1928 г. здесь была создана сельскохозяйственная артель из 10 хозяйств. В 1935 г. третья часть населения квартала была занята в колхозе, часть работала в качестве рабочих. Остальные вели традиционный кочевой образ жизни и только в зимний период возвращались в свою махаллю. В махалле была школа для люли на 20 мест. Учились и дети, и взрослые. Открыли цыганский клуб. В 1936 г. это был уже солидный колхоз, объединявший 35 хозяйств. Колхозники имели коров, баранов, а малоимущим розданы телки. Многие построили добротные дома.

В ряду передовых значился и цыганско-узбекский колхоз в окрестностях Маргелана. В 1937 г. он объединял 22 хозяйства. Цыгане перенимали опыт у коренного земледельческого населения, между ними установились добрососедские отношения.

Одновременно в местах, где имелись цыганские поселения, открылись кустарно-промысловые артели (в Коканде и Шерабадском, Бухарском районах). В Ташкенте успешно работала артель по изготовлению игрушек.

В Самарканде цыгане работали на шелкомотальной и конфетной фабриках, на мучном заводе; в Андижане и Асаке — на хлопкоочистительных заводах. В 1934 г. троих цыган удалось привлечь на Ташкентский сельмашзавод. В предвоенный период в цыганской диаспоре Узбекистана имелись свои кадры трактористов, шоферов, кузнецов, бухгалтеров. Появилась и своя интеллигенция. Если на первых порах учителя (в основном мужчины) заканчивали педагогические курсы, то позднее школьные педагоги цыганской национальности имели и дипломы учительского института. Занятия в начальных классах цыганских школ проводились на родном (таджикском) языке. В 1938 г. уже несколько среднеазиатских цыган имели высшее образование.

Представители цыган избирались в правления колхозов и горсоветы. В постановлении от 27 августа 1933 г. было предписано горсоветам вовлекать среднеазиатских цыган “в производство, учебные заведения и выдвигать на руководящую работу”. В республике было создано несколько нарсудов и следственных участков специально для ведения дел люли.

Свертывание с 1938 г. национальной политики в отношении нацменьшинств для большинства цыганских колхозов оказалось губительным. Большинство цыганских колхозов, слабо обеспеченных техникой, распалось.

В послевоенный период вновь активизируется процесс оседания цыган как в сельской местности, так и в городах.

Указ 1956 г. об оседлости цыган ускорил “прикрепление” среднеазиатских люли к постоянным местам проживания.

К этому времени значительная часть местных цыган, получивших среднее и даже высшее образование, имевших хорошую профессию и постоянную работу, при оформлении документов записывали себя узбеками. И это не случайно. Как отмечает этнограф Я. Р. Винников, в районах этнически смешанного населения в 60-е гг. прослеживались процессы этнического слияния небольших по численности национальных групп. Так, в Самаркандской и Бухарской областях цыгане (люли) постепенно растворялись в окружающем узбекском населении.

И все-таки, несмотря на все предпринимавшиеся со стороны государства меры и откровенные попытки самих цыган “остановиться”, традиция кочевать хотя бы несколько месяцев в году или, наконец, просто на время уйти от мирских забот, пожить, не обременяя себя ничем, у некоторой части этнографической группы не умирает.

В 60-е гг. ташкентские цыгане часто ставили шатровые городки у воды близ Келеса или вдоль железнодорожного полотна от станции Ташкент до Сары-Агача.

По данным переписи населения, в 1959 г. в городах Узбекистана насчитывалось 3 тыс., в 1979 г. — 6 тыс. среднеазиатских цыган. Большинство из них называло родным языком таджикский, около 20% — узбекский. Наряду с этим пользовались тайным языком лафц-и мугат.

В 90-е гг. самаркандские мазани на летний сезон ежегодно располагались табором в 12—15 семей под Бишкеком, в поселке Маевка. Шатры добротные, внутри импортные спальники и поролоновые матрасы. Табором руководил аксакал. При нем имелся совет из нескольких авторитетных цыган. Мужчины, как правило, отдыхали. Женщины, истинные кормилицы семьи, уходили в город, гадали и попрошайничали.

Природная сметливость помогла цыганам-люли в перестроечное время быстро сориентироваться, обзавестись своим делом. В республике есть ряд известных бизнесменов цыганской национальности. Малоимущие подались в Утильсырье. Имеющие лошадей занимаются, главным образом, сбором стеклотары и тряпья.

В Ташкенте цыгане-люли в основном расселены в старом городе и на массивах Спутник, Сергели, Куйлюк, Водник. Дети посещают школы с узбекским языком обучения.

В Янгиульском районе Ташкентской области проживают цыгане-мусульмане, которых местное население называет крымскими. Возможно, это группа цыган, выселенных в годы второй мировой войны из Крыма.

Район на окраине г. Янгиюль, где проживают представители данной этнографической группы, получил название Нахаловка. И кроме того, в этом районе есть группа цыган, которых называют “цыгане-турки”.

Известны и цыгане — деятели культуры Узбекистана. По сообщению академика А. П. Каюмова, в середине 30-х гг. XX в. в Кокандском театре выступала актриса — красавица Канизахон цыганского происхождения.

Л. И. Жукова

Литература

Амитин-Шапиро З. Л., Гоабов И. М. Национальные меньшинства Узбекистана. Ташкент, 1935. С. 9—11, 167—170.

Винников Я. Р. Этнические процессы в Средней Азии и некоторые закономерности их развития. (Тезисы докладов и сообщений Всесоюзного археолого-этнографического совещания по итогам полевых исследований). М., 1972, С. 72.

Гржковяк М. Ислам // Хорошего держитесь. Харьков, 1999.

Долинская В. Г. Художники России в Средней Азии и Казахстане. М., 1993. С. 30—31.

Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973. С. 61—62.

Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. 2. С. 610—630.

Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма (Самарканд, вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1982. С. 12.

Троицкая А. Л. Народный театр Узбекистана. Ташкент, 1944. С. 34.

Она же. Национальные меньшинства Средней Азии перед выборами в Верховный Совет СССР // Революция и национальность. 1937. № 12. С. 60—63.

Усов П. С. Зеравшанский край и Самарканд // Живописная Россия. М., 1885. Т. 10. С. 297—298.

Уфимцев В. Говоря о себе. М., 1973. С. 45.

ЧЕХИ

Самоназвание — чехи. Народ, основное население Чехии. Язык — чешский, входит в западную подгруппу славянской группы индоевропейской семьи. Верующие — в основном католики, есть протестанты.

**Чехи в Узбекистане: 1979 г. — 130
 1989 г. — 94**

Одним из первых чехов, вступивших на землю Узбекистана, был музыкант В. В. Лейсек. Попав в 80-е гг. XIX столетия в Среднеазиатский край, он страстно увлекся местными национальными напевами. В 1890 г. в Ташкенте на книжных прилавках появилось его сочинение “Азиатские попури сартовских, киргизских и татарских песен (мотивов) для духового оркестра и в переложении для фортепьяно”. Вскоре он уехал на свою родину и

дал первые в Западной Европе концерты узбекской музыки. В. В. Лейсек был одним из организаторов в Ташкенте хорового искусства.

Большим успехом в Ташкенте пользовались гастроли знаменитого флейтиста чеха Адольфа Тершака.

Чехов в азиатской части России начала XX в. насчитывалось немногим больше полусотни. Значительную часть этой маленькой диаспоры составляла интеллигенция. Остальные — рабочие, ремесленники, владельцы лавок и др. В сельской местности их насчитывалось единицы.

В годы первой мировой войны многие чехи как иностранные подданные были высланы из Туркестана. Их поредевшие ряды вновь с лихвой пополнились военнопленными и гражданскими беженцами чешской национальности. И опять среди них оказалось немало талантливых музыкантов, архитекторов, строителей и др. Военнопленные чехи пользовались в Туркестане большой свободой, особенно офицерский состав. Они составляли значительную часть музыкантов симфонического оркестра под управлением дирижера Ф. Седлячека, который был создан в Ташкенте в 1915 г.

После 1917 г. в Ташкенте организовали Комитет иностранных подданных, в его состав вошли два чеха — Генрих Еленек и Калер Драбек, а в аналогичную организацию в Самарканде — Г. Свобода.

В 1918 г. в Коканде в большевистскую организацию вступило свыше 40 военнопленных чехов и словаков (один из главных активистов — железнодорожник Собчек). На ее основе была создана чехословацкая коммунистическая организация, организатор и руководитель — Э. Ф. Кужело.

В начале 20-х гг. началась эвакуация военнопленных. Некоторые из них, особенно семейные, приняли подданство России. Несколько чехов чуть позднее вернулись в Туркестан. Чех Вячеслав Эльснер, работавший в Эмирабаде и Новой Бухаре и уехавший в 1920 г. в Чехословакию, уже через несколько месяцев писал: “Не дождусь той минуты, когда и мне возможно будет возвратиться”.

Где бы ни приходилось работать чехам, везде они себя зарекомендовали высокими профессионалами, к примеру военврач Дубинчик в Хорезме и др.

По приглашению властей Туркестана архитектор Ярослав Гаазенкопф вернулся в Ташкент и принял советское гражданство.

Профессионалом высокого класса стала его дочь — архитектор О. Я. Гаазенкопф, автор проекта первой очереди многоэтажных домов жилого массива Чиланзар в Ташкенте.

В Ташкентском музее (ныне — Музей истории народов Узбекистана) работал австрийский подданный чех Август, который с большим старанием и скрупулезностью описывал нумизматические коллекции. Позднее он женился на русской женщине Варваре и уехал с семьей в Прагу.

И все же, “порядочно их осталось в Ташкенте, женились на русских и приняли советское подданство. С некоторыми я был и остаюсь хорошо знаком”, — вспоминал в 1947 г. знаменитый ученый-бактериолог А. Д. Греков, лечивший в госпитале военнопленных в период первой мировой войны. Антон Анжловар, которому Алексей Дмитриевич спас жизнь, подарил доктору в знак благодарности изделия своей работы — трость из орехового де-

рева и блюдо с сюжетной сценой из Евангелия “Хлеб наш насущный”.

О людях чешской национальности нам напоминает дом, в котором в 1930, 1934—1936 гг. жил и работал известный писатель и журналист Юлиус Фучик (1903—1943), автор сборника “В стране, где завтра означает сегодняшний день” с очерками и статьями и об Узбекистане.

Географ и мастер спорта международного класса Владимир Рацек, чех по отцу, внес неоценимый вклад в историю отечественного альпинизма и краеведения.

Л. И. Жукова

Литература

Векслер С. М. Очерк истории узбекской музыкальной культуры до Великой Октябрьской Социалистической революции. Ташкент. 1965. С. 139.

Греков А. Д. “50 лет врача в Средней Азии”. Рукопись. Семейный архив О. А. Грековой. С. 191.

Матвеев В. М. Участие зарубежных выходцев в общественно-политической жизни Туркестана в марте — сентябре 1917 г. // Научные труды ТашГУ. 1975. Вып. 473.

Он же. Из истории участия зарубежных славян в общественно-политической жизни Туркестана (1918—1920 гг.) // Научные труды ТашГУ. 1966. Вып. 281.

Рахманов К. Молодость древнего города. Ташкент, 1974. С. 58.

Мой отец — Ярослав Карлович Гаазенкоф, чех по национальности, родился 2 октября 1888 г. в Чехословакии, в местности Бжезови гори (Березовые горы) под городом Пржибрам, в крестьянской семье. Кроме отца, в семье было еще пять сыновей. После окончания средней школы он поступил в Сельскохозяйственную академию в г. Табор под Прагой, на отделение садово-парковой архитектуры. По окончании академии в 1912 г. получил профессию агронома-садовода и ландшафтного архитектора, и в числе трех преуспевающих выпускников был награжден двухгодичной заграничной командировкой для углубления знаний и ознакомления с постановкой вопроса озеленения городов в Германии, Франции и Англии.

Кроме того, отец получил музыкальное образование по классу скрипки и виолончели, обладал абсолютным музыкальным слухом. С детства увлекался спортивной гимнастикой.

В 1914 г. его призвали на военную службу и присвоили чин капельмейстера. Он был отправлен на русский фронт, и в 1917 г., вместе со своей воинской частью, добровольно перешел на сторону России. В начале 1918 г. отец получил от советского

правительства предложение работать в Средней Азии по своей гражданской специальности. Предложение им было принято, и с марта 1918 г. отец стал работать в Ташкенте агрономом в продовольственном комитете, а с 1919 г. — заведующим Ботаническим садом при Среднеазиатском государственном университете.

В 1919 г. отец женился: моя мать — Надежда Гавриловна, русская. В 1921 г., вскоре после моего рождения, всей семьей мы выехали на родину отца — в Чехословакию. Отец поступил на работу в Городскую управу г. Праги, в сектор садовой архитектуры. В 1923 г. он вновь получил приглашение на работу от Наркомзема СССР как специалист по ландшафтной архитектуре, хорошо зарекомендовавший себя по предыдущей работе в Ташкенте. Приняв в 1923 г. гражданство СССР и оформив въездную визу, в 1924 г. мы всей семьей возвратились в Ташкент, отец приступил к работе. В 1925 г. он становится городским агрономом Ташкента, и занимает эту должность до 1933 г. За этот период им были выполнены большие работы по проектированию и осуществлению в натуре парков культуры и отдыха, скверов, а также по озеленению улиц и бульваров в Ташкенте, Самарканде и других городах Средней Азии. В 1933 г. он переходит на работу в Бюро перепланировки города Ташкента, которое возглавлял известный московский архитектор-градостроитель А. А. Сильченков, в качестве ландшафтного архитектора — ответственного исполнителя работ по озеленению Ташкента. С 1936 г. отец работал в архитектурно-планировочном управлении Ташгорисполкома в составе авторской бригады по разработке генерального плана застройки Ташкента как агроном-архитектор по садово-парковой архитектуре.

Отец был человеком разносторонних интересов. Он очень любил музыку, и в доме у нас часто собирались музыканты, устраивались концерты. Особое удовольствие ему доставляло посещение оперного театра и концертов симфонической музыки. У него было еще одно увлечение: кукольный театр. Он привез из Чехословакии набор кукол-марионеток — персонажей всевозможных сказок. По воскресеньям к нам приходили дети смотреть яркие кукольные спектакли, о которых они, даже повзрослев, до сих пор вспоминают с восторгом. Будучи хорошим спортсменом, отец организовал во дворе, где мы жили, спортивные площадки и вовлекал в спорт всех моих товарищей, отдавая предпочтение волейболу и спортивной гимнастике.

Но главным в жизни отца была искренняя любовь к своей

специальности. Над совершенствованием профессионального мастерства он работал всю жизнь. Систематически трудился за чертежной доской, создавая пером, тушью и акварелью изящные проекты и красочные эскизы цветников. В тяжелые для страны 30-е гг. отец, как и многие соотечественники, был необоснованно репрессирован, но впоследствии реабилитирован.

Последние годы жизни он работал в питомнико-цветоводческом хозяйстве Ташкентского треста зеленого строительства. В личном деле отца сохранилась производственная характеристика, подписанная главным агрономом хозяйства В. М. Темниковым:

“...За период своей работы в питомнико-цветоводческом хозяйстве тов. Я. К. Гаазенкопф проявил себя как отличный проектировщик и хороший работник по практическому проведению озеленительных работ. Особо следует отметить аккуратность и тщательность выполняемых им работ, как в проектах, так и в натуре. Тов. Я. К. Гаазенкопф неоднократно привлекался Горпроектом к проектированию ПКиО, садов, улиц и других городских объектов Ташкента в качестве основного проектировщика”.

Умер отец 7 октября 1944 г. в Ташкенте. В моей памяти он остался человеком разносторонней одаренности, высокой честности, преданности своей работе, добрым и любящим отцом.

Ярослав Гаазенкопф.
Из семейного альбома

О. Я. Гаазенкопф

ЧУВАШИ

Самоназвание — чуваш. Основное население Чувашской республики. Живут также в Башкортостане, Татарстане. Язык — чувашский болгарской подгруппы тюркской группы алтайской семьи. Верующие — православные.

**Чуваши в Узбекистане: 1979 г. — 9 389
1989 г. — 10 074**

Чуваши как народ сформировались в XV в. в результате смешения древних болгар с финно-угорскими племенами, проживавшими в Среднем Поволжье. В XV в. были покорены татарами и находились под властью Казанского царства до середины XVI в. В 1581 г. чувашаи присоединились к России.

XX в. застаёт чувашский народ почти в той же застывшей форме натурального хозяйства, в каком они находились долгие века. В дореволюционные годы грамотность населения составляла менее 10%, что нашло отражение в народной пословице “Чувашскую книжку корова съела”.

Первые чувашаи в Туркестане на рубеже XIX—XX вв. — это сельские труженики. В Ташкенте, Самарканде и Ферганской долине количество их было незначительным. В Самаркандской области в 1897 г. проживал 71 чуваш.

Чуваши — одна из самых легкомигрирующих наций бывшего Союза. Формирование чувашской диаспоры в Узбекистане проходило в конце 20-х гг. и послевоенный период. Достаточно много представителей этой национальности служило в Туркестанском военном округе. Благодатный край для значительной части отставных военных стал второй родиной. Сказалось длительное пребывание чувашей под игом татар, сходство национального костюма с одеждой народов Средней Азии и Казахстана, национальных кухонь, а главное — близость языков.

По данным переписи населения 1959 г. в Узбекистане проживало 4 тыс. чувашей, в 1970 г. — 7 тыс.

Чуваши, хорошие земледельцы, принимали участие в освоении целинных земель Сариасийского района Сурхандарьинской области (конец 50-х — 60-е гг.), в Голодной степи. Трудились на строительстве Чарвакской ГЭС, восстанавливали Ташкент после землетрясения 1966 г. Штукатур З. А. Машинистова награждена медалью “За трудовое отличие”.

Второе и третье поколение чувашской диаспоры в Узбекистане в большинстве своем получили среднее специальное или высшее образование.

В последнее десятилетие прошлого века начался постепенный отток данного этноса в Россию, в основном в Чувашию.

Известные люди: М. Г. Пикулин — востоковед, доктор исторических наук; Л. В. Данилова — кандидат филологических наук; А. Я. Якимов — полковник внутренних войск МВД.

Л. И. Жукова

Литература

- Дымов О. Тепло казахстанской земли. Алматы, 1999. С. 245—249.
Студеницкий А. Знакомьтесь: Чебоксары. Чебоксары, 1964. С. 66.

ШВЕДЫ

Самоназвание — свенскар. Народ, основное население Швеции. Язык — шведский, относится к северной подгруппе германской группы индоевропейской семьи. Верующие — в большинстве лютеране, есть католики.

Шведы в Узбекистане: 1926 г. — 15

Имеются сведения, что в состав российского трехтысячного отряда князя Бековича-Черкасского, в 1717 г. осуществившего рекогносцировочный поход на Хиву, входило 600 шведских драгун.

В третьей четверти XIX в., по данным статистики, в новгородской части Ташкента проживало шесть шведов.

В начале XX столетия, по данным известного историка А. М. Матвеева, среди чиновничьего аппарата Туркестанского генерал-губернаторства имелось несколько шведов, российских подданных.

В 1905 г. евангелическо-церковный приход в целом по Туркестану насчитывал 4065 прихожан, из них 15 шведов. Немецкий исследователь Вильгельм Кале полагал, что это были либо шведы, приехавшие сюда с эстонских островов или берегов Невы, где их проживало в то время большое количество, и имевшие российский паспорт, либо это были финские шведы. Будучи представителями фирм, по долгу службы они длительное время жили в Ташкенте и его окрестностях.

В марте 1917 г. в Ташкенте некоторое время находилась делегация шведского Красного Креста во главе с Хокен фон Шульманом, инспектировавшая положение пленных солдат и офицеров австрийских и германских армий.

В 1926 г. в Туркестане было зарегистрировано то же самое количество шведов (15 чел.), при этом надо иметь в виду резкое сокращение миграционных процессов на тот период, как со стороны стран Европы, так и Азии.

Немецкие и шведские корни имел прекрасный специалист-геолог Константин Вендланд, впоследствии иеромонах Иоанн Ташкентской и Среднеазиатской епархии (50-е гг. XX в.), Митрополит Нью-Йоркский.

Л. И. Жукова

Литература

Из истории евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. СПб., 1996. С. 18.

История Ташкента. Ташкент, 1988.

Матвеев А. М. Из истории европейских выходцев в Туркестане после февральской революции // Научные труды ТашГУ. 1975. Вып. 473. С. 72.

Труд. 2002. 9 мая.

ШВЕЙЦАРЦЫ

Общее название населения Швейцарии. Включает германо-швейцарцев, франко-швейцарцев, итало-швейцарцев и ретороманцев. Языки — немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Верующие — протестанты и в небольшом количестве католики.

По данным доктора исторических наук А.М. Матвеева, в Туркестане конца XIX — начала XX в. проживало от 80 до 100 выходцев из Франции и Швейцарии.

Швейцарка Лидия Юльевна Висс (в замужестве Короткова) приехала в Ташкент в 1905 г. для работы в качестве бонны. Преподавала французский язык в кадетском корпусе. В советский период сначала работала в Ташкентском педагогическом институте, в 1948—1958 гг. заведовала кафедрой французского языка в Институте иностранных языков.

В 1930 г. Самарканд и другие города Туркестанского края посетила швейцарка Элла Мейларт. Свои путевые впечатления она описала в книге “Только Туркестан”.

Л. И. Жукова

ЭСТОНЦЫ

Самоназвание — ээсласед. Народ, основное население Эстонии. Язык относится к прибалтийско-финской подгруппе финно-угорской группы уральской семьи. Верующие — в основном протестанты (лютеране), есть православные.

Эстонцы в Узбекистане:	1926 г. — 216
	1979 г. — 1 064
	1989 г. — 854
	2000 г. — 342

Представители эстонской национальности впервые появились в Туркестане в составе российской военной и гражданской колониальной администрации в конце 60-х гг. XIX в.

На рубеже XIX—XX вв. на землях нынешнего Узбекистана селились и эстонские крестьяне, но в незначительном количестве. Под Ташкентом, в нижней части долины Кугарт, жили несколько семей эстонцев. В списке лиц лютеранского вероисповедания (1886 г.), проживавших в русской части Ташкента, числился мещанин Эстляндской губернии лютеранин Отто Редлин. А в Андижанском уезде Ферганской области было образовано три хутора, около 30 жителей которых занимались земледелием и животноводством, причем достаточно успешно. Эстонские крестьяне, в сравнении с положением крестьян-переселенцев славянских национальностей, жили во много раз зажиточнее, используя дешевый труд как коренного, так и русского населения.

Эстонцы принимали активное участие в деятельности землячества выходцев из Прибалтики, ревностно соблюдали все религиозные обряды и традиции своего народа.

В 1905 г. в евангелическо-церковном приходе в целом было зарегистрировано 100 эстонцев. Некоторые эстонцы исповедовали православие.

После реэвакуации беженцев первой мировой войны в Средней Азии осталось примерно 200 эстонцев.

По данным анкетных листов евангелическо-лютеранских обществ, в 20-х гг. XX в. эстонцы проживали в Ташкенте, Самарканде, Фергане и Коканде. В конце 30-х гг. в Среднюю Азию вновь прибыло небольшое количество эстонцев, высланных из приграничных районов СССР с Финляндией.

Во время оккупации Прибалтики в годы второй мировой войны в Узбекистан на временное жительство приехали и жители Эстонии.

В тяжелые для ташкентцев дни 1966 г. небольшая Эстония направила в столицу Узбекистана 200 строителей. Спустя 16 месяцев они рапортовали о сдаче в эксплуатацию двух 50-квартирных домов.

В целом же представители этого народа всегда попадали в число национальных меньшинств республики. Самые компактные группы эстонцев проживают в Ташкентской и Самаркандской областях. Имеются смешанные браки с русскими и другими этносами.

С 90-х гг. XX в. наблюдается отток эстонцев в Россию и на этническую родину.

Л. И. Жукова

Литература

Матвеев А. М. Участие зарубежных выходцев в общественно-политической жизни Туркестана в марте—сентябре 1917 г. // Научные труды ТашГУ. 1975. Вып. 473. С. 77.

Из истории евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. СПб., 1996. С. 18.

История народов Узбекистана. Ташкент, 1947. Т. 2. С. 350.

ЮГОСЛАВЫ

В начале прошлого столетия в Туркестане проживало приблизительно 20 югославов, в основном подданных Австро-Венгрии. Это были мелкие лавочники, ремесленники, рабочие и сельскохозяйственные батраки. Через каких-нибудь полтора десятка лет их число увеличилось в сотни раз.

Спустя несколько месяцев с момента объявления первой мировой войны в Среднеазиатский регион начали поступать военнопленные, в том числе и югославские (сербы, словенцы, хорваты и, в небольшом количестве, русины), участие которых на стороне Австро-Венгрии было подневольное.

На 1 ноября 1914 г. на территории современного Узбекистана находились 4023 пленных югослава, из них 39 офицеров, 33 священнослужителя и 1 врач. Их разместили в Ташкенте, Самарканде, Скобелеве, Джизаке, Каттакургане, Намангане и Новой Бухаре. Югославские военнопленные прибывали в этот регион и позднее. К этой категории участников войны было довольно доброжелательное отношение со стороны местных властей (здесь пленные пользовались большей свободой, чем в Сибири) и все-таки они с лихвой испытали все унижения и трудности подневольных людей на чужбине. Особенно тяжело было рядовым солдатам. В связи с нехваткой рабочей силы военнопленных использовали на самых трудоемких, но оплачиваемых работах.

С конца мая 1915 г. начали действовать “Правила отпуска военнопленных нижних чинов на сельскохозяйственные работы”. Их выделяли в распоряжение земледельцев исключительно русского происхождения группами не менее 25 чел.

16 марта 1916 г. в Туркестане принимаются “Условия отпуска военнопленных нижних чинов на работы в частные предприятия”. Югославы работали чернорабочими, молотобойцами, слесарями, токарями. Имелись среди них и квалифицированные специалисты, которые впоследствии стали лидерами общественно-политического движения. Это Кокотович Антон, Кртинич Лукас, Новач Иосиф, Матанович Петер и др.

В послефевральский период 1917 г. в пределах края находилось 6750 югославов. С этого времени побеги военнопленных приобрели регулярный характер. С начала войны до 1 марта 1917 г. дезертировало 5350 военнопленных.

Сербы, хорваты и словенцы по-разному отнеслись к событиям 1917 г. Одни старались как можно быстрее вырваться из плена и вернуться в родимый край, другим по душе были идеалы социализма, и они остались в Туркестане.

Второе поколение узбекистанских югославов, как правило, национальность записывали по материнской линии. В советское время связь бывших военнопленных с этнической родиной (за некоторым исключением) не поддерживалась.

Творческие коллективы “Узбекфильма” и югославской студии “Сутеско-фильм” сняли совместный фильм “Любовь и ярость”. В основу сюжета

положены документальные события. В нем рассказывается о том, как югослав Александр Драгович остался в Туркестане, чтобы с оружием в руках защищать Советскую власть.

Л. И. Жукова

Литература

Надточий О. П. Югославские военнопленные в Туркестане (1914 — 1917) // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана. Ташкент, 1985. С. 64—80.

СЕРБЫ

Самоназвание — серби. **Народ**, основное население Сербии. **Язык** — сербскохорватский южной подгруппы славянской группы индоевропейской семьи. **Верующие** — большинство православные, незначительная часть — католики и протестанты, есть мусульмане-сунниты.

Сербы в Узбекистане:	1926 г. — 34
	1979 г. — 13
	1989 г. — 26

В начале XX в. среди двух десятков проживавших в Туркестане югославов, возможно, были и сербы.

Большое число сербов попало в Среднюю Азию в числе военнопленных первой мировой войны. Как и другим югославам, им (в противовес пленным неприятельских войск) было предоставлено хорошее жилье, сносное питание. Позднее им даже разрешили по воскресеньям посещать православные храмы.

14 апреля 1915 г. Сербская королевская миссия через Главное управление Генерального штаба обратилась к командующему войсками Туркестанского военного округа с ходатайством о направлении в действующую сербскую армию добровольцев сербской, хорватской и словенской национальностей. Для агитации среди югославских военнопленных в августе 1915 г. в Туркестан прибыли офицер сербской армии Семиз Лушан и унтер-офицеры Миличевич Иосиф и Голубич Мустафа. Добровольцев оказалось немного — 321 чел.: 101 заявление поступило из Самарканда и 220 — из Троицких лагерей.

В 1918 г. в Комитет иностранных подданных входило 143 серба.

В 1917 г. военнопленным славянского происхождения на определенных условиях позволили вступать в брак с женщинами, состоявшими в российском гражданстве, и подобных браков было заключено немало. Серб Михаил Ильич Прица женился в Ташкенте на русской девушке. По воспомина-

ниям его единственной дочери Деи Морозовой (искусствовед, сотрудница Музея искусств Узбекистана, долгое время исполняла обязанности заместителя директора), “отец имел рабочую профессию, состоял в профкоме механического завода. Отличительными чертами характера отца были обостренное чувство справедливости и ответственности в работе, скромность и непритязательность в быту. По выходным и в праздники к нам приходили его соотечественники с русскими женами и детьми”.

Л. И. Жукова

Литература

Надточий О. П. Югославские военнопленные в Туркестане (1914—1917) // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана. Ташкент, 1985. С. 64 — 80.

СЛОВАКИ

Самоназвание — словаки. Народ, основное население Словакии. Язык — словацкий, относится к западной подгруппе славянской группы индоевропейской семьи. Верующие — католики, есть протестанты (лютеране) и греко-католики (униаты).

**Словаки в Узбекистане: 1979 г. — 22
1989 г. — 42**

В начале XX в. в Туркестане проживало несколько десятков словаков. Большинство из них относилось к представителям трудовой интеллигенции (учителя, медики), остальные — владельцы гостиниц, лавок, подрядчики. Селились, как правило, в городах.

В 1906—1907 гг. в составе научной экспедиции в Самарканде побывал астроном Милан Растислав Штефанике. Цель многомесячной командировки европейских ученых — наблюдение за солнечным затмением. В будущем этот замечательный сын словацкого народа прославился как военачальник и политик.

Количество словаков заметно возросло с прибытием в Среднюю Азию военнопленных. Среди них оказалось много отличных строителей, резчиков по дереву, одаренных музыкантов и других мастеров своего дела.

Словак Данов, ваятель по профессии и по призванию, принимал участие в скульптурной и художественной отделке Ташкентского римско-католического костела и Зимнего театра в Ташкенте. Его сын Кароль взял фамилию по матери Штейн.

Чехи и словаки часто выступали с совместными концертами. Например, словак Михалеk и чех Лейсек создали в Ташкенте любительский хор.

В 1915 г. в Ташкенте открылось отделение Союза чешских и словацких обществ России. Вскоре оно преобразовалось в представительство Чешско-

словацкого национального совета и активно функционировало в течение нескольких лет.

Многие словаки поддержали программу местных большевистских организаций. В 1918 г. в Коканде в эту организацию вступило около 40 словаков и чехов.

Несмотря на то что словаки сумели адаптироваться в предложенных им условиях и развили активную деятельность, тоска по родине давала о себе знать, и как только удалось получить иностранное подданство (1918—1920), стали покидать Туркестан. Остались лишь те из них, кто уже создал здесь семью.

Л. И. Жукова

Литература

Жукова Л. И. К истории римско-католического костела в Ташкенте // К истории христианства в Средней Азии. Ташкент, 1998. С. 228—232.

История Ташкента. Ташкент, 1988. С. 219.

Матвеев А. М. Из истории европейских выходцев в Туркестане после февральской революции // Научные труды ТашГУ. 1976. Вып. 422. С. 72.

Он же. Участие зарубежных выходцев в общественно-политической жизни Туркестана в марте — сентябре 1917 г. // Научные труды ТашГУ. 1975. Вып. 473.

Петрачкова Н. Астроном, солдат, политик // Правда Востока. 2001. 27 сентября.

СЛОВЕНЦЫ

Самоназвание — словенци. Народ, основное население Словении. Язык — словенский южной подгруппы славянской группы индоевропейской семьи. Верующие — католики, незначительная часть — протестанты и православные.

В ходе военных действий на фронтах первой мировой войны в русском плену, по официальным данным, оказалось 200—220 тыс. сербов, хорватов и словенцев, проживавших на территориях, входивших в состав Австро-Венгрии.

15 января 1917 г. в Туркестане было зарегистрировано 10 489 солдат и 617 офицеров западнославянского происхождения. Известно, что в Союз иностранных подданных вступило 405 словенцев.

Л. И. Жукова

Литература

Надточий О. П. Югославские военнопленные в Туркестане (1914—1917) // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана. Ташкент, 1985. С. 64—80.

В состав России Якутия вошла в XVII в. Фактическое освоение края началось значительно позже.

Традиционные занятия — скотоводство, рыболовство, охота. Под влиянием русских начали заниматься земледелием. В конце XIX в. развивается промышленность. Но исторически сложилось так, что экономика Якутии всегда развивалась слабее других регионов России.

В 90-е гг. XX в., когда началось национальное и религиозное возрождение якутского народа, наряду с православием возникло и языческое движение. Его лидер Лазарь Афанасьев является основателем учения Айыы — модернизированной якутской версии общетюркской языческой религии — тенгрианства. У якутов достаточно широко распространены русские имена.

В Узбекистане якуты — один из самых малочисленных народов, представленных в республике. Их всегда охотно приглашали на кожевенные производства как опытных мастеров по обработке первичного сырья. Работают якуты и в сфере обслуживания, преподавателями.

В конце 80-х гг. несколько якутских семей обустроились в Янгиюльском районе Ташкентской области и начали заниматься выращиванием арбузов, дынь, баклажанов. По их признанию, узбекский климат для них “очень даже привлекателен”. В Ташкенте и Самарканде есть якуты-бизнесмены, как среди мужчин, так и среди женщин.

В 60—80-е гг. XX в. заместителем председателя Узбекского телеграфного агентства (УзТАГ) являлся якут по национальности Аюша Базирович Бугланов, получивший высшее образование в Москве.

Л. И. Жукова

Литература

Филатов С., Щипков А. Якутия. Обретение якута // Дружба народов. 1998. № 2. С. 122—127.

ЯПОНЦЫ

Самоназвание — нихондзин. Народ, основное население Японии. Язык — японский. Верующие — в основном синтоисты и буддисты, есть христиане и последователи синкритических религий.

Японцы в Узбекистане:

1926 г.	—	3
1979 г.	—	5
1989 г.	—	19

Важную роль в налаживании экономических и культурных связей Среднеазиатского региона и Страны восходящего солнца сыграл Великий шелковый путь. Узбекистан находился на перекрестке древних караванных

путей и культур. Одно из направлений — Сырдарьинское — в конечном итоге достигало Китая, Кореи и Японии. Начиная с середины первого тысячелетия по нему, в частности, шли и буддийские миссионеры.

Информационным справочником для жителей Японии, желавших познакомиться с неведомыми странами Средней Азии и посетить их, являлись записки китайского путешественника Сюань Цзяна, совершившего шестнадцатилетний вояж по ее территории в VII в.

О том, что предприимчивые согдийцы проникали в самые отдаленные уголки островной страны на Тихом океане, свидетельствует согдийская надпись в буддийском храме Хорюдзи в ее древней столице Нара. В сокровищнице японских императоров как самый дорогой раритет хранится лютяня среднеазиатского происхождения. На деке древнего инструмента изображена сцена пиршества двух музыкантов. В руках одного из них, по мнению музыковеда Т. С. Вызго, запечатлен казахский кобыз. Предполагается, что лютяня в качестве драгоценного дара была привезена из Средней Азии в Японию в IX—X вв. К этому периоду в Японии уже сложилась заметная согдийская колония.

Нежно-белый японский фарфор, найденный на Афрасиабе, и фарфоровая японская чаша с изобразительным мотивом из Тальхиза (Казахстан), датированные XII в., свидетельствуют о среднеазиатско-японских связях.

В летописи Самаркандской области за 21 сентября 1897 г. была помещена заметка следующего содержания: “Японской службы майор при осмотре памятников древности в Самарканде нашел на изразцах в некоторых помещениях медресе Шахи-Зинда рисунки японских мастеров (птицы, древние дворянские гербы и т.п.), на основании чего можно предполагать, что или изразцы были доставлены сюда из Японии, или же их изготовляли здесь, при сооружении Шахи-Зинда, японские мастера. Рисунки в майолике весьма тонкой работы, золотом; в настоящее время от них остаются слабые, еле-еле заметные следы”.

На самом деле ни первая, ни вторая версия автора данного текста о происхождении майоликовых изразцов из архитектурно-мемориального комплекса Шахи-Зинда абсолютно неверны.

Причина некоторой схожести керамического производства Японии и Средней Азии в первой половине XV в. заключается в том, что на них сказалось некоторое влияние прикладного искусства Китая, в частности орнаментальная живопись в манере “кобальт” (синим по белому фону) на майоликовых плитках, в подражание китайскому фарфору. А Самарканд в тот период являлся одним из центров выделки фарфоровой керамики.

С другой стороны, имеющиеся источники свидетельствуют о влиянии театрального, музыкального и танцевального искусства Среднеазиатского региона на искусство Дальнего Востока.

Конечно, японцы не были здесь частыми гостями, и каждый приезд необычных купцов с далекого архипелага являлся целым событием для местных жителей, а случаи выбора Туркестана местом постоянного местожительства — просто единичны. Вот один из них.

В 1899 г. японка Иосимур Таса как иностранка, вступившая в брак с русским подданным, стала также русской подданной. Из архивных документов известно, что 7 мая того же года она завизировала свой паспорт в Императорском Российском консульстве в Нагасаки. По билету военного губернатора Приморской области от 2 октября 1902 г. госпожа Иосимур Таса прибыла в Туркестан.

25 ноября 1903 г. она получила удостоверение, подписанное военным губернатором Ферганской области генерал-майором Арендаренко на право проживания в Туркестанском крае.

Как далее следует из бумаг начальника Наманганского уезда, 22 декабря 1905 г. 39-летняя Иосимур Таса вышла замуж за проживавшего в г. Чусте гражданина Мамаджана Мир Бабаева, при принятии ислама наречена Хуриниссой.

Вынужденные тесные контакты народов Узбекистана на своей территории с ограниченным контингентом японцев имели место в конце второй мировой войны.

Иллюстрация
удалена в целях облегчения интернет-версии

Фотокопии двух документов из Центрального государственного архива
Республики Узбекистан

Иллюстрация
удалена в целях облегчения интернет-версии

В 1945—1950 гг. 23 тыс. военнопленных этнических японцев строили многие важные хозяйственные и культурные объекты в разных областях республики. При их участии были возведены такие крупные предприятия, как Фархадская гидроэлектростанция, Ташкентский текстильный комбинат, здание Центрального телеграфа, Государственный академический театр оперы и балета им. А. Навои, музыкальный театр драмы и комедии имени Мукими и др.

Из воспоминаний М. С. Булатова: “Когда при оформлении интерьера театра возникла нужда в подсобных рабочих для мастеров-резчиков по ганчу, то администрация строительства театра обратилась к горисполкому с просьбой о выделении военнопленных со средним образованием для подготовки из них помощников нашим народным мастерам. За подготовку взялся народный мастер Ташпулат Асланкулов — ведущий мастер Ташкента. Искусство резьбы по ганчу японцы довольно успешно и скоро освоили, а некоторые проявили незаурядные художественные способности. Мне довелось видеть камерную скульптуру, исполненную одним из японцев. Одолеваемый тоской по родине, по семье, он создал групповую скульптуру, изображающую его семью за вечерней трапезой у низенького столика. Все фигурки были вырезаны из гипса и передавали возрастные, портретные особенности персонажей и этнографические детали. Одно место было свободным. Японец комментировал: “Я теперь далеко нахожусь. Это место я займу, когда вернусь домой”. Обученных резчиков использовали для оформления лож и ярусов, других второстепенных элементов. Усто Ташпулат подбадривал своих учеников добрым словом и личным примером. Наиболее способные были привлечены к оформлению сценического портала”.

Японские военнопленные в Узбекистане пользовались относительной свободой. Находясь в неволе, они даже имели возможность заниматься художественным творчеством. В экспозиции частного музея, созданного по инициативе Джалила Султанова, освещающего жизнь и деятельность японских граждан в указанный период, выставлена копия (холст, масло) картины художника Куинджи “Березовая роща” работы японского мастера (имя не установлено), работавшего в Ташкенте, и фигурка собаки, изготовленная из ангренской глины японцем Кисимурой в 1947 г. Житель Ташкента Макхамов Рихсивой передал в музей деревянную кровать, которую ему смастерил японский плотник.

В конце 40-х гг. военнопленные японцы получили возможность вернуться на свою родину. Интересно, что их связь с Узбекистаном не прервалась окончательно. Доктор архитектуры, участник строительства театра им. А. Навои М. С. Булатов вспоминает, что “некоторые японцы увозили с собой семена понравившихся растений. Так, один увез семена дынь и, по возвращении на родину, засеял целую плантацию бухарских и других дынь. Но, к сожалению, цунами слизнуло все плоды его труда, и он обращался в Академию наук Узбекистана с просьбой выслать ему снова семена понравившихся сортов”.

На 50-летний юбилей со дня открытия Государственного академического театра им. А. Навои из Японии приезжали некоторые участники его строительства.

Последние полвека в Узбекистане, согласно официальным данным, японцев проживало считанные единицы.

В 80-е гг. в Узгипросельхозе работал фотограф Валентин Накамура, в жилах которого текла японская кровь (умер в начале 1990-х в возрасте 41 год).

Отношения между Узбекистаном и Японией строятся на основе сбалансированности интересов двух государств. И в первую очередь, продолжается культурный диалог между двумя странами.

Бывший сибирский военнопленный, а ныне профессор Като в течение 15 лет возглавляет японско-узбекскую археологическую экспедицию в Сурхандарьинской области. По материалам этих исследований опубликовано несколько фундаментальных научных трудов. Вблизи археологического памятника Дальверзин-тепе построен “Дом Като”, второй “Дом Като” находится в Термезе.

Известные политические деятели Японии, посетившие Среднюю Азию, отмечают “удивительную схожесть этого региона мира с Японией”.

Л. И. Жукова

Литература

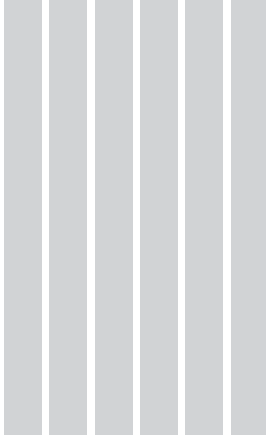
Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 1998. С. 26, 53.

Вызго Т. С. Музыкальные инструменты Средней Азии. М., 1980. С. 68—69.

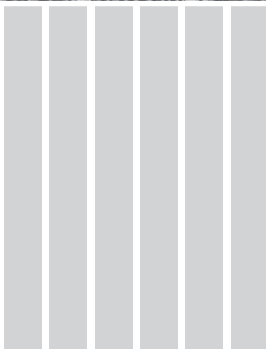
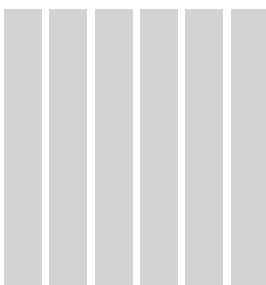
Летопись Самаркандской области 1897 и 1898 гг. / Сост. М. Вирский. Самарканд. 1899. С. 285.

Преображенский К. Как стать японцем. М., 1989. С. 220.

Рахманов М. Узбекский театр с древнейших времен до 1917 года. Ташкент, 1981. С. 312.

УЗБЕКИ

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

ЧИСЛЕННОСТЬ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ

Узбеки являются самой многочисленной национальностью не только в Узбекистане, но и во всей Центральной Азии. По данным переписи 1989 г., они составляли 34 % всего населения Центральной Азии. Наибольшая часть узбеков проживает в Узбекистане — 85% от всей их численности в составе бывшего Советского Союза (таблица 1). Кроме того, крупная диаспора узбеков имеется в Афганистане, куда во время гражданской войны 1918—1923 гг. мигрировало более полумиллиона человек² и где в начале 70-х гг., по оценочным данным, их насчитывалось 820 тыс.³

* Источник: Национальный состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Госкомстат СССР, 1991. С. 102, 126, 130, 136.

В 1989 г. узбеки составляли 71% населения Узбекистана, 24% — Таджикистана, 13% — Кыргызстана и 2% — населения Казахстана.

Доля узбеков в общей численности народов, проживающих в Узбеки-

¹ Автором данного раздела является А. Ильхамов

² Muslim Peoples: A World Ethnographic Survey. Ed. Richard V. Weeks. Greenwood Press, Westport, Connecticut, 1984. P. 834.

³ См.: Mary Louse Clifford. The land and people of Afghanistan. J.B.Lippincott Company, Philadelphia, New York, 1973. P. 46.

тане, варьировалась в пределах 69 — 78%. В 1926 г. она составляла 75%¹, в 1979 г. — 69%, в 1989 г. — 71%, а в 2000 г. подскочла до 78% (18 959 577 чел.). В абсолютном выражении число узбеков, проживающих в Узбекистане, выросло с 1926 по 2000 г. в 5,7 раза. Темпы прироста узбекского населения в республике начиная с 1979 г. составляют в среднем около 400 тыс. чел., или 3,8%, в год. За последнее десятилетие наблюдается незначительное замедление прироста узбекского населения. Если в период с 1979 по 1989 г. ежегодный прирост составлял в среднем 3,4%, то с 1989 по 2000 г. — 3,1%. Таким образом, увеличение доли узбеков в составе населения страны связано как с их относительно высоким естественным приростом, так и с эмиграцией русскоязычного населения после распада СССР.

Узбеки достаточно равномерно распределены по территории республики, и во всех областях, кроме Каракалпакстана, они составляют абсолютное большинство населения (см. таблицу 2).

Наибольшее их число проживает в Ферганской долине — 32% от всей численности по республике, в то время как в Ташкенте и Ташкентской области вместе взятых — только 13%.

¹ Материалы по районированию Узбекистана. Вып. 1. Краткая характеристика проектируемых округов и районов. Самарканд: Издание ЦК РУз, 1926. С.—9.

По данным переписи населения 1989 г., 69,5% узбеков проживало в сельской местности, в то время как для всего населения республики этот

показатель составлял 59,4%. Возрастной состав узбекского населения достаточно молодой: 44% его численности, по данным 1989 г., составляли дети до 15 лет включительно, 64% — лица до 24 лет, в то время как только 5% — лица 60 лет и старше (см. рис. 1 и 2).

ЭТНОГЕНЕЗ

С точки зрения национальной идентичности и значения этнонима, следует отличать современных узбеков от узбеков периода XV—XIX столетий. Современные узбеки являются потомками как минимум трех этнических общностей:

- дашти-кипчакских кочевых узбеков, в основной своей массе мигрировавших в регион Средней Азии в начале XVI в.;
- примкнувших к ним местных тюркских племен и родов из числа т.н. чагатайских, а также огузских тюркских племен и родов;
- сартов, состоящих из оседлого тюркоязычного, преимущественно городского, населения и происходящих из турок, отошедших от кочевого образа жизни и утеревших свою родоплеменную принадлежность, а также из тюркизированных таджиков.

Рассмотрим все три этногенетических компонента по отдельности, а затем посмотрим, каким образом эти компоненты слились в единую национальность.

Дашти-кипчакские узбеки

До конца XIX в. под узбеками в основном понимались прямые потомки дашти-кипчакских узбекских кочевых племен, мигрировавших в регион

Мавераннахра¹ в начале XVI в. и осевших здесь в эпоху правления династии Шейбанидов, а также позднее примкнувшие к ним местные тюркские племена. Однако происхождение этнонима “узбек” связано именно с дашти-кипчакскими узбеками. Он, по всей видимости, происходит от имени Узбек-хана (1312—1340), девятого государя из дома Джучи (старшего сына Чингиз-хана).

Узбек-хан являлся одним из наиболее успешных и популярных правителей Золотой Орды (Кок-Орды). Он правил 28 лет и вошел в историю тем, что удачно сочетал в себе тип сильного военного предводителя, справедливого (по меркам того времени) правителя и истового служителя ислама. Узбек-хан известен как первый из рода Джучи, утвердивший ислам в Золотой Орде. Он всячески покровительствовал мусульманским правоведам и ученым, с одним из которых — имамом Нумануддином аль-Хорезми² — поддерживал личные дружеские отношения. Скорее всего, благодаря популярности и славе этого монгольского правителя часть подданных Золотой Орды стала называться узбеками.

Впервые узбеки упоминаются в сочинении Хамдуллаха Казвини (род. ок. 1280), который в “Избранной истории” (“Тарих-и Гузидэ”) рассказывает о вторжении в 1335 г. хана Узбека в пределы Ирана, называя при этом золотоордынское войско “узбеками”, а государство Узбека (Золотую Орду) “государством узбекским” (Мемлекет-и-узбеки). Историк Темура — Низамуддин Шами в своем рассказе о бегстве двух эмиров Темура в 1377 г. сообщает, что оба эмира “ушли в область узбеков и укрылись у Урус-хана”, которого называет ханом узбекским. Другой историк Темура — Шереф-аддин Али Езди, рассказывая о посольстве 1397 г. от золотоордынского хана Тимур Кутлуга, называет прибывших послами узбеков. Указанные источники подтверждают, что термин “узбек” вошел в оборот при хане Узбеке и, следовательно, связан с его именем; далее он стал применяться к подданным Золотой Орды при Урус-хане и Едигее, причем не только к тюркоязычным, но и тюрко-монгольским, по своему происхождению, племенам, уже тогда образующим Узбекский улус в пределах улуса Джучи³.

Однако впоследствии этот термин стал означать преимущественно подданных Белой Орды. Разгром Темуром войск Тохтамыша в XIV в. способствовал распаду Золотой Орды на ряд более мелких государственных образований: Казанское и Астраханское ханства, Хорезм, отошедший к владе-

¹ Далее при наименовании данного региона мы будем пользоваться терминами Средняя Азия, Мавераннахр и Трансоксания, которые с точки зрения территориального ареала являются синонимами. Следует отличать этот ареал от Центральной Азии, куда помимо Средней Азии входят также казахстанские степи, а в некоторых случаях туда включают и Афганистан.

² Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад: Изд-во АН Таджикской ССР, 1954. С. 17.

³ Там же. С. 21.

ниям Темуридов, Ногайский и Узбекский улусы в составе Белой Орды¹. Узбекский улус занимал степные пространства между Уралом и низовьями Сырдарьи и, как государственное образование, прочно утвердился только к середине XV в., т. е. только через столетие после смерти самого Узбек-хана. Теперь этноним узбек стал ассоциироваться с именами новой плеяды тюрко-монгольских династических лидеров, которые по своему происхождению восходили не к Узбек-хану, а к монгольскому князю Шейбану, младшему сыну Джучи².

Родной брат Шейбана — хан Батый, как только стал правителем Золотой Орды, выделил в удел своему брату Шейбану степную область между рекой Ирғиз и Уралом. Впоследствии, уже ко времени правления Узбек-хана, степная зона, расположенная выше низовий Сырдарьи и Аральского моря, известная также под названием Дашти-Кипчак, была отнесена к Белой Орде, формально находившейся в вассальном положении по отношению к Золотой (Синей) Орде. Тот факт, что подданные именно Белой Орды стали называться узбеками, частично объясняется тем, что посаженный Узбек-ханом в г. Сыгнаке Эрзен-хан в качестве правителя Белой Орды стал рьяно проводить политику своего патрона по распространению ислама среди своих подданных³. Эта традиция следования устоям ислама сохранилась и усилилась при прямых потомках Шейбана — Абулхаире и Шейбани. Под началом именно этих ханов термин “узбек” стал собирательным именем для целой группы тюрко-монгольских племен Белой Орды.

Особенностью этногенеза дашти-кипчакских узбеков, по крайней мере на первых его этапах, было то, что решающую роль в их объединении под эгидой сильного централизованного государства играли харизматические лидеры типа Узбек-хана, Абулхаир-хана и Шейбани-хана, сочетавшие в себе дуальность принципов правления — приверженность и исламу, и степному обычному праву (Яса), унаследованному от Чингиз-хана. Авторитет Абулхаира и его внука Шейбани зиждился не только на их принадлежности к роду Чингизидов, но и на том, что оба они были лидерами, фактически избранными узбекскими племенами. Абулхаир был вознесен на ханский престол в 1429-30 гг. главами 24 племен: *кият, мангит, байлы, кунграт, тангут, йиджан, дурман, кушчи, утарчи найман, угриш-найман, тубай, таймас, джат, хитай, барак, уйгур, карлук, кенегес, уйшун, курлаут, имчи, туман* и *минг*⁴. Он умер предположительно в 1468-69 гг. в возрасте 57 лет, после чего контроль над Дашт-и-Кипчаком перешел к другими представителям дома Джучи, соперничавшим с родом Шейбана и, соответственно, с узбеками. Последние вернули себе свои территории только при Шейбани-хане, вокруг кото-

¹ История народов Узбекистана / Под ред. С. В. Бахрушина, В. Я. Непомнина, В. А. Шишкина. Ташкент: Изд-во АН УзССР. Т. 2. С. 23.

² Бартольд В. Абулхаир // Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 488.

³ Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 18.

⁴ Там же. С. 24.

рого вновь объединились узбекские племена и роды. Сначала это были только шесть наиболее преданных Шейбани узбекских племен: *кушчи, найман, уйгур, курлаут, ички* и *дурман*. К ним примкнули также мангиты, которые, однако, не ладили с остальными узбеками.

По мере дальнейших военных успехов Шейбани по завоеванию Средней Азии к ним присоединились эмиры других узбекских племен — *киятов, кунгратов, туманов, тангутов, хитаев, чимбаев, шункарлыев, шадбакиев* и *йиджанов*, которые способствовали триумфу Шейбани-хана как нового правителя Трансоксании¹. В начале XVI в. руководимые им узбекские племена окончательно покорили территорию Мавераннахра. С тех пор узбекские ханы с перерывом в полтора-два столетия (с нач. XVII по сер. XVIII в., когда в регионе господствовали Аштарханиды) правили территорией Средней Азии, постепенно переходя от кочевого к оседлому образу жизни.

Востоковед Герман Вамбери, подданный Великобритании, посетивший регион в середине XIX столетия, пишет, что к этому времени узбекские племена являлись преобладающими в Кокандском, Хивинском ханствах и Бухарском эмирате, и что узбеки в то время объединялись в 32 главных племенах: *кунград, кипчак, хитай (ктай), мангит, нокс, найман, кулан, кист, аз, тас, сайат, джегатай, уйгур, айбет, дормен, ошун, канджигалы, нагай, балгали, митен, джелаир, кенегез, канлы, ичкили, багурлю, алчин, ачмайли, каракурсак, биркулак, тыркиш, кеттекесер* и *минг*². В конце XIX — начале XX столетия разные источники уже называли 90³, 92, 97⁴ и 102⁵ узбекских племен. Расхождения в цифрах, очевидно, были связаны с двумя факторами.

Во-первых, состав узбекских племен и родов усложнялся посредством появления новых колен и подразделений, а также вступления некоторых из них в родо-племенные союзы между собой. Например, часть рода *юз*, вступив в союз с племенем *кырк*, образовала относительно самостоятельный род *юз-кырк*.

Во-вторых, собственно дашти-кипчакские узбеки, пришедшие в данный регион во главе Шейбанидов, составили только ядро, вокруг которого в последующем объединялись другие тюркские и тюрко-монгольские племена, находившиеся в Мавераннахре к моменту утверждения династии Шейбанидов. К узбекским племенам примкнули, хотя и сохраняли по отношению к ним некоторую дистанцию, ряд монгольских, огузских и других степных родов и племен, которые проникли в регион в период Чагатаидов, а также до и после него. Часть из них, такие как монгольские племена *чага-*

¹ Иванов П. П. Указ. соч. С. 29.

² Вамбери Г. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865. С. 171.

³ Гейер И. Туркестан. Ташкент, 1909. С. 34.

⁴ Масальский В. И. Туркестанский край / Под ред. П. П. Семенова Тянь-Шанского, В. И. Ламанского, СПб., 1913. Т. 19. С. 381.

⁵ Логофет Д. Н. Бухарское ханство: под русским протекторатом. СПб., 1911. Т. 1. С. 155—156.

тай, джелаир, барлос и другие, постепенно тюркизировалась, усвоив тюркские наречия и приняв ислам, другие, более древние тюркские племена — *огузы, уйгуры, карлуки, кипчаки*, сами способствовали тюркизации выше-названных племен и самих дашти-кипчакских узбеков, поскольку являлись носителями наречий, впоследствии утвердившихся в регионе и усвоенных другими племенами.

О сложности процессов взаимодействия между различными типами тюркских и тюрко-монгольских племен говорит нестабильность именного состава сообщества узбекских племен. В таблице 8 (см. Приложение) приводится именная состав узбекских родов и племен, зафиксированный в разное время. Если допустить достоверность и полноту указанных в таблице данных, то можно сделать вывод о нестабильном количественном и именном составе узбекских племен и родов. Это вызвано такими причинами, отчасти отмеченными выше, как слияние, деление племен, присоединение новых из числа чагатайских, огузских и степных, а также исчезновение некоторых из родов путем их миграции¹, растворения в других родах. Так, неизвестна дальнейшая судьба *байлы, имчи, таймас, тубай*, участвовавших в племенном союзе под руководством Абулхайра. Или, к примеру, в списках по районированию 1924 г. нет некоторых племен, зафиксированных Вамбери в 1865 г., — *уйшун, айбет, ачмайли, багурлю, кист, биркулак, каракурсак, кеттекесер, кулан*. Список подобных несоответствий можно продолжить. Возможной их причиной являются также расхождения в произношении имен. Например, род *каучин* можно распознать также по названию *куччи, митен*, возможно, является другим названием рода *мишан*.

Чагатайские тюркские племена

Одновременно, к моменту образования узбекской конфедерации племен, в самом Мавераннахре в пределах Чагатайского улуса утвердилась династия Темуридов, которая попеременно вступала то в союзы, то в конфликты с узбекскими племенами из Золотой Орды, при этом имея дело в большей степени с Белой Ордой. Чагатайский улус, в силу ряда причин, отличался, по сравнению с Золотой Ордой, более высоким уровнем развития городской и земледельческой культуры. Население Мавераннахра в то время состояло из двух основных частей — персо- и тюркоязычного, с некоторой примесью монгольского элемента. Все эти компоненты находились в процессе взаимной культурной ассимиляции, хотя часть тюркских и тюрко-монгольских племен вплоть до конца XIX столетия сохранила свою этно-родовую идентичность и, частично, полукочевой образ жизни. К этим пле-

¹ По некоторым данным, в период гражданской войны 1918—1923 гг. и позже из Туркестана мигрировало в соседние страны, главным образом в Афганистан, около полумиллиона узбеков, среди которых возможно были племена и роды, бежавшие в полном составе. — См.: Richard V. Weeks., ed. Muslim Peoples: A World Ethnographic Survey, second edition. Greenwood Press, Westport, Connecticut, 1984. P. 834.

менам относятся *карлуки, джалаиры, барлос, каучин, орлат, турки, мусобозори, калтатой, могул* и некоторые другие. Карлуки еще в X—XI вв. проникли вместе с родственными племенами чигилей, ягма, тухси, аргу в Мавераннахр, и утвердились здесь при Караханидах. С разгромом Караханидов Сельджуками в XI столетии в регионе появились племена огузов, часть которых также вступила в процесс взаимной ассимиляции с местным населением.

В XIII столетии регионом овладели монголы во главе с Чингиз-ханом, который оставил правителем этой части монгольской империи своего сына Чагатая. Ставка самого Чагатая находилась в долине реки Или, т. е. в достаточной отдаленности от Средней Азии, а непосредственно культурной областью Мавераннахра правили представители местной аристократии, сначала хорезмиец Махмуд Ялавач, затем его сын Масуд-бек, а также ряд последующих местных правителей, правивших от имени кого-либо из Чагатаидов¹.

С этого времени началось проникновение монгольских родов *джалаир, барлос, каучин, орлат* и др., которые в результате интенсивных контактов с более цивилизованным местным населением подверглись ассимиляции и тюркизации. В XIV в. выходец из племени *барлос* Темур, победив представителей Чагатайского улуса, основал собственную династию, которая просуществовала до нашествия в регион кочевых дашти-кипчакских узбеков. Аналогично тому, как подданные Золотой Орды (в дальнейшем — только Белой Орды) во время и после правления Узбек-хана стали называться узбеками, жители Средней Азии во время и после упадка Чагайского улуса, независимо от этнической или племенной принадлежности, стали именоваться чагатаями. Этот термин стал собирательным для всех народов, находившихся под началом Чагатайского улуса, этнонимом, подчеркивающим прежде всего их отличие от народов, находящихся под началом других монгольских улусов, в т. ч. Узбекского. Так что слово “чагатай” первоначально означало нечто, оппозиционное термину “узбек”. В последующем они по своим значениям стали пересекаться друг с другом и достигли отношения тождества только ко второй половине XX столетия.

В период династии Темуридов окончательно сложилась т. н. чагатайская культура, в первую очередь чагатайский литературный язык, канонизированный поэтом Алишером Навои, выходцем из того же племени *барлос*.носителем этой культуры было, в основном, население городов, состоящее из перешедших к оседлому образу жизни представителей бывших тюркских племен, а также тюркизированного персоязычного населения, большая часть которого получила наименование *сартов*. Создатели чагатайской литературы Бабур и Навои в своих исторических трудах отмечали существование сартов наряду с другими народами, населяющими регион, но сами не относили себя к ним. Тем не менее, именно сарты в последующем стали проводниками чагатайской культуры и чагатайского языка, получившего в последующем название языка *тюрки*.

¹ Бартольд В. В. Чагатай-хан // Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 538—544.

Таким образом, наследие эпохи Чагатаидов воплотилось не столько в народностях, именующих себя чагатаями (таких родов и племен к началу XX столетия оставалось немного), сколько в насыщенной культуре — высокоразвитых языке и литературе, которые стали и в своей основе остаются доминирующими в Мавераннахре. “Чагатай”, как было отмечено выше, было собирательным именем для всех народов Мавераннахра в период Темуридов. Но после их изгнания ареал использования этого слова стал сужаться: часть чагатайских народов и племен стала переходить или в сообщество узбекских племен, что характерно прежде всего для территории, охватываемой Зарафшанским бассейном (районы Самарканда, Кашкадарьи и Сурхандарьи), или в категорию сартов, что более характерно для территорий, охватываемых бассейном Сырдарьи. Это неудивительно, поскольку именно районы Самарканда, Шахрисабза, Карши были средоточием чагатайских тюрко-монгольских племен¹. К концу XIX столетия остатки именно этих племен, как правило, сохранили полукочевой образ жизни и скотоводство как главный источник существования, а также дуальную родо-племенную идентичность — принадлежность к своему роду и, в то же время, к сообществу узбекских племен.

Так, А. Д. Гребенкин среди 20 наиболее крупных узбекских родов отмечал “чагатайские” роды *джалаир* и *тюрк*, обитавшие в Зарафшанском округе². В 1924 г. Комиссия по национально-территориальному районированию во главе с И. Магидовичем зафиксировала на территории Бухарского ханства следующие бывшие монгольские и тюрко-монгольские чагатайские племена³:

¹ Район Карши являлся даже в определенные периоды ставкой Чагатаидов.

² Гребенкин А. Д. Узбеки // Русский Туркестан. М., 1874. С. 51—108.

³ Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 1. Бухара. Ташкент: Издание Комиссии по районированию Средней Азии, 1926. С. 174—229.

Из указанных племенных групп *барлос*, *калтатай*, *муса-базари* и *тюрк* относили себя к племенному союзу по имени последнего из них (*тюрк*). Аналогичное расселение этого племенного союза имело место в Ферганской области, по крайней мере к моменту национально-территориального районирования. Так, в 1917 г. в этом регионе было зарегистрировано 7163¹ представителя *тюрк*, а в 1926 г. — 24279². Не все представители этого племени, по данным М.С. Андреева, проводившего полевые работы в Самаркандской области в 1921 г., признавали себя узбеками³. Представители этого племени даже в более поздний советский период сохраняли ярко выраженную племенную идентичность⁴. Тем не менее, в 1924 г. они не были выделены в самостоятельную национальность.

Сарты

Категория сартов представляли собой крупнейший, наряду с дашти-кипчакскими узбеками, составляющий компонент современной узбекской нации. Однако относительно их идентичности и этногенеза до сих пор имеются принципиальные расхождения среди исследователей Центральной Азии. Всех тех исследователей, которые касались темы сартов, можно разбить на три группы в соответствии с отстаиваемыми ими позициями.

Первая группа, к которой можно отнести Г. Вамбери, В. В. Радлова, В. В. Бартольда, Ю. Брегея, Н. П. Остроумова и ряд других востоковедов, признает как само существование, так и наличие этнической идентичности у сартов. При этом делаются ссылки на древние источники — памятник уйгурской письменности *Кутадгу билик*, Махмуда Кашгарского, Бабура, Алишера Навои, Абу-л Гази и других, а также на свидетельства, хотя и немногие, использования этого термина в качестве самоназвания частью местного населения. Наиболее обстоятельно и аргументированно точку зрения в пользу обоснованности использования термина “сарт” высказал В. В. Бартольд. Приведем с некоторыми сокращениями его статью “Сарт”, опубликованную в Энциклопедии Ислама⁵.

Сарт, первоначально древнетюркское слово, означавшее “купец”; в этом значении оно употребляется в *Кутадгу билик* и у Махмуда Кашгарского. В изданном Радловым уйгурском переводе (с китайского) *Саддхарла пундарики* санскритское слово *sarthavaha*, или *sarthalaha*, “купец, водитель каравана” переве-

¹ Материалы всероссийских переписей. 1917 г. Перепись населения в Туркестанской республике. Вып. 4. Сельское население Ферганской области. Ташкент, 1924. С. 42 и 44.

² Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8. С. 13—43; Т. 15, С. 216—219.

³ Андреев М. С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году. Ташкент: Турк. отдел РГО, 1924. Т. 17. С. 3.

⁴ См.: Винников В. Р. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине // Среднеазиатский этнографический сборник / Под ред. Н. А. Кислякова, Т. А. Жданко. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 396.

⁵ Encyclopedia of Islam, IV, p. 187-188. Русский вариант статьи опубликован в следующем издании: В.В. Бартольд. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 527—529.

дено *сартпау*; это слово объясняется как “старший купец” (*саттыкчы улугы*). Отсюда Радлов заключает, что тюрк. *сарт* заимствовано из индийского. Когда иранцы Средней Азии захватили в свои руки торговлю с кочевыми народами, слово *сарт* стало употребляться тюрками и монголами как название народа, в том же значении, что и *таджик*. Рашид ад-дин рассказывает, что, когда правитель (принявших ислам) карлуков Арслан-хан подчинился монголам, он был назван ими “сартактай”, т. е. таджик. Здесь имя народа выступает в форме *сартак*; окончание *тай* присоединялось монголами к названию для обозначения мужского представителя соответствующего народа. Как показывает этот пример, *сартактай* были для монголов людьми не столько определенной национальности и языка (карлуки были, как известно, тюркским народом), сколько принадлежащими к определенному культурному типу — персидско-мусульманскому. Сартактай, по-видимому, пришел к монголам не только как торговец, но и вообще как носитель культуры, в особенности как специалист по ирригации; только этим могут быть объяснены монгольские легенды о богатыре Сартактае и построенных им чудесных каналов, мостах и плотинах.

Рядом со словом *сартактай* употреблялось в том же значении, очевидно, образованное от того же корня, слово *сартаул*; в изданном Мелпоранским арабско-монгольском словаре (Ибн Муханны) *сартаул* объясняется как *ал-муслимун*. С другой стороны, в Туркестане в период монгольского владычества “сарты” противопоставлялись “тюркам” — очевидно, только по языковому признаку.

А. Самойлович обращает внимание на другое место у Бабура, где, по-видимому, проводится различие между сартами и таджиками; здесь говорится, что население горда Кабула и нескольких селений состоит из “сартов”, в то время как в других селениях и вилайетах живут другие народы, в том числе “таджики”. Особенно часто язык сартов противопоставляется языку тюрков (Мир Али-Широм Неваи, ср., напр., цитату из его *Маджалис ан-нафи’ис* и особенно целиком его сочинение *Мухаккамат ал-луга-тайн*, где персидский язык, как *фарс-тили* или *сарт-тили*, сопоставляется с тюркским).

После завоевания Туркестана узбеками противоположность между узбеками и покоренным оседлым населением, по-видимому, иногда должна была ощущаться сильнее, чем противоположность между тюрками и таджиками (или сартами). Особенно часто противопоставляются узбеки в Хиве сартам у Абу-л Гази. То же самое словоупотребление сохранилось в Хорезме до настоящего времени. Менее отчетливым было это противопоставление в Бухаре и Коканде; чаще, особенно среди самих кочевников, не узбеки, а казаки как кочевники противопоставлялись сартам как городским жителям и земледельцам. Для казака каждый оседлый житель был сартом, независимо от того, говорил ли он на тюркском или иранском языке; в официальном языке словом *сарт*, по-видимому, обозначалось тюркизиро-

ванное оседлое население в противоположность таджикам, которые сохранили свой иранский язык. То же самое словоупотребление было принято европейскими учеными, несмотря на то что было трудно определить различие между сартом и узбеком. Согласно Радлову, сартами называется “сейчас говорящее по-тюркски городское население Средней Азии, в противоположность крестьянам — узбекам”. В некоторых местностях, особенно в районе Самарканда, сельские жители действительно считают себя узбеками и сохранили родовое деление; однако такое противопоставление города и деревни никак не применимо для всего Туркестана. Пока еще не было попыток установить диалектальное различие между сартами и узбеками. Оседлый житель Средней Азии чувствует себя в первую очередь мусульманином, а затем уже жителем определенного города или местности; мысль о принадлежности к определенному народу не имеет для него никакого значения. Лишь в новейшее время возникло стремление к национальному единству.

Кю второй группе исследователей, касающихся темы сартов, можно отнести тех российских востоковедов, кто, не отрицая обоснованности применения этнонима “сарт”, в то же время подчеркивает этническую неопределенность этого термина и склонен объединять их с узбеками¹. К этой группе относятся В. Наливкин, И. Магидович и др. Так, В. Наливкин указывает на социокультурную рознь между кочевыми и осевшими узбеками как первопричину появления в обиходе слова “сарт”. Как он считает, это слово применялось сначала по отношению к осевшим узбекам, но затем “распространилось на все вообще оседлое туземное население, т. е. одинаково на оседлых узбеков, так равно и на таджиков. (Нередко случается и теперь слышать в разговоре, что такой-то киргиз сделался сартом...)”². Вместе с тем, Наливкин сам термин “узбек” понимает довольно расширительно, включая в него, наряду с действительно узбекскими племенами, также казахов и кыргызов, т. е. отождествляя его с понятием “тюрк”. В этой связи он пишет следующее: “В расовом или племенном отношении оседлое население Ферганы, носящее общее название сартов, состоит из узбеков (или тюрков) и таджиков. Сарты-узбеки, говорящие на тюркском языке, суть прежние кочевники узбекских родов *кыргыз, быгыш, кипчак, каракалпак, курама, минг, юз, кырк* и др., осевшие здесь в разное время и принявшие земледельческий культ местных аборигенов — таджиков”³.

Что касается И. Магидовича, то этот исследователь выполнял, скорее, социальный заказ, чем следовал своим научным убеждениям. Он стремился убедить читателя в том, что различия между узбеками и сартами, в силу

¹ Речь идет о ситуации на конец XIX — начало XX столетия.

² Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 32.

³ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С. 15.

перехода первых к оседлому образу жизни, стали к началу XX столетия настолько зыбкими и неопределенными, что настала пора регистрировать тех и других как одну народность.

Ангажированность позиции Магидовича выдает его ссылка на отчет о деятельности СНК и Экономического совета Туркеспублики на 1 октября 1922 г., где было сказано: после разработки данных переписи 1920 г. о национальном составе населения юго-восточной части Туркестана стало ясно, что “отличать сартов от узбеков и подсчитывать, сколько зарегистрировано тех и других, — значило бы фиксировать такое деление, которого в действительности не существует”, что “жизнь стирает ту грань, которая была раньше (если была) между этими двумя “народностями” и полное слияние их окажется вопросом не очень отдаленного будущего и что, наконец, название “сарт” совершенно исчезнет, поглощенное понятием “узбек”. После чего Магидович заключает: “Вопрос этот, “уж взвешенный судьбою”, был разрешен историей через два года, когда была образована Узбекская республика. Но уже во время переписи 1923 г. в туркестанских городах термин “сарт” встречался очень редко, и местные жители прибегали к нему только, по-видимому, применяясь к пониманию русских регистраторов”¹. О причинах такой установки на объединение узбеков и сартов под знаком одного этнонима “узбеки” мы остановимся позже.

Наконец, третья группа лиц, участвовавших в дискуссии о сартах, состояла, в основном, из джадидов и близких к ним кругов местной интеллигенции — Махмудходжа Бехбуди, Шерали Лапина и др. Представители этой группы совершенно отрицали обоснованность применения термина “сарт” по отношению к населению Центральной Азии. Впервые возражение против использования термина “сарт” прозвучало из уст Шерали Лапина², казах по этническому происхождению, который работал в Самарканде переводчиком при областном военном губернаторе. По этому вопросу в 1894 г. между Шерали Лапиным и Василием Бартольдом состоялась полемика, выразившаяся в серии статей, где оба автора отстаивали противоположные точки зрения относительно правомерности использования термина “сарт” и

¹ Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 1. Бухара. Ташкент: Изд. Комиссии по районированию Средней Азии, 1926. С. 173.

² Мы приводим детально позицию Лапина, поскольку именно его точка зрения возобладала с административной точки зрения: после национального размежевания термин сарт вышел из официального употребления, а так называемый сартовский язык после некоторой модификации был признан новоузбекским языком. Сам Лапин, однако, не примкнул ни к джадидам, ни к большевикам. В 1917 г. он возглавил политическую мусульманскую организацию “Шурои Уламо”, которая стояла на позициях приоритетности законов шариата в общественном устройстве Туркестана и на выборах в Ташкентскую городскую Думу летом того же года получила 62 места из 112, к стати, опередив проджадидскую “Шурои Исламия”, получившую только 11 мест (См.: Абдуллаев Р. М., Агзамходжаев С. С., Алимов И. А. и др. Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент: Шарк, 2000. С. 44). После большевистского переворота в ноябре 1917 г. Лапин эмигрировал и о его дальнейшей судьбе нам ничего не известно.

его значения. Позиция Лапина, опубликованная в “Оренбургском листке” № 6 за 1894 г., в “Туркестанских ведомостях” №№ 36, 38, 39 за 1894 г. и озвученная в публичной лекции, опубликованной впоследствии в “Туркестанских ведомостях”, выразилась в следующем:

- 1) слово “сарт” есть название всего туземного оседлого населения Средней Азии, без различия происхождения;
- 2) нет особого народа “сарты”, как нет особого “сартовского языка”;
- 3) те оседлые туземцы, к которым применяют наименование “сарт” главным образом русские востоковеды, есть народ, образовавшийся от узбекско-таджикского смешения, не присвоивший себе особого названия;
- 4) в таком случае следовало бы употреблять не слово “сарт”, а “чала-узбек” (полу-узбек) или “чала-таджик” (полу-таджик);
- 5) язык, на котором говорит эта смесь, являющийся разновидностью тюркского языка с большим содержанием заимствованных иранизмов, правильнее всего называть новоузбекским;
- 6) название “сарт” могло быть впервые дано киргизами и, вернее всего, происходит от слияния слов “сары-ит” (“желтая собака”).

Критика этой позиции В. Бартольдом прозвучала в газете “Окраина”, (1894, № 19), в статье “О преподавании туземных наречий”¹, а также в “Туркестанских ведомостях” (1894, № 48), в статье “Вместо ответа господину Лапину”². Бартольд настаивал на том, что сарты представляют собой именно отдельную народность, этническую группу, которую неправомерно путать ни с узбеками, ни с таджиками, хотя значение названия “сарт” менялось исторически: в XI в. турки называют сартами купцов; затем монголы в XII в. — вообще всех иранцев, в XIII в. — оседлых земледельцев, прибегающих к искусственному орошению, а также тюрк-карлуков и хорезмийцев, а в начале XV в. — таджиков; далее тюрки конца XV в. — вообще всех персов; узбеки XVI в. — покоренные оседлые народы Мавераннахра без различия происхождения; узбеки и туркмены Хорезма XVII в. — часть тюркского, преимущественно городского, населения; тюркские кочевые и полукочевые племена — тюркоязычное оседлое население, утерявшее свою родоплеменную принадлежность. (См. выше изложение статьи В. Бартольда “Сарт” и ряд других его работ, посвященных этой теме³).

К позиции Лапина близки туркестанские джадиды, в частности Махмудходжа Бехбуди, который в 1915 г. в ряде номеров журнала “Ойна” опубликовал две статьи “Слово “сарт” неизвестно”⁴ и “Слово “сарт” не стало определенным”⁵. Бехбуди, так же как и Лапин, резко возражает против использования термина “сарт”, считая, что его привнесли северные народы — каза-

¹ Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 303—305.

² Там же. С. 306—309.

³ Кроме указанных выше, назовем еще одну статью Бартольда, касающуюся этой темы: “Еще о слове “сарт” // Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 310—314.

⁴ Ойна. 1915. № 22, 23, 25, 26-б. Вновь опубликована в: Махмудхужа Бехбудий. Танлаган асарлар. Ташкент: Маънавият, 1997. С. 171—177.С.

⁵ Ойна. 1915. № 22, 23, 25, 26-б. Современная публикация. С. 177—179.

хи, татары и русские для обозначения всего оседлого населения Туркестана¹. Главный аргумент Бехбуди состоит в том, что в Туркестане имеются только турки (узбеки, казахи и др.), таджики и арабы; среди узбеков — 92 племени, и среди них нет племени *сарт*. Правда, он признает, что в “Шейбани-наме” Мухаммада Солиха, в трудах Бабур, Навои и Абу-л Газихана сарты упоминаются как отдельная народность наряду с другими народами региона.

Вместо термина “сарт” Бехбуди предлагает использовать слово “туркестанец” или “мусульмане Туркестана”², чем выдает подлинные мотивы своих возражений против употребления слова “сарт”. В конце XIX и начале XX в. в среде национальной интеллигенции Туркестана зарождается национальное самосознание, в значительной степени окрашенное в цвета пан-тюркизма и панисламизма и находившееся под влиянием движения младотурков в Османской Турции. Тюркизм по замыслу его идеологов и последователей в регионе, служил как способом достижения единства народов Туркестана, так и средством пробуждения национального самосознания через апелляцию к “золотому веку” тюркских народов, каковым, по их представлениям, был период XI — XVI вв. Поскольку тюркизм воспринимался джадидами как шанс обновления общества, то они старались всячески поощрять проявления тюркской идентичности и отвергали слово “сарт”, индифферентное по своему этноисторическому значению.

Таким образом, отвержение термина “сарт” джадидами имело отчетливую идеологическую подоплеку, выдающую желание построить новую национальную идентичность при помощи культурно-исторических символов, наиболее подходящих для мобилизации населения Туркестана под знаменами национальной автономии.

Дискуссия о существовании сартов не утихла и после указанной полемики между джадидами и русскими востоковедами. Точку зрения первых уже после второй мировой войны продолжал отстаивать Боймирза Хаит, находившийся в изгнании в Германии. Он также отрицал существование народа “сарт” и особого “сартовского языка”. Соответственно, он выступал против использования термина “сарт” как этнонима, поскольку, якобы, этот термин был намеренно введен русскими, чтобы “постепенно расстроить таким способом национальное самосознание Туркестана”³. На этот раз в полемику с представителем туркестанизма вступил один из учеников В. Бартольда — Юрий Брегель. В качестве аргумента в пользу обоснованности использования термина “сарт” он прибегнул к цитированию исторического труда Абу-л Газихана “Древо тюрков” (*Shadjara-i Turk*). В этом произведении дается характеристика Хорезма конца XVII в., где наряду с узбеками и туркменами фигурируют сарты как особая этническая группа¹.

¹ *Махмудхужа Бехбудий*. Танлаган асарлар. С. 173.

² Там же. С. 177.

³ *B. Hayit*. Turkestan zwischen Rutland und China. (Amsterdam, 1971), pp. 162 — 163. Цит. по: *Yu. Bregel*. The sarts in the Khanate of Khiva. *Journal of Asian History*. Ed. Denis Sinor, V. 12, No. 2, Otto Harrassowitz - Wiesbaden, 1978. p. 122.

Споры и расхождения между указанными тремя точками зрения на проблемы существования и идентичности сартов имели не только теоретическое, но и практическое значение. С одной стороны, они являлись отражением реальности, преломленным через призму широкого спектра социальных и мировоззренческих установок, — от принципов научного пуризма (сущее) до политико-идеологических расчетов (должное). С другой стороны, имел место и обратный процесс: сами эти взгляды активно формировали то, что являлось объектом изучения — национальную идентичность узбеков, сартов и других народов региона.

Так, в формировании новых национальных республик в составе СССР и, соответственно, определении того, кого следует считать титульными нациями, в качестве исходного материала для принятия решений служили конкурирующие друг с другом представления тех же российских востоковедов, джадидов, а также советских политических функционеров об идентичности и этногенезе узбеков, сартов и других народов региона. Под влиянием этих представлений, а также исходя из интересов укрепления Советской власти в Туркестане, разрабатывалась и осуществлялась на практике национальная политика в регионе.

В итоге было принято решение о национальном размежевании и создании национально-государственных образований по этноцентристскому принципу: какая-либо из национальностей становилась осевой, вокруг нее группировались национальные меньшинства со значительной квотой для представительства русского населения. Парадоксально то, что размежевание фактически предполагало слияние — объединение различных народностей и племен под единым собирательным именем, чтобы обеспечить численное превосходство титульной (осевой) нации. Для оправдания такой политики архитекторы новых национально-государственных образований ссылались на естественно-исторические процессы сближения узбеков и сартов, основанные на полном переходе дашти-кипчакских узбеков к оседлому образу жизни и стиранию таким образом граней между теми и другими.

Если процесс сближения между сартами и узбеками и имел место, то он вряд ли мог происходить такими темпами, при которых к 1924 г. не осталось ни одного сарта. По этому поводу американский этноантрополог Джон Шоберлейн также выразил свое удивление: “Около 1,7 млн. сартов Средней Азии не могли попросту исчезнуть за один день”². Прежде всего, можно предположить, что не только сарты в массовом порядке пожелали называться узбеками, но и часть узбеков, не знакомая, в силу неграмотности с аргументами джадидов, напротив, могла пожелать стать сартами. Однако национальное размежевание показало только односторонний переход сартов в ряды узбеков и ни одного случая обратного перехода.

Если взглянуть на статистические данные, то они говорят о несколько ином направлении этнических процессов, нежели то, как их представлял Магидович. В этой связи проследим динамику численности узбеков и сар-

¹ *Yu. Bregel. The sarts in the Khanate of Khiva.*

² *Джон Шоберлейн. Перспективы становления национального самосознания узбеков // Восток. 1997. № 3. С. 55.*

* Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904—1905; Лавров М. В. Туркестан. География и история края. М., 1914.

** Вместе с туркменами.

тов на протяжении досоветского периода на примере трех областей дореволюционного Туркестана (см. таблицу 3 и рисунки 3—5).

Из приведенных данных видно, что темпы роста численности сартов, зафиксированные в период между 1897 и 1914 гг., на несколько порядков превышают соответствующие темпы для узбеков и таджиков, так что, по крайней мере, по данным статистики, напротив, наблюдался переход из категории узбеков в категорию сартов. Это особо заметно по Ферганской области, где численность узбеков на указанный период сократилась на 80%, в то время как численность сартов возросла на 67%. Если бы мнение об оскорбительности слова “сарт” соответствовало действительности, то такой рост численности сартов был бы вряд ли возможен.

На самом деле, мнение об оскорбительности этого слова разделяли не все представители местной интеллигенции. Так, в упомянутой выше статье “Слово “сарт” не стало определенным” Бехбуди полемизирует с неким Мулло Абдуллабеком, который в № 30 газеты “Садойи Фаргона” опубликовал статью “Слово “сарт” известно”, утверждающую, что “мы должны радоваться и гордиться, если кто-то будет называть нас сартами. Сарт означает культурного, опрятного “уламо” (ученого)”¹.

Мнение об оскорбительности этого термина было в решающей степени распространено с легкой руки Шерали Лапина, который выступал как бы в роли эксперта относительно того, как воспринимают сартов среди казахов. Но вот мнение другого казахского просветителя Шакарима Кудайберды-улы,

¹ *Махмудхужа Бехбудий*. Танлаган асарлар. С. 179.

племянника Абая, который в 1911 г. писал о сартах следующее: “Так называют казахи оседлые тюркские племена, населяющие восточный и западный Туркестан и говорящие на тюркском языке, а также отюреченных таджиков...”¹ В указанном сочинении нет никакого намека на народную этимологию слова, распространенную, якобы, среди казахов. Так что оскорбительный смысл слова “сарт” можно отнести, разве что, к частным, а не к массовым проявлениям взаимоотношений сартов и кочевых народов.

По крайней мере, в Ферганской долине, Хорезме, да и в зоне Ташкента значение слова “сарт”, по всей видимости, не обязательно имело негативную коннотацию. Некоторое презрительное отношение кочевых народов к

¹ *Шакарим Кудайберды-улы*. Родословная тюрков, казахов и ханских династий / Пер. Б. Каирбекова. Алма-Ата: Жазушы, 1990. С. 107.

оседлым, конечно, имело место, но это отношение, скорее всего, было взаимным. На основании только этой особенности взаимоотношений между оседлыми и кочевыми народами, конечно, неправомерно было делать вывод об изжитости этнонима, сформированного столетия назад. Так что ссылка на оскорбительность слова “сарт” не может рассматриваться в качестве действительной причины отказа в регистрации этого этнонима. Причина лежит гораздо глубже. На самом деле, причин несколько. Назовем только две из них.

Первая причина. По мнению ряда авторов “сарты” являются категорией не только и не столько этнической, сколько социальной. В одних случаях к сартам относят тех бывших дашти-кипчакских, или чагатайских, узбеков, которые перешли к оседлому образу жизни и утратили свою родоплеменную принадлежность. В других случаях, к ним относят отюреченных таджиков. В любом случае в понятии “сарт” сочетаются этнические и классовые характеристики. Сарты — это, как правило, городские жители, занятые ремесленничеством, торговлей, а также в нижних и средних эшелонах администрации и в образовании. Среди них относительно высока доля духовенства, служителей культа, блюстителей закона. В сельской местности они заняты исключительно земледелием. По своему складу характера, своим поведенческим установкам, ценностным ориентациям, своей предприимчивости и даже по внешности они были более схожи с таджиками, чем с представителями узбекских племен, в основном занятых сельскохозяйственным трудом и скотоводством. В силу этой социально-экономической разницы между сартами и узбеками большевики были более склонны сочувствовать узбекам, чем сартам. Если последние представляли собой питательную среду для “буржуазных националистов” и панисламистов, то сельские узбеки, если при этом вывести за рамки рассмотрения узбекскую родовую аристократию, больше подходили под категорию угнетенной бедноты, являющейся, тем самым, естественным союзником Советов. Такой предвзятый взгляд на сартов и узбеков подтверждается следующим характерным высказыванием С. Асфендиярова, опубликованным в 1924 г. в журнале “Народное хозяйство Средней Азии”¹:

“В центре кишлака — базар, где сосредоточиваются почтенные представители торгового капитала, посредствующего звена, соединяющего отсталый феодальный кишлак с промышленной метрополией. У них и лучшие усадьбы с тенистыми садами, прохладными хаузами. У них же лавки, чайханы, караван-сарай. В большинстве случаев, они выходцы из города. Имеется их целая градация, начиная с крупного бая, нередко зимой проживающего в городе, а летом выезжающего в кишлак, “на дачу”. Они даже в национальном отношении отличаются от окружающего

¹ Асфендияров С. Земельный вопрос в Туркестане // Народное хозяйство Средней Азии. № 2—3. Ташкент: Среднеазиатский экономический совет, 1924. С. 55.

населения. Это так называемые “сарты” — термин, существовавший в истории в противовес “кишлачному узбеку”. На них исключительно опиралось царское правительство, создавая опору колониального режима. Они становились всеобъемлющими посредниками, они же проникали в низшую администрацию (аксакалы и мингбаши), они же являлись комиссионерами хлопковых фирм и крупных скупщиков хлопка.”

Вторая причина предпочтения этнонима “узбек” названию “сарт” кроется, вероятно, в следующем. Сарты менее подходили для статуса новой “социалистической нации”, поскольку, несмотря на свой относительно высокий культурный уровень, в гораздо меньшей степени, чем узбекские племена, обладали тем, что можно было бы назвать символическим капиталом в духе представления его неэкономических форм Пьером Бордьё¹. Ассоциируясь с таджикским населением, сарты вполне справедливо воспринимались как принадлежащие к числу покоренных тюркскими племенами народов. По свидетельству Абу-л Гази, в Хорезме в конце XVII в. сарты составляли слой *райат* (подданные), а узбеки — слой *сипах* (военное сословие), то есть стояли на ступень выше, по сравнению с сартами, по социально-политической иерархии². В багаже у узбеков было больше национально-исторических символов их былой славы и величия, воплощенных, к примеру, в дастане Мухаммада Солиха “Шейбани-наме”. Сарты, напротив, не могли соотнести себя в прошлом ни с Шейбанидами, ни с Темуридами, как чагатайские тюрки, примкнувшие к узбекам. То есть они оказывались без национальных святынь, без предметов национальной гордости и как бы вне истории вообще. Таким образом, наличие символического капитала у дашти-кипчакских узбеков и чагатайских тюрков создавало более благоприятные условия для формирования именно узбекской идентичности.

¹ См.: *Pierre Bourdieu. The forms of capital. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, ed. John G. Richardson, Westport: Greenwood Press, 1986, p. 241—257. В данном случае под символическим капиталом мы понимаем аккумуляцию социально значимых символов, интериоризированных и институционализированных в объектах исторической памяти данной социальной группы (класса, национальности, граждан страны). Ценность, конвертируемость символического капитала заключается в его способности к массовой мобилизации или обеспечении лояльности членов данного сообщества. Само это сообщество как корпоративная группа в значительной степени формируется и конфигурируется благодаря мобилизующей роли символов. Символический капитал является, следовательно, одним из важнейших источников легитимизации лидерства и власти.

² Данные приводятся по следующему источнику: *Yu. Bregel. The sarts in the Khanate of Khiva*, p. 124—125.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Первый этап: образование Узбекской ССР

Было бы наивным представлять формирование узбекской нации как исключительно “объективный” естественно-исторический процесс. На самом деле процесс формирования современной узбекской идентичности следует рассматривать в тесной взаимосвязи с образованием Узбекской ССР, а также в значительной степени как результат сложения усилий правящих и культурных элит. В числе наиболее активных участников процесса проектирования новой узбекской идентичности на начальном его этапе были три силы:

- 1) джадиды;
- 2) национал-коммунисты, в частности Т. Рыскулов и М. Султан-Галиев;
- 3) центральный партийно-политический аппарат, представленный прежде всего самим Лениным, а также Турккомиссией ЦК РКП(б), образованной в 1919 г. и распущенной в 1920 г.

Позиция джадидов, представленная Махмудходжой Бехбуди, Абдурауфом Фитратом, Мунавваром Кори, Файзуллой Ходжаевым и другими, вытекала из двух обстоятельств. Будучи жителями городов и, следовательно, пропитанными городской культурой, сочетающей в себе тюркские и персидские элементы, джадиды занимали дуальную позицию по национальному вопросу. С одной стороны, как мы указывали выше, они исповедовали тюркизм, провозглашая идею единого Туркестана. С другой стороны, рамки тюркизма, по их представлениям, были ограничены ареалом распространения чагатайского языка и литературы. Поскольку именно узбеки (наряду с сартами и чагатайскими тюрками) унаследовали этот язык и литературу, то идея единого Туркестана, таким образом, ограничивалась территорией обитания узбеков. Так, провозглашенная в конце 1917 г. Кокандская Туркестанская автономия и не претендовала на территории Семиречья или Прикаспия, ограничиваясь рамками всего лишь бывшего Кокандского ханства.

Довольно часто у джадидов слово “узбек” оказывалось синонимом “тюрк”. По их замыслу, этим этнонимом должны были охватываться все народы, говорящие на чагатайском языке. В последующем именно такое представление об узбекской идентичности было фактически реализовано при образовании Узбекской ССР, хотя официально это никогда не признавалось. Что было отвергнуто из наследия джадидов, так это тюркистская риторика, апология единого Туркестана. Да и сами джадиды, часть которых была поначалу привлечена в советские государственные органы¹, ока-

¹ Так, Файзулла Ходжаев стал первым главой Узбекистана, а Абдурауф Фитрат — одним из приближенных к нему лиц; с советскими органами короткое время сотрудничали Ахмад Заки Валиди Тоған, Бехбуди и др.

зались в итоге ненужными и подверглись в 30-х гг. репрессиям.

Другую, “объединительную” (в составе всех тюркских народов), версию формирования национальной государственности отстаивали национал-коммунисты Т. Рыскулов и М.Х. Султан-Галиев. Последний совместно с татарским джадидом Ахмадом Заки Валиди Тоганом вынашивал идею создания государства Туран, в которое на федеративных началах вошли бы Туркестан, Казахстан, Кашгария, Хива, Бухара, тюркские части Афганистана и Ирана¹. За пропаганду этой идеи Султан-Галиев был исключен из партии, а в 1939 г. расстрелян.

Политическая карьера Турара Рыскулова была более долгой, поскольку его вариант “объединительного” варианта носил более умеренный характер. В 1920 г. он инициировал принятие на III Краевой мусульманской конференции РКП(б) резолюции, где говорилось о необходимости “провести агитацию идеи уничтожения стремления тюркских народностей делиться, по существу, на названия: татары, киргизы, башкиры, узбеки и т.д. и составлять отдельные мелкие республики, а объединить в целях сплоченности и привлечения других тюркских народностей, не входящих в состав РСФСР, вокруг Тюркской советской республики”². В том же 1920 г. он активно продвигал проект единой Туркестанской Автономной Советской Республики в составе Российской Социалистической Федерации. Если бы этот проект был принят, то, очевидно, профиль узбекской национальности в рамках иной государственно-политической конфигурации был бы иным, чем он диктовался статусом титульной нации в связи с образованием Узбекской ССР. Однако В. И. Ленин отверг проект Рыскулова, приняв за основу решения национального вопроса в Туркестане проект Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, в состав которой вошли Ш. Элиава, Г. И. Бокий, Ф. И. Голощекин, В. В. Куйбышев, Я. Э. Рудзутак и М. В. Фрунзе.

Туркомиссия предложила, в числе прочих предложений, следующее: согласование и размежевание интересов отдельных национальных образований в Туркестане³. При этом немаловажную роль сыграла, по всей видимости, докладная записка работника Турккомиссии Г. И. Бройдо⁴. Последний больше всего внимания уделил существующим межнациональным противоречиям и конфликтам в регионе, особенно между узбеками и туркменами в Хорезме, куда он был послан как эксперт по национальным вопросам.

Приняв предложение Турккомиссии, В. И. Ленин 13 июня 1920 г. сделал следующие замечания по проекту решения ЦК “О задачах РКП(б) в Туркестане”: “1) Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению. 2) Детально

¹ См. примечание к книге: *Рыскулов Т. Р.* Собрание сочинений: В 3-х т. Алматы: Казахстан, 1998. Т. 3. С. 416.

² Цит. по: Революция и национальности. 1937. № 4. С. 42.

³ См.: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1974. Т. 41. С. 434.

⁴ См.: *Нурпеисов К. И., Григорьев В. К.* Турар Рыскулов и его время / *Рыскулов Т. Р.* Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 1. С. 33.

⁵ Там же. С. 436.

выяснить условия слияния или разделения этих трех частей”⁵. Фактически был дан “зеленый свет” для национального размежевания, а также для образования, в числе других, национального государственного образования (“Узбеки”), основанного на признании узбеков как титульной нации.

Казалось бы, Ленин пошел на более радикальный вариант, чем национал-коммунисты, — на создание не автономных, а юридически самостоятельных национальных республик в составе Союза ССР, с правом выхода из него. Но этот шаг, скорее всего, должен был “убить двух зайцев” одновременно. С одной стороны, он был рассчитан на достижение должного отклика в колониальных владениях Великобритании. С другой, — этот шаг призван был на корню нейтрализовать националистически настроенные местные элиты, которым под эгидой борьбы с панисламизмом и пантюркизмом как “буржуазно-националистическим движениям” была объявлена война¹. Именно с этого момента джадиды и национал-уклонисты были обречены носить клеймо врагов Советской власти в Туркестане.

Теперь для того, чтобы создать “Узбекию”, необходимо было обеспечить узбекам статус титульной нации. Это могло быть возможно только в том случае, если бы они составили большинство на отведенной республике территории. В действительности узбеки, по данным дореволюционной статистики, составляли большинство только на территории бывших Хивинского ханства и Бухарского эмирата, а также в Самаркандской области. В бывшей Сырдарьинской и Ферганской областях они следовали по численности после сартов. Поэтому позитивно было встречено требование, исходившее из лагеря джадидов, о переименовании сартов в узбеков, что и было в короткие сроки осуществлено в период между 1920 и 1924 гг. Во всесоюзной переписи 1926 г. уже не значилось ни одного сарта.

Второй этап: язык и национальные символы

Новоузбекский язык

Создание узбекского национального государственного образования, отведение для него соответствующей территории и обеспечение большинства лиц узбекской национальности в его составе было необходимым, но недостаточным условием формирования новой узбекской идентичности. Для завершения этого процесса необходимо было еще сформировать и соответствующее национальное самосознание. До момента образования Узбекской ССР национальным самосознанием обладала только узкая прослойка городского населения, главным образом, местной интеллигенции, купечества и духовенства. Но Советская власть испытывала недоверие и даже вражду к этим социальным слоям населения. Поэтому предстояло внедрить в широкие массы населения представление о себе как о нации, имеющей свою культуру и язык, историю и национальных героев. Это было

¹ Нурпиев К. И., Григорьев В. К. Турар Рыскулов и его время. С. 436

возможно посредством кодификации узбекского языка и разработки национальных символов, а также их распространения по всей территории республики, что предполагало достижение поголовной грамотности.

Согласно Бенедикту Андерсену¹, нация как воображаемое сообщество, имеющее общие символы, историю и судьбу, формируется в условиях печатного капитализма, компонентами которого являются массовое печатное производство (как разновидность бизнеса, приносящего прибыль), унифицированный язык, расширяющий национальную читательскую аудиторию и, тем самым, круг потребителей печатной продукции. Печатный капитализм, создавая механизм (посредством технологий рекламы и *public relations*) эффективного суггестивного воздействия на массовое сознание с целью формирования массовых потребностей и ценностных ориентаций, создает условия и для расширенного воспроизводства социально-политической системы в целом. Выгода от всеобщей грамотности и унифицированного национального языка оказывается как экономической (обеспечивающей сбыт печатной продукции), так и политической (обеспечивающей статус-кво системы).

Совершенно аналогичные задачи стояли и в условиях строящегося социализма. Достижение грамотности, кодификация национальных языков, усвоение русского языка создавали условия для распространения печатной продукции, которая, в свою очередь, продуцировала национальные и политические символы, формировала мотивы поведения, чувство идентичности, и посредством этого обеспечивала создание и воспроизводство национально-государственного устройства СССР.

Непосредственно до и сразу после образования Узбекской ССР было еще не совсем ясно, какое наречие узбекского языка целесообразней всего принять в качестве основы новоузбекского языка. На тот момент существовало, и до сих пор в узбекском языке существуют, три основных наречия, показанные в таблице 4².

Опорным диалектом современного узбекского литературного языка являются ташкентская и ферганская группы говоров³, т. е. карлукское наречие. Последнее сформировалось в эпоху Караханидов в X—XI вв. и легло в основу чагатайского языка, кодифицированного Алишером Навои. В текущей филологии и общепринятой в Узбекистане терминологии термин “чагатайский” уже почти не используется. Вместо него применяется термин “староузбекский”, что затушевывает действительные исторические корни современного узбекского языка. Признание чагатайского наследия означало бы признание иранизмов в современном узбекском языке, а также возвышало бы роль сартов как носителей чагатайского языка в дореволюционный период.

¹ B. Anderson. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*, London: Verso, 1983.

² См.: Шоабдурахманов Ш., Решетова Л. В. Узбекский язык. Узбекская Советская Социалистическая Республика / Под ред. Зуфарова К. А. и др. Ташкент: Главная редакция УзСЭ, 1981. С. 364.

³ См.: Там же.

С точки зрения степени заимствования из персидского языка, тюркские наречия, распространенные на территории Средней Азии до XX столетия, можно разбить на две группы — (1) иранизированные, “несингармонические” диалекты, на которых до 20-х гг. прошлого столетия говорили преимущественно сарты, и (2) неиранизированные, “сингармонические” диалекты, на которых говорила большая часть узбеков до момента их слияния с сартами¹. Первая из указанных групп диалектов, характеризуемых как среднеузбекские говоры, практически совпадает с ареалом распространения карлукского наречия. Для нее характерно отсутствие гармонии гласных, всего в ней содержится шесть гласных фонем (а, ў, э, у, о, а). Вторая группа сингармонических диалектов отличается наличием от восьми до девяти гласных и распадается на две подгруппы: а) “йокающую”, или северо-западную подгруппу (южнохорезмские говоры и южноказахстанские говоры Туркестана, Чимкента, Кара-Булака, Манкента и др.), которая, кроме общих признаков, характеризуется наличием начального согласного *й*, например, в словах *йол* (дорога), *йан* (бок); б) “джокающую”, или южную подгруппу (говоры долины Кашкадарьи, Самаркандской области, отдельных районов Узбекистана), которая характеризуется начальным согласным *дж* вместо *й*, например, *джол* (дорога), *джан* (бок)².

Несингармонические диалекты были языком преимущественно городского, а значит, в значительной мере, сартовского населения. В XIX столетии

¹ См.: *Поливанов Е. Д.* Этнографическая характеристика узбеков. Вып. 1. Происхождение и наименование узбеков. Ташкент, 1926. С. 6 — 7.

² См.: *Народы Средней Азии и Казахстана* / Под ред. С. П. Толстова, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзона, Н. А. Кислякова. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 128.

часто использовался термин *сарт-тили*, который рассматривался в качестве разновидности языка *тюрки*. Причем под *тюрки* подразумевалось, в первую очередь, чагатайское наречие. К концу XIX столетия термин “чагатайский” стал выходить из употребления, все чаще заменяясь словами “узбекский” или “тюркский”. Такое употребление слов *тюрки* и *узбек* допускали, главным образом, джадида. Таким образом, можно говорить о том, что современные узбекские культура и язык по своей сути являются “сартовскими”, в то время как этноним — узбекским.

Можно предположить, что если бы архитекторы новоузбекской идентичности и языка пожелали положить в основу литературного узбекского языка чистые тюркские диалекты, то следовало бы выбрать какой-либо из существовавших огузо-кипчакских сингармонических диалектов, которым, к примеру, пользовался в своих произведениях Ходжи Ахмет Яссави в XII в.¹ Однако в итоге возобладал прочагатайский “проект” кодификации новоузбекского языка, лоббируемый джадидами, особенно Абдурауфом Фитратом, лишь с некоторыми заимствованиями из огузского и кипчакского диалектов. В 1925 г. им был издан учебник “Морфология”, в основе которого лежал чагатайский литературный язык². Выбор им именно прочагатайского варианта был далеко не случаен.

Фитрат, как и многие джадида, принадлежал к кругам интеллигенции, которых (особенно в Самарканде и Бухаре) отличал билингвизм. Он был не просто двуязычным писателем, но патриотом обеих литератур — персидской и чагатайской. Так, после образования в 1929 г. Таджикской ССР он был приглашен туда Садриддином Айни для аналогичной (что и в Узбекистане) работы по формированию и кодификации таджикского языка³. Предпочтение чагатайского языка другим тюркским наречиям было вызвано его восхищением образцами чагатайской литературы, уровень которой, как он считал, так и не был впоследствии достигнут собственно узбекскими поэтами⁴. Видимо, поэтому Ингеборг Балдауф называет Фитрата персонификацией “чагатайской национальности”⁵.

Несмотря на очевидные преимущества чагатайского языка, проект кодификации узбекского языка, выдвинутый Фитратом, тем не менее, первоначально не был принят. К нему *де факто* вернулись позже, в связи с санкционированной из Москвы реабилитацией наследия Темуридов. Этот поворот к чагатайскому наследию сочетался с политикой русификации

¹ См.: Народы Средней Азии и Казахстана / Под ред. С. П. Толстова, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзона, Н. А. Кислякова. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 129.

² См.: ст. “Узбекский язык” в настоящем издании.

³ См.: *Болтабоев Х.* Фитрат ва истиқлол маънавияти // Абдурауф Фитрат. Танлаган асарлар, 1 жилд, Тошкент: Маънавият, 2000. 27 б.

⁴ См.: А. Фитрат. XVI асрдан сунгра ўзбек адабиётига умумий бир қараш // Абдурауф Фитрат. Танлаган асарлар. 55—56 б.

⁵ См.: *Ingeborg Baldauf.* Some thoughts on the making of the Uzbek nation // *Revue du Monde Musulman*, 1991(1), p. 83.

национальных республик и, в частности, национальных алфавитов. Первоначально в 1927 г. Узбекистану был навязан латинский алфавит, что тоже можно рассматривать как видимую уступку пантюркистам. В действительности это было лишь прелюдией к введению в 1939 г. алфавита, основанного на кириллице. Очевидной целью обеих реформ была нейтрализация местных националистов и отсечение народов Средней Азии как от арабо-персидского культурного прошлого, так, в конечном счете, и от мусульман других стран.

После удаления с политической арены последних джадидов началась политика русификации национальных республик. Грамматика узбекского языка была модифицирована по образцу русского языка: были введены шесть падежей прилагательных, в словарь узбекского языка стали искусственно инкорпорироваться русские слова вместо существовавших узбекских, например, “идеология” вместо “мафқура”, “идея” вместо “ғоя”, “анализ” вместо “таҳлил” и т. д.¹

Национальные символы

После решения вопроса о кодификации узбекского языка второй по значимости задачей стояла канонизация национальной истории, и здесь не обошлось без патронажа со стороны российских востоковедов, историков, этнографов и краеведов. Будем всех их в дальнейшем называть востоковедами, подразумевая тех из них, кто специализировался по Центральной Азии.

Надо признать, что вклад российской школы востоковедения до революционной эпохи был неоченим, хотя ее и отличал порой налет имперского миссионерства, что-то вроде миссии “белого человека”. Природа российского востоковедения после событий 1917 г., а особенно после национального размежевания, несколько изменилась. Российские востоковеды и до этого пользовались покровительством колониальных властей: так, почетным председателем Туркестанского кружка любителей археологии в 1910 г. был генерал-губернатор А. В. Самсонов². Ну а после революции востоковедение, как и остальные общественные науки, превратилось в служанку партии и государства, одним из проводников национальной политики Советов. Те, кто не вполне вписывался в рамки партийных установок, подвергался репрессиям или изгонялся из центральных академических институтов. Судьбу гонимых разделили Ю. Брегель, А. Семенов, М. Андреев, нашедшие приют (и благодаря этому выжившие) в отдаленных уголках страны.

В какой-то степени традиции научного пуризма, культивировавшиеся “зубрами” российского востоковедения, и впоследствии сохранялись и под-

¹ Подробнее см. ст. “Узбекский язык” в настоящем издании.

² См.: Протоколы и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. (Год четырнадцатый). (1 января 1909 г. — 1 января 1910 г.). Ташкент, 1910. С. 133.

держивались самими учеными, но в то же время ни одна полевая экспедиция уже не могла быть осуществлена без санкции и организационно-административной поддержки партийных органов. А те давали такую санкцию только в том случае, если задачи и результаты исследований отвечали или, по крайней мере, не выходили за рамки генеральной линии партии по национальному вопросу.

Мы делаем это отступление о российском и советском востоковедении, поскольку в данном случае, как и в других современных обществах, существует тесная связь между инстанциями власти, гуманитарными науками и национальной идентичностью. Зависимость гуманитарного знания от власти раскрыта в работе Мишеля Фуко “Археология знания”¹, где отслеживается связь по цепочке: власть — режимы истины — знание — верования — практика. Аналогичным образом роль советских востоковедов являлась одной из ключевых в проекции интересов государства на формирование современной узбекской идентичности в приемлемой для власти конфигурации.

Можно указать, по меньшей мере, на три исторических момента, когда советские востоковеды сыграли важную обслуживающую роль в проведении генеральной линии партии и государства по национальному вопросу. Первым из них была работа Комиссии по национально-территориальному районированию в 1924 г. Тогда с подачи И. Магидовича и возглавляемого им коллектива был очерчен профиль современной узбекской нации, ее этнический и родоплеменной состав. Вторым историческим моментом была деятельность академика А. Ю. Якубовского по канонизации узбекской национальной истории, о чем речь пойдет ниже. Наконец, третьим был исторический рубеж, связанный с возникшими у центральных органов партии в середине 50-х гг. первыми признаками беспокойства относительно роста узбекского национализма. В ответ на его проявления партией был дан зеленый свет для этнографических исследований, которые бы поставили под сомнение монолитность современной узбекской нации, а также правомерность включения в нее некоторых этнических групп, таких как *тюрк* или *кипчак*. Вопрос не в том, имеются ли основания для подобных сомнений, а в том, что выражение таких сомнений было, скорее всего, срежиссировано центральными органами партии, чутко улавливавшими настроения национальных элит.

Остановимся подробнее на втором историческом моменте, связанном с деятельностью А. Ю. Якубовского по селективному формированию “узбекской истории”. Его брошюра под названием “К вопросу об этногенезе узбекского народа”² была издана в 1941 г. под эгидой юбилейного комитета Навои при СНК УзССР. Появление брошюры именно в указанное время было далеко не случайным. Это было начало войны СССР с фашистской Германией, когда советская армия потерпела серию жестоких поражений. Одной из их

¹ См.: *Michel Foucault. The Archeology of Knowledge*, New York:Pantheon Books, 1972.

² См.: *Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа*. Ташкент: Фан, 1941.

причин был, скорее всего, низкий моральный дух армии. Расово-националистической идеологии фашизма противостояла классовая идеология коммунизма, значительно потускневшая после уничтожения большевистской элиты — так называемой ленинской гвардии. После насильственной коллективизации и массового голода кочевых народов в 30-х гг., после последовавшего затем десятилетия массовых репрессий, особенно против национальных кадров, Сталин почувствовал слабость своих тылов и, отвечая на вызов трудностей мобилизации населения на борьбу с немецкой оккупацией, был вынужден кардинально пересмотреть государственную идеологию в общем и национальную политику, в частности. Классовый подход как главный компонент генеральной линии партии, культивировавшийся до того момента и под эгидой которого совершались репрессии 30-х гг., стал постепенно замещаться идеологией советского патриотизма. Последний, в свою очередь, тесно увязывался с национальным фактором — локальным патриотизмом национальных республик, краев и областей.

Частью этой новой внутренней политики была постановка двуединой задачи: с одной стороны, поощрить проявление национальных чувств населения окраин, а с другой — содействовать идее и лозунгу единства и дружбы народов, населяющих Советский Союз. Поскольку особое беспокойство Сталина вызывала неблагонадежность народов Средней Азии, то появление в этот момент статьи советского историка А. Якубовского было весьма кстати.

Якубовский предложил окончательно покончить с этимолого-исторической связью понятия “узбек” (в современном его понимании) с его дашти-кипчакскими корнями. По этому поводу он писал: “В течение долгого времени господствовал не изжитый до наших дней взгляд, согласно которому узбекский народ ведет свое существование от кочевников-узбеков, начавших проникать в Среднюю Азию в XV в. и завоевавших ее всю под предводительством Шейбани-хана лишь в начале XVI в.”¹ Тем самым затушевывалось значение золотоордынского этапа формирования узбекского этноса. Отвергая идентификацию истории народа с историей его этнонима, он утверждал, что узбекский народ в своей основе сформировался еще до нашествия Шейбанидов в Среднюю Азию. Миграция дашти-кипчакских узбеков, согласно его концепции, лишь завершала процесс создания узбекского народа, основу которого заложили ранние и чагатайские турки.

Логика подхода Якубовского заключалась в том, чтобы “отличать условия формирования того или иного народа от истории его имени”². Как следствие применения этой логики вводился в оборот термин “староузбекский” для обозначения дошейбанидского периода: “Не дает ли вышеизложенное права на то, — писал он, — чтобы, преодолев чисто формалистические соображения имени “узбеки”, обозначить термином “староузбекский” все тюркское прошлое на территории Узбекистана до XVI в.? Нам кажется, что дает”³.

¹ См.: Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 3.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 3.

Данный терминологический трюизм заключался в периодизации исторического прошлого, в результате которого история превращалась в телеологический процесс формирования узбекского народа. Суть такого подхода сводилась к селективной структуризации прошлого в соответствии с нуждами сегодняшнего дня, в результате которого прошлое начинало работать на настоящее, в данном случае — служить оправданием текущей национальной политики и, в частности, практики социальной инженерии по слиянию и расчленению национально-этнических общностей и территорий.

После интеграции разных по идентичности этнических групп в единую категорию узбеков, проделанной в 1924 г., логически следовал второй этап — аналогичного рода произвольное объединение разнородных исторических эпох под знаком формирования узбекской народности. Тем самым, Якубовский, безусловно, совершал существенную услугу фактическим и потенциальным великодержавным национал-патриотам, которые могли ощущать нужду во включении наследия доузбекского исторического прошлого в символический капитал нации.

Здесь важно отметить, что по логике великодержавного национал-патриотизма, чем древнее и величественнее история данного народа, тем сильнее его национальное самосознание. Причем последнее важно, в первую очередь, для правящих элит, присваивающих себе право говорить от имени национальных символов и исторического прошлого народа. Чем весомее этот символический капитал, тем легитимнее власть, контролирующая его. Власть, в конечном счете, выступает персонификацией символического капитала, который она сама вместе с подручной академической и культурной элитой и создает. Именно в контексте такого союза власти и национально-культурных элит и следует оценивать вклад А. Якубовского в разработку этногенеза узбекского народа.

Второй (и первой — по значимости) сверхзадачей концепции Якубовского было обслуживание нужд формирующегося советского патриотизма, основанного на лозунге дружбы народов и исторической роли русского народа как старшего брата всех остальных народов СССР. Предлагая в качестве национальных символов наследие Темуридов, а не эпоху Золотой Орды, Якубовский тем самым обеспечивал бесконфликтность взаимоотношений народов Туркестана и России в историческом прошлом: ведь Темура мог быть рассматриваем в качестве естественного союзника Московской Руси в противостоянии Золотой Орде.

Сходной оценки причин забвения Якубовским наследия эпохи Шейбанидов придерживается Эдвард Олвортт, который в своей книге “Современные узбеки” пишет, что эта ревизия истории Центральной Азии, усиленная марксистскими спекуляциями, коренится в предубеждениях русского национал-патриотизма относительно Золотой Орды, воплощенных в понятии “татаро-монгольское иго”, которое ранит национальное самосозна-

¹ Там же. С. 19.

ние русского патриота¹. О том, что такое предубеждение построено на ложных исторических стереотипах, и что на самом деле отношения между русскими княжествами и Золотой Ордой были не только конфликтными, но и партнерскими, позже напишет другой русский историк Лев Гумилев², а выдающийся кинорежиссер Андрей Тарковский снимет фильм “Андрей Рублев”.

“Гениальность” формулы историко-национальной идентичности узбеков, предложенной Якубовским, заключалась в том, что она удовлетворяла все заинтересованные стороны. В то же время ее можно рассматривать как плагиат: фактически она воспроизводила взгляды джадидов, которые первыми осуществили попытку консолидации истории народов Туркестана под знаком созвездия эпох Темуридов, Чингиз-хана и домонгольского периода. Так, Абдурауф Фитрат в своем стихотворении “Печаль по родине” идентифицирует родину с колыбелью героев прошлого, таких как Чингиз-хан, Темур, Атилла (героическая фигура народа хунн в IV в.), а также племена огузов³. Как бы то ни было, но концепция Якубовского была достойно оценена и в Москве, и в Ташкенте, и принята в качестве основополагающей парадигмы для последующей канонизации истории узбекского народа. Но это произошло не сразу.

Даже в послевоенный период, по всей видимости, в советской академической среде еще не утихли дискуссии относительно исторического места Шейбанидов и их роли в формировании узбекской народности. В 1947—50 гг. вышло двухтомное издание “История народов Узбекистана”⁴, подготовка к печати и публикация которого носили оттенок детективной истории. Второй том издания, содержание которого начинается с эпохи Шейбанидов, вышел первым, в 1947 г. Создается впечатление, что авторы тома (редакторы С. В. Бахрушин и др.) спешили с его выпуском, ожидая возражений от Якубовского, на что были основания: в вводной статье этого тома, посвященной историографии народов Узбекистана, в качестве важнейших источников были названы труды В. Бартольда, А. Семенова и П. Иванова, которые рассматривали именно эпоху Шейбанидов как время зарождения узбекской народности.

Чтобы исправить создавшееся положение, Якубовский сопроводил первый том, вышедший позже, в 1950 г., своим предисловием, в котором еще раз утверждалось, что, якобы, в советской исторической науке “стало уже общепризнанной истиной, что история народа нередко старше истории его

¹ Edward A. Allworth. The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present: a Cultural History, Stanford: Hoover Institution Press, 1990, p. 241.

² Гумилев Л. Н. В союзе с Ордой // От Руси к России в союзе с Ордой. М.: Экпопс, 1992. С. 89—194.

³ Фитрат А. Юрт қайғуси (сочма шеър). Танлаган асарлар, 31-бет.

⁴ История народов Узбекистана: В 2-х т. / Под ред. С. П. Толстова, В. Ю. Захидова, Я. Г. Гулямова, Р. Н. Набиева, С. В. Бахрушина, В. Я. Непомнина, В. А. Шишкина. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947—1950.

имени”¹. Этот тезис не только подводил под новую концепцию этногенеза узбекского народа соответствующее методологическое основание, но и расчищал поле для произвольной манипуляции историческими данными в разработке этногенеза любого другого народа. Теперь, если поступал социальный заказ² по расширению исторических рамок этногенеза того или иного народа, достаточно было удовлетворить трем следующим условиям:

1) рассматривать этноним народа всего лишь как ярлык, наклейку, не имеющую никакого значения, с точки зрения идентичности и самосознания народа;

2) вместо этнонима и этнического самосознания использовать в качестве признака принадлежности к той или иной народности “объективные” черты образа жизни (например, оседлый образ жизни) или сходство языка (например, язык *тюрки*);

3) при необходимости рассматривать в качестве “предка” данного народа любой из народов, обитавших на данной территории в древности, идентифицировав его в качестве участника этногенеза данного народа.

Эти три методологических принципа стали краеугольным камнем всей последующей советской исторической науки, связанной, по крайней мере, с узбекской историей и этногенезом узбекского народа.

Через пять лет после выхода злополучной “Истории народов Узбекистана”, вышло новое четырехтомное издание “Истории Узбекской ССР” (1955 — 1958)³, которое уже следовало методологическим указаниям Якубовского. Линию последнего продолжил С. П. Толстов, уполномоченный от партии и государства представлять “истинную” историю образования узбекского народа, о чем говорит его статус одного из главных редакторов нового четырехтомного издания, а также труда “Народы Средней Азии и Казахстана”, вышедшего в 1962 г. в серии “Народы мира”. О принадлежности С. П. Толстова к школе Якубовского говорит повторенный им тезис своего учителя о том, что “следует отличать историю этнонима “узбек” от истории формирования узбекского народа”⁴.

В этот же период вышла монография М. Вахабова “Формирование узбекской социалистической нации”⁵, завершавшая канонизацию этногенеза узбеков в духе концепции Якубовского. Используя тот же принцип отрицания значимости этнонима и самоназвания этноса в разработке его этногенеза, М. Вахабов пришел к заключению, что “узбеки сложились в особую народность еще в начале второго тысячелетия нашей эры”⁶.

¹ История народов Узбекистана: В 2-х т. С древнейших времен до начала XVI века / Под ред. С. П. Толстова и др. Ташкент: Издательство АН УзССР, 1950. Т. 1. С. 8.

² В случае с узбеками было необходимо преодолеть мнение о том, что они являются пришлым в регион Средней Азии народом.

³ История Узбекской ССР: В 4-х т. / Под ред. С. П. Толстова и др. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955—1958.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент: Госиздат УзССР, 1961.

⁶ Там же. С. 24.

В принципе, предложенная Якубовским формула этногенеза позволяла обосновывать и более раннее происхождение узбекского народа, как, впрочем, и всякого другого, что было, кстати, с готовностью применено разработчиками этногенеза титульных наций соседних с Узбекистаном республик.

Постсоветские реалии

Следует признать, что многолетние усилия правящих и культурных элит по формированию современной узбекской идентичности дали свои плоды: на сегодняшний день подавляющее большинство тех, кто зарегистрирован в качестве узбеков, действительно ощущают себя принадлежащими к узбекской нации. В этом плане имеется разительная разница между сегодняшним днем и ситуацией непосредственно после национального размежевания 1924 г., сопряженной с инкорпорацией в узбекскую национальность сартов и других племен и народностей, ранее не называвшими себя узбеками. Еще в 1937 г. первый секретарь Компартии Узбекистана Акмаль Икрамов признавал, что до национального размежевания большинство узбеков не ощущало себя единой нацией: “Трудящиеся массы узбеков не осознавали себя как единую национальность. Ферганских узбеков обычно называли коканлыками, по названию ханства; зарафшанских, кашкадарьинских, сурхандарьинских узбеков называли бухарцами. Кочевые узбеки Кашкадарьи и Сурхандарьи узбекское население наших городов не считали узбеками. Хорезмийцы, например, всех узбеков, приезжавших из других частей Узбекистана, называли почему-то таджиками, а русские колонизаторы называли всех их сартами”¹. Национальная идентичность тогда действительно была вторичной, следующая по важности после принадлежности территориальной или родовой.

Уже начиная с 50-х гг. и в 60—70-е гг. XX столетия большинство узбеков на вопрос: кто вы? — ответило бы, в первую очередь, “узбек”, а затем назвало бы местность их проживания. Этому в значительной степени способствовал рост среднего образования среди узбеков, а в этой связи популярность национальных поэтов молодого поколения из числа “шестидесятников”, за ними — поколения 70-х и 80-х гг., озвучивших идею национальной идентичности. Признаком роста узбекского национального самосознания в массах стала широкая популярность стихотворения Эркина Вахидова “Узбегим”², часто цитировавшегося молодежью в 70—80-х. Примечательно, что и в этом знаковом стихотворении воспроизводится парадигма национальной истории, в которой отведено место деятелям чагатайской эпохи, упоминаются более ранние вехи региональной истории, даже сам Чингиз-хан и почему-то хан Батый, но, опять-таки, нет и намек на вождей кочевых узбеков. В дальнейшем, особенно в конце 80-х гг., на фоне и под влиянием подъема национально-демократического движения стали на-

¹ *Икрамов А.* О проекте Конституции Узбекской ССР: Из доклада на Чрезвычайном VI съезде Советов Узбекской ССР 12 февраля 1937 г. / Революция и национальности, 1937. № 4 (86). С. 42.

² *Воҳидов Эркин.* Ишқ савдоси. Сайланма: Биринчи жилд. Ташкент: Шарқ, 2000. 200—203 б.

растать требования в пользу придания узбекскому языку статуса государственного, решение о чем, в итоге, было принято в октябре 1989 г.

Большинство потомков сартов и других племен сегодня уже не помнят об этнической или родоплеменной принадлежности их дедов и прадедов. Память о своей родословной сохранилась преимущественно в некоторых сельских районах, где в прошлом концентрировались узбекские и тюркские племена, особенно в районах Южного Узбекистана. Зато в последние годы, в связи с возрождением частного скотоводства, наблюдается оживление традиций кочевых узбеков, что проявляется в росте популярности народной игры *улоқ*¹.

В редких случаях, но все же можно говорить об остатках исторической и семейной памяти и о сартах. Так, в полевом исследовании, проводившемся в 2001 г. при участии автора в сельской местности Язъяванского района Ферганской области, был выявлен следующий случай. Один из респондентов признался, что некоторые его соседи из числа каракалпаков и представителей рода тюрк называли его сартом. Из этого следует, что память о сартах сохраняется, по крайней мере, среди представителей бывших полукочевых племен, к которым относились в Ферганской долине, помимо кыргызов, также каракалпаки, кипчаки и тюрки.

Какие же изменения в плане дальнейших этнических процессов среди коренных народов Узбекистана принес распад СССР? Определенные изменения, хотя и малозначительные, имеют место. С обретением политической независимости был вновь поставлен вопрос об узбекской национальной идентичности, языке и этногенезе. Особых общественных дебатов относительно этих вопросов не наблюдалось за исключением споров об узбекском алфавите и национальной символике.

В 1992—1993 гг. споры разгорелись относительно того, какой алфавит следует принять в условиях независимости — вернуться к арабскому, перейти на латиницу или оставить все как есть. Верх одержала точка зрения в пользу латиницы, активно поддержанной новыми властями. В 1993 г. был принят закон Республики Узбекистан “О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике”. Казалось бы, это был знак, свидетельствующий о возрождении пантюркистских настроений. Однако в действительности это был выбор в пользу “наименьшего зла” — лишь бы не допускать принятия арабской графики, и, с другой стороны, поскорее порвать “пуповину”, связывающую общество Узбекистана с советским прошлым. Существенного влияния на умы и самоощущение узбеков это решение пока не принесло, если не считать того, что новое поколение школьников, обучаемое латинскому алфавиту, оказалось лишенным возможности читать узбекскую литературу, вышедшую в советский период и выпускаемую местными издательствами по сей день в гораздо большем количестве, чем литературу на латинице.

Из новых явлений следует отметить замещение многих заимствований из русского и других европейских языков местной, как правило, тюркской терминологией. В остальном не наблюдается значительных отклонений от той формулы узбекской идентичности, которая была предложена в свое

¹ См. статью под таким же названием в настоящем издании.

время А. Якубовским. Пантеон национальных героев по-прежнему формируется, главным образом, из представителей чагатайской эпохи, а во главе них стоит фигура Темура, которому воздвигнуты памятники, музеи, словом, оказаны почести самой высокой категории. Фигуры золотоордынской эпохи — Шейбани и Абулхаир-хана, напротив, упоминаются довольно редко, нет ни одного памятника, ни одной книги, посвященных деятелям эпохи Узбекского Улуса.

Похоже, по вопросу о высших национальных приоритетах имеется достаточно высокая степень консенсуса между правящей и культурными элитами, сконцентрированными в столице. Неясность до сих пор сохраняется и в вопросе о природе формирующегося национального государства — должно ли оно оставаться этноцентристским, как и было задумано в 1924 г., или его следует преобразовывать в то, что характеризуется понятием *nation-state* (государство-нация). Если в первом случае первичным является этнос, а вторичным — гражданство, то во втором случае — наоборот: в графе “национальность” в анкетных данных ставится название страны, где проживает данный индивидум, а не его этническая принадлежность. В практическом плане второй вариант, учитывая настроения в обществе, особенно в среде национальной элиты, является пока маловероятным. Соответственно, формирование узбекского государства и общества как *nation-state* отодвигается на неопределенную перспективу.

А. Ильхамов

УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК

СОВРЕМЕННЫЙ УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК

Первые попытки канонизировать современный узбекский язык были предприняты в начале 20-х гг. В 1921 г. на I Краевом съезде узбекского языка и орфографии после различных дискуссий были приняты три решения, отражавшие точку зрения джадидов: (1) упорядочить написание арабских букв, приведя их к одинаковой форме и сведя их количество к 48; (2) свести количество гласных к шести (что свидетельствовало о принятии за основу узбекского языка карлукско-чигильского наречия); (3) написание арабско-персидских слов предвелять гласными буквами.

Узбекский язык с целью его распространения стал преподаваться в качестве самостоятельного предмета в школах. Соответственно появилась потребность в создании учебника узбекского языка. В результате в 1919 г. был выпущен учебник Элбека “Правила письма” (“Битик йуллари”), вслед за ним в 1921 г. вышел учебник “Пути письменности” (“Ёзув йуллари”). В 1924 г. был выпущен более доработанный учебник “Уроки узбекского языка” под авторством Шорасула Зуннуна, Мунаввара Кори и Каюма Рамазона. В 1925 г. вышел учебник Абдурауфа Фитрата по грамматике узбекского языка “Морфология”. В нем Фитрат отошел от ошибок прежних просветителей, критически подошел к произведениям арабских, татарских, тюркских языковедов, высказал оригинальные суждения по фонетике, морфологии и синтаксису узбекского языка. Он показал, что основным свойством узбекского языка является сочетание сельских (более грубых) и городских (более мягких) наречий. Если в сельском говоре (к нему в основном относятся кипчакские диалекты) произносятся слова грубее, например, “боргон”, “келгон”, “ёзгон”, то в городском говоре (основанном на чагатайском языке) эти слова произносятся мягче, например, “борган”, “келган”, “ёзган”. Фитрат опирался в разработке фонетики на городской говор, и по этой причине выдвинул мнение о необходимости ограничения числа гласных до шести, в то время как в кипчакских наречиях число гласных составляет от семи до восьми.

Начиная с 1925 г. началась кампания по постепенному вытеснению из государственных органов и образовательных учреждений интеллигентов и просветителей джадидской школы. Их труды начали изыматься из библиотек. В 1929 г. узбекскому языку был навязан латинский алфавит вместо арабского. В этой связи возникла потребность в новых учебниках по узбекскому языку. При этом было решено реформировать грамматику, приведя ее в соответствие с грамматикой русского языка. Этот подход был открыто зафиксирован в предисловии изданного в 1939 г. в Ташкенте учебника О. Усманова и Б. Авезова “Грамматика узбекского языка”, где было сказано, что данный учебник “составлен на основе учебника “Грамматика

русского языка” профессора С. Г. Бархударова и доцента Е. И. Досикова”. Реформирование коснулось фонетики, морфологии и синтаксиса. Было решено, раз в русском языке имеется шесть падежей прилагательных, то и в узбекском языке тоже должно быть шесть.

Еще Фитрат в своих работах показывал, что основной частью речи является сказуемое. В новой же грамматике, скроенной по образцу русской, было установлено, что основной частью речи является подлежащее.

В 1940 г. узбекскому языку был снова навязан новый алфавит, теперь уже основанный на кириллице. К искусственным нововведениям, указанным выше, добавилось пополнение словаря узбекского языка заимствованиями из русского, которые производились за счет вытеснения из словаря узбекских слов. В частности, были произведены следующие подстановки: вместо “муаллиф” — “автор”, “гоя” — “идея”, “тахлил” — “анализ”, “мафкура” — “идеология”, “зиёли” — “интеллигент”, “номзод” — “кандидат”, “иқтисод” — “экономика” и т. д.

На тех ученых, которые продолжали использовать “старые” термины, навешивался ярлык пантюркистов. И наоборот, использование русских слов приветствовалось как свидетельство прогресса. Соответствующие изменения вводились и в словари, например, в “Ўзбекча-русча лугат”, изданный в 1959 г. в Москве. Одновременно в школах и других учебных заведениях увеличилось количество часов, отведенное на изучение русского языка, часто за счет узбекского. Сокращалась сфера применения узбекского языка, он все более вытеснялся из общественной сферы в бытовую.

Ситуация стала кардинально меняться только в период перестройки, на волне национальных движений. 21 октября 1989 г. Олий Мажлис Узбекистана придал узбекскому языку статус государственного. Вышел ряд других правительственных решений по развитию узбекского языка. В начале 1990 г. при Кабинете Министров был создан орган, призванный упорядочить терминологию узбекского языка, правительственная комиссия по языку. Все это способствовало укреплению общественного статуса узбекского языка, развитию языкознания. Началось восстановление забытых узбекских слов. К их числу можно отнести следующие: “тижорат” — “коммерция”, “бозор иқтисоди” — “рыночная экономика”, “маъмурий” — “административный”, “мақом” — “статус”, “инқироз” — “банкротство” и т. д.

Стали выпускаться учебники узбекского языка, отражающие все эти изменения. В 1993 г. правительство приняло решение о поэтапном переходе на латинскую графику.

СТАРОУЗБЕКСКИЙ (ЧАГАТАЙСКИЙ) ЯЗЫК

Термин “староузбекский” был введен по инициативе А. Ю. Якубовского в 1941 г.¹ и используется преимущественно историками и востоковедами в

¹ Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент: Фан, 1941.

пределах бывшего СССР. Под этим термином стали понимать наследие так называемой чагатайской культуры, получившей развитие в эпоху Темуридов. Соответственно, чагатайский язык, канонизированный в этот исторический период, стал называться староузбекским. В настоящее время в литературе, издающейся в Узбекистане, термин “чагатайский” совсем не используется, его полностью заменил термин “староузбекский”.

До недавнего времени под староузбекским (чагатайским) языком подразумевался в основном язык произведений Алишера Навои, который жил и творил в XV столетии в Герате, а также работ Бабура, местом проживания которого была, до его изгнания Шейбанидами, Ферганская долина. Однако в последние годы в республике получили распространение взгляды о том, что ареал распространения языка был шире и что предшествующие языки уже содержали в себе элементы староузбекского.

Предки узбеков, которые жили на территории древнего Туркестана, разговаривали на арабском, бактрийском, авестийском, хорезмском, согдийском языках. Уже в VI в. начался переход местных народностей к тюркскому языку. Основной причиной этого являлась его простота и легкость в употреблении. Например, слово “тўн”, что является основой узбекского слова “тўнгич” (старший) в имени Тўна ёбғу — повелителя Тохаристана (в 618—630 гг. занимал территории нынешнего Южного Узбекистана), может говорить о вхождении в чагатайский язык элементов согдийского.

Одна из самых первых реликвий протоузбекского языка — это произведение “Иршод-ул толибин” Хакима Термизи (859 — 932). В разделе “О мире животных” его трактата встречается множество слов, которые позднее вошли в состав узбекского языка, например, арслон (лев), товушқон (заяц, кролик), чақал, или чиябғри (шакал), ўрдак (утка), тўти (попугай), илон (змея), эшак (ишак), от (конь, лошадь) и т.д.

Реликвии “Кул тегина” и “Тўнйуқуқ” также свидетельствуют о том, что в древней Сурханской долине в VII в. проживали тюркские народы, предки будущих узбеков. Встречающиеся в “Кул тегина” словосочетания: “суғдақ будун атайин тейин Йинчу ўгузуг кеча Темир қапиққа теги суладимиз... ва Тснйуқуқ тош битигидаги... Йинчу ўгузуг кеча... Темир қапиққа теги эргимизқ” показывают, что знаменитый полководец Тунйукук и его войска в 735 г. перешли Сырдарью, побывали в ущельях Темир капуг в Байсуне.

Слова, отчеканенные на медных монетах Самарканда в XII в.: “олмағучи йазуқлуқдур (гуноқкордир)” (не взявший — виновный) — также имеют генетическую связь с чагатайским языком.

В произведении Махмуда Замахшари, жившего в XII в. в Хорезме, “Муқадимат-ул-адаб” насчитывается более 6000 слов, также имеющих связь с узбекско-тюркским языком, который получил развитие в XIV—XIX вв. Наибольший вклад в его развитие внесли писатели и поэты Алишер Навои, Бабур, Лутфи, Атаи, Саккаки, Мухаммад Салих, Турди, Мунис, Агахи, Машраб, Хувайдо, Суфи Аллаяр и др. Особо следует отметить вклад Алишера Навои. Его произведение “Муҳокамат-ул-луғатайн” специально по-

священо тюркскому (чагатайскому) языку. В этом произведении он, сравнивая этот язык с персидским, показал, что и на тюркском языке можно создавать высокохудожественные произведения. Алишер Навои в этом произведении сравнил узбекский и персидский языки, сопоставив их гласные, лексику и морфологию. Он констатирует, что в тюркском языке существуют 13 гласных, из них семь являются фонемами, а шесть — аллофонами, в то время как в персидском языке имеются три кратких и три долгих гласных. Существование множества гласных в тюркском языке, считает Навои, придает ему музыкальность.

В “Муҳокамат-ул-луғатайн” много интересных примеров по лексике. Поэт, сравнивая словарный запас узбекского и персидского языков, указывает на богатство словарного фонда узбекского языка. В частности, персы все съедобное и питьевое называют одним словом “хўрдани”. А турки дали несколько соответствующих контексту названий: пицца означает “егулик” (еда), питье — “ичкулук”. У персов старший и младший брат называются одним словом “бародар”, а турки эти значения называют по отдельности — “оға” и “ини”. В тюркском языке старшая сестра будет “эғачи”, а младшая — “сингил”, в то время как персы вместо обоих слов употребляют слово “ҳоҳар”.

В указанном произведении приведен ряд примеров и по морфологии рассматриваемых языков. Например, у персов нет взаимно-совместного залога. В тюркском языке это дается через аффикс “ш”: “Ва масдарға бир шин ҳарфи илҳақ қилмоқ била ул мақсудни топибдурлар. Андоқки чопишмоқ ва топишмоқ ва қучушмоқ ва ўпушмак ва бу шое лафзди”. В узбекском языке совершенная форма глагола передается посредством аффикса “ч”: например, “тегач”, “топқоч”, “берғоч”, “айтқач”, “ёрғоч”, что в персидском языке передается словосочетаниями.

Другим поэтом, внесшим огромный вклад в развитие староузбекского языка, является Бабур. В своем энциклопедическом труде “Бабур-наме” он оставил очень ценные сведения о тюркском языке Ферганского региона.

Как было отмечено, находки последнего времени говорят о ростках староузбекского языка не только в Герате и Ферганской долине, но и в Бухаре, Таразе и Хорезме.

Староузбекский язык в Бухаре хорошо отражен в переводе “Зафар-наме”, который был осуществлен в 1519 г. по приказу Кучкинчи-хана. Строение сочетаний, синтаксические единицы, разнообразные слова в этом произведении показывают, что в Бухаре староузбекский язык был прост и легок. В этом произведении чувствуется сильное влияние “и”-кания: например, слово “йигирма” употребляется как “йигирми”, а “йубориб” как “йибориб”. В произведении встречаются также случаи “а”-кания, например: слово “қувладилар” встречается как “қавладилар”. В произведении, за исключением некоторых сочетаний типа “махди аъло”, означающее “старшая жена”, все слова понятны, близки к живому народному тюркскому языку.

Хорезмский староузбекский язык хорошо изображен в произведении “Ўтамишхон хожи тарихи” (“История Утамишхана ходжи”), созданном в

XVI в. в Хорезме. Анализ произведения указывает на то, что староузбекский язык Хорезма так же прост и близок народу. Это можно увидеть и в следующем отрывке: “Чун Чингизхон вилоятларни фатҳ қилди, бир тарафи Бағдод ва бир тарафи Ҳиндистон, бир тарафи Дашти қипчоқ ва дарёйи Эдил эрди. Бу вилоятларни тўрт-беш ўғлига бахшиш қилди. Ироқ вилоятини Холокухонга берди. Ўгадайхонни ўз вилоятинда қўйди. Тулихонни ўз қошинда сақлар эрди. Аммо Йўжухон барча ўқлонлариндин улуғроқ эрди, азим лашкар қўшиб Дашти қипчоқ вилоятиқа салгаб йўборди. Отларинга ем бўлсин, теб Хоразм вилоятини берди”.

Староузбекский язык Тараза (в советское время — Джамбул) представлен в произведении Ахмед бинни Худойдод Тарози “Фунун — ул-балоға”. Язык этого произведения, посвященного сложным поэтическим закономерностям, сравнительно прост и легок: “Бу байтдин барчақа зоҳирдирким, Рустам Сухробни ўлтургусидур, газалнинг аксари йигирми байт бўлур ва ақалли беш байт андин ўксун бўлмас, магар қофия битилмаса, тўрт байт қилурлар, ул ҳам зарурат ҳукмидан жоиздир”.

Изучение созданных в Герате, Фергане, Бухаре, Таразе, Хорезме произведений показывает, что язык каждого из этих регионов несколько отличался друг от друга по диалектику и стилю. Если в произведениях, написанных в Герате, встречается множество арабо-персидских слов, арабских словосочетаний, взятых из Корана и Хадиса, то в произведениях из других регионов гораздо чаще вместо арабо-персидских слов употреблялись тюркские. Это свидетельствует о наличии различных диалектов в составе узбекского языка.

ДИАЛЕКТЫ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Узбекский язык, в отличие от других тюркских языков, состоит из трех больших диалектических объединений: карлукского, кипчакского и огузского.

Карлукский диалект

Этот диалект является преимущественно городским. Сам по себе он не является однородным, в нем можно различить три подгруппы — диалекты Ташкентской, Ферганской и Самаркандско-Бухарской зон.

Диалекты Ташкентской зоны

В настоящее время количество разговаривающих на диалекте Ташкентской зоны в два-три раза больше тех, кто говорит на диалектах Ферганской, Самаркандско-Бухарской зон вместе взятых. Этот диалект имеет следующие *особенности фонетики*:

- а) шесть гласных фонем: *а, о, у, ў, и, э, и;*
- б) звук “к” в конце слова произносится как “й”: туршак — туршай, кесак — кесай, или совсем опускается: мушук — мушу, кучук — кучу;
- в) не различаются звуки “қ” и “х”;

- г) звук “т” в начале слова произносится как “ч”: тиш — чиш;
 д) звук “қ” в середине слова превращается в “х”: тўқсон — тўхсон.

Особенности морфологии:

- а) окончание глагола в прошедшем времени имеет форму “вуз”: келди-вуз, бордивуз;
 б) окончание винительного и родительного падежа и “нинг” не различаются;
 в) в окончании существительного множественного опускается буква “р”: болалар — болала, ўқувчилар — ўқувчила;
 г) окончание настоящего времени имеет форму “-вотти”, а не “-япти”: борвотти, кетвотти.

Кроме того, в диалекте этой зоны существуют своеобразные единицы лексики: бадал (вместо “овоз” — голос), энгай (“ияк” — подбородок), энгил (“кийим” — одежда), юмалоғ (“думалоқ” — круглый), бўтана (“лойқа” — илистый), калиш (“галош”), пакки (“кичик пичоқ” — маленький нож), сумбат (“гавда” — туловище), пақир (“челак” — ведро), сўнгай (“суяк” — кость), ёрти (“ярим” — половина).

Диалекты Ферганской зоны

Фонетическое своеобразие этого диалекта состоит в том, что долгие гласные несут семантическую функцию, служа определению смысла слов: если “уч” означает “три”, то “ууч” — “вершину” (например, “терақ учи” — “вершина тополя”); если “ун” означает “муку”, то “уун” — “голос” (вместо “овоз”).

Морфологические особенности состоят в следующем:

- а) окончание в винительном и родительном падежах имеют форму “-ти” и “-ди”, например, “ишти” (работы);
 б) глагол прошедшего времени имеет окончание “-дик”: келдик (прибыли);
 в) глагол настоящего времени заканчивается аффиксом “-аяп”: ишла-япман, бора-япман (работаю, иду).

Кроме того, в данном диалекте имеются следующие своеобразные лексико-семантические единицы: бувак (вместо “чақалоқ” — младенец), какка (“зағизгон” — сорока), шоти (“нарвон” — лестница), болиш (“ёстуқ” — подушка), бувча (“опа” — старшая сестра), бўзак (“бузоқ” — теленок), избир (“катта зовур” — большая дренажная канава), каса (“сопол товоқ” — глиняная чашка), пол (“пушта” — грядка), парақ (“катта галвир” — большое решето или сито).

Диалекты Самаркандско-Бухарской зоны

По причине сильного влияния таджикского языка фонетика, морфология и лексика в говорах Самаркандско-Бухарской зоны имеют следующие особенности.

Фонетика:

- а) вместо “и” используется “у”: хотин — хотун (жена);
- б) вместо “у” используется “ў”: уйқи — ўйқу (сон);
- в) вместо “ў” используется “у”: ўсма — усма;
- г) звуки “ҳ” и “х” взаиморазличаются.

Морфология:

- а) предложный и дательный падежи не различаются: “магазинга ишлайди” вместо “магазинда ишлайди” (работает в магазине);
- б) окончание существительных настоящего времени имеет форму аффикса “-оп”: келопту (идет);
- в) глагол прошедшего времени не спрягается: мен келган, сен келган, у келган.

Лексика:

в диалектике этой зоны больше используются таджикские слова: морча (вместо “чумоли” — муравей), каллапўш (“дўппи” — тюбетейка), гўсала (“бузоқ” — теленок), сўзанак (“ниначи” — стрекоза), тартанак (“ўргимчак” — паук), матал (“эртак” — сказка).

Кипчакский диалект

Распространение этого диалекта связано с народностью кипчаков, которые живут в Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Самаркандской, Навоийской, Сырдарьинской и Джизакской областях и состоят из многих родов. Но на нем говорят не только представители этого племени. Он распространен в основном в сельской местности. Кипчакский диалект отличается следующими свойствами.

Фонетика:

- а) вместо “й” в начале слов произносится “ж”: йўл — жўл (дорога), йурак — журак (сердце);
- б) существуют долгие гласные и они влияют на смысл слов: ўт (растение) — ўўт (организм), ўнгир (впадина) — ўўнгир (вместо “тўн этаги” — подол халата);
- в) существуют дифтонги: эи, оу, вў;
- г) звук “ғ” меняется на “в”: тоқ (гора) — тав, боғ (сад) — бов;
- д) в конце слова звуки “қ” и “к” пропускаются: вместо сариқ (желтый) — сари, кичик (маленький) — кичи, қаттиқ (твердый) — қатти.

Морфология:

- а) в дательном падеже местоимение образует следующую форму: мақан, сақан, уқан;
- б) настоящая форма глагола используется с помощью окончания “-жатири”: баражатири, келажатири (идет);
- в) дополнительное дательного падежа имеет форму “-ға”: жўлға;
- г) окончания множественного числа встречаются в форме “-нар”, “-тар”: қатиннар, аттар;

С лексической точки зрения, кипчакский диалект выделяется своеобразным словарным составом, например: чўччи (вместо “ширин” — сладкий), ўй (“текислик” — равнина), маяк (“тухум” — яйцо), кели (“ўсир” — ступа), тўқал (“бева” — вдовец), чимилдиқ (“гўшанга” — полог, занавес для новобрачных в углу комнаты), олашақшақ (“зағизгон” — сорока), ўргамчи (“ўргумчак” — паук), изламоқ (“қидирмоқ” — искать), арт (“орқа” — зад, задняя часть), ўр (“чуқур” — яма), барақ (“юнгдан тўқилган гилам” — ковер, связанный из шерсти).

Огузский диалект

Носители этого диалекта в основном живут в Хорезме и на Аральском побережье.

Фонетические особенности диалекта:

а) в начале слова вместо звуков “к”, “т” произносятся соответственно “г”, “д”: тил (язык) — дил, тиш (язык) — диш, кел (приди) — гел, керак (нужен) — герак;

б) “қ”, “ғ”, “к”, “г” в конце слова опускаются: иссиқ (горячий) — исси, дирик — дири;

в) внутри слова добавляется звук “-н-”: ичинда (внутри), дишинда (в зубах);

г) существуют долгие гласные: уур — томон (сторона), уурт — лунж, уун — бугдой (пшеница), ўўж — ўч (месть).

Морфологические особенности:

а) родительный падеж используется в форме “-инг”;

б) окончание винительного падежа имеет форму “-а”;

в) окончание глагола в настоящем времени длительного действия имеет форму “-йатир”: гелайатир, барйатир (приходит, идет);

г) окончание глагола будущего времени имеет форму “-жак”: гележак, баржак (придет, пойдет);

д) форма намерения глагола имеет следующее дополнение: гели, гали, гелели, барали.

В словаре огузского диалекта много специфических слов: зангнги (вместо “нарвон” — лестница), сўқи (“ўғир” — решето), буват (“тўғон” — плотина), йимирта (“тухум” — яйцо), қумри (“мусича” — горлинка), бурч (“гармдори” — перец), дувақ (“қопқоқ” — крышка), қаринджа (“чумоли” — муравей).

Э. Умаров

УЗБЕКСКИЕ ПЛЕМЕНА И РОДЫ¹

БАРЛАСЫ

Этноним *барлос* известен со времен Чингиз-хана. Рашидиддин пишет, что четырехтысячное войско, которое выделил Чингиз-хан своему сыну Чагатаю, состояло, в частности, из барласов² и что, как и джалаиры, они были первоначально монгольским племенем под названием *барулос*, что в переводе с монгольского означает “толстый, сильный”. Оно также означало “полководец, предводитель, смелый воин” и было связано с воинской отвагой представителей племени.

Если в 30—40-е гг. XIII в. барласы и джалаиры имели еще монгольскую идентичность, то уже к 60—70-м гг. XIV в. и те и другие уже прошли процесс тюркизации³, в первую очередь посредством усвоения тюркских наречий, а также вступив в процесс взаимной ассимиляции с местным тюркским населением, особенно в районе сосредоточения барласов и джалаириров на территории Кашкадарьинской области.

Барласы поселились в Кашкадарьинском оазисе в первой половине XIV в. Распространяться на другие регионы они стали во времена Амира Темура, который, будучи сам по происхождению из этого племени, оказывал им покровительство. Известно, что и после его смерти барласы занимали почетное положение в государствах Темуридов. Так, часть из них вместе с Бабуром после разгрома его войск дашти-кипчакскими узбеками, отправилась в Индию⁴. В XVI в. барласы жили на левом и правом берегах Амударьи. К этому времени это племя разрослось за счет присоединения к нему других племен, поскольку вступать в союз с ним считалось престижным. Но в дальнейшем, после установления власти Шейбанидов, барласы утратили свои позиции.

Во времена Бухарского ханства часть барласов продолжала вести полукочевой образ жизни и заниматься животноводством, сохраняя свое название и традиционное внутреннее единство. Это проявлялось в заключении браков преимущественно между членами племени, а также в обладании особым красноречием, служившим своеобразной “визитной карточкой” членов племени барлас.

Барласы Шахрисабза, который находится рядом с Самаркандской областью, наоборот, считают, что их предки долгое время жили в Гиссаре, после чего вернулись в свои родные места — в Кашкадарьинский оазис. Среди жителей села Юкори Тарагай (Кашкадарья) бытует легенда, что в прошлом они покинули эти места и отправились в Гиссар, откуда вернулись лишь в начале XIX в. По другим источникам, что в середине XVIII в.

¹ В данном разделе приводится описание только некоторых из традиционных узбекских родов.

² Рашидиддин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 1. С. 257.

³ Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941.

⁴ Захриддин Мухаммад Бабур. Бабур-наме. Ташкент, 1960. С. 232—236.

мангит Мухаммад Рахим переселил около 20 тыс. семей барласов на территории Самарканда и Шахрисабза¹.

В южных районах Узбекистана живут два рода барласов — *олтибачча* и *калхофизи*. *Олтибачча*, по легендам, произошли от шести братьев. Различают также такие рода и колена, как *казибачча*, *пулатбачча*, *ахсакбачча*, *неъматбачча*.

По данным районирования 1926 г., в Верхней Кашкадарье было зарегистрировано 710 барласов², и они проживали в селах Саёт, Хасан-тепа, Оммагон, Тошкалоқ, Аёкчи, Хонака, Тарагай. В этих селах жили такие племена, как *толиббачча*, *казибачча*, *неъматбачча*³.

В настоящее время в Самаркандской, Кашкадарьинской областях сохранились этнические названия барласов, но в других регионах Узбекистана название *барлос* встречается только в форме этнотопонима, например село Барлас Сариасийского района Сурхандарьинской области. Небольшая группа катаганов села Катаган Кашкадарьинской области называет себя барласами, а место своего проживания называют барлоступ.

Диалект барласов относится к карлукско-чигильскому диалекту узбекского языка и по многим своим признакам стоит близко к городским говорам узбекского языка. Вместе с тем этому диалекту присущи лингвистические особенности, которые частично встречаются в кипчакских диалектах. Но поскольку кипчакское наречие не относится к городским говорам, то мы относим диалект барласов к промежуточному между карлукско-чигильским и кипчакским, т. е. как отдельный тип наречия узбекского языка⁴.

ДУРМАНЫ

Дурманы — один из крупных и компактно проживающих узбекских родов. Отдельные сведения о дурманах можно встретить в произведениях многих русских и зарубежных путешественников-исследователей конца XIX — начала XX в.⁵

Как указывается в некоторых источниках, дурманы по происхождению

¹ Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958. С. 102, 103.

² Материалы по районированию Средней Азии. Ташкент, 1926. Кн. 1. Ч. 1. С. 200.

³ Кубаков К. О некоторых родоплеменных группах узбеков Верхней Кашкадарьи (вторая половина XIX — начало XX в.) // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Ташкент, 1972.

⁴ Джураев Т. Узбекские диалекты Верхней Кашкадарьи. Ташкент, 1969. С. 74.

⁵ Мнение о том, что узбеки-дурманы поселились в Средней Азии во время колонизации Шейбани-хана, приводятся в следующих источниках: Бернс А. Путешествие в Бухару лейтенанта Ост-Индской компании Бернса А. М., 1948. Ч. 2. С. 367; Ханников Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1873. С. 53—64; Вамбери А. Путешествие по Средней Азии в 1868 году. СПб., 1865. С. 163; Радлов В. В. Средняя Зарафшанская долина. ЗРГО отд. этнографии. СПб., 1880. Т. 4. С. 60—81; Соболев Л. Н. Географические и статические сведения о Зарафшанском округе с приложением списка населенных мест округа. ЗРГО отд. статистики. СПб., 1874. Т. 4. С. 293, 306.

являются монгольскими племенами. Это одна из этнических групп, которая в XV в. участвовала в избрании Абдулхайра ханом узбеков в Дашти-Кипчаке, позже поддержала Шейбани-хана и вместе с ними поселилась на территории Мавераннахра¹. Отдельная группа узбеков-дурманов приняла участие в завоевании Балха и Кундуза в составе войск Шейбани-хана в афганском Туркестане. Упоминается, что первым узбекским правителем Кундуза был дурман Урус-бек². Они старались сохранить свой авторитет и при династии Аштарханидов³.

В начале XX в. узбеки-дурманы проживали в различных местах — в Балхе (Северный Афганистан), Зарафшане, верхнем бассейне Сырдарьи и Хорезме.

Кроме вышеуказанных территорий, дурманы жили в селах Дурман и Гарау, расположенных в Гиссарской долине (к югу от Регарда), в Курган-Тепинском бекстве (Таджикистан), в селах Дурманпеч и Гиштмазар. Часть дурманов обитает в селе Хожиги на правом побережье Шерабаддарьи.

Согласно полевым материалам Б. Х. Кармышевой за 1959, 1964 и 1966 гг., дурманы делятся на гиссарских и кабадиенских. Кроме того, они подразделяются на четыре группы: *учуруг*, *кийаннома*, *гурдак* и *саксон*. В свою очередь, *учуруг* делятся на *тибир*, *салтик*, *каратана*, *конур*, *алатой*, *жамантой*, *ахча*, *ойули*. В *кийаннома* входят *киёт*, *кабла*, *куччу*, *жертбар*, *тогизалу*, *оккуйли*, *гурак-козок*, *нугай*, *борбой*, *уста*⁴.

В 1924 г. в Гиссаре было зарегистрировано 5579 дурманов, в Хорезме, в районе современного Ургенча, — 1700. Дурманы также проживали разрозненно в различных населенных пунктах Зарафшанского и Ташкентского оазисов. Например, сейчас на территории Кибрайского района Ташкентской области встречаются такие этнотопонимы, как село Дурман, сад Дурман.

Согласно сравнительному анализу Н. Г. Борозны, который проводил специальные научные исследования материальной культуры, хозяйства и этнографических особенностей дурманов, генеонимы дурманов, как и других узбекских родов, похожи на генеонимы казахов и кыргызов⁵. Из этого можно заключить, что на территории Средней Азии дурманы также были и в составе казахов, кыргызов и туркменов, в той или иной степени участвуя в формировании этих народов. Их диалект принадлежит к кипчакскому наречию с употреблением “ж”.

¹ См.: Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 2. Хорезм. Ташкент, 1926. С. 24, 29.

² См.: Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. I. ТИИАЭ АН ТаджССР. 1954. Т. 12. С. 115.

³ См.: Бартольд В. В. Церемония при дворе узбекских ханов в XVII в. // Соч. М., 1964. Т. 2. Ч. 2. С. 207.

⁴ См.: Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. С. 107—108.

⁵ См.: Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966; *Он же*. Социалистические преобразования в хозяйстве и быте узбеков-дурманов долины Кафирниган и Бабатагских гор. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.

КАНГЛИ

Кангли — один из многочисленных древних этносов, входит в состав узбекского, каракалпакского и казахского народов. Этноним “кангли” упоминается в Орхонских летописях (VIII в.) как “кенгересс”; в историческом произведении Константина Багрянородного (X в.) под названием “кангары”; в работе ал-Идриси (XII в.) — “ханкакиши”. Эти и последующие авторы считают, что название “кангли” образовано от названия племени или объединения племен.

По мнению С. Г. Кляшторного, эти этнонимы напрямую связаны с Китаем названием “Кангюй”¹. Но надо отметить, что этноним “Кангюй”, указанный в китайских летописях, означает название древнего государства, расположенного в низовьях Сырдарьи и Приаралье.

Предками кангли были саки, проживавшие на берегах Сырдарьи. В III в. до н.э. они создали крупное государство Канг. Во II—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э. это государство занимало огромную территорию, включавшую Ташкентский оазис, юго-восточные территории Казахстана, Мавераннахр, Хорезм, южный, юго-восточный и северо-западные регионы Аральского моря².

В течение этого периода в результате слияния саков с хунами, усунями и другими тюркскими народами, появился новый народ — кангары, которые составляли самый древний коренной тюркский слой, образовавшийся в Центральной Азии. Кангарская культура появилась в результате соединения двух культур — кочевого и полукочевого этноса (хуны, усунь и др.) с культурой местного населения (саки). Археологи называют эту культуру кангюйской культурой.

В середине V в. эфталиты нанесли крупный урон кангарам, в результате чего государство последних разрушилось. Значительная часть кангаров осела в Ташкентском оазисе и Мавераннахре. Кочевые и полукочевые группы обосновались в низовьях Сырдарьи и вокруг Аральского моря, где создали союз племен. В исторических источниках они назывались кангли.

В надгробных надписях Кул Тегина говорится, что в 712 г. кангли объединились с войсками Кул Тегина против племени тургешов. К 70-м гг. VIII в. в районе среднего и нижнего течения Сырдарьи, в степях Приаралья кангли попали под влияние карлуков, огузов и, частично, арабов³. В конце того же века кангли разделились на две группы. Одна из них переместилась в степные районы, на северо-запад от Аральского моря, другая — со среднего течения Сырдарьи на северо-восток, в район верхнего течения Таласа и Чу, а также в сторону озера Балхаш. Группы кангли, переместившиеся в за-

¹ См.: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники. М., 1964. С. 178, 179.

² См.: *Шаниязов К.* Государство Канг и кангли. Ташкент, 1990. С. 7.

³ См.: *Шаниязов К.* К вопросу расселения и родовых делениях Кангли // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Ташкент, 1972. С. 5.

падном направлении, присоединились к печенегам на севере Каспийского моря и вдоль берегов Урала, в результате чего в конце VIII — начале IX в. образовали крупное объединение печенег-кангли. Таким образом, кангли оказались в составе этнических объединений печенегов, кипчаков и ногаев¹. В конце XIX — начале XX в. кангли входили в состав белых (оқ) и черных нугаев (қора-нўғойлар)².

До нашествия монголов кангли, вступившие в союз с кипчаками в середине XI в., жили в степях в районе Иртыша, на территории от низовий Сырдарьи до Днепра. Следствием нашествия монголов стало перемещение группы кангли на север, в район Южного Урала, и ассимиляция с башкирами³. Но определенная часть кангли продолжала кочевать в степях Каспия и Приаралья, и вошла в состав казахов и каракалпаков. Кангли, проживавшие на берегах Сырдарьи, оазисов Таласа и Чу, стали оседлым населением Хорезмского оазиса.

В XII—XIII вв. кангли активно участвовали в политической жизни Хорезма. Как пишет Абу-л Гази, до нападения монголов на Хорезм сюда переселилось 90 тыс. членов племени кангли⁴.

До монгольского нашествия отдельные группы кангли жили и в Зарафшанской долине. В источниках упоминается, что тогда в Самарканде было 30-тысячное войско кангли⁵. Позже (конец XV — начало XVI в.) часть кангли вместе с Шейбаниханом переселяется на территорию Мавераннахра. До XVII в. большая группа кангли жила в Хорезме⁶. В последующие века часть из них ассимилировалась с местным населением. Но до начала XX в. определенная их часть сохранила свою родоплеменную идентичность.

В 70—80-е гг. XIX в. в уезде Курама (Ташкентский оазис) проживало 1650 семей кангли (или 8850 чел.). В основном они жили в волостях Ниязбек, Тойтепа и Окджар. В это время кангли продолжали вести полуседлый образ жизни, занимались земледелием и животноводством. Однако по данным переписи населения 1920 г., в уезде Курама не было зарегистрировано наличие этой этнической группы. При этом сохранились прежние названия населенных пунктов, свидетельствующие о проживании здесь в прошлом племени кангли. В волости Ниязбек два села назывались и продолжают называться Кангли; в Кушкургаской волости имелось село Кизил-кангли; в Булатовской волости — села Жилкаш-кангли и Бобо-кангли; в волости Окджар — село Олтмиш-кангли⁷.

¹ См.: Там же. С. 6.

² См.: *Баскаков Н. А.* Ногайский язык и его диалекты. М.; Л. 1940. С. 132—140.

³ См.: *Кузеев Р.* Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1967. Ч. 1. С. 67—72, 101.

⁴ См.: *Абу-л Гази.* Родословное древо тюрков. 1906. С. 34.

⁵ С. 125, 126.

⁶ См.: *Материалы по истории туркмен и Туркмении.* М.; Л., 1968. Т. 2. С. 328.

⁷ См.: *Материалы всероссийской переписи 1920 г. Вып. 3. Поселение. Итоги Сырдарьинской области.* Ташкент, 1926. В вышеуказанные административные территории входят Янгиюльский, Уртачирчикский, Юкоричирчикский районы Ташкентской области.

В 70-е гг. XIX в. кангли были зарегистрированы также в Джизакском и Самаркандском уездах¹. Согласно данным 1920 г., в Джизакском уезде проживало 7700 кангли². В селе Кангли, расположенном в 4 — 5 км от Джизака, проживало более 300, в селах Кангли и Чамбил Зааминского района — 500, в селах Биринчи-кангли и Иккинчи-кангли, Шарконли Галларальского района Самаркандской области — 50 кангли. По данным той же переписи, в Самаркандском уезде было зарегистрировано 1200 кангли. Они жили в селах Кангли Иштыханского и Джамбайского районов. В Каттакурганском уезде на склоне Актау Хатырчинского района проживало 600 кангли.

В Ферганской долине (в селах Болгали-кангли, Иргаки-кангли и Кургали-кангли) тогда же было зарегистрировано 6000 кангли³. Известно также, что в селах Катта-кангли и Кичик-кангли Хазараспского района Хорезмской области проживало 500 кангли. Таким образом, в первой четверти XX в. на территории Узбекистана 24 тыс. чел. принадлежали к этносу кангли⁴.

Кангли делятся на несколько племен и родов. В Зааминском, Джизакском, Галлааральском районах, Ферганской долине и Ташкентском оазисе жили крупные отделения кангли, такие как *сариқ (сари)*, *қора*, (*қоратўнли*), *оқ (оқтўнли)*, *кўк (кўктўнли)* и *қизил қанғли*.

У кангли, проживавших в Ташкентском оазисе, было еще несколько родовых подгрупп: *бобо кангли*, *жилкаш кангли*, *олтмиш кангли*, *тортувли кангли*, *бодрокли кангли*, *туташ кангли* и др.

Кангли, проживавшие в Кипчакском районе Хорезма и Каракалпакстана, делились на следующие группы: *қора қанғли*, *пишкакли қанғли*, *бука қанғли*, *ўрмончи қанғли*, *ирғакли қанғли*. Среди каракалпакского народа кангли делились на следующие группы: *кат қанғли*, *ирғакли*, *ошмайли*, *тарахли*, *жуваксан*, *шомишли*, *кашулар*, *урманши*, *оқилхўжа*, *тазақанғли*, *олтиўртоқ*⁵. Традиции, сохранившиеся у кангли, проживающих в Зааминском, Джизакском, Галлааральском районах, подтверждают, что основная их часть переселилась из Хорезма. В конце XVIII — начале XX в. кангли поселились в Зарафшане, нынешних Галлааральском и Зааминском районах⁶.

В языке кангли собраны элементы карлук-чигильского, огузского и кипчакского диалектов. В течение многих веков этнос кангли поддерживал тесный этнокультурный контакт со многими этносами (казахами, кыргызами, каракалпаками, узбеками). По этой причине в лингвистических исследованиях не зарегистрировано отдельного диалекта (говора) кангли. Они

¹ См.: *Хорошхин А. П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 165.

² См.: Материалы всероссийской переписи... С. 115.

³ См.: Материалы по районированию Узбекистана. Вып. 2. Округ Коканд. Самарканд, 1926. С. 18, 19, 23.

⁴ См.: Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 2. Ч. 2. Ташкент, 1926. С. 99.

⁵ См.: *Жданко Т. А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.; Л., 1956.

⁶ См.: *Шаниязов К.* Государство Канг и кангли. Ташкент, 1990. С. 142.

попали под этнокультурное, языковое влияние этносов, в составе которых состояли, и в некоторой степени ассимилировались с ними. Группы, входившие в состав узбеков, говорили на узбекских (тюркских) наречиях, а те, что вошли в состав казахов и кыргызов, — на соответствующих языках.

Имеются языковые различия и внутри тех кангли, которые вошли в состав узбеков. К. Шаниязов в своих исследованиях утверждает, что есть небольшое различие в языке кангли Ташкентского оазиса и кангли Иштыхана, Галлаарала, Заамина, Джизака и Ферганской долины.

После национального размежевания 1924 г. кангли уже не регистрировались в качестве самостоятельной этнической единицы, войдя в состав упомянутых титульных наций.

КАТАГАНЫ

Одна из крупных этнических групп узбекского народа — катаганы — проживают на территории Хорезмской, Ташкентской, Самаркандской, Бухарской, Сурхандарьинской, Кашкадарьинской областей и в Ферганской долине Узбекистана. Катаганы живут также на территории Казахстана, Таджикистана и Афганистана.

Хотя происхождение узбеков-катаганов не изучалось в специальном исследовании, сведения об этом разбросаны в разных историко-этнографических трудах. Первые данные о катаганах встречаются у Рашидиддина Фазлуллох Казвини в одном из его историко-этнографических трудов “Жомъе-ут-таворих”¹, который был написан в XIV в. Много сведений приводится в трудах других восточных историков, таких как Абу-л Гази, Мухаммад Юсуф Мунши, Махмуд ибн Вали². Важные сведения о катаганах, живущих в области Балх (Северный Афганистан), который является их родиной, содержатся в трудах Бурханиддин-хана Кушкеки. О катаганах Зарафшанского оазиса писал А. Д. Гребенкин. В очерках Н. А. Маева, написанных после Гиссарской экспедиции 1872 и 1878 гг., имеется ряд важных сведений о катаганах предгорий Гиссарских гор³. В научных трудах И. П. Магидовича, Б. Х. Кармышевой, С. С. Губаевой даны важные заключения о территориальном размещении и этнической истории катаганов⁴.

В произведениях Рашидиддина и Абу-л Гази приводятся сведения легендарного характера о происхождении катаганов, в которых говорится,

¹ Рашидиддин. Сборник летописей. М.; Л., 1932. Т. 1—2. Кн. 1—2.

² См.: Абу-л Гази. Шажарайи турк. Ташкент, 1992. С. 45. Мухаммад Юсуф Мунши. Мукимханская история / Пер. с тадж. Ташкент, 1956. Махмуд ибн Вали. Море тайн. Ташкент, 1977.

³ См.: Бурханиддин-хан Кушкеки. Каттаган и Бадахшан / Пер. с перс. Ташкент, 1926. Гребенкин А. Д. Узбеки // Сб. “Русский Туркестан”. Вып. 2. Ташкент, 1872. Маев Н. А. Очерки горных бекств Бухарского ханства // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. 5. СПб., 1879. Губаева С. С. Население Ферганской долины в конце XIX — начале XX в. (Этнокультурные процессы). Ташкент, 1991.

⁴ См.: Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1, 2. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 1. Бухара. Ч. 2. Хорезм. Ташкент, 1926. Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. С. 238—246.

что они произошли от женщины по имени Аланкува из монгольской группы племен *нирун*. Хотя Рашидиддин называет катаганов монгольским племенем, он отмечает, что катаганы — не монгольское, а тюркское племя, которое только называется монгольским.

Этническая история катаганов довольно сложная, в ходе формирования они были в близких отношениях со многими народами Средней Азии — казахами, кыргызами, каракалпаками. Например, Чокан Валиханов, говоря о Старшем Жүзе казахов, отмечает, что из одной его ветви произошел главный род катаганов, из второй — уйсуну, из третьей — кангли. Именно указанных катаганов он относит к составу дашти-кипчакских узбеков. Ученый продолжает свою мысль о том, что катаганы — самый древний народ, проживающий на юге Средней Азии и Казахстана. В начале XVII в. они составляли основную опорную силу правителя Ташкента — Турсун-хана, а в середине XVII в. одна их часть вошла в состав узбекского народа, а другая — в состав казахского племени *чанишкли*¹.

Появление катаганов в составе узбекского народа исследователи связывают со следующим трагическим событием: в 1628 г. казахский хан Ишим убил правителя Ташкента Турсун-хана, победил и истребил катаганов, которые составляли основную силу последнего. Часть катаганов вошла в состав казахского племени *кангли* под именем *чанишкли*, остальные бежали на юго-запад Сырдарьи и влились в состав узбеков².

И. П. Магидович считает, что узбеки-катаганы имеют родственные отношения с некоторыми группами кыргызов. Об одном роде кыргызов-катаганов — *саёках* И. П. Магидович пишет: “Род кыргызов-катаганов, проживающих на северо-востоке Афганистана, относит себя к саёкам. Если мы сможем определить их непосредственное родство с афганскими и бухарскими узбеками-катаганами, подтвердится, что это одно из многочисленных древних племен, также как племена, знаменитые в Китае под названием “се”, у греков и персов — под названием “сак”³.

В письменных источниках не говорится, что катаганы были в составе племен дашти-кипчакских узбеков, участвовавших в завоевании Мавераннахра под предводительством Шейбани-хана. Но в источниках имеются сведения, что позже, в середине XVI в., они заняли свое место в составе узбеков в качестве авторитетного сословия.

По историческим данным, в 40-х гг. XVII в. катаганы были одним из сильных и неустойчивых племен, проживающих в Балхе и, частично, в Кундузе. Это племя упоминается наряду с аймаками, хазарами и другими, проживающими в северном Афганистане⁴. Во времена Аштарханидов Се-

¹ См.: Валиханов Ч. Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой Орды: Собр. соч. в 5-ти т. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 667.

² См.: Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой Орды // Живая старина. Вып. 3, 4. 1894. С. 405.

³ Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Территория и населения Бухары и Хорезма. Ч. 1. Бухара. Ташкент, 1926. С. 195.

⁴ См.: Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории. С. 240.

верный Афганистан был выдан катаганам в качестве улуса. В это же время катаганы формируются как сильное политическое объединение. В начале XVII в., в период правления Махмудбия из рода катаган Балха и Бадахшана, этот край стал называться краем катаганов. Таким образом, катаганы проживали на очень большой территории — это Средняя Азия, Северный Афганистан, Восточная Турция, и являются одной из многочисленных тюркских этнических групп.

Катаганы говорят на кипчакском и карлук-чигильском диалектах узбекского языка, о чем свидетельствует ряд этнолингвистических исследований¹. Тохчи-катаганы, проживающие в Сурхан-Шерабадском оазисе, говорят на диалекте карлуков-чигилей с употреблением “й”, как тюрки и карлуки. Их язык похож на вокализм таджикского языка.

К концу XIX — началу XX в. узбеки-катаганы хорошо сохранили свое этническое имя и этнографические особенности. И по сей день целые села катаганов можно встретить в южных областях Узбекистана — Сурхандарье и Кашкадарье. В Сурхандарье встречается род под названием тохчи-катаган. В материалах переписи населения 1926 г. указывается, что на востоке горы Кухитанг живут 1190 катаганов, в районе среднего течения Шерабаддарьи — 2695, в верховье Шерабаддарьи — 665, на правом берегу Сурхандарьи — 1055 катаганов. Они также проживали в Кашкадарьинской степи, в Зарафшанском оазисе, Хорезме, Ферганской долине, Чиназе Ташкентского оазиса. В настоящее время названия мест проживания катаганов перешли к названиям населенных пунктов в форме этнопонимов. Например, в Шахрисабзском, Касанском районах Кашкадарьинской области, Самаркандской, Хорезмской областях встречаются села, махаллинские гузары под названием Катаган. В Намангане сохранились останки древнего поселения, которое называлось Катаган-сарай. Даже одни из 12 ворот Ташкента назывались Катаган². В южных районах республики сохранились только этнические названия, но под влиянием общеэтнических процессов этнографические особенности стали частью культурных ценностей и обычаев узбекского народа.

КУНГРАТЫ

Кунграты являлись одним из дашти-кипчакских узбекских племен. Ареал их последующего распространения включает Сурхандарьинскую, Кашкадарьинскую и Хорезмскую области Узбекистана. Легенды о происхождении кунгратов встречаются в работах Рашидиддина “Жомъе-ут-таво-

¹ См.: *Гази Алим*. Катаганы из узбекских племен и их язык // Илмий фикр. 1930. № 1. *Рахимов С.* Диалекты Сурхандарьи узбекского языка. Ташкент: Фан, 1985. *Джураев Б.* Узбекские диалекты Верхней Кашкадарьи. Ташкент, 1969. *Юлдашев Т.* Узбекские диалекты Южного Таджикистана. Дис. канд. филол. наук. Ташкент, 1968. *Благова Г. Ф., Данияров Х. Д.* Говоры “турков” Узбекистана // Вопросы языкознания. 1966. № 6.

² См.: *Караев С.* Топонимы Ташкента. Ташкент, 1991. С. 24.

рих” (“Сборник летописей”) и Абу-л Гази “Шажарайи турк” (“Древо тюрков”), написанных в XIV в.

Во многих исследованиях высказано предположение о монгольском происхождении кунгратов. Но Б. Х. Кармышева в своих исследованиях пишет: “Для нас неважно, каково происхождение кунгратов — монгольское или тюркское. Потому что в разных исследованиях указано, что хотя те или иные этнические группы являются монгольскими племенами, до переселения в Мавераннахр в начале XVI в. они приняли тюркское направление по языку, культуре и этническому составу”¹.

По своему статусу кунграты отличаются от других племен, потому что Чингиз-хан и его родственники женились на дочерях знатных кунгратов², тем самым возвышая это племя над другими.

По мнению И. П. Магидовича, предками большей части хорезмских узбеков были кунграты, жившие до расселения основной массы дашти-кипчакских узбеков. Союз казахских кунгратов был создан не раньше XV в. В нашествии же Шейбанидов на Мавераннахр участвовали не казахские кунграты, а союз хорезмских кунгратов².

Существуют и другие предположения о том, как кунграты поселились на территории Узбекистана. Исследователи утверждают, что в Кашкадарье и Сурхандарье до нападения Шейбани-хана кунгратов не было. Но пожилые кунграты утверждают, что истинной их родиной являются Гузар-Байсунские степи.

Известно, что в эпосе кунгратского этноса “Алпамыш” отражены сюжеты о кунгратском народе и их байсун-кунгратской родине. Существуют каракалпакская, казахская, хорезмская и сурханская версии этого эпоса. Описанные события происходят в основном в Байсун-Кунгратском крае. Исследователи утверждают, что “Алпамыш” написан тысячу лет назад. Если принять это точку зрения, то можно прийти к выводу, что часть кунгратов до XV в. жила на территории Мавераннахра.

Ряд важных сведений о кунгратах содержится во многих исследовательских трудах³. Согласно сказаниям самих кунгратов, аксакалом их племени был Кунгират-ата или Кунгирбий, у которого от первой жены было четыре сына: Вактамгали, Куштамгали, Конжигали и Айнни (Айнли). Сыновья считаются основателями родов кунгратов. У Кунгират-ата был еще пятый сын Тортувли, которого подарили его младшей жене. Таким образом, кунграты делятся на пять родов, каждый из которых делится на несколько мелких родов: 18 — у Воктамгали, 16 — у Куштамгали, 14 — у Конжигали, 12 — у Айнни и 6 — у Тортувли. Итого 66 родов, которые также делятся на еще более мелкие родственно-семейные группы.

¹ Кармышева Б. Х. Указ. соч. С. 211.

² См.: Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Вып. 3 и 4. 1896. С. 370.

³ См.: Материалы по районированию. Кн. 3. Ч. 1. Бухара. С. 189—190.

Многие считают, что слово “кунграт” произошло от слияния слов “кунгир” и “ат”. Х. Данияров пишет, что, судя по некоторым сведениям, это слово на самом деле монгольское и означает “қорақарға” (черная ворона)¹. Старожилы Сурхандарьи утверждают, что кунграты переселились из Казахстана: “Мы пришли с задней стороны” (“Арқа журтдан келганмиз”). Действительно, много кунгратов встречается среди казахов и, в особенности, каракалпаков. Т. А. Жданко в своих научных трудах (1950, 1974) показал этногенетическое сходство обычаев кунгратов Хорезма, Каракалпакстана и низовий Сырдарьи. О том, что между каракалпакскими, хорезмскими, сурхандарьинскими и кашкадарьинскими кунгратами существует генетическая связь, свидетельствует идентичность родов в их составе. Некоторые кунграты Шерабада (Сурхандарьинская область) считают, что их предки переселились из Хорезма, что дополняет вышесказанное².

Отмечается также сходство в генеалогии кунгратов Хорезма и Восточной Бухары (т. е. восточной части Бухарского ханства)³. Т. А. Жданко в своих исследованиях указал также на то, что генеалогия каракалпакских и хорезмских кунгратов одинакова.

У кунгратов Восточной Бухары, их хорезмских соплеменников и всех каракалпакских родов точно совпадают восемь этнонимов: ачамайли, болгали, богажели, конжигали, каракурсак, коштамгали, тортувли и тугиз (тогиз). Так же одинаковы пять этнонимов бухарских кунгратов и узбеков-кунгратов Хорезма: барак, бобай, жилантамгали, карабура, ногай. С каракалпаками совпадают этнонимы айинни, акпичак, баймокли, козоёкли, казак, кайчили, канчи, карабуьин, карга, кулдовли, копиш, куйин, курама, таракли, урус, хандакли, чумичли, иргакли и др. Таким образом, у кунгратов Восточной Бухары 13 этнонимов совпадают с хорезмскими кунгратами и 132 — с каракалпакскими⁴.

Теперь рассмотрим расселение кунгратов на территории Узбекистана в начале XX в. По сведениям 1924 г., в Бухарском уезде было зарегистрировано 3000 кунгратов, в Гиждуванском уезде — 10 875, в уезде Кармана — 1370, в Гузаре — 20 615, Шахрисабзе — 325, Шерабаде — 23 164, Байсуне — 9 890. Согласно этим данным, на территории Бухарского ханства 14,5% узбекского населения составляли кунграты⁵. В районе низовья Амударьи было зарегистрировано 17 тыс. кунгратов⁶.

По мнению В. В. Решетова, диалект узбекских кунгратов принадлежит к кипчакским говорам применением “ж”⁷.

¹ См.: Данияров Х. Указ. соч. С. 86.

² См.: Полевые материалы 1998 г. Шерабадский район, село Гурин.

³ См.: Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи // Труды Хорезмской арх.-этногр. экспед. М., 1952. Т. 1. С. 338.

⁴ См.: Кармышева Б. Х. Указ. соч. С. 213.

⁵ См.: Материалы по районированию. Кн. 1. Ч. 1. Бухара. С. 268—269. Табл. 8.

⁶ См.: Там же. Кн. 4. Ч. 2. Хорезм. С. 97.

⁷ См.: Боровков А. К. Вопросы классификации узбекских народных говоров / Известия АН УзССР. 1953. № 5. С. 58.

Хотя в настоящее время кунграты на территории Восточного Узбекистана сохранили свое этническое название, деление на мелкие рода позабыто.

МАНГИТЫ

Термин “мангит” в источниках встречается как “манкит”, “манкут”. В работе Абу-л Газихана “Шажарайи турк” (“Древо тюрок”) упоминается внук хана по имени Манкит. Т. Нафасов считает, что мангиты — одно из древних тюркских племен, крупная этническая единица, вошедшая в состав узбекского народа. Этимология слова мангит — манг+ат-минги. Мангат — самое древнее название, аффикс “т” на алтайском языке означает *сборный*. Хотя мангит и минг являются названиями двух племен, по смыслу и принципу создания они одинаковы. Определение дано согласно количеству населения. Перенос этнонимов на топонимы произошел в XVII—XIX вв.”¹

О мангитах имеются сведения в ряде этнографических произведений². При этом в источниках упоминается, что предки мангитов были монгольскими племенами, проживавшими в Монголии в начале XIII в. В течение XIII в. они обосновались в Дашти-Кипчаке. В XIII—XIV вв. большая часть мангитов поселилась на территории между Волгой и Уралом. За это время под влиянием кипчаков они забыли свой язык и приняли тюркско-кипчакское наречие. В конце XIV в. создали свое отдельное государство — Мангитскую Орду. В середине XV в. мангиты назывались “ногай” (нугай), а их орда — Ногайской Ордой. В середине XVI в. Ногайская Орда разделась на Большой Ногай и Малый Ногай. В последующем мангиты из Большого Ногай вошли в этнический состав узбеков, каракалпаков и, частично, казахов, и в XVI в. переселились на территорию Узбекистана. Под культурным влиянием местных тюркских народностей, издавна проживавших в Мавераннахре и занимавшихся земледелием, часть мангитов постепенно осела, другая их часть в конце XIX — начале XX в. вела полукочевой образ жизни, занималась животноводством.

В начале XVI в. во время перемещения Шейбани-хана (внука основателя государства кочевых узбеков Абулхайр-хана) с узбекскими родами на юг в их составе были и мангиты. Об этом Мухаммад Салих пишет: “Было много воинов, Хаджи Гоги был из мангитского рода. Здесь было 4 000 узбеков, все родственники между собой. Среди них были кунгираты, мангиты, дурманы, ушуны и уйраты”³.

В основном мангиты обосновались в Зарафшанской долине, частично в Хорезмском ханстве, Каршинской степи, Чарджоуской области на левом берегу Амударьи. Мангиты были разделены на несколько крупных и мел-

¹ Нафасов Т. Толковый словарь топонимов Узбекистана. Ташкент, 1968. С. 113—114.

² См.: Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Ч. 1—2. Ташкент, 1926. Кубаков К. Этнический состав сельского населения Верхней Кашкадарьи в конце XIX — начале XX в. Ташкент, 1973. Губаева С. С. Население Ферганской долины в конце XIX — начале XX в. (Этнокультурные процессы). Ташкент, 1991.

³ Мухаммад Салих. Шейбани-наме. Ташкент, 1989. С. 197.

ких племен. Самыми большими мангитскими племенами были: *ок мангит, тук мангит, кора мангит, оч мангит, чала мангит, бойгунди мангит, темирходжа, шобий, гавлак, куса, тоз, карабайир, бакирчи, кула, тамгали мангит, казах, уникки, чукай, галабатыр, бешкал, чебакчик, уз, увамий*.

Во время битвы за власть в 1753 г. мангит Мухаммад Рахим-хан завоевал бухарский трон и основал династию Мангитов. Эта династия правила до 1920 г.

По состоянию на 1924 г., на территории Узбекистана проживало более 130 тыс. мангитов. Из них около 100 тыс. жили на территории Бухарского эмирата: в Бухарском оазисе и в округе Карши — 44 тыс., в низовьях Зарафшана — 8 тыс., в среднем течении Зарафшана — 10 тыс., в округе Джизака — 2 600 и в Хорезме — 10 тыс. Кроме того, в Чарджоуском районе Туркмении проживало 11 тыс. мангитов.

Большинство мангитов, проживавших в Каршинской пустыне, Бухарском оазисе, в предгорных и горных районах Самаркандской области занимались овцеводством, причем в первых двух регионах разводили каракульских овец. Мангиты занимались также и земледелием. У них было немного развито и ручное ремесленничество (ковроделие, ткачество разноцветных тканей, бязи, алачи, калами и др.). Длинноворсовый ковер мангитов — жулхирс — был очень знаменит.

Говорили мангиты на кипчакском диалекте узбекского языка. Но в результате слияния с населением, говорящим на карлукско-чигильском диалекте, в некоторых местах мангиты стали говорить на смешанном наречии, о чем свидетельствуют специальные исследования¹.

Хотя в настоящее время мангиты частично сохранили свое этническое название, этнографические особенности стали частью этнической культуры узбекского народа.

УЗ И АЗ

Уз и аз (оз) — племена, принявшие участие в формировании узбекского народа. Относительно их этногенеза имеются противоречивые мнения. Так, М. М. Эрматов² объясняет, что термины “уз” и “аз” — это названия одного народа. Он считает, что название “узбек” произошло именно от этих терминов. Основываясь на такой интерпретации, российский ученый Р. А. Агеева связала этническое название “узбек” с именем хана Золотой Орды Узбеком, который жил в первой половине XIV в.: “Как утверждают некоторые исследователи, имя Узбек (как и этническое название “узбек”) произошло от названия народа “уз”, “оз”, которые некогда так назывались в Средней Азии”³.

¹ См.: *Ишаев А.* Мангитский диалект узбекского языка. Ташкент, 1962.

² См.: *Эрматов М. М.* К вопросу о происхождении названия “узбек” // Уч. зап. Ташгоспединститута им. Низами, 1964. Т. 49. С. 151—191.

³ *Агеева Р. А.* Страны и народы. Происхождение названий. М., 1990.

По мнению К. Шаниязова, каждое из племен уз и аз было отдельной народностью¹. Сначала об узах. В VI—VII вв. узы были в составе Западного Тюркского каганата, а в VIII в. — в составе ханства Туркеш. В 60-е гг. VIII в., а точнее в 766 г., бассейны рек Чу и Или заняли карлуки, которые подчинили себе большую часть узов. С этого времени карлуки участвовали в формировании узбекского рода.

Другая часть узов, не подчинившаяся карлукам, переместилась к Сырдарье, в основном в пустыни на левобережье. Именно в это время (VIII в.) на берегах Сырдарьи и в пустынях на юго-западе и севере Аральского моря был создан союз племени огузов (гуз). Позже, в IX в., было создано государство огузов. Все племена, жившие на этой территории, в том числе и узы, были поработаны огузами. Значительная часть узов, не подчинившаяся огузам, отступила и устроилась на северо-западной территории Аральского моря. Другая часть узов осталась жить на берегах Сырдарьи, отделившись от соплеменников, отступивших на запад.

Некоторые группы узов, оставшиеся жить на берегах Сырдарьи, стали вести оседлый образ жизни, создав города и крупные села. Некоторые из них они назвали своим именем. Например, город, располагавшийся между левым берегом Сырдарьи (между городом Сигнак и селом Барчинликент) и на западе — рекой Яик (Урал) назывался Узкенд. Он сохранился до XIII в. Два кургана в районе среднего течения Сырдарьи называются Ишки-Узкенд и Кирги-Узкенд а озеро — Уз.

Один из городов, расположенный в верхнем течении Сырдарьи (в Ферганской долине), в начале средних веков назывался Узкенд (Узган). Но в XI в. в Узкенде жили люди из племени азгиш (аз)². Значит, в горных районах на севере Ферганской долины в VIII—X вв. (может быть, и еще раньше) должен был жить этнос уз, в последующем перешедший к оседлому образу жизни.

Узы, переехавшие на северо-западные территории Аральского моря, в середине IX в. расположились между реками Эмба и Уил. Там жили племена кангли и бижанак (печенеги), а на северо-востоке — племена кипчаков и кимаков. Узы укрепились и стали вести захватнические войны с окружающими племенами, в первую очередь с бижанакками.

Начиная с этих времен, узов стали упоминать греческие историки Константин Багрянородный (X в.), Аттилиет (X в.), Склиций (XI в.), Анна Комина (XII в.) и др. Узы упоминаются также в произведениях Маъсуди (X в.) и армянского историка Матвея Эдесского (XI в.). Константин Багрянородный пишет: “С печенегами могли воевать только узы; они с большими войсками шли и на войну с хазарами”³.

В конце IX — начале X в. в союзе с хазарами узы воевали против печене-

¹ См.: Шаниязов К. Некоторые мнения об этносах уз и аз // История Турана. 1994. А В Г У С Т . С. 35—38. (На узб. яз.).

² См.: Махмуд Кашгари. Девону-лугатит-турк. Ташкент, 1960. Т. 1. С. 122.

³ Багрянородный К. Об управлении государством. М.; Л., 1943. С. 10.

негов и заставили их покинуть свои родные места. Бижанаки, лишившиеся своей территории, перешли на правый берег Волги и разместились в южных российских степях. В начале X в. узы владели большой территорией на среднем течении нынешней реки Волги, но недолго господствовали здесь. В середине X в. кипчаки, жившие в предгорьях Уральских гор, начали совершать регулярные набеги. Большая часть узов, не выдержав натиска кипчаков, направилась в пустыни и поселилась на землях вдоль левого берега Дона. Правый берег принадлежал хазарам. Дон был границей между ними.

В конце X — первой половине XI в. узы вновь напали на бижанак, живших между Днепром и Доном, и в 1043 г. заняли значительную часть земель на востоке Днепра. Узы покушались и на территории, принадлежавшие русским князьям. В союзе с кипчаками русские князья выступали против узов. Узы под их натиском в 1064 г. перешли Дунай на территорию Греческой империи.

По некоторым сведениям, реку Дунай перешли 600 тыс. узов. За короткий срок часть их была поработана греческим императором Алексеем. Воины стали служить в греческих войсках, им выделили земли для проживания. Другая часть узов не покорилась местной администрации и, обосновавшись в северных районах Греческой империи, продолжила наступательные действия. После долгих боев в 80-е гг. IX в. они все-таки подчинились Греческой империи. В последующем узы, разбросанные по территориям нескольких государств на берегах Дуная, смешались с местным населением и забыли свое этническое название. Не исключено, что гагаузы (на самом деле “угузгуз”), которые живут в Молдове, Румынии, Венгрии и Балканских горах, и являются прямыми потомками тех самых узов.

Некоторые группы узов в X—XI вв. переселились на территорию Малой Азии и вошли в состав местных тюркских народов. В архивных материалах империи Усмонли (XVI—XVIII вв.) встречается этноним карауз. Интересно, что в районе среднего течения реки Зарафшан, в основном в Пайарыкском районе, одна из групп узбеков называется “карауз”. Этот пример, безусловно, свидетельствует о том, что первые предки караузов, входящих в состав караузов и узбеков, поселившихся в Турции, являются одним народом (частью узов). В последующем, в течение многовековых исторических событий, караузы распространились и вошли в состав нескольких тюркских народов, в том числе узбеков и тюрков-усманли. Их родственники, большая часть вышеупомянутых гагаузов, и сейчас живет в Молдове.

На территорию Западной Европы переселилась только одна часть узов. Значительно больше их проживало в южных русских степях. Во второй половине XI — первой половине XIII вв. в состав кипчаков, живших на этой территории, входили и узы. Во времена монголов (XIII—XIV вв.) значительная часть кипчаков переселилась в пустыни левобережья Волги, и далее — в степи Дашти-Кипчака. Начиная с этого времени значительная часть узов вошла в состав кипчаков.

В пустынях, примыкающих к средним течениям Сырдарьи, в начале средних веков жили кочевники-животноводы, среди них были и узы, следующие поколения которых сохранились до XVI—XVII вв. В середине XVIII в. они мигрировали на северные склоны Нуратинских гор. Некоторые группы узов, у которых уменьшилась численность скота, осела в Зарафшанском оазисе и занялась земледелием.

Часть узов, занимающаяся животноводством, переселилась в Каршинской степи и продолжила свое традиционное занятие животноводством. Узы, проживавшие в Каршинской степи и Зарафшанском оазисе, упоминаются в письмах бухарского хана Амира Хайдара (1800—1826) и списке 92 узбекских племен, составленном в XIX в. В начале XX в. узы зарегистрированы и в составе лакайских узбеков, проживающих в Таджикистане.

Основная часть узов до сих пор живет на территории Узбекистана и сохранила свое этническое название (уз). Они в основном расположены в селах Хардури, Талоктепа, Шурабозор, Утамали, Хушахоли, Майлиджар и других селах Каршинской степи. Некоторые группы узов живут на территории Навоийского района и хозяйства Улус Каттакурганского района.

В формировании узбекского народа активно участвовал и этнос аз. Их предки жили в предгорьях Алтайских и Саянских гор, на Тувинской территории и были в составе племенного союза теле. В 709 г. один из тюркских ханов Магилан захватил земли азов, а в 716 г. его брат Култегин нанес им сокрушительный удар. После этого этнос азов потерял свою независимость и они разделились на несколько групп. Одна группа покинула свою территорию и поселилась в Чуйской долине. Эти азы и упоминаются в произведениях Ибн Хурдодбека и Гардизи (XI в.). По сведениям, приведенным в источниках, азы, поселившиеся в Чуйской долине, вошли в состав племенного союза тургеш. В.В. Бартольд относит азов к азгишам, которые являются ответвлением тургешев.

В 766 г. карлуки заняли район Семиречья, в том числе долину реки Чуй. Часть азов подчинилась карлукам и осталась на этих землях; другая часть переселилась в низовье Сырдарьи, пустыни около Аральского моря. Как мы упоминали выше, значительная группа азов жила в городе Узкенд (Узган) и его окрестностях. Одна из групп азов осталась на своей древней родине — в предгорьях Алтайских и Саянских гор. Под именем аз, терт-ас (турт-аз), дъети-аз (етти аз) они и сейчас сохранились в составе таких алтайских народов, как алтай-кижские телеуты, телечи и другие тюркские этносы этого региона.

Термин аз (и в виде оз, уз) встречается в названиях местностей и рек Алтая и Енисея. Как упоминается в истории государства Юань — Юаньши, созданного в XIII в. монголами на севере реки Кянь (Кем Енасай), в нем была область под названием Ус.

Этнос аз (оз, аз-сарай) сохранился до наших дней и обитает в Самаркандской и Кашкадарьинской областях, сохранив свое этническое название.

На основании всех вышеприведенных данных можно утверждать, что уз

и аз (оз) являются этническим названием двух разных племен, остатки которых сохранились и по сей день.

ЮЗЫ (ЖУЗЫ)

Юзы — одно из крупных узбекских племен. В конце XIX — начале XX в. они компактно проживали в двух местах: в Сурхане и Гиссарской долине жили гиссарские юзы, в степях от Зарафшана до Сырдарьи — уратепинские юзы.

По сведениям Х. Даниярова, юзы считаются самым большим и многочисленным родом среди 92 узбекских племен и родов. Возможно, авторитет юзов в народе возрос после того, как многие члены мингов, другого крупного узбекского племени, урбанизировались и забыли свое родоплеменное происхождение. Согласно материалам, собранным в Ташкенте, Сырдарье и Самарканде, юзы делятся на три крупные группы: *марка бола-си, корабчи, ражаб бола-си*¹.

Марка, в свою очередь, делится на *уя-солин* и *хитоййизи (хитой юзи)*. *Уяс* делится на шесть частей: *керайт, кал, норин уяс, окчепкан, куса, бой-мокли (чупкон)*. Они в основном живут в Бекабадском, Зааминском, Джизакском, Галлааральском районах. *Солин* делится на семь частей: *давлай, жобувчи, тогай, туби, кирсодок, лапкарач, шодмон туби*. Все солины живут в Сырдарьинской и Джизакской областях.

Хитоййизи делится на 10 колен: *курикозон, тигирик, бешкуби, богмач-чойи, хожиболаси, мугол, увол хожибачча, ханходжа, каракурсак, сортжу-зи*. В основном они живут в Сырдарьинской, Джизакской областях и Галлааральском, Булунгурском районах Самаркандской области, частично в Сурхандарьинской области.

Представители большой группы юзов — *корабчи* живут в Ташкентской, Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской, Андижанской областях. *Кукани* обитают в Баяутском районе, *куштамгали, очамайли, парчаюз, уовли* — в Бекабадском, Гулистанском, Зааминском, Баяутском, Галлааральском районах и Кашкадарьинской области.

В группу юзов *ражаб бола-си* входят несколько племен, таких как *туёк-ли, чол, бегижуз, чолжувут, бешкал*, в основном проживающие в Сырдарьинской и Самаркандской областях.

Кроме того, часть юзов, принадлежащая к племени *жуз* у туркмен, иногда называемая *туркман*, живет в Бекабадском районе Ташкентской области, в Сырдарьинской области, Зааминском и Фаришском районах Джизакской области, Нуратинском, Галлааральском, Пайарыкском, Хатырчинском и Иштыханском районах Самаркандской области, Шурчинском, Денауском, Сарыасийском, Узунском районах Сурхандарьинской области. Сурхандарьинские туркмены-жузы имеют 16 родов и делятся на две большие группы: *жилонтамгали* и *вохтамгали*.

¹ Данияров Х. Генеалогии и диалекты узбекского народа. Ташкент, 1968. С. 83—85.

Вопрос о происхождении групп рода юзов (жузов) достаточно сложный. Дата их переселения в Гиссар не известна. Разные группы юзов, такие как *марка*, *корабчи* и туркмены-жузы, расселялись в Гиссаре не в одно и то же время. В Джизаке и его округе они в некоторой степени сохранили родственные отношения с казахами по диалекту и культуре. Это связано с тем, что на Мавераннахрском берегу Сырдарьи проживала большая группа казахов, поселившаяся там после их истребления джунгарами в 1723 г. Известно, что часть казахов вернулась на свою родину, другая же осталась в Мавераннахре и смешалась с узбеками.

Н. А. Маев пишет, что *марка* переселились из Уратепы и Джизака в 1866 г.¹ Но Б. Х. Кармышева утверждает, что в этом году “из Джизака и Уратепы *марка* переехали в целях соединения с родственниками, поселившимися ранее”².

Появление этнонимов *найман* и *богонали* в составе *марка* и *корабчи* свидетельствует о присоединении к последним групп найманского происхождения. Это произошло после того, как найманы переселились в Гиссар и Джизак, начиная с XVII в.

Туркмены-жузы, являющиеся подгруппой племени юзов, поселились в Гиссаре немного раньше. Местное же население считает их аборигенами, земля считалась их территорией и называлась Туркмендашт. В Денау была хорошо укрепленная крепость, которой они долгое время правили. Туркмены-жузы ведут оседлый образ жизни, как и *корабчи*. Некоторая их часть смешалась с чагатаями, но имеет меньше монгольских признаков, чем кунграты³.

По своему названию, диалекту, физическому строению и образу жизни туркмены-жузы входят в группы узбеков дашти-кипчакского происхождения. Об этом свидетельствует сходство их субэтнонимов с соответствующими подразделениями кунгратов (такими как *воктамгали*, *казиоёкли*, *болгали*, *тарахли*), найманов (*воктамгали*, *казиоёкли*, *жиланли*).

Существует мнение о генетической связи групп узбеков-туркменов Нураты, которые в исследованиях также называются “нуратинскими туркменами”, с туркменами-жузами Гиссара⁴.

Юзы (жузы) в составе узбеков, казахов и туркменов находились под воздействием разных этнических групп, вследствие чего говорят на разных диалектах. Диалект юзов (жузов) соответствует смешанному диалекту кипчакского, огузского и карлук-чигильского диалектов узбекского языка⁵.

¹ См.: Маев Н.А. Очерки Гиссарского края // МСТК. 1879. Вып. 5. С. 197.

² Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. С. 223.

³ См.: Наджимов К. Антропологический состав населения Сурхандарьинской области // ТСАГУ. Ташкент, 1958. Вып. 143. Кн. 35. С. 83.

⁴ См.: Наджимов К. Антропологический состав населения Сурхандарьинской области // ТСАГУ. Ташкент, 1958. Вып. 143. Кн. 35. С. 226.

⁵ См.: Боровков А.К. Вопросы классификации узбекских народных говоров // Известия АН УзССР. 1953. № 5. С. 58. Решетов В.В., Шаабдурахманов Ш. Узбекская диалектология. Ташкент, 1978. С. 31.

Юзы в настоящее время сохранили свое этническое название, хотя частично забыли свои семейно-родственные группы.

А. Каюмов

Литература

Хаников Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

Ситняковский Н. Ф. К генеалогической таблице узбекского рода Кунгурад // Известия Туркестанского отделения Русского географического общества. Т. 7. 1907. С. 28—29; Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1—2. Ч. 1—2. Ташкент, 1926. С. 90—96;

Данияров Х. Династии и диалекты узбекского народа. Ташкент, 1968. С. 86—87.

Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. С. 86 — 95.

УЗБЕКСКИЕ ОБЫЧАИ: УЛАК (КЎПКАРИ)

Улак (другое название — кўпкари) является традиционным конно-спортивным состязанием скотоводческих народов Средней Азии, пришедшим из глубокой древности. В буквальном переводе означает “туша козла” (или теленка), специально подготовленная для игры. Все участники — на лошадях, победителем становится тот, кто первым донесет улак до финиша.

Обычно организуется во время проведения праздников и торжеств, чаще — по случаю бракосочетания или обрезания (суннат-той). У тюркских народов рождение мальчика — преемника рода — считается большой честью, в связи с чем и устраивались празднества. Игры улак организовывались и в честь рождения наследника престола (Валиахд). По отношению к улаку или свадьбе в узбекском языке вместо слова “организовал” (ташқил қилди) говорят “дал”. Например, вместо “такой-то сыграл свадьбу” говорят “такой-то дал свадьбу”.

В древние времена улак был не только игрой и массовым зрелищем, но и нес в себе большую воспитательную функцию: вырабатывал в мальчишках и юношах смелость, отвагу, обучал мастерству верховой езды и азам военной подготовки. Кроме того, эта игра внесла большой вклад в развитие животноводства, в частности коневодства, Средней Азии — способствовала улучшению пород лошадей, выведению выносливых и быстрых скакунов. Не случайно китайцы восхищались среднеазиатскими скакунами, записи о чем встречаются в древних источниках. Лошади не всякой породы могли вынести все сложности этой игры. По некоторым данным, такие породы лошадей, как арабская, ахалтекинская, карабаир, курама, выводились специально для проведения улака.

Свадьбы с играми в основном проводились поздней осенью, зимой и ранней весной, а в горных районах — независимо от времени года. Это было связано, во-первых, с заботой о лошадях, а, во-вторых, — с климатическими и хозяйственными особенностями региона: игра по времени не должна была совпадать с сельскохозяйственными работами.

Организация тоев и игр проходила в следующем порядке.

***ПРИГЛАШЕНИЕ СТАРЕЙШИН НА СОВЕТ (“МАСЛАХАТ ОШИ”)
И ИХ УГОЩЕНИЕ. НАЗНАЧЕНИЕ МЕСТА ПРОВЕДЕНИЯ ИГРЫ УЛАК***

Примерно за 10—15 дней до мероприятия на Совет приглашали старейшин кишлака, повара, родственников, аксакалов соседнего кишлака. По этому случаю резали барана. На Совете назначали день и определяли порядок проведения праздника (тоя). Чтобы предстоящее празднество и игра не совпали с тоем соседнего кишлака, аксакалы согласовывали дату его проведения. Чтобы не затруднять материально и физически жителей одного кишлака, не назначали больше двух свадеб подряд. Заранее планировался прием и проводы гостей, ожидаемых издалека. В народе это называется “кунак (қўним, жой) бериш” — “предоставление места гостю”. Гости размещали у родственников хозяина свадьбы, а также в зажиточных семьях. Предоставление кунака (места для гостя) и проводы гостей считались самой почетной и ответственной обязанностью. Предпочтение отдавалось семьям, в хозяйстве которых были лошади.

Кунак предоставлялся не только гостям, но и участникам состязаний, приехавшим издалека, и их болельщикам. Строго следили за тем, чтобы число гостей в одном доме не превышало 12 человек. В дом, где располагались гости, хозяин свадьбы передавал одного козла или барана, из которого готовилось угощение только для гостей. У тюркских народов посягательство на пищу (долю) гостя считалось и считается тяжелым преступлением. При этом, например, в Джизаке, Сурхандарье, Сырдарье, в отдельных районах Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана, среди кыргызов и таджиков Узбекистана кушанье, приготовленное из очищенной головы и ножек, в качестве изысканного блюда употреблялось и хозяевами дома, и гостями. Остальную же часть туши, приготовив, делили на 12 частей и подавали только гостям. Гости могли свою часть съесть или забрать с собой.

Гостям, прибывшим за день до игр, предоставлялся двухдневный кунак, а тем, кто приехал в день игр, — однодневный. Кунакчи (тот, кто принимает у себя гостей) сопровождают своих гостей на все мероприятия. Порядок предоставления кунака до сих пор сохранился у кыргызов, казахов, проживающих в горах и предгорьях Узбекистана, у курама, проживающих в Аштском районе Таджикистана, в Коканде, в Ферганском регионе, в предгорьях Наманганской и Андижанской областей, в Сырдарьинской и Джизакской областях Узбекистана.

После согласования даты проведения свадьбы и распределения кунака, из числа близких родственников тойбаши (того, кто дает свадьбу и улак), из участников соревнований и лиц, хорошо знающих соседние кишлаки, выбирали тех, кто будет приглашать гостей. С древних времен на свадьбу приглашали в устной форме. Сейчас это делается по

пригласительным открыткам (тўйхат). Приглашение передается аксакалу или наезднику-силачу (полвону), в нем указываются имена приглашенных аксакалов, бывших наездников, силачей, а также сообщается о дате проведения игры улак. Здесь надо заметить, что право прийти на свадьбу и участвовать в игре имеют и те, чьи имена не указаны в приглашении. Приглашенный на свадьбу может пригласить других людей, которым также предоставят жилье и питание.

После того, как определен день свадьбы, разосланы приглашения, тойбаши приступает к последнему этапу подготовки свадьбы — изготовлению улака, определению призов, заготовке кормов для лошадей участников игры. На свадьбах с улаком готовят шурпу и плов, учитывая и то, что гостей может быть больше, чем приглашено. Если игра заканчивалась поздно, жители кишлака, в котором проводились игры, предлагали гостям и участникам игры место в своем доме, угощали и провожали их.

ПОДГОТОВКА УЛАКА ДЛЯ ИГРЫ. САМО ЗРЕЛИЩЕ

За день до тоя резали козла или теленка, из которого изготавливали улак. Это делалось по определенным правилам. Отбирали животное мужской особи, так как существовало поверье, что если улак изготовлен из козы или телки, то во время игры может произойти падение игроков, лошадей или другие неприятности. Еще одной причиной того, что улак делали из козла или теленка, являлась их прочная шкура и сухожилия, которые выдерживали перетягивание и удары лошадиных копыт. На территории Ташкентской, Сырдарьинской областей, Ашты, Таджикистана и Южного Казахстана для этих целей козла (така) специально откармливали, затем с него состригали шерсть. Зарезав животное, делали надрез длиной 15—20 см и удаляли все внутренности, кроме печени, сердца, легких; в некоторых районах удаляли все внутренние органы. Надрез туго зашивался прочной ниткой или специальной нитью, изготовленной из шкуры, чтобы не допустить попадания копыт лошадей в улак и их падения. После того как очищена внутренность, ноги туши отрезают до колен.

Улак делали весом 55—60 кг. Если в игре задумано использовать тушу теленка, то отбирали теленка весом 80—100 кг, после очистки и подготовки оставалось 60—80 кг. Если после очистки улак оказывался легким (например, 40—50 кг), он заполнялся солью, ячменем или кукурузой, чтобы довести вес до 60—70 кг. И, наоборот, если улак тяжелее, чем необходимо, тогда с шеи срезалось лишнее мясо. Голову от тела отделяли так, чтобы уши и часть шеи оставались. Это делалось для удобства игроков. Хвост улака оставляли длиной не более 15—20 см, чтобы кто-либо из участников не смог обмотать его вокруг сед-

ла. Часто на одной ноге улака делался надрез для захвата. На другой ноге надрез не делали, чтобы соперник не мог схватить и привязать ее к седлу, что запрещается правилами игры.

Для одной игры готовили один или два улака. В случае, если первый улак разорвался и игру продолжать невозможно, бросают второй улак. На празднике урожая, на Наврузе, юбилейных свадьбах на середину бросали сразу три, а то и четыре улака. В этом случае подготавливали около десяти улаков.

Организация и правила игры у разных народов, в разных местностях имели свои особенности. Например, на свадьбах в Самаркандской области изготавливали несколько улаков, но от внутренностей не очищали, а отделяли только голову и ноги. Один улак использовался только один раз. Победителю вместе с призом доставался и улак, а для продолжения игры бросали другой.

Далее глашатай на коне приглашает жителей кишлака на плов и шурпу, объявляя имя того, кто проводит данное мероприятие, например, “на свадьбу (или плов) к Валиджону”. Как правило, жители одной махалли — и молодые, и пожилые — идут на праздник вместе. Прибывшим подают шурпу и плов. После плова, хозяин свадьбы или его сын, загрузив улак на лошадь, просит благословения у народа. Самый пожилой из собравшихся (аксакал или мулла, религиозный деятель высокого ранга, ходжа) высказывает добрые пожелания о мире в стране, здоровье, хлебе насущном и долгой жизни хозяину свадьбы и ребенку, которому играют свадьбу, а также пожелания счастья и удачного проведения игр. Собравшиеся, открыв ладони, делают *дуо* (движение рук, имитирующее омовение лица). Эти благословения имеют важное морально-психологическое значение, вселяя в людей веру и надежду на лучшую жизнь, на здоровое поколение. Люди, получившие благословение, исходя из своего материального положения, вносят призы для игры. Во время игры глашатаи еще раз обязательно объявляют имена хозяев призов, и они еще раз получают благословение (*дуо*) окружающих людей.

Большое внимание уделялось выбору поля для игры. Как правило, выбиралась равнина площадью в 2—3 гектара. Размеры поля зависели от количества зрителей и игроков. Игровое поле отгораживали повозками, обеспечивая тем самым безопасность зрителей, а также для того, чтобы не мешать игре. Зрители усаживались на эти повозки и телеги или на другие возвышенности. Аксакал для вручения призов назначался в день тоя. Ему отводилось почетное место.

Правила игры оглашались пожилым наездником или главным судьей (баковул, солимчи). Правила были таковы:

не набрасываться лошадью на участника игры, который, нагнувшись, берет с земли улак;

пеший не должен передавать улак наезднику;

не тянуть наездника с улаком с обратной стороны, сзади и не валить его;

не завязывать шнуром улак, не всовывать ручку плетки в ногу улака, не вешать улак на седло;

не относить улак зрителям;

в Наманганской области не разрешалось тянуть улак, который находился на лошади (т. е. перекинутый поперек седла). В остальных районах Ферганской долины это не считалось нарушением правил;

повиноваться приказу судьи о прекращении игры.

С древности тои с улаком проводились двух- или трехдневными.

В первый день игры приглашали, в основном, молодых наездников, которые играли 2—3 часа. В этой игре запрещалось участвовать взрослым, считалось постыдным. Иногда для молодых игроков специально готовили улак весом 30—35 кг. Игра с участием молодежи устраивалась для того, чтобы сохранялась преемственность национальных обычаев, в целях физической подготовки. Победителям также вручали небольшие призы, например, одежду, отрезки ткани, хозяйственные товары.

Затем судья, остановив игру молодых, приглашал на поле взрослых участников. Ребятам 12—15 лет к основной игре не допускали, но молодежь постарше могла участвовать. В первый день игра длилась недолго, так как предстояли другие работы — сборы гостей и участников, обеспечение их жильем. Поэтому самый большой приз разыгрывался во второй день игры.

Второй день начинался так же, как и первый — с шурпы и свадебного плова. До 80-х гг. XX в. в некоторых районах Ферганской долины (в основном, в районе Коканда) шурпу подавали до начала игры, а плов после. В настоящее время вошло в обычай подавать только утренний плов.

На территории Ферганской долины на игры собираются по меньшей мере 200—300 участников, на больших сборах — 500—700 и даже до 1000. На больших играх в правила игры могут вноситься небольшие изменения. Например, из уважения к гостям из Ашты, Сырдарьи, Самарканда, Ташкента, в качестве улака использовали тушу козла, поскольку в этих районах играли именно так, и, чтобы не обидеть гостей, принимались их правила. До 80-х гг. XX в. по правилам не устанавливалась финишная метка (“марра”). Основным условием игры считалось перекинуть улак поперек седла (“улоқни ёппа қилиш”). Позже, для гостей, которые привыкли играть с финишной меткой, стали ее устанавливать.

Во время массовых зрелищных игр, на праздниках урожая, на Навруз по местным обычаям разыгрывался теленок. На свадьбах наиболее ценными призами считались верблюд, лошадь, теленок, баран, ко-

зел, ковер, войлок (изготовленный исключительно из меха), накидка для лошади. Менее ценными призами — деньги, отрез ткани (атлас, шелк), хозяйственные товары, велосипеды, игрушки. Ценность приза зависела от материального положения хозяина тоя. В районах, где жили зажиточные люди, в качестве приза могла быть и пара волов, и девять призов, называемые “девяткой”. В нее входили: баран, три козла, ткань, сундук, хозяйственные товары, могли быть и деньги, то есть призы девяти наименований. Список призов составлялся в день свадьбы, потому что использовали и подарки гостей, близких друзей, приглашенных на свадьбу (“тўёна”). До 90% подарков выставляли в качестве призов. Гость, сделавший подарок, никогда не делал свадьбу в надежде вернуть его. Но тот, кто принял подарок, не забывал равноценно отблагодарить, когда его гость сам будет играть свадьбу. Если гость дарил верблюда, лошадь, барана или козла, то ему, в знак благодарности, хозяйка дома надевала пояс-кушак.

До советского периода зажиточные люди на своих тоях в качестве призов выставляли до 10 верблюдов, 10 быков, 10—20 жеребцов, 10—20 телят, 50—100 овец и козлов, а также дорогие вещевые призы.

Если игра прошла по правилам, судья приглашает аксакала для вручения приза. Потом глашатай объявляет зрителям имя победителя, откуда он приехал и кто хозяин лошади, например: “Палван из Сарык-кургана Мухаммаджон на коне ходжи Валиджона выиграл теленка или лошадь”. Так прославлялись не только участники игр, но и хозяева лошадей.

Участникам игр прошлых лет также вручаются специальные подарки от хозяина свадьбы. Если кто-либо из них не присутствовал на данной игре, подарок для него передают через родственников или односельчан.

После вручения всех призов, улак бросается на отбирание (“олди-олди”). Порядок такой: кто отберет улак из толпы и покинет поле, тому он и достанется. Это считается окончанием игры. Старейшины дают благословение и зрители расходятся. Гости расходятся с их кунакчи (теми, у кого они остановились).

Некоторые из вышеизложенных правил сохранились до сих пор. Например, проявление уважения к бывшим богатырям-наездникам, распределение кунака, изменение правил по желанию гостей, благословение в начале и в конце игры. В разных местностях имеются и свои различия. В горах и предгорьях Наманганской области для изготовления улака в основном резали теленка весом 70—80, и даже 90—100 кг; запрещалось тянуть того, кто поместил улак на шею лошади и выскочил из толпы; не обязательно делать круг возле зрителей; передача улака одним наездником другому не засчитывается и оба они лишаются приза, тогда борьба за приз начинается заново.

Тюркские народы, проживающие в предгорьях и горных районах

Ферганской долины, например, в Новкате, Оше, Канибадаме, Аште, Худжанде, организуют игры по своим правилам. Например, там, где проживают кыргызы, широко распространены такие игры, как “така улок” (“козлийный улак”), “шоғулоқ”, “жамоали” (“общественный”), “дарвозали” (“с воротами”), “маррали” (“финишный”).

“Така улок” чаще проводят на тоях и массовых праздниках. Для игры специально откармливают козла, затем состригают шерсть, очищают от внутренностей. Вес улака бывает 25—30 кг, 30—40 кг и даже 45—50 кг. Для улака резали по возможности старого козла, четырехлетку; чем старше козел, тем прочнее его шкура. Правила игры объясняются и демонстрируются на лошади пожилого всадника или хозяина свадьбы, иногда на лошади главного судьи. Перед игрой читается молитва.

Правила игры “така улак” таковы: улак перекидывают через седло или привязывают за ноги шнуром стремени. Сильные участники игры при завязывании могли даже сломать ноги улака, в то время как шкура и сухожилия закручиваются на седле. Если противник старается перетянуть улак, то он, наоборот, еще сильнее закручивается. Чтобы удержать улак на подножке, наездник свое тело склоняет на сторону улака и сильно прижимает ногой, и, управляя лошастью одной рукой, доставляет улак на обозначенное место — “марра белгилаш” (финиш), которое, как правило, выбирается между двух холмов. Зрители располагаются на холмах, а игра идет на равнине. Финиш назначался в двух местах — верхний и нижний финиш.

На месте финиша устанавливают стог сена или выкладывают из камней круг диаметром 2—3 м. Иногда таким ориентиром могли служить большие камни. На верхний и нижний финиш назначали судей — в народе их называют “солимчи” или “баковул”. Общей игрой руководит главный солимчи. При опускании флажков к земле обоими солимчи, стоящими на финишах, главный солимчи объявляет брошенный наездником улак действительным. Глашатай объявляет имя победителя, откуда он приехал и кто хозяин лошади. После этого вручают призы. Составлялись два списка призов — для верхнего и нижнего финиша. В списке верхнего финиша значились крупные и основные призы — верблюд, лошадь, бык, ковер, баран, пара волов, “бешлик” (“пятёрка”), “тўққизлик” (“девятка”), “ўн еттилик” (“семнадцать”). На нижний финиш определялись призы меньшей стоимостью — козел, деньги, войлок, хозтовары.

В заключительной игре (“маррали”) участник лишается приза в следующих случаях:

- если улак наезднику подал кто-то пеший;
- если участник доставит улак, связав его шнуром (единым поводом, петлей);
- если перекинет шнур стремени через улак и повесит на край седла;

если лошадь с улаком приведут напарники;
если потянет улак с обратной стороны наездника, тем самым опрокидывая этого наездника;

если участник игры бросит улак за пределы метки финиша (дальше на 0,5—1 м).

В заключительных играх на верхний и нижний финиш определяются по два приза. Один получает победитель игры, а другой — хозяин лошади. Если лошадь принадлежит другому человеку, то приз в большинстве случаев вручается хозяину лошади. Иногда хозяин лошади отдает наезднику деньги или какой-нибудь из призов.

Сложность игры в “така улак” заключается в умении удержать улак на шее лошади, в отличие от игры с теленком, где улак держится крепче, благодаря его тяжелому весу. В основном скачут, подложив улак под ногу и прижав его внутренней частью колена. Здесь удобнее играть на быстрых и легкоуправляемых лошадях. Управляемость важна, чтобы не дать сопернику захватить козла, для этого приходится поворачивать голову лошади в сторону улака.

На играх с тяжелым теленком напарники наездника, забравшего улак, постоянно прикрывают его, повернув головы своих лошадей в сторону теленка. Если повернуть голову лошади в обратную сторону, то, во-первых, само тело наездника наклоняется в сторону улака, во-вторых, появляется возможность противнику захватить улак. В играх с козленком хорошо себя проявляют такие породы лошадей, как карабаир, арабские, ахалтекинские, курама. Тело этих лошадей не очень крупное, они быстры и хорошо управляемы. Поэтому кураминцы, кыргызы и казахи предгорных и горных районов ценили и разводили эти породы лошадей.

Среди кураминцев, проживающих в горном районе Ашта (территория Таджикистана), игра улак считалась самой древней, в ней соблюдались строгие правила. Порядок предоставления кунака гостям сохранился до сих пор. Призы здесь тоже были самые дорогие. Бывали случаи, когда хозяин в качестве приза выставлял своего сына, которому играют свадьбу. Затем родители выкупали своего ребенка, выполнив все условия победителя. Ребенку меняли имя на Оллокберди, Худоберди (дословно — Аллах вернул). Этот ребенок пользовался уважением среди родственников.

В предгорьях и горных районах до игры улак устраивали соревнования по борьбе-опрокидыванию на лошадях. В них участвовали два наездника. Имена игроков и откуда они прибыли оглашались до начала игры и после ее завершения. Любой желающий мог принять участие в состязаниях.

Иногда перед игрой улак организовывалась игра “қиз қувди” (“догони девушку”). Чаще эта игра организовывалась на массовых гуляниях и праздниках. Правила игры таковы: девушка на самом быстром

скакуне становилась на расстоянии 15—20 м от парней, участвующих в игре. После сигнала судьи одному из джигитов необходимо было догнать девушку. Победитель получал право поцеловать ее. Девушка могла при этом стегать джигита плеткой. Считалось позором, если джигиты не догоняли девушку. Эта игра была своего рода испытанием для парней и их лошадей. Существует даже обычай: прежде чем жениться, джигиту нужно завоевать девушку в таком состязании. Эти соревнования демонстрировали, насколько трудно добиться любимой, а также мастерство наездника.

В Сырдарьинской, Ташкентской областях, Южном Казахстане, в районе Ашта (Таджикистан), Новкат (Кыргызстан), в предгорьях Оша во время игры улак организовывается "шогулоқ". Это дополнительный улак, сделанный, как правило, из козленка весом 12—20 кг. Его приносят родственники, близкие друзья или гости в качестве подарка — поздравления.

Правила игры в шогулок таковы: баковул ставит на дальнем расстоянии от финиша флажок и назначает себе помощника. Шогулок не бросается на середину, а тот, кто принес улак, скачет к финишу с расстояния 1—2 км. В это время идет основная игра в другом месте. Не останавливая основную игру, баковул или глашатай, показывая в сторону, откуда скачет всадник с шогулоком, объявляет, что участники игры могут начать бороться за шогулок, покинув основную игру. Участники должны выехать на дорогу и, захватив шогулок, доскакать до флажка, ударить по нему. Если к финишу шогулок доставит тот, кто его и принес, он считается самым уважаемым и авторитетным человеком, кроме того получает и свой улак, и приз. Если до финиша он упустит шогулок, то лишается и шогулока, и приза. Шогулок получал тот, кто перехватил его и доставил к финишу. Победитель со своими друзьями съедали мясо шогулока.

Слово "шогулоқ" происходит от "шикор ов", что в средневековье и в период ханства означало "охота". Процесс игры похож на охоту. Игра в основном проводилась гостями в первый день тоя. Иногда приносили до 10 шогулоков, и это не мешало основной игре, т. к. финиш назначался намного дальше, чем основной. Во время массовых гуляний организовывался и "футбол улак", или "командный улак". В эту игру не играли на тоях. В командном, или футбольном, улаке выбирается ровное поле и выкапывается яма диаметром 1 м, в которую участники игры бросали улак. Правила игры: участвуют команды, состоящие из пяти наездников. Команды назывались по названиям лошадей (например, *карабаир*, *окёл*, *турик*, *курама*, *буз*, *човкар*, *коракашка*) или по номерам. Таблички с названием или номером команды прикреплялись на груди и спине участников. Игра начиналась в центре поля. Время игры определялось в зависимости от числа команд — 30 минут,

один час и т. д. В некоторых случаях назначается число голов, которые должны забить в яму — 3, 5. Согласно правилам игры, обе команды должны стоять напротив друг друга на расстоянии 10—15 м от центра, где оставляют улак. По команде баковула участники игры мчатся к месту, где он лежит. Передавая его друг другу или привязывая к стремя, скачут к подготовленной яме. Победившей считается та команда, которая первая забьет определенное число голов. Команда-победитель получает право играть в следующем этапе соревнований, а побежденная команда покидает игру и не допускается к играм этого дня.

Если кто-то из игроков нарушит правила игры (т. е. если им подадут улак с помощью шнура, перегнув стремя, или с подачи пеших), с команды снимаются очки. В спорных ситуациях судья не засчитывает очки ни одной из команд, и игра опять начинается с середины. Игра всегда начинается с центра поля. Эта игра проводится по правилам спортивной олимпиады: борются команды, набравшие большее число очков. Определившимся трем командам-призерам, в зависимости от набранных очков, присуждается приз. Каждый игрок команды-призера получает приз. Например, члены команды-победителя получают лошадь, теленка, овцу. За второе место получают козленка или ковер, войлок. За третье — предметы утвари, конскую сбрую. Кроме того, награждается и самый искусный игрок.

Узбеки, жившие на севере Таджикистана и Афганистана, тоже устраивали подобные игры, но по другим правилам: на определенном расстоянии от центра поля устанавливали стойки с флажками (получалось что-то похожее на футбольные ворота), а на середину поля бросали улак. Участники игры, подложив под ногу улак, должны пройти между стойками и бросить улак. После этого засчитывалась победа и вручался приз. Если участник завяжет улак шнуром или перегнет стремя, если его лошадь поведет напарник, либо бросит улак, не доходя до ворот, то победа не засчитывается и игра опять начинается с центра. Если в ворота пройдет только половина улака, то главный баковул не засчитывает победу и игра начинается заново.

В Самаркандской области правила игры улак также имеют свои отличия. Здесь резали несколько козлят весом 15—25 кг, отделяли головы и ножки, но не очищали внутренности. С какой-либо возвышенности (с телеги или с холма) участникам игры бросали улак. Игроки должны поднять улак и, подложив под ногу, перенести его через обозначенную линию. Длина линии — не менее 10 м. Линию выкладывали из камней или сена, иногда выкапывали неглубокий лоток, который засыпали извесью. Игру контролировали судья и его помощники.

В долине Кашкадарьи существует финишный вид игры улак с козленком. Игроки должны доставить улак к обозначенной метке возле телеги или к большому камню. В настоящее время вместо телег используют машины, при этом улак должен коснуться колеса. Баковул

берет на финише улак, и игра вновь начинается с центра поля. Во всех играх судья объявляет победителя и вручает призы. Призы вручаются выигравшему игроку и хозяину лошади.

Сходство правил игры в разных областях Средней Азии и других странах объясняется тем, что народы, населявшие эти территории, были близки по обычаям и ведению хозяйства.

Выбор лошади и подготовка ее к игре везде проходит одинаково. К играм лошадей готовят с 4—5-летнего возраста. Идеальным считается возраст от 7 до 10—12 лет. Длительность участия лошади в игре зависит от ухода за ней. Откорм лошадей начинается с мая и три летних месяца лета их кормят зерном досыта. Ежедневно к суточной норме добавляется по 300—400 г корма до тех пор, пока лошадь не перестанет съедать весь корм. Одну неделю добавки не делают. Затем каждый день убавляют по 300—400 г. Этот процесс продолжается столько же дней, сколько делались добавки. Таким образом возвращаются к норме — 3—4 кг. Крупные лошади съедали максимум 40—50 кг корма.

В древние времена старым лошадям, у которых выпадали зубы, давали свежеспеченную лепешку (патыр) или вареное зерно, добавляя яйцо и сахар. Сено у лошади было всегда. Воду давали только перед кормлением, потому что иначе она могла заболеть “оёгига ем тушиш” (“опусканием корма в ноги”). Чтобы вылечить лошадь, в течение месяца ее кормили, поставив ноги в холодную воду.

Усиленное кормление заканчивалось к концу сентября. С этого времени начинается “кантарув” — лошадь привязывалась так, чтобы ее голова не доставала до корма. В это время переходят к режимному кормлению. Днем на лошадь надевалась уздечка, сверху потник, и на 6—8 часов делали “кантарув”. Утром и днем давали траву, воду и 4—5 кг корма, а вечером делали “кантарув”. Этот процесс продолжался минимум 20—25 дней. Затем лошадь опять привязывают к колу. Лошадь сама крутится и охлаждает себя. У этого кола лошадь стоит не менее 20 дней. После этого хозяин лошади медленно ездит на ней, начиная с 50—100 м, прибавляя каждый день по 50—100 м. Доведя расстояние прогулки до 4—5 или даже до 10 км, верхом скачут на 20—30, позже — на 50—100, до 500 м. Это также продолжается минимум 20 дней. Процесс остывания считается самым ответственным периодом, потому что в это время организм лошади усваивает накопленный жир, сохраняя тем самым мясо. Так закаляется лошадь.

В период, когда лошадь использовали в качестве транспортного средства и на сельхозработах, ее подкармливали, а в самый жаркий месяц или поздней осенью лошадь отстраняли от работ на 20—30 дней и кормили по вышеописанной схеме.

В Ферганской долине для игры улак отбирали выносливых скакунов с высокой спиной, широкой грудью и крупом, потому что прихо-

дилось перекидывать теленка через седло. В таких играх скорость лошадей не важна. Только сильные, стойкие лошади могли удерживать улак весом 60 — 80 кг и наездника.

Одновременно с подготовкой лошади, готовятся и игроки. Они едят калорийную пищу (плов, кавурма, басма [жаркое] и мучные блюда), занимаются физической подготовкой. Месяц до начала сезона игроки должны воздерживаться от интимной близости. Все это обеспечивает физическую и моральную силу игроков.

Снаряжение лошади выбирают в зависимости от вида игры улак. Например, там, где проводятся игры с теленком, используют седла с крепкими и утолщенными краями, шнуры стремени удлиненные, потники толще. Это связано с тем, что вес улака-теленка увеличивает нагрузку на снаряжение лошади. На играх же с улаком-козленком, наоборот, на лошадь надевают облегченные седла с тонкими краями и тонкими потниками. Шнур стремян привязывается к седлу покороче. Если в игре улак с теленком длинный шнур стремени помогает при скачке с перекинутой ногой через улак, то в игре с козленком необходимо стремя с коротким шнуром, чтобы крепко держать улак под коленом.

Тюркские народы очень ценили седла и тех, кто их изготовлял. Даже среди призов самым ценным считалось седло. В народе проклинали воров седел. Проклятия читались пожилыми людьми и всеми присутствующими в процессе игры. Кроме специальных снаряжений для лошадей, изготавливали и специальную одежду для игроков. Для всадников-богатырей шились специальные сапоги с высокими каблуками (10 — 12 см) и широкими голенищами, которые защищали ноги от травм во время игры, благодаря плотным портянкам. Высокие каблуки также помогали крепко держать в стремени ноги всадника. Сапоги в основном шились из шкуры оленя или коровы. Головным убором служила шапка или небольшой платок, который завязывался чалмой. В настоящее время надевают кожаный “шлем”. Из верхней одежды игроки одевают короткий, широкий, теплый халат (чапан) для свободы движений в игре; хлопчатобумажные брюки, защищающие от укуса лошади или случайного удара плетью соперника. Традиционным обрядом у тюркских народов является завязывание платка с куском хлеба на пояс наездникам. В народе верили, что хлеб оберегает от всяких травм.

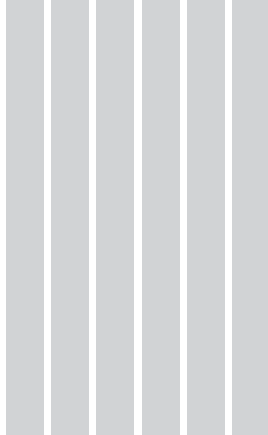
Кроме того, наездникам и лошадям надевали всевозможные амулеты от сглаза, специальные ожерелья из боярышника, сделанные духовными наставниками (пирами).

У тюркских народов существует поверье, что лошадь каждый день просит у Создателя 70 булок хлеба, из них 69 — своему хозяину, и только одну себе. Поэтому говорят, что люди, которые держат лошадей, обязательно добьются своей цели и их *дуо* сбудется. Человека, погибшего в бою на коне, в играх улак или в пути, хоронили как чистого, невинно-

го, потому что перед тем, как сесть на коня, он очищался (делал *тахорат*), читая молитву. Этот обряд сохранился до сих пор. Например, наездники, желающие участвовать в игре улак, сначала очищаются, потом готовят седло, ставят лошадь головой к Мекке и читают *дуо*, глядя сначала лоб, потом часть шеи лошади и ласково с ней разговаривают. Затем, садясь на лошадь, произносят: “Бисмиллохир рахмонир рахим” или “Али қўлласин”. После этого участник игры от своего отца, наставника и аксакалов кишлака получает благословение на игру без травм и победу и вступает в игру. Такие правила сохранились у всех тюркских народов Средней Азии.

В советское время игру улак неоправданно очерняли. Но, несмотря на это, на праздниках урожая, при выполнении плана по сбору хлопка люди организовывали игры улак. В 20—30-е гг. тех, кто проводил игры улак, преследовали, высылали. Начиная с 80-х гг. игра улак стала возрождаться. А 24 января 2001 г. вышел Указ Президента республики о развитии национальных массовых игр, в частности улака.

С. Юлдашев

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ УЗБЕКИСТАНА

Демократические преобразования в эпоху перестройки в бывшем СССР явились толчком к созданию во многих регионах страны, в т. ч. и в Узбекистане, национальных культурных центров. В целях координации их деятельности решением правительства в 1989 г. при Министерстве культуры был создан Республиканский межнациональный культурный центр.

1 сентября 1991 г. Узбекистан обрел политическую независимость. В 1992 г. была принята Конституция Республики Узбекистан. В 1998 г. утверждаются Закон об общественных объединениях и Закон о свободе совести и религиозных объединениях.

Вышеназванные законодательные акты способствовали реальному выполнению программ, выработанных национальными культурными центрами (НКЦ). К этому времени в стране было образовано уже 12 общественных движений подобного рода, причем этот процесс продолжал развиваться. Поэтому по инициативе главы государства и решением парламента. Межнациональный культурный центр преобразовывается в Республиканский интернациональный культурный центр (РИКЦ).

Новая общественная структура разработала Положение о РИКЦ, впоследствии утвержденное Кабинетом Министров республики, которому строго следует в своей практической работе.

Один из главных принципов проводимой в нашем государстве национальной политики заключается в признании того, что все граждане Узбекистана, независимо от национального происхождения, вероисповедания и пр., имеют равные права и рассматриваются как единый народ. И более того, было декларировано, что многонациональное население Узбекистана способствует умножению духовного богатства страны.

Главные цели и задачи Республиканского интернационального культурного центра:

- осуществление практической и методической помощи национальным культурным центрам, координация и контроль их деятельности;
- содействие возрождению и развитию национальных традиций, обычаев и обрядов, развитию культуры и духовных ценностей национальных групп, проживающих в республике;
- установление и развитие связей и сотрудничества с национальными и интернациональными культурными центрами СНГ и зарубежных стран;
- содействие интернациональному сплочению наций и народностей, гармонизация межнациональных отношений.

Наиболее важным тезисом, на наш взгляд, является оказание правлением РИКЦ содействия 118 национальным культурным объединениям, представляющим 28 народов, в налаживании тесных контактов со странами, откуда происходят их корни, с использованием форм народной дипломатии.

Так, например, делегация Башкирского КЦ приняла участие в работе конгресса башкир в Башкортостане, Русского КЦ — на съезде уполномоченных представителей зарубежных российских общин в Москве, Татарского КЦ — в работе татар Среднеазиатского региона и др.

Все культурные центры установили контакты с посольствами стран, где жили их предки, что способствует положительному решению многих этнокультурных проблем. Но самое главное, они помогают ощущать духовную родственную связь со своими соотечественниками.

Представители НКЦ входят в состав правительственных делегаций при посещениях их исторической родины. Так, Президента Республики Узбекистан в его зарубежных поездках сопровождали руководители Корейского, Грузинского, Азербайджанского, Греческого и других центров.

21 июля 1995 г. в РИКЦ состоялась историческая встреча Президента Украины Л. Д. Кучмы с представителями украинской общины Узбекистана, а 12 декабря 1999 г. — встреча делегации Русского культурного центра с Президентом России В. В. Путиным. Деловые переговоры проходили в рамках официальных визитов государственных деятелей Украины и России в Республику Узбекистан.

Консолидирующую роль в объединении всех наций и народностей, живущих под небом Узбекистана, сыграла Республиканская научно-практическая конференция под девизом “Культура межнациональных отношений в независимом Узбекистане”, организованная Республиканским интернациональным культурным центром при поддержке Ташкентского городского хокимията и Республиканского общественного центра “Духовность и просветительство”. Конференция проходила в Ташкенте 10—11 марта 1995 г. По ее итогам были изданы два сборника тезисов и основных докладов.

Свою положительную лепту в поддержание стабильности межэтнических отношений в стране внесло совещание, проводившееся Республиканским интернациональным культурным центром и Комитетом по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан на тему: “Роль Конституции Республики Узбекистана в утверждении межнационального и межконфессионального согласия в обществе”. Совещание проходило 3 декабря 1997 г. и было посвящено 5-летию принятия Конституции Республики Узбекистан.

РИКЦ принимает активное участие в конференциях и совещаниях идеологических активистов Узбекистана, сотрудничает с такими общественными организациями, как Национальный центр по правам человека, движение “Халк бирлиги”, Республиканский фонд “Мир и стабильность”, Ташкентский городской фонд “Махалля” и др.

В апреле 2001 г. состоялась международная конференция “Межнациональные отношения и их освещение в СМИ”. Ее организаторами были Международный центр переподготовки журналистов Узбекистана, Посольство Швейцарии в Узбекистане и Интернациональный культурный центр Республики Узбекистан.

В связи с 10-летним юбилеем РИКЦ совместно с Республиканским радио в январе 2001 г. проводил радиофестиваль национальных культурных центров “Узбекистан — моя Родина”.

Результаты социологического опроса, проводившегося Центром “Ижтимоий фикр” совместно с РИКЦ в ноябре 1998 г. в городе Ташкенте, показали, что более 60% опрошенных представителей нетитульной нации родились в Узбекистане. Кроме того, 7,8% респондентов считают себя коренными жителями, т. к. являются, по меньшей мере, третьим поколением, родившимся в Узбекистане. Первые культурные центры (азербайджанский, армянский, еврейский, казахский, корейский, немецкий, турецкий и др.) были основаны в Ташкенте — самом полиэтническом и многоязычном городе страны. При их содействии и патронате РИКЦ национальные объединения создаются во всех регионах Узбекистана, в том числе и Каракалпакстане.

Но ряд НКЦ в областях рождается самостоятельно: Арабский КЦ в Карши, Каракалпакский культурный центр в Навои и др. Инициаторами их появления являются работники науки и культуры, экономисты, строители, журналисты, предприниматели и бывшие военнослужащие, как правило, пользующиеся большим авторитетом среди окружающих коллег. Многие из них впоследствии стали лидерами НКЦ.

Национальные культурные центры имеют статус самостоятельных организаций и действуют согласно принятым Министерством юстиции Республики Узбекистан уставам.

Идейная суть ряда НКЦ метко зашифрована в их символических наименованиях “Светлица Польска” — Польского КЦ, “Возрождение” — Корейского КЦ, “Видергебурт” (“Возрождение”) — Немецкого КЦ, “Гардашлыг” (“Дружба”) — Азербайджанского КЦ, “Согласие и милосердие” — Русского КЦ Бухарской области и др.

Цели и задачи Татарского общественного культурно-просветительского центра сформулированы уже в самом названии — поднять, по возможности, образованность своих сограждан в рамках этнокультуры. Те же интересы и у Башкирского общественно-культурного центра. Большинство своих мероприятий вышеназванные структуры организуют совместно.

Схожие по основным направлениям деятельности НКЦ уставы имеют и некоторые различия. Отражение изгибов непростой судьбы немецкой диаспоры вдали от Германии нашло в Уставе Ташкентского культурного центра немцев “Видергебурт”. Один из принципов его работы — защищать гражданские и политические права немцев в Узбекистане. Болгарский КЦ предусматривает установление дружественных связей не только с этнической родиной, но и с болгарскими центрами других стран.

Необходимо подчеркнуть, что в Узбекистане к моменту возникновения НКЦ уже имелся практический опыт в данной области. Как известно, в 20—30-е гг. в советском Туркестане национальной проблеме придавалось большое значение. Впервые малым народам были предоставлены благоприятные условия для сохранения и развития своего духовного и культур-

ного потенциала. И даже такая маленькая, но самобытная народность, как среднеазиатские цыгане, впервые получила право на самоутверждение. Правда, этой возможностью воспользовались только оседлые цыгане, проживавшие в городах и кишлаках региона. Однако в конце 30-х гг. национальная политика была почти полностью свернута. Но с середины 50-х гг. государство взяло под частичную опеку наиболее многочисленные группы населения (корейцев, казахов, кыргызов, уйгур, таджиков и др.) в местах наибольшего их сосредоточения.

Надо добавить, что в Ташкенте с 1949 г. действовал греческий политклуб, созданный вскоре по прибытии сюда политэмигрантов из Греции. За истекшие четыре десятилетия он внес достаточно весомый вклад в сохранение генофонда своей нации. В начале 90-х гг. ушедшего столетия эта организация по ряду объективных и субъективных причин распалась. После небольшой паузы сформировалась инициативная группа, и в 1997 г. был уже официально признан Греческий культурный центр, объединяющий в своих рядах представителей греческой национальности разного происхождения.

Год рождения того или иного этнокультурного общественного образования в Узбекистане не связан с величиной национальных диаспор.

Этнические группы — казахов, кыргызов, таджиков, уйгур и дунган, имеющие значительную общность менталитета, создали свои центры одни из первых, потому, на наш взгляд, что внутри их землячеств всегда поддерживались тесные контакты как отголоски родоплеменных связей.

Одновременно с ними сформировался и КЦ бухарских евреев. Известно, насколько прочно спаяны в единый организм члены древнейшей бухарско-еврейской общины в Узбекистане.

Минимум организационных усилий потребовало и рождение в 1992 г. ташкентского Крымско-татарского культурного центра “Авдет”. Чтобы выжить как этнос, депортированный народ вынужден был постоянно поддерживать внутри диаспоры неформальные связи.

Одной из крупнейших диаспор в стране является русская. Ее первый культурный центр был зарегистрирован в столице Узбекистана только в марте 1994 г., возникли сложности с выработкой национальной концепции, ведь в реалиях русские в Узбекистане, казалось, итак все имели. Но главное, русские еще не представляли консолидирующую общность и не осознавали себя меньшинством. Однако духовная и экономическая ситуация 90-х гг. сложилась так, что и Русскому культурному центру нашлось над чем поработать. За прошедший период своей деятельности Центр сконцентрировал свои усилия на культурно-просветительской и образовательной работе. Немало делается и на ниве возрождения русских обычаев, обрядов и традиций проведения православных праздников. Это пока первый этап разработанной перспективной программы.

В еще более трудном положении оказались туркмены. Их инициативная группа оформилась в начале 90-х гг., но развернуть свою работу оказалось сложно — не хватало поддержки со стороны их исторической

Фотография
удалена в целях облегчения
интернет-версии

Представители корейской диаспоры
около здания Ассоциации
корейских культурных центров
(АККЦ) Узбекистана.

Из архива АККЦ

родины, где аналогичная структура еще не была создана. Туркменский культурный центр в Ташкенте зарегистрировался в МИД Республики Узбекистан только 24 августа 1999 г.

Образование Болгарского КЦ затянулось по двум причинам. Во-первых, болгарам-узбекистанцам трудно было объединиться, т. к. многие из них давно потеряли связь со своими соплеменниками. Во-вторых, не были налажены дипломатические контакты с Болгарией. В целях сохранения традиций и обычаев многих поколений болгар, осевших в Средней Азии, их вклада в развитие культуры и экономики Узбекистана, ташкентские энтузиасты из числа местных болгар первую организационную встречу провели в 1997 г. Юридическую законность Болгарский КЦ получил лишь 24 сентября 1999 г.

Приоритетным направлением деятельности большинства НКЦ стала языковая политика. Наиболее фундаментально разрешение этой проблемы поставлено Корейской асо-

циации. Как выяснилось, по разным причинам 99% местных корейцев не умели ни читать, ни писать на родном языке. За период 1988—1990 гг. было образовано 24 областных, районных и городских корейских культурных центра, а в январе 1991 г. создается Республиканская ассоциация корейских культурных центров Узбекистана (в настоящее время их 27). В короткий срок Ассоциация добилась открытия учебных групп по изучению корейского языка во всех городах и селениях, где компактно проживают корейцы.

По данным республиканской печати, к началу 90-х гг. почти 70% немцев Узбекистана не знали родного языка. На протяжении десяти лет, согласно специальной узбекско-германской межгосударственной программе социально-экономической помощи местным немцам, Республиканский немецкий культурный центр регулярно получает учебную и методическую литературу по изучению языка, культуры и традиций немецкого народа. Проводятся семинары по вопросам изучения немецкого языка.

Большую помощь узбекистанским полякам в изучении родного языка

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Фольклорная группа “Сердика” при Болгарском культурном центре (в центре — руководитель группы Тодоров Н.М.).

Из семейного альбома Н. Т. Тодорова

оказывает Международная ассоциация содействия деловому и культурному сотрудничеству “Узбекистан—Польша” — “Полония”. По инициативе “Полонии” при Национальном университете Узбекистана открыт научно-исследовательский и учебно-методический центр славянской лингвистики. Уроки польского языка на уровне факультатива проводятся в школе № 72 г. Ташкента. В “польский класс” приезжают слушатели с разных концов города.

Значительно расширились возможности изучения и таджикского языка. По инициативе Персидско-таджикского культурного центра г. Бухары стала издаваться газета “Бухоро-и Шариф”. (Персидско-таджикский культурный центр свернул свою работу в 1995 г.). В ней и ряде районных газет Бухарской области выделяются полосы для текстов на таджикском языке. В отдельных районах, где компактно проживают таджики, в средних школах имеются классы с таджикским языком обучения. С 2000 г. увеличены время вещания и число каналов на таджикском языке на республиканском радио и телевидении.

При Армянском КЦ в Ташкенте в феврале 1993 г. был создан воскресный лицей для разных возрастных групп, желающих овладеть армянским языком.

По инициативе Дунганского культурного центра с 1999 г. в школе № 42

Уртачирчикского района Ташкентской области преподается китайский язык на уровне факультатива дунганским ребятам.

Российский КЦ, постоянно сотрудничая с Российской Думой, имеет возможность регулярно отправлять группы преподавателей русского языка средних школ на повышение квалификации в Москву, Омск и другие города России.

Наконец, возможность изучать родной язык появилась и у членов Литовского культурного центра. Литовская диаспора — одна из самых малочисленных в республике. Благодаря энергии Йозафа Дервиниса, Литовский КЦ образовался уже в 1992 г., но отсутствие средств сковывало работу национального коллектива. И только теперь деятельность его постепенно налаживается. Контакты с этнической родиной стали более тесными. С 1999 г. при Центре открыт класс литовского языка.

Возможность изучать родной язык предоставляется и в других НКЦ, причем не только для своих собратьев, но и для всех желающих. Сегодня при культурных центрах действуют 10 воскресных школ, которые посещает около 1000 человек. Решается и проблема изучения государственного узбекского языка внутри общественных объединений, без чего невозможно национальное единство в стране.

На начальном этапе строительства демократического правового государства обозначился повышенный интерес этнических групп к своим религиозным ценностям. Не случайно многие НКЦ в первый же год своей деятельности начинали ходатайствовать перед городскими хокимиятами о возвращении меньшинствам зданий бывших храмов их конфессий и других национальных святынь. И просьбы общин не остались без внимания.

В начале 90-х гг. бухарско-еврейской общине из музейных кладовых республики были переданы старинные свитки Сефар-Торо.

Благодаря Указу Президента Узбекистана в 1992 г. армянская община Самаркандской области получила в свое распоряжение старинную постройку, в которой ранее размещалась их церковь.

В 1995 г. в Самарканде началась служба в молельне Армянской апостольской церкви. Ее настоятель является Армянским пастырем всей Средней Азии и Казахстана.

3 мая 1993 г. распоряжением Кабинета Министров Республики Узбекистан Немецкому культурному центру передана Ташкентская кирха. Нужно отметить, что воскресные богослужения в протестантском храме проводятся с 16 декабря 1990 г.

В 1992 г. вновь действующему в Ташкенте римско-католическому приходу Министерством по делам культуры был передан так называемый "Польский костел". Таким образом, были удовлетворены духовные потребности поляков, литовцев и некоторой части белорусов, армян, корейцев и др. К настоящему времени монументальное здание восстановлено за счет средств зарубежных католических общин, и религиозно-культурная жизнь в костеле проводится в полном объеме.

Иллюстрация
удалена в целях облегчения интернет-версии

Фрагмент печатного органа Корейского культурного центра

В 1998 г. другой подобный памятник культовой архитектуры начала XX в. в Самарканде возвращается верующим для использования по назначению. Этот значимый факт со стороны местных властей явился импульсом для рождения городского Польского культурного центра.

Потянулись к духовной жизни в Средней Азии и атеистичные ранее корейцы. Протестантские корейские молитвенные дома появились во многих городах и селениях Узбекистана. Уникальное здание корейской церкви украшает теперь центр Самарканда.

Отреставрированная в конце 80-х — начале 90-х гг. за счет государственных средств мечеть Панджоб в Самарканде передана местной иранской колонии. Под ее опеку отдали и мемориальный комплекс Мурад Авлия. Оба памятника были построены дедами и прадедами нынешнего поколения самаркандских иранцев. И естественно, что вскоре мечеть Панджоб стала не только религиозным центром, но и очагом духовного обновления узбекистанцев иранского происхождения. И, может быть, поэтому рожденный в 1990 г. Иранский культурный центр в Самарканде через пять лет официально прекратил свое существование и стал неформальным объединением, что, кстати, предусмотрено уставами НКЦ.

Казахский КЦ Ташкента уже на начальном этапе своего существования выделил средства на благоустройство мавзолея Калдыргач-бия, строительство которого связано с исторической личностью его народа.

Все без исключения культурные центры ведут научно-исследовательскую работу или систематизацию материалов по истории возникновения своих диаспор на территории Средней Азии, и в большей степени на узбекской земле. С докладами по данной тематике ученые и краеведы выступают на научных конференциях, по телевидению, в печати. Впервые были обнародованы результаты научных исследований по истории местных болгар, поляков и др. малых народов. Пробуждение интереса к своим истокам у многонационального населения Узбекистана налицо.

Активная и целенаправленная работа по сбору и публикации архивных

источников, проливающих свет на формирование этноса яхуди в Центральной Азии, ведется Бухарско-еврейским культурным центром в Самарканде. В 1991 г. в этом древнем городе состоялась научно-практическая конференция, посвященная 150-летию еврейского квартала “Восток”. Инициировали юбилей гузара Бухарско-еврейский КЦ и городской хокимият. К этой дате было приурочено издание небольшой, но первой, книжечки “Бухарские евреи в Самарканде” (автор — доктор ист. наук М. М. Абрамов).

9 декабря 1992 г. в ташкентском Доме учителя прошли краеведческие чтения “К истории малых народов Республики Узбекистан”, посвященные истории формирования в Средней Азии общины бухарских евреев. Инициаторами научного заседания стали Общество охраны памятников истории и культуры Узбекистана и Ташкентский бухарско-еврейский культурный центр.

Отличный подарок к вековому юбилею Ташкентской кирхи в 1996 г. получила немецкая диаспора — это два издания в сувенирной упаковке: “Из истории Евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии” и “100 лет Евангелическо-лютеранской церкви в Ташкенте”.

На средства Римско-католического прихода Ташкента издано два научных сборника, посвященных истории христианства в Средней Азии. В одном из них, в частности, впервые публикуются исследования по истории образования католической общины в Средней Азии. Исторические справки об узбекистанских поляках неоднократно в последние годы публиковались в местной периодической печати.

В марте 1995 г. вышел первый номер единственной ежемесячной армянской газеты в Среднеазиатском регионе “Луйс”, издателем которой является Самаркандский армянский КЦ. Информация дается на русском и армянском языках. В газете регулярно печатаются статьи по истории местной армянской колонии, рассказывается о замечательных людях города и области (врачах, экономистах, строителях и др.) армянского происхождения.

С августа 2000 г. в течение пяти месяцев в рамках международного канала Узбекского телевидения ежемесячно выходила программа на русском языке “Этюды об Армении”. Телепередачи велись при поддержке Ташкентского городского армянского культурного центра.

По инициативе НКЦ создаются общественные музеи. Например, в апреле 1992 г. в Ташкенте был открыт музей писателя Те Мен-ги — одного из представителей корейской национальности, ставших жертвой сталинских репрессий. А в декабре 1999 г. состоялось открытие музея поэтессы Анны Ахматовой.

РИКЦ прилагает все усилия к тому, чтобы избежать этнического обособления малых народов, проживающих в Узбекистане. Главными мероприятиями РИКЦ, объединяющими общественные движения в стране, являются государственные праздники — День Независимости, День Конституции, День Памяти и скорби и другие значимые даты в жизни Узбекистана.

Стало доброй традицией, когда все НКЦ, без исключения, принимают творческое участие в проведении весеннего праздника Навруз, в фестивалях народного фольклора. В праздничные дни, как правило, культурные центры рекламируют национальную кухню.

Большой интерес вызывает и приглашение к участию в экспозиционно-выставочной работе. Например, была проведена первая Республиканская выставка корейских художников.

Представители всех народов, проживающих в республике, приглашаются на национальные торжества, организуемые различными культурными центрами. Так, в октябре 1998 г. в городском парке Бухары весело провели время горожане, приглашенные на Сабантуй, организованный Башкиро-татарским КЦ. Казахский культурный центр ежегодно проводит состязания народных акынов. Международный фестиваль “Айтыс” собирает большое количество любителей этого вида искусства из числа коренных народов региона. Казахский культурный центр принимал участие в торжествах, посвященных 100-летию со дня рождения государственного деятеля С. Ходжаева, Турара Рыскулова, Сакена Сейфулина и др. 24 сентября 2000 г. в ташкентском парке Боги-Эрам Бухарско-еврейский КЦ принимал гостей по случаю наступающего 5761 г. по еврейскому календарю, а 22 декабря того же года в зале РИКЦ им было организовано торжество в честь праздника Хануки.

Нередко НКЦ объединяются для проведения юбилейных вечеров, посвященных творчеству известных деятелей культуры, внесших большой вклад в общемировой фонд духовных ценностей. И это символично. В прекрасном зале РИКЦ проводился вечер в честь знаменательной даты — 250-летия со дня рождения великого немецкого поэта, мыслителя и ученого Гёте. Его организовали Немецкий, Русский и Польский культурные центры. Здесь же проходил русско-татарский концерт в честь юбилея А. Тукая. Вообще Русский и Татарский КЦ часто организуют совместные мероприятия, демонстрируя давние исторические связи.

Начиная с 1994 г., каждую весну в Ташкенте отмечается День славянской письменности. По традиции праздник готовится сообща тремя диаспорами — русской, белорусской и украинской. 24 мая 2000 г. этот памятный день отмечался особо торжественно, т. к. совпал с предстоящим юбилеем — 2000-тысячелетием христианства. Этой дате и была посвящена научно-практическая конференция на тему: “Духовность на рубеже тысячелетий”. По ее итогам были изданы тезисы докладов и сообщений.

Представители разных народов Узбекистана принимали активное участие в различных мероприятиях, организованных НКЦ и приуроченных к юбилеям поэтов мирового масштаба — Фирдоуси, Джамии, Мицкевича, Пушкина, Есенина и др.

Крымско-татарский национальный культурный центр г. Ташкента в марте 2001 г. организовал Вечер памяти выдающегося деятеля культуры и просвещения Исмаила Гаспринского (150-летию со дня рождения).

Туркменский КЦ в июне 2001 г. отметил День поэзии Махтумкули.

Подтверждением наличия баланса в межнациональных и межконфессиональных отношениях в Узбекистане являются такие факты, как участие армянских музыкантов в мероприятиях, проводимых Азербайджанским КЦ. На празднествах Русского культурного центра и других объединений часто звучат русские романсы в исполнении одного из ведущих мастеров узбекской сцены Куркмас Мухитдинова. На восстановлении армянской молельни в Самарканде трудились строители не только армянской, но и других национальностей и верований. То же самое можно сказать о реставрации и строительстве культовых зданий других конфессий, переданных НКЦ. На церемонию по случаю векового юбилея Ташкентской кирхи пришли служители главных религий страны.

Продукцию издательской деятельности НКЦ — листовки, плакаты, буклеты, малотиражные газеты, информационные бюллетени, научно-популярные сборники, монографии читают не только представители своих диаспор. Можно сказать “до дыр” зачитывается ежемесячный информационный бюллетень “Шалом” Ташкентского еврейского культурного центра. Из рук в руки передаются и подшивки газеты “Луйс” Армянского КЦ, “Вестник РКЦ” и Пушкинский информационный бюллетень Русского культурного центра и др. Теперь читатели национальной прессы могут изучать характер других народов, с которыми живут по соседству, как бы изнутри. И это доброе любопытство, ибо, чтобы знать свой народ, нужно знать культуру и ментальность других народов. Все вышеприведенные факты из повседневной жизни НКЦ свидетельствуют о нормальном климате межнациональных отношений в стране. Проблемы национальных центров постоянно освещаются в газете НКЦ “Бирлик-Единство”. Уже издано около 70 номеров.

Статьи по истории образования отдельных меньшинств в крае, подготовленные узбекистанскими авторами, получили большой резонанс и в зарубежной печати. Парадоксально, но факт, что в Республике Корея до 1990 г. почти ничего не знали о существовании в Узбекистане солидной диаспоры их соотечественников, насчитывающей 183 140 тыс. человек (по переписи 1989 г.)

Когда в начале 90-х гг. “стена молчания” была снесена, одно из белых пятен в истории корейского народа исчезло. За прошедшие 10 лет было издано несколько монографий (на русском и корейском языках), подготовленных видными корейскими учеными и журналистами Узбекистана.

Как было сказано выше, цели и задачи НКЦ в абсолютном большинстве схожие, в то же время есть у них и свои этнокультурные заботы. Если Бухарско-еврейская диаспора, при продолжающейся миграции их соотечественников в Израиль и США, озабочена прежде всего тем, как сохранить памятники своей истории и культуры (кладбища, синагоги, жилые дома — памятники народного зодчества и т. д.) и созданием летописи дел своих лучших земляков (Самаркандский Бухарско-еврейский центр на эту тему уже издал три книги: “Люди, годы, факты” (изданные в 1993 и 1999 гг.); ашкеназский КЦ — развитием национального самосознания членов своей

Иллюстрация
удалена в целях облегчения интернет-версии

Фрагмент печатного органа Ташкентского бухарско-еврейского культурного центра.

общины и просветительской деятельностью (открыта национальная библиотека), то солидная корейская диаспора старается еще более сплотиться вокруг созданной Ассоциации корейцев и прочно обустроиться на узбекской земле.

По ходатайству Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана правительство республики открыло в 1992 г. при Государственном институте искусств отделения по подготовке корейских артистов драмы и кино, режиссеров кукольных театров, а при Ташкентском институте востоковедения в 1993/94 уч. г. создало факультет “Экономика, филология и история Кореи”.

Наличие в республике такой крупной корейской диаспоры сыграло положительную роль в развитии всесторонних связей с Республикой Корея, а значительные вливания южнокорейского капитала в экономику Узбекистана стали надежной опорой для местных корейцев.

Время вносит свои коррективы в организационные статьи Устава РИКЦ и НКЦ: в 1996 г. была зарегистрирована Ассоциация “Русская культура” г. Термеза, а несколько позднее — центры Славянской культуры в Сырдарьинской и Ферганской областях, над которыми шефствует РКЦ.

Процесс оформления новых общественных структур национального типа в Узбекистане продолжается. Так, первенцем нового тысячелетия стал Китайский культурный центр, родившийся летом 2001 г.; организационную стадию проходят польские культурные центры в Бухаре и Хорезме, Крымско-татарское объединение — в Бухаре; ведется подготовительная работа по созданию Молдавского КЦ.

К сожалению, из-за недостаточной пропаганды деятельности НКЦ по телевидению, радио и печати не охвачены еще значительные резервы национальных меньшинств. К числу недостатков, заметно тормозящих становление центров в глубинке, следует отнести неиспользование в полной мере интеллектуального потенциала диаспор меньшинств, отсутствие достаточных средств, а иногда и помещений. Имеются проблемы с углубленным изучением родного языка, открытием общественных театров, молодежных

клубов и реализацией других форм деятельности НКЦ. Особенно актуально стоит вопрос о финансовой поддержке программы по изучению государственного языка.

Наиболее динамично трудятся те культурные центры, которые экономически и морально поддерживаются со стороны своей исторической родины (Корейский, Немецкий, Еврейский, Русский, Польский, Украинский и др.).

Важное значение для НКЦ имеет предоставление возможности его активу (в т.ч. и детям) посещать исторические земли предков, а также принимать ответные визиты работников культуры, образования, экономики, других общественных деятелей этих стран в Республику Узбекистан. Летом 2000 г. в Ташкенте, Самарканде и Бухаре успешно гастролировал музыкально-танцевальный коллектив американской бухарско-еврейской общины. Все артисты — бывшие соотечественники.

Таким образом, можно констатировать определенные успехи в деятельности национальных культурных центров. По данным РИКЦ, за восемь лет в Центре проведено более 700 крупных мероприятий.

21 сентября 2000 г., в десятую годовщину Ташкентского городского культурного центра немцев состоялось торжественное открытие Немецкого Дома, построенного с помощью германской стороны. Особенно радовались такому щедрому подарку немецкие молодежные творческие коллективы (театральный, танцевальный и др.), которым в будущем предстоит не только показывать миру свои таланты, но и демонстрировать возможность этническим меньшинствам независимого Узбекистана свободно жить и развиваться.

Л. И. Жукова

Литература

Джаббарова Э.М. Национально-культурные центры Республики Узбекистан: Начальный период деятельности. Ташкент, 1998.

Ким П. Корейцы Республики Узбекистан. Ташкент: Узбекистон, 1993.

Мунавваров З. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Узбекистане // Народное слово. 1997. 26 августа.

Мустакил Узбекистонда фукарорларнинг элатлараро ва конфессиялараро муносабатлари. (Межэтнические и межконфессиональные отношения граждан в суверенном Узбекистане). Ташкент, 1999.

Узбекистан на пути межнационального согласия. Ташкент, 1966.

ЭТНИЧЕСКИЕ КЛАДБИЩА В УЗБЕКИСТАНЕ

Важнейшим этноконфессиональным компонентом быта народов являются кладбища. В обряде захоронения сохранились наиболее консервативные элементы духовной культуры, архаические черты истории культов. Кладбища различаются, прежде всего, по конфессиональным признакам (мусульманские, христианские, иудейские и др.) с социально-культурным и возрастным вариантами (кладбища “Науканда” у мавзолея Саманидов в Бухаре, суфа Шейбани-хана в Самарканде, семейная усыпальница Чор-Бакр в Бухаре — для знатных или компактные детские захоронения на ряде мусульманских мазаров), идеологическим (Коммунистическое кладбище в Ташкенте), в связи с отдельными историческими событиями (захоронения военнопленных первой и второй мировых войн, участки с могилами воинов-интернационалистов), погребения специфического назначения (эпидемического характера, тюремно-репрессивные, с конфессиональными отклонениями) и др.

Более распространены захоронения по религиозному признаку, так как принадлежность к определенной вере определяет и быт, и обряды, в том числе погребальные.

Вторыми по значимости после конфессиональных признаков являются этнические. Они присутствуют в материальной культуре и погребальном обряде, и известны еще со времен Авесты. Территория современного Узбекистана всегда была притягательной для многих народов. Этническое разнообразие начало складываться в средние века¹. В качестве примера можно отметить упоминание о негре-невольнике в самаркандских вакуфных документах XVI в. И при этом здесь не наблюдалось этноконфессиональных конфликтов.

Существенную роль сыграло то обстоятельство, что коренное население региона, исповедующее ислам суннитского толка, всегда отличалось толерантностью и доброжелательностью к соседствующим меньшинствам.

И все же этническая обособленность, особенно в связи с религиозной ориентацией, в стране сохраняется. Впрочем, подобное явление характерно для населения всего мира.

¹ Большую информацию о конфессиональном и этническом составе городского и сельского населения дают эпитафии на надгробных камнях-кайраках — наиболее массовой категории намогильных памятников начиная с XI в.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

С приходом в Среднюю Азию арабов здесь появляются мечети и мусульманские кладбища. Начинают играть важную роль мазары — места погребения святых и особо почитаемых представителей мусульманского духовенства. Пример тому — культово-мемориальные комплексы Шахи-Зинда в Самарканде, Каффаль-Шаши в Ташкенте, Миздахкан в Каракалпакстане и др.

В середине XIX в. на мазарах Самарканда и в его округе покоились тысячи святых, часть из них раньше были местами еще доисламских культов. Подобная картина характерна и для других регионов страны.

Кладбища формировались, как правило, на границах городов и поселений, а затем, в связи с разрастанием последних, часто оказывались внутри городской черты. С точки зрения санитарии, в некоторых старых городах ситуация оказывалась просто критической. «К началу XX в. в Бухаре, внутри городских стен, в гуще базаров и жилых кварталов, оказалось 17 кладбищ и за стенами — еще семь. На кладбище Туркиджанды в центре города могильные склепы, наползавшие друг на друга в несколько ярусов, устраивали уже без грунтовых могил, и трупы, заключенные в “сагона”, оставались фактически на воздухе. Сотни тысяч могильных склепов подступали к жилищам. В черте города кладбища были на каждом шагу. Мертвые буквально теснили живых. За стенами города кладбища окружали все главные подступы”¹.

Шейхантаурское кладбище — самое популярное святое место Ташкента в XVI в., здесь хоронили местную аристократию. Начало формироваться в пригороде, среди усадеб зажиточных горожан. К началу XX в. это был уже огромный комплекс памятников, включавший купольные ворота, хаузы, мечети, мавзолеи и медресе.

В числе широко известных историко-мемориальных памятников страны — усыпальница кокандских ханов. В 30-е гг. XIX в. была построена мужская усыпальница Дахма-и Шахон. На фамильном кладбище находится мраморная плита надгробия Омар-хана. В 1825 г. Мадалихан воздвиг усыпальницу в память своей матери, жены Омар-хана — Надиры. Вокруг мемориальных построек за полуторавековой период разрослось многоярусное кладбище.

В среднеазиатских городах, помимо пригородных кладбищ, особые захоронения имелись внутри жилых кварталов (махалля). Небольшие мазары подчас теснились и между домами.

По сведениям академика М. Е. Массона, в Карши в конце XIX в. отдельные некрополи, иногда с намогильными плитами, встреча-

¹ Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Ташкент, 1992. С. 47.

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Шейхантаурское кладбище в Ташкенте.
Почтовая открытка начала XX в.

лись даже внутри домов. На участке собственного дома разрешалось хоронить и в позднефеодальное время.

Необычный похоронный обряд с наземным способом захоронения не носит этнического признака. По мнению этнографа Н. П. Лобачевой, нетрадиционная форма могил является отголоском зороастрийской религии. В то же время имеет место и другая, более прагматичная точка зрения, что подобный характер погребения в Хорезме, Бухаре и ряде других районов диктуют интенсивно поступающие здесь грунтовые воды.

Начиная с X в. в Средней Азии развивается традиция хоронить членов семьи на территории огороженного фамильного участка, получившего название “хазира”. Нередко на территории погребального комплекса возводились скромные ритуальные постройками.

По сведениям ученых Б. Бабаджанова и Л. Некрасовой, хазира особенно широко были распространены в Бухаре и ранее всех появились именно здесь. И в наши дни более или менее зажиточные люди стараются выкупить на кладбищах участки для одной семьи и, по старой традиции, огородить их, обустроить особое место для чтения Корана.

Крупные мазары поддерживались за счет доходов от вакуфных владений, и в богоугодное дело колониальные власти Туркестана не вмешивались. Не было резких изменений в политике Советской власти по отношению к исламу в первые годы ее существования.

ния.

В 1927 г. в Ташкенте по проспекту Фараби было образовано кладбище (пл. 5 га) с приметами нового времени. Здесь похоронены известные государственные деятели — Усман Юсупов, М. Айбек, Гафур Гулям, Абдулла Каххар, Ширин Мурадов, Урал Тансыкбаев, Батыр Закиров. Камалан-мазар основан в XVIII—XIX вв. (пл. 7,3 га). Похоронены: писатель Абдулла Кадыри, поэт Хабиби, драматург и поэт Хуршид. На мазаре Вилоят покоится прах А. Шарафутдинова — автора учебника для узбекских школ “Алифбе”.

Однако в 20—50-е гг. прошлого столетия многие известные культово-мемориальные комплексы при перепланировке городов сильно пострадали и сохранились лишь частично. Так, после 1924 г. произошла перепланировка Шейхантаура, он постепенно растворился в ансамбле улицы Навои. В Самарканде было уничтожено известное кладбище святых и ученых райсов — Чакардиза.

Памятники этого типа, находящиеся в сельской местности (особенно в горах), оказались в несколько лучшем положении. Очень древнюю основу имеет исторический комплекс Хусам-ата в кишлаке Фудина (XI—XIX вв.) в Кашкадарьинской области (в 15 км от Карши). По данным Л. Ю. Маньковской, святой Хазрети Хусам-ата, умерший в конце XI в., был выходцем из Мекки, проповедовал ислам и стал основателем данного селения.

В северо-западных районах Узбекистана на территориях мусульманских мазаров можно встретить тутовые деревья, которые местные жители почитают, верят, что в деревьях живут души их предков. Возможно, легенда отчасти связана с изменением цвета древесины (в темно-розовый) при надрезе тутовника.

В настоящее время почти не наблюдается различий в погребальных обрядах двух самых больших мусульманских народов в стране — узбеков и таджиков. Хоронят на общих мазарах, но всегда предпочитая фамильные. Особенно этого неписанного правила в Узбекистане придерживаются локальные группы таджиков.

Например, таджики Сариасии делятся на две группы. Представители одной из них известны как кухистони — горные. Они проживают в кишлаках Гурут, Шотрут, Карм, Таммуш, Чош и др. Сто лет назад таджики-кухистони делились на родовые группы (авлод) и занимали отдельные территории на кишлачном кладбище.

Выходцы из горных таджикских селений Байсун, Дербент, Сайроб и др. и поныне твердо придерживаются традиции погребать по месту рождения своих предков, даже если придется вести прах из далекого далека. Хоронят на общих мусульманских кладбищах, но приглашают могильщиков таджикской национальности.

С 1854 г. в южной части канала Мулькдор (Турткульский район) отдельными родовыми группами начали оседать туркмены-атинцы. Вполне понятно, что здесь появились и их родовые кладбища. Современные памятники этой группы выглядят так: вокруг могилы одного из старшин племени располагаются могилы рядовых его членов, бросается в глаза “лес” из воткнутых носилок для умерших. И поныне туркменки, идя на похороны, набрасывают на голову скром-

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Фрагмент современного мусульманского кладбища, г. Ходжейли, Каракалпакстан.

Из архива А. А. Жолдасова

ный бюренджек (или ектан) — халат-накидку.

У каракалпаков родовые мазары в большинстве случаев находятся вблизи аулов и часто возникают рядом с мазаром святого покровителя данной округи.

В Тахтакупырском районе, у поселка Кара-Узьяк находится обширное каракалпакское кладбище Отегу-аулия. Здесь расположены две могилы известного исторического деятеля середины XIX в. Ораз-аталыка и его сына Ауэз-аталыка. В конце 1950-х гг. ученые Хорезмской археолого-этнографической экспедиции зафиксировали на некрополе разные типы могил. Особенно самобытны большие семейные надгробия, окруженные высокими оградами из битой глины. Забор украшен резным орнаментом, увенчан на углах башенками “конгра”.

Большой популярностью у жителей Каракалпакстана пользуется старинное кладбище Наринджан-баба близ Турткуля. На его территории в 1958 г. в возрасте 82 лет похоронен выдающийся исполнитель памятников эпического творчества каракалпаков — Курбанбай Тажибаев.

В Нукусе и других крупных городах Каракалпакстана большинство мусульманских мазаров, с этнической точки зрения, смешанного типа.

Особенность облика каракалпакских кладбищ — это воткнутые в землю табуты — носилки, на которых переносилось тело покойного

к месту захоронения. По местным поверьям, у каждого человека имеется хоть какой-нибудь грех, и использование его носилок-гробов для последующих захоронений означало бы передачу его грехов новому покойнику. Кстати, традиция втыкать в холм могилы табуты существует у всех мусульманских народов, населяющих Хорезм. Помимо вышеприведенной версии, существует и другая: по этим лестницам душам умерших легче попасть в мир иной¹.

Казахи исповедуют суннизм ханифитского толка, характеризующий терпимостью к инакомыслию, и поэтому на узбекской земле они выбирали для своих покойников близлежащие мусульманские кладбища, хотя всегда старались занять собственные родовые некрополи на целинных просторах.

Широко известен казахский мазар Даут-ата в Кунградском районе с примечательными надгробными сооружениями. В прошлом столетии в этом регионе активно шел процесс метизации казахов и каракалпаков, повторяющийся из поколения в поколение, и поэтому как бы растворившихся друг в друге. Отсюда и смешение традиций в похоронных обрядах, поклонение одним и тем же святым.

В южной части Турткульского района более века тому назад поселились казахи — выходцы из Кзыл-Орды и Актюбинской области. Но основная часть казахских поселенцев переехала сюда из-под Казалинска в голодные 30-е гг. прошлого столетия. На местном кладбище сохранились старинные казахские надгробья, несущие отпечаток материальной культуры их исконных земель.

Казахи, проживающие на юге Казахстана и в Ташкентской области, более всего почитают ташкентский мавзолей Калдыргач-бия (I пол. XV в.), построенный на территории бывшего Шейхантаурского кладбища. Из двух легенд, проливающих свет на его историю, нам привлекательна та, согласно которой постройка названа в честь казахского бия по имени Толебий из рода дулат, правителя Старшей Орды (первая половина XVIII в.). В народе его прозвали “Калдыргач” (“Ласточка”).

Наружный шатровый купол пирамидальной формы на высоком 12-гранном барабане характерен для строений степных кочевников. По словам одного из первых исследователей памятника Г. А. Пугаченковой, “они словно имитируют родные края Калдыргач-бия, горные пики Тянь-Шаня и Алатау”. По мнению ученого, “происхождение формы шатровых мавзолеев связано со стародавними погребальными обычаями народов, населявших северные районы Средней Азии, чем объясняется и удивительная стойкость в них этой формы, применявшейся еще в недавнее время в надмогиль-

¹ Внутри конфессионально комплектуемых комплексов выделяются и профессиональные элементы. Так на одном из каракалпакских мазаров в окрестностях Нукуса известный кинорежиссер А. Кабулов отметил группу могил, расположенных несколько в стороне от других. Кладбищенский сторож пояснил: “Здесь покоятся заргары. Их всегда хоронят отдельно, ибо человек, имеющий дело с золотом, честным быть не может”.

ных сооружениях киргизов и казахов”.

В начале XIX в. в народе ходили слухи, будто некий похороненный в мавзолее Калдыргач-бия покойник не был по-настоящему правоверным мусульманином и погребен с некоторыми отступлениями от принятого ритуала. Для проверки слухов один из кокандских правителей города однажды ночью с помощью сторожа шейхантаурского медресе Ишанкула-датха произвел в мавзолее вскрытие одной из сагана при мерцающих свечах, держать которые поручили мальчику 12 лет. В сагане тогда обнаружили запрятанный под подушку кинжал, украшенный самоцветами, что действительно несовместимо со строгими требованиями ислама. Однако находку оставили на месте, а сторожу правитель строжайше запретил говорить о содеянном. Потом сторож куда-то исчез. Много лет спустя при ремонтных работах внутри мавзолея участвовавший при вскрытии сагана мальчик, достигший уже почтенного возраста, попытался достать припрятанный кинжал, но там его не оказалось. Об этом он перед смертью, будучи глубоким стариком, рассказал своему сыну¹.

Таким образом, история памятника пока до конца не раскрыта.

Небезынтересный факт: в первой половине XIX в. в окрестностях Ташкента существовало кладбище Чала-казак (“чуть-чуть каз а х ”). По-видимому, в крае имелись и обособленные кладбища Чала-яхуди.

Ныне в Узбекистане проживает более 230 тыс. киргизов. Активная интернационализация и урбанизация в последние 50 лет, а также ассимиляция привели к тому, что узбекистанские киргизы хоронят своих соплеменников на общих мусульманских мазарах с соблюдением всех местных традиций внешнего оформления могил.

Обследование 1958—1961 гг. хорезмским археолого-этнографическим отрядом Тахтакупырского района выявило небольшую (около 25 хозяйств) группу киргизов в местности Ешки улген, осевшую здесь 100—125 лет назад. Возможно, данная этнографическая группа имеет свое моногамное кладбище, запечатлевшее специфические национальные черты.

Узбекистанские дунгане живут в основном в Ташкенте, Ташкентской области, городах и кишлаках Ферганской долины. Они являются мусульманами-суннитами, придерживающимися двух толков-школ: “ло цзяо” и “синь цзяо”, т. е. ханифэ и шафии. В прошлом особо почитали проповедников, приехавших в Китай из Средней Азии, в частности из Бухары.

Этнограф Г. Г. Стратиневич, наблюдавший в 1954 г. похоронный обряд дунган северного Кыргызстана, делает вывод о его синкрети-

¹ Эти сведения были предоставлены академиком М. Е. Массоном Республиканскому правлению Общества охраны памятников истории и культуры Узбекистана в исторической справке о мавзолее Калдыргач-бия.

ческом тюрко-мусульманском происхождении, с одной стороны, и китайском — с другой. Но в каждой локальной группе дунган степень влияния течений разная.

Прежняя замкнутость дунганской общины, ее отличительные признаки в верованиях и похоронных обрядах сказывались на стремлении иметь разные с соседствующими мусульманами кладбища. В Оше, в районе Карасу, где в 1878 г. осела этнически смешанная группа дунган, существовало отдельное дунганское кладбище Салмазар.

В первые десятилетия Советской власти дунгане в местах их компактного проживания пользовались широкой культурной автономией. В послевоенный период (50-е гг. XX в.) начинается некоторая адаптация, стирание различий в похоронных обрядах дунган и представителей других местных национальностей. Теперь дунгане, проживающие в Узбекистане, хоронят на общих мусульманских кладбищах, но на отдельных картах.

Переселившиеся из Синь-Цзяна в Туркестан в XIX в. уйгуры хоронят своих соплеменников также на общих мусульманских кладбищах. Отдельных карт или отдельных участков на их территориях не имеют.

Вполне закономерно, что целый ряд историко-мемориальных комплексов Средней Азии связан со святыми арабского происхождения. Один из самых популярных — культовый ансамбль Шахи-Зинда в Самарканде. Согласно легенде, двоюродный брат пророка Мухаммеда — Куссам-бин Аббас проповедовал ислам среди неверных. Однажды в Самарканде во время проповеди он подвергся нападению и был обезглавлен, но, подняв голову с земли, Куссам удалился в пещеру, чтобы вернуться вновь, когда мир изменится к лучшему. Правоверные мусульмане верят, что он и поныне живет под землей. Могилу его почитают, а земля вокруг мавзолея стала местом захоронения самых богатых и авторитетных мусульман.

Согласно другому преданию, на самаркандском мазаре “Кизляр мовзие” также были похоронены арабские воины.

На протяжении многих веков в Среднеазиатском регионе происходила метизация арабов с местным населением. Одни из них уже говорят по-узбекски, другие — по-таджикски, и лишь незначительная часть сохранила родной язык. И нужно отметить, что за прошедшие полвека ничего не изменилось. Однако им все же удалось сохранить, хоть и частично, свои антропологические и этнографические черты. В литературе первой половины прошлого века не раз подчеркивалось, что арабы держатся несколько обособленно от остальных жителей, ревниво охраняют чистоту своей крови. В селениях они имели свои мечети — следы длительного проживания арабов на узбекской земле, в том числе и арабские мазары — показатель их компактного обитания в долине Зарафшана, низовьях Кашкадарьи и нескольких селениях Амударьи. У самаркандских и кашкадарьинских арабов до сих пор стойко соблюдается обычай хоронить своих соплеменников на родовых кладбищах. Наиболее последовательны в соблюдении старых религиозных обрядов арабоязыч-

ные жители Дейнау.

Представители татарской диаспоры, прибывшие в Туркестан, стремились в местах своего компактного проживания иметь этнические кладбища. Первые татарские (ногайские) мазары были заложены почти два века тому назад на землях Коканда и под Ташкентом, в местности Ногай-курган (ныне Сергелийский район), рядом с первыми татарскими колониями.

На границе XIX—XX вв. татарский некрополь образовался в Бешагачской части старого Ташкента, неподалеку от Татарской слободы. По сообщению Р. Г. Мукминовой, татарский мазар до 50-х гг. XX в. существовал в районе Ташкентской обсерватории. Другой действовал полвека назад на Бадамзаре. Татарский участок имеется и на столичном кладбище Ялангач-2. В Ташкенте в самом конце XIX в. была построена татарская мечеть, где верующие регистрировали рождение своих детей.

Погребальные обряды башкир во многом схожи с татарскими и узбекскими, но для их совершения приглашают своих мулл. Хоронят на общих мусульманских кладбищах. Отдельных карт или участков не имеют.

С крымско-татарским этносом связана одна из легенд о возникновении комплекса Хайрабад-ишан (XVIII в.) в бешагачской части Ташкента (теперь это район Катартал). По преданию, записанному Л. Ю. Маньковской, 300 лет тому назад крымскому татарину Хайрабаду голос во сне возвестил: “Завтра к порогу твоего дома придет белый верблюд. Садись на него и дай ему волю. И когда он остановится и ляжет, освой эту землю и живи там”. Утром Хайрабад сел на верблюда и долго ехал. Наконец верблюд остановился и лег на кургане, где сейчас стоят мечеть и мавзолей”. Вокруг комплекса расположилось кладбище, которое давно уже не действует и заросло травой. Правда, следует отметить, что это предание мало связано с этнической действительностью. Отдельные захоронения крымских татар за последние пятьдесят с лишним лет возникли на мазарах в Чиназе, Янгиюле, Чирчике, Ташкенте, Беговате, Ангрене, Фергане, Кувасае, Самарканде, Бухаре, Андижане. В Ташкенте небольшой локальный участок имеется на кладбищах Ялангач-2, Келесском и Урта-Сарайском. Захоронения отличаются своей ухоженностью. На надгробных плитах арабским шрифтом или кириллицей на крымско-татарском языке обычно, помимо общепринятых сведений об умершем, указывается его место рождения в Крыму.

У кавказских народов отношение к местам захоронения своих предков всегда было особым. За соблюдением древних традиций пристально следят почтенные старцы. “Табасаранами рождаются, арабистами становятся”, — говорят на Северном Кавказе (т. е. к старости делаются религиозными). Эти меткие слова правомерны и для аварцев, и чеченцев, и ингушей.

Похоронные обряды у мусульманских народов Дагестана, проживающих на территории Узбекистана, имеют некоторые национальные отличия. Родственники при возможности стараются пе-

ревозит прах близких на родину их предков.

Представители диаспор народов Северного Кавказа, являющиеся суннитами шафиитского толка, имеют тенденцию хоронить своих соплеменников на мусульманских мазарах в границах малых этнических некрополей. Например, уже четверть века существует дагестанский локальный участок на старом узбекском кладбище Минор в Ташкенте. Компактные участки захоронений чеченцев, ингушей появились в конце 40-х гг. в округах хозяйств Сырдарьинской и Ташкентской областей. А в поселке Баяут-3 Сырдарьинской области карачаевское кладбище, образованное еще в середине 1930-х гг., действует и поныне. На семейно-клановых участках мазара производят захоронения своих родственников не только жители ближайших районов, но и представители карачаевской национальности других областей, отцы и деды которых ранее трудились в этих краях. На могильных плитах горских народов часто начертаны выдержки из Корана (аяты) на арабском языке. В последние десятилетия на надгробиях стали помещать портреты усопших. Впрочем, эта “мода” распространилась на памятники большинства этнических кладбищ.

В наши дни в мусульманских обрядах наблюдается постепенный возврат к основным установлениям ислама, согласно которым погребение должно быть скромным.

Турки, осознающие свое конфессиональное единство с коренными мусульманскими народами региона, хоронят земляков, как правило, рассеянно на общих кладбищах. В сельской местности у турков бытуют и другие традиции. По сообщению тойтубинской турчанки, всех умерших родственников их рода везут хоронить в фамильный местный некрополь мусульманского кладбища. Такой “дворянской привычки”, по словам информатора, придерживаются многие турки-односельчане.

В XX столетии в областях Узбекистана курды-переселенцы — выходцы из Передней Азии проживали в основном в сельской местности небольшими группами (в Янгиюльском и Аккурганском районах Ташкентской области, Самаркандской области и т. д.). В 50-е гг. их число несколько пополнилось за счет мигрантов из Казахстана и Туркменистана. Но позднее немало их выехало за пределы республики. Поэтому компактные группы захоронений курдов в Узбекистане не известны. Например, известного деятеля кино Клару Гельдыеву похоронили на Чиланзарском кладбище, недалеко от киностудии¹. Тем более что их вероисповедание (сунниты шафиитского толка) почти полностью совпадает с вероисповеданием местных мусульман, имеется лишь небольшая разница в похоронном обряде. Исключение составляет кладбище курдов (25 захоронений) в Алмазаре (в окрестностях Ташкента). Со слов информатора Салиха Ахмеда Бахши, здесь были погреблены курды из отряда Мустафы Барзани, который базировался в этой местности. Впоследствии

¹ Здесь захоронена целая плеяда известных кинематографистов Узбекистана (Латиф Файзиев и др.).

вокруг курдских захоронений появились могилы узбеков, татар и других мусульман.

Среднеазиатские исламизированные цыгане всегда живут автономно от других рядом проживающих народов и мало посвящают посторонним в свою духовную жизнь. Хоронят по мусульманским обычаям, на отдельных кладбищах, если живут в сельской местности (например, в Янги-Базаре Ташкентской области) и на выделенной территории на мусульманских мазарах, но разделенных нейтральными полосами.

В Ташкенте, в квартале Сагбан в позднефеодальный период сложилась цыганская махалля Очават. И до сих пор в старгородской части столицы живут люди и имеют свой этнический участок на сагбанском мазаре, расположенном в северо-западной части Ташкента (осн. в 1880 г., пл. 3,5 га). Цыганские некрополи функционируют в районах Куйлюкского и Келесского жилмассивов.

В XVI—XVII вв. в Средней Азии постепенно начали расти и колонии индийских мусульман.

Согласно сообщению Бадриддина Кашмири, Абдулла-хан II после возвращения из похода в Северную Индию подарил одному из джуйбарских шейхов четырех плененных мастеров резьбы по камню. Каменотесы занимались изготовлением не только архитектурного декора, но и высокохудожественных надгробий. Выходцы из Индии либо уже являлись мусульманами, либо их заставляли принять ислам. С темой данного очерка переплетается история сложения самого большого мазара в Ташкентской области. Мусульманское кладбище находится в Бекабадском районе, в кишлаке Токачи. На его территории в XVI—XVII вв. был возведен мавзоль Кызыл-мазар. В литературе опубликованы два предания, раскрывающие мотивы строительства памятника, и оба посвящены основателю династии Великих моголов — Захириддину Бабуру. Одно из них связано с Индией. Согласно этому преданию, в местности Токачи состоялась многодневная битва между войском Бабура и андижанцами. Наиболее отважно сражался воин, оказавшийся на самом деле прекрасной индианкой. К сожалению, девушка, покоровшая сердце султана, погибла в бою. Опечаленный Бабур распорядился в память о ней поставить на месте сражения мемориальный памятник.

Большая часть выходцев из Индии являлись индуистами. Своих покойников они сжигали. Для кремации отводилось специальное место. Во время совершения обряда по просьбе самих колонистов присутствовали представители местной администрации, дабы избежать непредсказуемых поступков со стороны местных мусульман, считавших сжигание трупа поруганием человеческого праха.

Выходцы из Индии, исповедовавшие ислам, имели свои небольшие кладбища (возможно, поблизости от местных мусульманских). До сих пор старики Андижана помнят о существовании в прошлом “хинди мазара” в Алтынкульском районе.

В конце XIX в. большой интерес к погребальным обрядам индийских мусульман проявляло не только коренное, но и европейс-

кое население. Так, в 1894 г. на траурной церемонии индусов присутствовало все русское чиновничество во главе с градоначальником.

Объекты религиозно-культурного характера часто в своих названиях имеют компонент “ота” (отец). Например, Занги-ата, Чупан-ата, Араб-ата, Кучкар-ата, Эвой-ата и т.д.

Верующие мусульмане во время различных обрядов совершают поездки к священным мазарам, где режут овцу, козу или птицу.

У этнических иранцев, являющихся шиитами, сохранились некоторые традиционные обряды, в частности при погребении, хотя длительное суннитское окружение максимально сблизило их с обычаями коренных народов — мусульман-суннитов. Исполнение ашур из специальных домов перенесено в частные дома пожилых верующих иранцев.

В Бухаре имеются три иранских кладбища, все они находятся за чертой феодального города. Это некрополь Чортук (за воротами Талипоч), Каракуль (за одноименными воротами) и Пахоль. Каждое из них сложилось, соответственно, вблизи старого иранского квартала.

Как установила Ф. Д. Люшкевич, у бухарских иранцев “в месяц раджаб считается богоугодным делом приводить могилу в порядок: поверхность ее выравнивают, сверху кладут камень и обмазывают его алебастром. Благоустроенная могила называется мираки”. При этом, по словам этого же исследователя, предпочтение всегда отдавалось подземным захоронениям, чем сагона.

В Самарканде наиболее древнее кладбище с иранскими захоронениями — Панджоб (XVII—XVIII вв.), расположено вблизи одноименного медресе. А со слов информаторов Мухаммадали Ахметова и Али Багирова, данное кладбище носит и другое название “Кизляр-мавзи” в память о семи девах, похороненных здесь в VII в. В 1976 г. на мазаре состоялось перезахоронение праха известного просветителя Саида Риза Али-заде. В 30-е гг. он был репрессирован. Умер в г. Владимире (Россия). Действующее кладбище находится на улице М. Миршарапова. Благоустроительные работы произведены на старинном мемориальном комплексе Авлие Мурад.

В Андижане иранский некрополь долгое время действовал в районе кирпичного завода.

Азербайджанцы-шииты, несмотря на заметную адаптацию к местным обычаям, хоронят своих земляков на отдельных картах мусульманских мазаров. Особенно большие карты азербайджанских погребений представлены на Яккасарайском кладбище в Ташкенте, на Алмазарском в Ташкентской области и близ поселка Бахт в Сырдарьинской области, в г. Самарканде (Янги Равот).

Заканчивая данный раздел, необходимо отметить, что до 1917 г. на мазарах регистрационные книги отсутствовали. Процент смертности мусульманского населения, особенно среди городских жителей, установить невозможно, так как, согласно требованиям Корана, никаких записей не вели.

ХРИСТИАНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

Согласно свидетельствам письменных источников, в Бухарском и Хивинском ханствах российские граждане — пленные и откупившиеся от своих хозяев вольные (правда, не имевшие при этом права возвращаться в свое отечество), проживали уже в конце XVIII — начале XIX в.

Отсюда следует, что здесь должны были функционировать и христианские некрополи. Однако никаких письменных свидетельств и материальных следов их присутствия в крае пока не обнаружено.

Первые крупные христианские захоронения в казахстанско-среднеазиатском регионе появляются в период завоевания края Россией. Вначале, как обычно бывает во время военных столкновений, это были братские могилы, разбросанные на местах сражений.

Первый русский некрополь на территории нынешнего Узбекистана появился в 1865 г. на холме Шор-тепе (восточнее жилмассива Карасу), где 9 мая произошло первое сражение между войсками генерала Черняева и ташкентцами (Кокандского гарнизона). Православный обряд захоронения 25 русских воинов был произведен по всем православным канонам военным священником — протоиереем Андреем Маловым. В последующем здесь организовалось поселковое христианское кладбище, действующее и поныне.

В Ташкенте частично сохранилась часовня на месте братской могилы воинов, павших в 60-е гг. XIX в., которая поставлена вблизи Камаланских ворот, рядом с одноименным мазаром.

На окраине Ташкента в 1860-х гг. солдатское кладбище появля-

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Мемориальная стела в Самарканде.

Почтовая открытка конца XIX в.

Фотография
удалена в целях облегчения
интернет-версии

На христианском кладбище № 1
(Боткинское), г. Ташкент.

Фото Анатолия Рахимбаева

ется рядом с военным госпиталем. Здесь была построена сырцовая церковка, освященная 30 сентября 1871 г. во имя св. Пантелеймона. 25 июля 1897 г. здесь состоялось захоронение тела графа Н. Я. Ростовцева. В начале XX в. кладбище было закрыто.

Затем братские могилы русских воинов появились по пути продвижения царских войск в глубь Туркестана — в Джизаке и Самарканде (май 1868), а чуть позднее — и на окраине города Карши. Над могилами устанавливались скромные памятники. Ныне многие захоронения того периода перенесены на городские христианские кладбища.

История христианских кладбищ в Узбекистане, по существу, начинается после включения большей части Туркестана в состав Российской империи. Почти 140 лет тому назад здесь возникают первые русские поселения и русские кварталы в городах Ташкенте, Самарканде, Джизаке, Маргелане, Андижане, Коканде и др.

В первые годы христианские некрополи располагались в черте городов, но потом стали переноситься за их границу. Причем выбор места для городских кладбищ не был случайным. Район их размещения продумывался градостроителями, что подтверждают проекты планов русских городов и крупных населенных пунктов.

Содержание и охрана некрополей находилось на городском бюджете. Большие кладбища поддерживали монастыри. На некоторых из них были возведены внушительные православные храмы. Но в большинстве случаев это были часовни. Состоятельные горожане приобретали купчие на землю для семейных склепов и захоронений.

Сельские некрополи своим благолепием не отличались. Чиновник особых поручений (впоследствии известный писатель) В. В. Крестовский, проезжая мимо селения Чиназ, расположенного на старинном тракте Ташкент — Самарканд, в путевом дневнике зафиксировал, что местная церковка “снаружи схожа более на провинциальный склад, чем на церковь”, а русское кладбище, где торчат несколько деревянных шестиконечных крестов, обнесено глинобитной стеной.

Туркестанский край к началу XX столетия отличался пестро-

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Ксендз читает заупокойную молитву на братской могиле солдат Польской армии генерала Владислава Андерса. Янгиюльский район, Ташкентская область. *Из архива Ассоциации “Полоний”*

той состава населения. Необходимо отметить, что хотя православие и было провозглашено официальной религией империи, предпочтения в ней сочетались с веротерпимостью. С приходом российской армии и чиновничества в крае появилось немало лютеран (немцев, прибалтов и др.), католиков (поляков, литовцев, белорусов, украинцев, немцев) и армян-григориан. Некоторые из них (евреи, немцы, поляки, татары и др.), желая стать равноправными туркестанцами, принимали православие.

Смертность среди лиц православного вероисповедания отмечалась в метрических книгах здешней приходской церкви по свидетельствам о смерти, выдаваемым врачами. Такого же порядка придерживались армяне-григориане, католики и лютеране.

История славянских диаспор (русской, украинской, белорусской) в какой-то мере нашла отражение в памятниках историко-мемориального характера. Одним из наиболее значительных и уникальных мемориалов является ташкентское кладбище № 1, больше известное в народе под названием “Боткинское” (расположено рядом с ул. Боткина). Улица, ведущая к нему (мимо “Польского костела” и Кадетского корпуса), носила название Дачной. Обширная территория некрополя площадью 40 га разместилась рядом с пригородными землями купца Иванова. Коммерции советник

Н. И. Иванов пользовался особым уважением со стороны пастырей Туркестанской епархии, поскольку в течение 25 лет, прожитых им в крае, неоднократно жертвовал значительные средства в пользу Русской православной церкви. Похоронен на Боткинском кладбище, вблизи храма Александра Невского, построенного в период 1902—1905 гг. на средства военного ведомства Туркестанского края. Первым культовым сооружением некрополя является часовня “Всех скорбящих радости”.

Созданное в начале 70-х гг. XIX в. христианское кладбище заметно разрослось. Могильные ограды плотно прилегают друг к другу. В иных местах, особенно в его ядре, сложились многоярусные захоронения. Сохранились могилы видных служителей Ташкентско-Среднеазиатской епархии — митрополитов Никандра и Арсения, архиепископа Гавриила, архимандрита Бориса (Холчева) и потомков канонизированного в святые архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), захоронения Федора Керенского и старого генерала А. П. Востросаблина, могилы видных деятелей науки и культуры — Л. В. Ошанина, Н. П. Остроумова, Н. Г. Малицкого, А. Д. Грекова, В. В. Решетова, А. С. Уклонского, С. В. Стародубцева, Ю. К. Титова, А. В. Алмаатинской, Г. М. Сваричевского, Б. М. Зашыпкина, В. А. Шишкина, Н. В. Дмитриевского и др.

Изучение планировки новой части Самарканда (начало 1870-х гг.) показало, что первое крупное христианское кладбище города было размещено вблизи оврага Силгар-сай, южнее Пайкабадских ворот. До начала XX в. кладбище называлось Солдатским, поскольку первыми здесь были похоронены русские воины. В 1903 г. вновь пробитая кладбищенская улица стала соединять центральную часть города с европейским некрополем. Во второй половине XX в. здесь были похоронены И. И. Умняков, Д. И. Лев, Ю. Н. Алескеров и др. Небольшой погост появился около самаркандской православной церкви святого Георгия.

После взятия Андижана в 1868 г. русскими войсками в районе мечети Намазго, в старой части города, было организовано европейское поселение, в основном казарменного типа. По логике, где-то в границах площади должно было функционировать и небольшое солдатское кладбище, просуществовавшее до строительства нового города в Андижане. Ныне старое военно-городское кладбище, площадью 6 га, граничит с Садовой улицей. В 1898 г. на его территории была поставлена часовня. К сожалению, ее конструкции не выдержали разрушительного землетрясения 1902 г. и она была разобрана. Но остались фотографии моленной.

После завоевания г. Чуста в 1877 г., юго-восточнее города, около Наманганских ворот, вырастает русское поселение с небольшим христианским некрополем.

11 мая 1892 г. на христианском кладбище в Новом Маргелане (ныне г. Фергана) состоялись торжественные похороны молодого французского географа и путешественника Ж. Мартена. Способный ученый, которому не было еще и сорока лет, скончался, возвращаясь из Центральной Азии. За прошедший период на могилу

Ж. Мартена много раз возлагались венки от его соотечественников.

На старом христианском некрополе в Коканде похоронен другой француз, но уже местный житель, — Федор Михайлович Женжурист (по деду Жан Жури) — автор книги “Лейшманиоз и история борьбы с ним в Узбекистане”, изданной в 1928 г. в Ташкенте.

В 1875—1877 гг. за непокорность царскому правительству исключаются из состава Уральского казачьего войска старообрядцы. Они были принудительно расселены общинами в глухих уголках северо-западных окраин (главным образом в Амударьинском округе). Часть уральских (яицких) казаков прибывала в эти края и самовольно. В результате образовалось несколько локальных центров проживания старообрядцев. Находясь в изолированности, они смогли больше сохранить свою культуру. По сведениям этнографа Е. Э. Бломквист, и в конце 40-х гг. прошлого века погребальный обряд уральцев совершался “по столетиями установленному канону”. Они пели старинные похоронные песни. Дети приучались читать псалтырь. В местах большого сосредоточения приверженцев старообрядческого вероисповедания в Нукусе (здесь наиболее прочно сохранялись реликтовые формы в быту и обрядах), Турткуле и Кунграде образовались кладбища сектантов. Поначалу, собственно, других и не было, поскольку они жили обособленно не только от коренного населения, но и от русских.

Уральские переселенцы, так же как и мусульмане, до установления Советской власти нигде не регистрировали факт смерти членов своих общин. Однако из беседы первого исследователя быта уральских казаков в Средней Азии А. Л. Гуляева с начальником поселка старообрядцев, расположенного неподалеку от Петроалександровска, в 1880 г., известно, что сведения о браках он получал через расспросы близких ему людей, так как сами “уходцы” ничего, что делалось и случалось в их семьях, ему не сообщали. “О покойниках он еще узнавал по крестам на могилах, о новорожденных, жаловался он, узнать ужасно трудно”.

В начале XX в. уральцы проникли и в глубь края — в Чиназ, Ташкент, Маргелан и другие центры. Все старообрядцы, рассеянные группами по казахстанско-среднеазиатскому региону, несмотря на многочисленные препоны, “жили единой старообрядческой массой”. С этнической точки зрения, старообрядческие кладбища являются русскими, поскольку “православные сектанты всегда боролись за чистоту крови”.

На христианских кладбищах (Боткинском в Ташкенте и на старгородском в Фергане) могилы староверов можно определить по форме крестов. В 1899 г. чиновник особых поручений по железно-дорожной части М. Н. Чернышевский во время служебного путешествия по низовьям Амударьи сфотографировал монументальный обелиск, увенчанный восьмиконечным крестом, на месте погребения уральских казаков-первопроходцев (по всей видимости, в окрестностях Кунграда). Ныне этот некрополь не существует.

Православные понтийские и крымские греки, селившиеся в крае

дисперсно, предпочитают хоронить своих близких на фамильных некрополях в границах общих христианских кладбищ.

С появлением большой группы российских греков, вынужденных переселенцев, в 40-е гг. XX в. в местечке Айпан Ферганской области образовалось греческое кладбище. Старые памятники на нем сделаны в основном из крепких пород камня. Возможно, они изготовлены руками греческих мастеров, имевших опыт его обработки у себя на родине — на Кавказе и в Крыму. Во всяком случае, в Кыргызстане среди депортированных греков имелись свои каменотесы.

До 60-х гг. XX в. похоронные обряды понтийских и крымских греков, имеющие некоторые отличия от славянских народов, проходили в основном с участием священников греческой церкви, переселенных в Среднюю Азию вместе с греческой диаспорой.

Из беседы с художником Янисом Салпинкиди выяснилось, что в поселке Багара Южноказахстанской области многие годы богослужения на дому исполнял священник-монах — грек по происхождению. Гроб с телом покойника держали в доме обязательно одну ночь и затем перед похоронами отмаливали. Впоследствии священник чаще всего был русский, но это воспринималось спокойно, с пониманием. В Узбекистане греки хоронят своих умерших на общих православных кладбищах. О том, что в семье мужчины греческой национальности траур, можно сразу догадаться по его внешнему облику: 40 дней не положено бриться¹.

Жители Эллады из многотысячной группы участников Сопротивления, волею судьбы попавшие на жительство в Узбекистан уже более полувека тому назад, в абсолютном большинстве своем, особенно мужчины, являлись атеистами. Но приехавшие к ним родственники придерживались православной веры. Некоторые пожилые женщины даже имели на переносице вытатуированные маленькие крестики. Во время траура они одевали черное платье и носили его в течение года, а иногда и пожизненно². Их соотечественников хоронили на отдельных картах на Боткинском и Кадыйринском кладбищах в Ташкенте, а также на городском в Чирчике. Со временем, когда образовалось достаточно много смешанных браков, все перемешалось. В последнее десятилетие больше греков стало посещать православные храмы. До установки памятника на месте погребения иногда ставят равноконечный греческий крест. На надгробных плитах выбивают тексты на греческом или русском языках, иногда на двух сразу. В Национальном центре диаспоры ведется книга регистрации умерших земляков и нашедших вечное упокоение на узбекской земле — второй родине.

Грузинских захоронений в Узбекистане известно мало. Они, как правило, связаны с лицами смешанного типа — метисами, имевши-

¹ Кстати, этого обычая придерживаются и верующие армяне, грузины, бухарские и горские евреи, и многие другие народы.

² Эта традиция сохраняется и в наши дни.

ми русскую родословную. Причины разные. Во-первых, грузинская диаспора здесь была всегда малочисленной и рассеянной. Многие проживали временно. Во-вторых, этнические грузины верят, что умерший их соотечественник покой сможет найти только в отчей земле (большинство же народов считает иначе — тревожить прах усопших нельзя). Поэтому умерших родственников сразу же старались перевезти в Грузию или на время похоронить на христианском кладбище по последнему месту жительства. Для исполнения религиозных треб приглашались духовники Ташкентско-Среднеазиатской епархии.

В Узбекистане трудно найти районный центр, а тем более город, где бы не осели представители армянского этноса. На христианских кладбищах нет отдельных армянских карт. Армяне всегда стараются выбрать для своих близких место в ядре кладбища и рядом со своими соплеменниками. Подобное явление прослеживается на Боткинском, бывшем Коммунистическом и Домбрабадском кладбищах в Ташкенте и на христианском кладбище в Самарканде. Аналогичная картина просматривается в Андижане, Коканде и других местах компактного обитания армянского населения. В четырех вышеназванных городах в первой четверти XX в. действовали армяно-григорианские церкви.

В Узбекистане в 60—80-е гг. XX в. плодотворно трудился в области архитектурно-планировочных решений объектов мемориальной пластики ряд специалистов армянского происхождения, имевших природный вкус и талант, — архитектор Л. Адамов, скульпторы Р. Тер-Оганесян, С. Бабаян, Р. Авакян и др.

Местные армяне стараются ставить на могилах монументальные памятники, выполненные из благородных материалов. Среди многообразия архитектурных форм более всего преобладают стеллы в виде сломанных стволов дерева с порушенными ветвями. Живя бок о бок с другими народами, армяне восприняли особенности местной культуры, утрачивая при этом некоторые собственные традиции. Так, надписи на надгробиях делаются на двух языках: армянском и русском, и довольно часто только на русском. Но правило — всем родственникам, как близким, так и дальним, собираться, не считаясь с расходами, вместе на похороны и традиционные поминальные дни (7 и 40 дней, годовщину со дня смерти) соблюдается. И в этом видится их стремление защититься от ассимиляции, ибо во время траурных дней они консолидируются и приобщаются к родной культуре.

В 90-х гг. XIX в., когда ограничения по религиозному признаку были частично сняты, в Туркестан прибыло около 9 тыс. российских немцев. Достаточно много представителей немецкой национальности прочно укрепилось в Ташкенте, Самарканде и городах Ферганской долины. В Коканде в начале XX в. существовал целый немецкий квартал. На христианских кладбищах немцы хоронили своих соотечественников на обособленных лютеранских участках, которые нетрудно было найти среди поросших травой иных захоронений: территория лютеран выделялась аккуратными ряда-

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Фрагмент армянского кладбища в г. Кагане.

Фото Шавката Болтаева

ми многочисленных холмиков с латинскими крестами.

Лютеранская карта в начале XX в. имела и на Боткинском кладбище. Среди сохранившихся могил есть и ухоженные. К примеру, фамильное захоронение семьи Зарринг. Ее родоначальник — прибалтийский немец Зарринг как технический специалист был приглашен царским правительством на строительство железнодорожной ветки Оренбург—Ташкент. Умер в 1924 г. Эпитафии на памятниках сделаны на немецком языке. Ниже прикреплены таблички с исходными данными об усопших на русском.

В 1932 г. здесь нашел свое последнее пристанище лютеранский пастор Юстус Юргенсен, начавший свою проповедническую службу на туркестанской земле в 80-е гг. XIX столетия.

В центральной части кладбища находится и родовая усыпальница Бетгеров, в жилах которых текла немецкая кровь. Справа от дороги, ведущей к храму, лежат два надгробия бывших прихожан кирхи Ф. Н. Нильсена и А. Ф. Нильсена, потомки которого постоянно ухаживали за могилами до конца ушедшего столетия. Кстати, на некрополе покоится прах и видного ученого Р. Р. Шредера.

Отдельные небольшие некрополи имели немецкие крестьянские колонии под Ташкентом, насчитывавшие около двух тысяч человек, — Константиновка, Крестово, Орловка, Степное, Кауфманское.

Еще четверть века тому назад крупные лютеранские общины

немцев активно действовали в Чирчике, Газалкенте, Ангрене. Большая их часть уже выехала в Германию и Россию, и лишь надгильные камни на этнических картах христианских кладбищ еще долго будут напоминать о пребывании в крае большой колонии трудолюбивого народа.

В 80-е гг. XX столетия в Хивинском ханстве получила землю и начала обустриваться солидная колония немецких протестантов — меннонитов, вынужденных бежать из центральных районов России из-за невозможности по предписаниям секты отбывать воинскую повинность.

В Хорезме они благополучно прожили полвека. В 1937 г. на машинах через Самарканд переехали в необжитые места Таджикистана, где еще имелась возможность замкнуться в своей религии и традициях. Последний зримый след, оставленный меннонитами, — надгробные памятники на кладбище в селении Ак-мечеть. Многие его могилы разрушены временем.

В конце XIX в. этническая карта на Боткинском кладбище была выделена и крупной католической общине, всегда фанатично выполнявшей религиозные ритуалы. Ее границы еще недавно четко прослеживались по характерным латинским крестам сохранившихся могил поляков. Рядом хоронили и единоверцы литовцы, у которых и в образе жизни имеется много общего с поляками. К сожалению, не сохранилось место захоронения “апостола Туркестана” — ксендза Юстина Пранайтиса (1861 — февраль 1917). Вначале, согласно воле священника, его останки были погребены под строящимся римско-католическим костелом, но впоследствии их перезахоронили на главном христианском кладбище Ташкента.

Когда-то польско-католические участки существовали и на христианских некрополях Самарканда и Нового Маргелана, где польские общины имели католические храмы, а также в Термезе и других городских центрах Туркестана. В последнее десятилетие обрусевшие поляки и литовцы вновь возвращаются в лоно своей католической церкви. Возрождаются и элементы национальной обрядности при похоронах, в формах мемориальных памятников.

Местные европейские цыгане хоронят своих соплеменников на христианских некрополях. На Боткинском кладбище цыганские погребения в основном рассеяны по всей его территории. На Домбрабадском имеются целые массивы захоронений, связанных с цыганским этносом. На обоих кладбищах широко известны могилы цыганских баронов. Очевидцы рассказывают, что обычаи захоронения цыганской титулованной особы несколько отличаются от традиционных христианских.

В последнее время у ташкентских цыган стало принято ставить памятники на могилах знатных лиц. На высоких широких стилобатах из бетона, облицованных дорогостоящим камнем, устанавливаются вертикальные мраморные плиты с выбитыми на них портретами усопших, часто в полный рост. Цыганские семьи посещают могилы своих предков в Пасху и в Родительский день. Несчитанное количество использованных гильз вокруг надгробий цы-

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Памятник на братской могиле солдат Польской армии генерала Владислава Андерса. Янгиюльский район, Ташкентская область.

Из архива Ассоциации “Полоний”

ган — этническая особенность их похоронных обрядов.

На сегодняшний день корейцы проживают в большинстве районов и городов Узбекистана, включая Каракалпакстан. Влияние инноваций менее всего ощущается в похоронных обрядах корейцев, несмотря даже на тот факт, что этот народ исторически наиболее сильно подвергся атеистическому воспитанию. В наши дни корейская диаспора имеет все условия для активной жизни. В стране действуют протестантские корейские храмы. Небольшая часть корейцев посещают православные и католические храмы. Обычно корейские захоронения представлены отдельными картами на кладбищах смешанного типа. Нередко одиночные могилы корейцев можно встретить в любом уголке европейского некрополя. Крупные стерильные кладбища (Сергелийское и Бектемировское в Ташкенте, на погребальном поле Шахи-Зинда и др.) содержатся за счет корейских общин.

Похороны у корейцев обставляются с большой пышностью и сопровождаются многими церемониями, истоки которых уходят в глубь веков. В корейских семьях хранится традиционная национальная одежда для погребального обряда. Хоронят в гробу с высокими стенками. Корейские общины очень ревностно относятся к соблюдению древних обычаев. До самой последней минуты в по-

хоронной церемонии должно участвовать как можно больше близких людей, друзей, коллег по работе. Если у умершего нет наследника и родственников, совет общины подключает подопечных, которые объезжают ближайшие селения и оповещают жителей о смерти земляка.

Еще недавно впереди похоронной корейской процессии несли ритуальный флаг (белый с одной стороны и красный — с другой), на котором по-корейски пишутся имя покойного и даты его жизни. Теперь ритуальным флагом покрывают гроб. На могиле сжигают личные вещи умершего. В середине прошлого века иногда ставили на могилах кресты. Теперь, чаще временно, ставят крест до установки мраморной плиты. Надписи делаются на русском языке. Эпитафии на родном языке в настоящее время встречаются редко.

О безрелигиозности поколения корейцев 50—80-х гг. XX в. говорят такие факты, как наличие на стеллах надгробных посвящений светского содержания и даже куплеты из любимых лирических песен погребенного, отсутствие на памятниках религиозной символики. Корейский народ соблюдает Родительский день, который приходится всегда на 5 апреля. Этот праздник называется “Хансинг” — “День холодной пищи” и связан с посещением отеческих могил. Обязательный день посещения могил ближних в осенний период называется “Чосок”.

В Андижанской области в былые времена корейские общины хоронили своих соплеменников на христианских кладбищах. Ныне в местности Асака находится этнический корейский некрополь.

Сведения о захоронениях китайцев в Средней Азии известны с начала XIII в. Во время путешествия знаменитого даосского отшельника Чанчуня по Центральной Азии в г. Сайраме (Южный Казахстан) скончался один из его учеников. Тело монаха было погребено “на восток от города, на одной возвышенности”. В труде Чанчуня “Путешествие на Запад” — “Си Ю Цзи” также говорится о том, что при посещении им Самарканда в 1222 г. он встретил много своих соотечественников-ремесленников, пришедших вместе с монголами. Однако кладбище их к настоящему времени не выявлено.

Современная китайская диаспора в Узбекистане небольшая (несколько сот человек) и в основном сосредоточена в столице и Ташкентской области. Из беседы с основателем Китайского культурного центра господином Ян Яо Юн и его коллегами удалось установить, что они исповедуют буддизм (старшее поколение) и христианство (молодежь), есть атеисты. Местные китайцы хоронят своих земляков по месту жительства, рядом с корейскими захоронениями, поскольку в самобытной похоронной обрядности двух народов много общего (например, трехразовые поклоны перед гробом и могилой усопшего, сжигание некоторых личных вещей, оставляют немного водки, курицы и другой пищи на могиле и др.). Во время похоронной процессии разбрасываются бумажные кружки с отверстиями посередине, имитирующие некоторые китайские монеты. Надписи на надгробиях делаются на русском языке. В пос-

леднее десятилетие иногда стали выбивать личные имена в английской транскрипции, более точно передающей их звучание. Своеобразная траурная церемония проводится под руководством пожилых соотечественников. Непосвященному человеку отличить местное китайское захоронение от корейского очень трудно, но можно выявить по фамилиям и другим незначительным нюансам.

Возможно, что небольшие некрополи, связанные с представителями народов Индии, имели место на территории Средней Азии уже в конце XIV—XV вв. В дневнике испанского посла Рюи Гонзалеса де Клавихо, побывавшего в ставке Темура в 1404 г., приводятся любопытные факты, касающиеся выходцев из Индии: “Живут здесь и индусы, которые исповедуют христианство, но крестятся не в воде, а поднося огонь ко лбу”. Кладбища их в Самарканде пока не выявлены.

В 1920-е гг. в Ташкенте рядом с кладбищем № 1 открылся Коммунистический некрополь (автор проекта реконструкции в начале 1930-х гг. — архитектор Я.К. Гаазенкопф). Само название предопределяет наличие на мемориальных сооружениях погребального поля изображений только советских символов (звезды, ордена и медали и др.).

На некрополе погребены представители самых разных этносов, но в большинстве случаев европейского происхождения. Здесь имеются компактные группы захоронений армян, греков, евреев и др. Здесь хоронили не только людей с коммунистическими убеждениями и атеистов, но и лиц, по разным причинам так и не определившихся в своей религиозной принадлежности. По последним мотивам или по причине родства продолжают хоронить и по сей день. На некрополе покоится прах американцев Оливера Голдена и Сиднея Джексона.

Незадолго до разрушительного ташкентского землетрясения начало функционировать второе по величине христианско-европейское кладбище № 2, известное в народе как Домбрадское (архитектор И. М. Тормашев, 1964 г.). Недавно освященный кладбищенский православный храм носит имя св. князя Владимира. С первых дней открытия некрополя его администрация строго следит за тем, чтобы вокруг могил не ставили ограждения и был свободный подход к памятникам. На христианской карте кладбища похоронены М. Е. Массон, Б. В. Лунин, китаевед М. И. Моложато-ва.

ИУДЕЙСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

В 1989 г. в Узбекистане проживало около 93 тыс. чел. (7 этнических общин), исповедующих иудаизм. Они делятся на евреев-ашкенази (европейских) и евреев яхуди-бухори, или бухарских, которые преобладают в Средней Азии. В конце XVIII в. в духовной жизни бухарских евреев происходят значительные реформы: вво-

дится сефардский ритуал вместо персидского, которым местные евреи пользовались до тех пор.

На землях современного Узбекистана среднеазиатские евреи осели в городах Самарканде, Каттакургане, Коканде, Ташкенте, Шахрисабзе, Кермине, в незначительных количествах в Хиве и Ургенче. Но больше всего их проживало в Бухаре: здесь они селились в трех слободах. Еврейское кладбище, очень древнее, располагалось в сердцеvine города. Н. Ханыков в своей книге “Описание Бухарского ханства” (1843.) дает план старой Бухары, на котором обозначены еврейские квартал и кладбище. В настоящее время на нем покоится более 8 тыс. человек. Действуют миква (бассейн для омовения и других процедур) и ханакох-часовня (синагога-молельня), в которой читают “хаккофот” перед захоронением, другие подсобные помещения. Кладбище взято под охрану городских властей как объект культурного наследия.

По закону, где бы иудеи ни жили, у них должно быть свое еврейское о кладбище. Пожертвования на их содержание собирались в синагогах. В них устраивались и поминки по умершим.

В исторических документах конца XV—XVI вв. имеется упоминание еврейском квартале в Самарканде. В то же время существуют версии о присутствии семитов в этом городе намного раньше. Яхуди (евреев) хоронили на мазарах Хазрат-и Хызр, называемый евреями “Кадамжойи Ильеху Ханови”, Ходжа Даниэль, Ходжа Абди Дарун, Ходжа Абди Берун в селениях Дахмет, Мулиен-и Якум и др.

С 30-х гг. XIX в. популярным становится обширное кладбище, расположенное на юго-восточном склоне городища Афрасиаб. На кладбище возведены ритуальные постройки — Хадар тохара для омовения покойников и хонакох.

На раннем этапе бухарские евреи строго придерживались предписаний иудаизма в похоронной обрядности: не изображать портреты умерших на могильных плитах, не ставить скульптур и перегородок, отделяющие могилы друг от друга. Однако полвека назад этот запрет был нарушен. Не стали соблюдать и другую этническую традицию — захоронение в один ряд пофамильно. На всех надгробиях в центре (сверху) писали две буквы “ПН”, означающие “Поним нефеш”, то есть “лицо покойного” (или данные об усопшем). Историк М. М. Абрамов, проводивший рекогносцировку бухарско-еврейских некрополей Самарканда и его окрестностей, подметил, что подобная традиция обрывается в конце 20-х гг. прошлого столетия.

Надписи на надгробиях вначале выполнялись на иврите и еврейско-таджикском, а с начала XX в. — и на русском языках. Старые надгробные памятники, изготовленные руками иудейских камнерезов, отличаются изяществом шрифта (ивритского, арабского, латинского и кириллицы).

Р. Назарьян пишет, что бухарско-еврейское кладбище на Афрасиабе евреи называют “13-й участок”, считая его как бы продолжением жилой махалли, разбитой на 12 участков (в соответствии с числом колен Израилевых).

С 1832 по 1975 гг. на кладбище было зарегистрировано 4294 надгробия, установленных на могилах бухарских евреев, и 729 — ашкенази. Здесь похоронены известные представители бухарско-еврейской общины Я. Н. Гадов, Ю. Н. Кураев, Ю. И. Элизаров, Б. Калхот, Л. Бабаханов, М. Д. Толмасов и М. Абрамов. Необходимо отметить, что на бухарско-еврейских кладбищах нередко хоронили иудеев из Кыргызстана, выполняя их просьбу быть погребенным на малой родине (в Самарканде или Бухаре).

В Ташкенте, по сведениям А. Н. Добросмыслова, в 60-е гг. XIX столетия насчитывалось не более 100 человек (27 семейств) евреев. Пришли они в край, согласно легендам, четыреста лет тому назад из Бухары. Раввина они никогда не имели, ограничиваясь одним резаком. В городе действовала одна синагога. “Небольшое кладбище за городскими стенами была единственная земельная собственность”, — с горечью отмечает автор исторического очерка “Ташкент в прошлом и настоящем”. Однако, ради справедливости, надо отметить, что М. Черняев при взятии Ташкента предлагал евреям участок земли для поселения, но они, боясь сартов, это предложение отклонили. Старое бухарско-еврейское кладбище уже давно вошло в черту города и граничит с улицей Фароби.

Здесь установлен памятник в честь земляков, погибших в годы второй мировой войны, подведен горящий факел. На погребальном поле имеется отдельная зона, где захоронены горские и грузинские евреи, поскольку их погребальные обычаи подверглись некоторой европеизации.

Когда-то большая община бухарских евреев существовала и в Кермине. Теперь об этом напоминают только камни на кладбище, за которыми продолжают ухаживать на средства американской бухарско-еврейской общины. Территория мемориала утопает в зелени виноградников и яблонь.

В Каттакургане еврейский квартал появился в XVIII в. Некрополь бухарских евреев расположен за городом на возвышении, поскольку близко подходят грунтовые воды. Ныне от небольшой, но активной общины осталось две семьи. Но кладбище находится в хорошем состоянии. Здесь много надгробий из благородных пород камня. Аллеи украшают стенды со стихами поэтов Востока.

В последние годы, когда отток яхуди в Израиль и США резко возрос, в стране была создана Бухарско-еврейская ассоциация, которая разработала концепцию сохранения исторических мест, связанных с многовековым пребыванием в крае иудеев, и следит за ее претворением.

Наплыв русских (европейских) евреев в Туркестанский край совпадает со временем сооружения железнодорожной ветки Оренбург—Ташкент и с развитием торгово-банковской системы в регионе в первые годы XX столетия. К этому периоду относится оформление на христианских кладбищах еврейских карт практически во всех городских центрах русского Туркестана.

Новые некрополи ашкенази появились в Узбекистане во время второй мировой войны (рядом с Боткинским в Ташкенте и по

улице Маргеланской в Самарканде и др.) и в первые годы после ее окончания. Тогда города региона приютили около полумиллиона эвакуированных евреев из России. В 1942 г. в его столицу были переведены все службы московской еврейской общины.

В последние годы войны в Ташкенте, в районе Текстильного комбината, разместилось еврейское кладбище двух этнографических групп, разделенных забором, с разными входами. Стерильные кладбища пришедших евреев функционируют в Чирчике, Андижане, Фергане, Коканде, Бухаре и других городских центрах.

До 50-х гг. верующие иудеи старались соблюдать религиозную традицию хоронить отдельно мужчин и женщин. Позднее этот канон подвергся некоторой демократизации. До сих пор на молодом кладбище Домбрабад в Ташкенте еврейское погребальное поле разделено на карты по половому признаку. Но родственники усопших сами решают, соблюдать древнюю традицию или нет. Так, известный археолог Л. И. Альбаум в 1997 г. похоронен рядом со своей супругой Л. Г. Альбаум (кладбище Домбрабад).

В годы второй мировой войны в Узбекистане оказалась большая группа польских евреев-беженцев. Несмотря на поддержку местного населения, тяжелые условия жизни привели к летальному исходу массу польских граждан. Небольшие некрополи польских евреев имелись в Бухаре, Шахрисабзе и Ургенче.

На землях Узбекистана имеется ряд мемориальных мест, связанных с временным пребыванием иностранных граждан в качестве рабочих в трудовых колониях. Тяжкие испытания, выпавшие на их долю в годы двух мировых войн, выдержали не все. Многие навечно остались покоиться на чужой стороне.

Многим посетителям Боткинского кладбища известно монументальное художественное надгробие из бетона, выполненное в непривычном для нас стиле: пятиметровая фигура сфинкса с женским торсом и застывшим в скорби лицом. У его ног преклонил колени солдат в национальной форме. На постаменте начертана надпись на русском и венгерском языках: “Венгерские офицеры погибшим венгерским товарищам”. Предположительно памятник относится к 1916—1920 гг. и посвящен жертвам первой мировой войны. На территории данного кладбища в этот же период надгробие было установлено и на месте погребения немецких военнопленных на средства их соотечественников. По рассказам архивариуса Главного управления по охране памятников Министерства культуры республики Н. Ш. Лукашевой (в 1960-е гг.), это была плита из черного камня с печальным текстом, написанным готическим шрифтом на древнегерманском языке. К сожалению, местонахождение могилы найти не удалось.

В этой же стороне кладбища компактными группами хоронили и этнических австрийцев — участников первой мировой войны. В 1990-е гг. И. А. Щур (Зарринг) при посещении мест захоронений родителей всегда обходила оставшиеся 5—6 могил австрийцев, относящихся к середине 30-х гг. Низенькие надгробия с оригинальными арочками заметно выделялись среди других памятни-

ков. Почти всех захороненных И. А. Щур хорошо помнит — они были друзьями их семьи.

Несмотря на то что военнопленным в Средней Азии жилось несравнимо легче, чем российским в Европе, многие рядовые солдаты в глубинке полностью испили чашу страданий. В описываемый период на кладбище в Ферганском поселке Кызыл-Кия, где на шахтах работали мужчины разных национальностей, в том числе и немцы, был сооружен незамысловатый памятник, на котором выбиты строки на латыни, имеющие многочисленные аналогии на памятниках подобного характера в других странах: “Чужестранец, передай Родине, что мы пришли сюда, повинуюсь суровым законам войны”.

В братской могиле г. Каттакургана лежат: венгры Миклош Брабец, Геза Небеш, Янош Бочи, Янош Кадар, мадьяр Микошничек, чех Иван Фридерович, поляк Станислав Урбанский и несколько местных бойцов — Иван Лопатин, Григорий Минеев, Мамады Одылов и др.

В Самарканде на старом городском кладбище также сохранилась группа захоронений бывших военнопленных первой мировой войны — чехов, венгров, поляков, австрийцев.

20 апреля 1935 г., в период назревавшей советско-финляндской войны, 700 семей финнов были принудительно переселены в Узбекистан (в Ташкентскую область). Впоследствии депортированные финские граждане возвратились на родину. Однако не все дождалось этого светлого часа, многие были похоронены на местных кладбищах. 20 апреля 1982 г. в Узбекистан приехали эстонские пасторы, курировавшие финские общины ингерманландцев еще на их родине в Европе. На местных кладбищах области было проведено отпевание на могилах более 1000 финнов.

В середине августа 1941 г. в Союзе началось формирование польской армии под командованием генерала Владислава Андерса. При армейских частях создавались школы кадетов, средние школы и гимназии, детские дома и госпитали. В целях борьбы с тяжелыми заболеваниями и увеличившейся смертностью среди польских солдат и гражданских лиц было принято решение перевести весь контингент польской армии в регион с более теплым климатом — в Казахстан и Среднюю Азию. С января до конца августа 1942 г. их командование дислоцировалось в Янгиюле, а отдельные части располагались в районных центрах Узбекистана, а также в Казахстане и Кыргызстане. Несмотря на некоторое улучшение условий содержания польских военнослужащих, гражданских лиц и детей (только в Ташкенте было открыто 17 детских домов), к болезням, приобретенным ранее, добавились тиф, малярия, желтуха. 2155 польских граждан умерли в госпиталях и больницах, расположенных в местах их временного пребывания, — Янгиюле, Алмазаре, Джизаке, Нарпае, Китабе, Шахрисабзе, Гузаре,

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Карасарайское кладбище немецких военнопленных второй мировой войны,
г. Ташкент.

Из архива Ташкентского культурного центра немцев “Видербург”

Канимехе, Кермине, Яккабаге, Чиракчи и Маргелане¹. Несмотря на все трудности того сурового времени, похороны поляков совершались со всеми доступными для того времени национальными обрядами и почестями. В состав польской армии входили католические священники.

Польские захоронения имеют разную сохранность. На канимехском некрополе в хорошем состоянии оказались два надгробия с крестами, круглыми табличками с надписями. В одном из этих захоронений нашли последний приют медсестра Данута Кжываньска, в другом — поручик Анджей Жетковский. При входе на кладбище на символическом памятнике хорошо сохранившаяся табличка с рукописной надписью гласит: “Здесь покоятся с тоскою в душе, с очами, обращенными к далекой Отчизне, солдаты 7 пехотной дивизии польской, умершие в 1942 году”. В Шахрисабзе на одной из надгробных плит начертано: “Здесь покоится Вина Хондзыньска-Даге, любимое солнышко Адама, которая угасла 3 апреля 1942 года. Чужая земля была для тебя тяжелой при жизни, пусть станет легкой после смерти. Мой дух никогда не покинет

¹ В статье использованы сведения, предоставленные Е. Д. Яковлевой — председателем “Полонии” при Международной ассоциации “Узбекистан — Польша”.

тебя”. На главном обелиске шахрисабзского некрополя сохранился лишь фрагмент надписи: “Останки твои на чужбине, но дух — в Польше, среди своих”.

Памятники на обыкновенных общественных кладбищах наиболее правдиво отражают мысли и чувства людей, сполна ощутивших, что такое настоящее горе. Однако и в этих местах человек не всегда имел право на самовыражение. Все эпитафии на польских надгробиях в Узбекистане сделаны в 1942 г. исключительно на русском языке: даже в этой ситуации поляки боялись оставаться поляками.

В наши дни в стране ведутся работы по реконструкции комплекса памятников и мест захоронений польских солдат и офицеров времен второй мировой войны за счет средств Польши, с привлечением отечественных реставраторов, архитекторов и проектировщиков.

Главным элементом всех польских кладбищ будет монумент, увенчанный барельефом орла, — герба, который польские солдаты носили на военных головных уборах. На каждом некрополе при входе будут установлены мемориальные плиты на польском и узбекском языках.

В конце второй мировой войны в Узбекистан прибыла крупная партия немецких военнопленных. Немцы работали на строительстве объектов народного хозяйства в Ташкенте, Ташкентской области и в других регионах. Не все вынесли испытания, выпавшие на их долю, многие нашли здесь свой последний приют. Захоронения немецких граждан имеются в Ташкенте (Яккасарайское кладбище), Кагане, Ангрене и др.

Пребывание японских военнопленных в Узбекистане обычно ассоциируется с их участием в завершении строительства Большого театра имени Навои (с октября 1945 по июнь 1948 г.), впоследствии получившего статус государственного академического. Но японцы (23 тыс.) были задействованы в качестве рабочей силы и на других государственных объектах республики. Географию их вынужденного проживания на узбекской земле можно проследить по наличию японских захоронений в Ташкенте, Бекабаде, Ангрене, Кагане, Коканде, Андижане и Чирчике, где похоронено 812 граждан японской национальности.

В Ташкенте на Яккасарайском кладбище, где похоронены военнопленные японцы, в 1995 г. состоялось открытие мемориальной стелы (автор макета — Тосио Сисидо) с участием японских монахов. В ее основание заложена капсула с землей, собранной со всех мест захоронений их соотечественников в Узбекистане¹. Кладбище часто посещают посланцы Японии. На могилах близких людей они зажигают свечи из пахучих японских трав, оказывают ритуальные почести.

В Узбекистане в качестве военнопленных работали солдаты и

¹ Информация получена в Ташкентском частном музее “О пребывании в 1940-х годах граждан Японии в Узбекистане”.

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Захоронения японских военнопленных второй мировой войны в г. Бекабаде.
Посещение кладбища соотечественниками в 2002 г.

Из архива Японского посольства в Республике Узбекистан

офицеры союзницы фашистской Германии — Италии. Места захоронений скончавшихся от ран и болезней итальянцев имеются в Андижане, Коканде и в других местах.

В последнее десятилетие все эти мемориалы, связанные с пребыванием в Узбекистане иностранных граждан, благоустроены при участии заинтересованных государств, надгробия отреставрированы, установлены мемориально-религиозные символы. Ежегодно стали проводиться Дни Памяти.

Соотечественники, и в первую очередь родственники умерших здесь военнопленных, в составе специальных групп теперь могут ежегодно посещать мемориалы, чтобы склонить головы.

* * *

Даже предварительный обзор этнических кладбищ и мазаров, расположенных на территории Узбекистана, показывает, что мемориальные объекты — необычайно ценные памятники материальной и духовной культуры. Только на первый взгляд кажется, что кладбища безмолвны.

Кладбища — это наша история. Погребальные сооружения и плиты являются последними страницами в биографии людей. По ним можно прочесть основные вехи истории государства или судьбы отдельного народа. Кладбища являются определенным показа-

Фотография
удалена в целях облегчения интернет-версии

Кладбище японских военнопленных второй мировой войны в г. Коканде.

Из архива Японского посольства в Республике Узбекистан

телем широты исторических связей, уровня культуры и культов, степени моногамности населения.

Братские могилы и погребальные поля военнопленных являются общественными памятниками интервенции какого-либо государства на территорию другого или последствий отдельных локальных конфликтов между ними.

Высокая урбанизация городской жизни Узбекистана незаметно, но последовательно стирает и нивелирует границы этнических карт и локальных участков на городских мазарах и кладбищах, за исключением иудейских, но и на них (главным образом, европейских) просматривается некоторая демократизация традиций. Те же тенденции свойственны и погребальным полям, тяготеющим к крупным городам. Непохожие обряды похоронных процедур разных народов, особенно у исповедующих ислам, постепенно корректируются к обычаям и традициям коренных жителей региона. В сельской местности, где плотность населения не так высока, “национальное размежевание” на мазарах и кладбищах более заметно.

В наши дни народы Узбекистана получили возможность провожать близких в последний путь достойно, по религиозным канонам исповедуемой ими веры.

Как ни парадоксально, но этнические мемориальные объекты и локальные участки на кладбищах способствуют объединению народов и этнических групп. У многих представителей этнических

диаспор стойко сохраняется традиция хоронить и посещать мазары и кладбища в традиционной обрядовой одежде или в отдельных ее элементах (головном уборе и др.). Здесь и причитают на родном языке, и поминают национальными блюдами (иногда слушают народные мелодии), вспоминают родословную, а проходя через ряды могил земляков, восстанавливают в памяти отдельные страницы истории своего народа, завязывают дружеские отношения с членами диаспоры. Словом, все настраивает на единение с соотечественниками, что позволяет легче вынести скорбь.

Особенно большой защиты и внимания мемориальные места требуют в наши дни, когда усилилась подвижность населения в стране. Поэтому без позитивного решения проблем, связанных с сохранением мазаров и кладбищ, нельзя достичь стабильного национального согласия. В этих целях нам представляется необходимым наиболее старые некрополи, а их может быть около 100 из почти 600 зарегистрированных, включить в республиканский реестр объектов культурного наследия со всеми вытекающими отсюда последствиями, а также составить карты расположения больших некрополей Узбекистана, в том числе этнических кладбищ и карт.

Кладбища являются одним из связующих звеньев в истории народов мира. Людям свойственно хранить память о своих предках даже по истечении многих десятилетий и более. И до сих пор в республику идут запросы родственников из зарубежных стран с просьбой сообщить данные о местонахождении какого-либо захоронения их гражданина.

Полное комплексное обследование историко-мемориальных объектов существенно дополнит материалы по истории, искусству и этнографии многих народов, проживавших и ныне проживающих в стране, ибо здесь наиболее ярко проявляются этнические особенности и национальная психология.

Л. И. Жукова

Литература

Бломквист Е. Э. Этнографическая работа среди “уральцев” // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1947. Вып 3.

Брынских С. А. Махалля. Ташкент, 1988. С. 8.

Булатова В. А., Маньковская Л. Ю. Памятники зодчества Ташкента XIV—XIX вв. Ташкент, 1983.

Гинсбург А. И. Узбекистан: Этнополитическая панорама. Очерки, документы, материалы. Национальные культурные общества. М., 1995.

Годы, люди, факты // Сборник статей и очерков о бухарских евреях Самарканда. Самарканд, 1999. Ч. 2.

Дмитриев Г. Л. Из истории индийских колоний в Средней Азии (вторая половина XIX — начало XX в.).

Добросмыслов А. Н. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912.

Занятия и быт народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. Л., 1971. Вып. 3.

Из истории Евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. СПб., 1996.

К истории христианства в Средней Азии. Ташкент, 1998.

Коротин Е. И. Уральские казаки в Средней Азии // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекистана. Нукус, 1981. № 3.

Лукин Б. В. История Узбекистана в источниках (Узбекистан в сообщениях путешественников и ученых: 20—80-е гг. XIX в. Ташкент, 1990.

Маньковская Л. Ю. Архитектурные памятники Кашкадарьи. Ташкент, 1971.

Мукминова Р. Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в XV—XVI вв. Ташкент, 1988. С. 122.

Нильсен В. А. У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX — начало XX в.). Ташкент, 1988.

Пугаченкова Г. А. Мавзолей Калдыргач-бия // Известия АН КазССР. № 80. Вып. 2. 1950.

Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Ташкент, 1992.

Соколов Ю. А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 139.

Сухарева О. А. Бухара. XIX — начало XX в. М., 1966.

Чебоксаров Н. Н. Дунганская экспедиция // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1947. Вып. 3. С. 49 — 54.

Хидоятов И. К вопросу о формировании населения южных районов Узбекистана // Сб. научн. тр. “Из истории народов Узбекистана”. Ташкент, 1965. С. 13.